TRUE DRAMA ПРАВДА, ПРЕВОСХОДЯЩАЯ ВЫМЫСЕЛ

ЧАРЛЬЗ ГРАБЕР

ДОБРЫЙ МЕДБРАТ

Страшно читать «Мизери»? Реальная история Чарли Каллена, доброго медбрата, который убил более сотни пациентов, — вот где настоящая жуть!

Стивен Кинг

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История Чарльза Каллена, серийного убийцы, который признался властям, что он убил около 400 пациентов в течение своей шестнадцатилетней карьеры медбрата. Его называют «Ангел смерти». Он вводил смертельные дозировки лекарств, «чтобы облегчить страдания» своих жертв-пациентов. Чарльз Грабер расследует причины и следствия этого «леденящего душу», по определению самого Стивена Кинга, дела. В скором времени планируется фильм, основанный на событиях, изложенных в книге.

- Чарльз Грабер
  -
  - От автора
  - Часть 1
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27

        - 28
    - Часть II
        - 29
        - 30
        - 31
        - 32
        - 33
        - 34
        - 35
        - 36
        - 37
        - 38
        - 39
        - 40
        - 41
        - 42
        - 43
        - 44
        - 45
        - 46
        - 47
        - 48
        - 49
        - 50
        - 51
        - 52
        - 53
        - 54
        - 55
        - 56
        - 57
        - 58
        - 59
        - 60
        - 61
        - 62
    - Послесловие
    - Благодарности
    - Об авторе
- notes
    - Примечания
        - 1
        - 2
        - 3

- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11

○ Комментарии
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35

- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79

- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123

- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167

- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211

- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242

Чарльз Грабер
Добрый медбрат

© 2013 by Charles Graeber
© Robert Krivicich, photo
© А.И. Стрельцов, перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

От автора

Это реальная история, основанная на шести годах исследований и интервью с десятками информаторов, включая самого Чарльза Каллена.

Чарли – гордый и сложный человек, который, не считая наши беседы, никогда не делал публичных заявлений и не дал ни одного интервью СМИ. Наше общение продолжалось несколько лет, начиная с его попытки стать донором почки из тюрьмы. Продолжать его он не видит смысла.

Его точку зрения можно проследить на протяжении всей книги, однако конечная оценка принадлежит все же не ему.

Многие люди, молчавшие до этого, выступили для того, чтобы эта книга могла быть издана. Все они рискнули своей конфиденциальностью, некоторые – карьерой и репутацией. Некоторые рискнули своей свободой. Имена и личные подробности были изменены там, где они об этом просили, чтобы защитить их частную жизнь и жизни тех, кого затронули события, о которых рассказывается в этой книге.

Я приложил все усилия, чтобы рассказать эту историю точно на основании фактов, собранных из полицейских отчетов, свидетельских показаний, расшифровок, записей телефонных разговоров, записи слежки, судебных документов, показаний под присягой и личных интервью. Некоторые расшифровки были несколько отредактированы для сокращения объема и ясности, а некоторые диалоги были по необходимости восстановлены на основании документов, перечисленных выше.

Однако, как это всегда бывает с историями об убийстве, главные свидетели лишены голоса. Эта книга посвящается им, а также тем хорошим медбратьям по всему миру, которые отдают свою жизнь заботе о нас.

Часть 1

1

3 октября 2003 года

Чарли считал себя удачливым. Карьера сама нашла его: случайно или по воле судьбы, он не знал. После шестнадцати лет на своей должности Чарльз Каллен был полноценным ветераном, официальным медбратом с дипломом о среднем образовании и степенью бакалавра по уходу за больными. Лицензии на расширенную сердечно-сосудистую реанимацию, внутриаортальную баллонную контрпульсацию и реаниматологию принесли ему стабильные 27,50 доллара США в час в больницах Нью-Джерси и Пенсильвании. Работа была всегда. Даже несмотря на плачевную ситуацию в Аллентауне и Ньюарке, медицинские учреждения расширяли свои центры прибыли, обрастая новыми специализациями и услугами и находясь в вечной конкуренции за привлечение опытных дипломированных медбратьев и медсестер.

К 16:40 Чарльз Каллен сидел в машине, выбритый, намазанный гелем и одетый в белое. Белый верх и белый низ, желтый кардиган и стетоскоп на шее – чтобы все понимали, что симпатичный молодой человек работает в больнице, возможно даже врачом, несмотря на его нежно-голубой десятилетний «форд-эскорт», которого уже коснулась ржавчина. После десяти лет в подвальной квартире в Нью-Джерси путь Чарли теперь начинался из-за границы штата, в Бетлехеме, Пенсильвания. У его новой девушки Кэтрин была там квартира, которую она украшала разными штучками из магазинов открыток: например, красными бумажными сердечками, или поющими хеллоуинскими тыквами-фонариками, или бумажными раскладывающимися индейками – в зависимости от сезона. И хотя Чарли начинала утомлять Кэтрин и двое ее сыновей-подростков, ему нравилось жить у нее. Особенно нравился ему маленький задний дворик, где он мог бездельничать в теплые дни, ощипывая цветы или делая опоры для томатов. Ему также нравилось, что всего пять минут требовалось, чтобы пересечь реку Лихай и оказаться в знакомом потоке на шоссе I-78 (восток) – артерии, выталкивающей тысячи рабочих на их смены в больницах, где не хватало мест, по всему «штату садов», пять или шесть из которых были неофициально закрыты для его найма.

За шестнадцать лет Чарльз Каллен стал объектом десятков жалоб и выговоров, четырех полицейских расследований, двух тестов на детекторе лжи, примерно двадцати попыток суицида и тюремного заключения, однако его профессиональная репутация

осталась безупречной. Он переходил с работы на работу в девяти различных больницах и домах престарелых, и из большинства его «отпускали», «удаляли» или «просили уйти». Однако его лицензии медбрата в Пенсильвании и Нью-Джерси оставались чистыми. Каждый раз, когда медбрат Каллен заполнял анкету в новом месте, он выглядел идеальным кандидатом. Его посещаемость была образцовой, служебная одежда – стерильной. Он имел опыт в реаниматологии, кардиологии, вентиляции легких и ожогах. Он давал пациентам лекарства, был первым, кто оказывался на месте, когда аппараты фиксировали смерть, а также демонстрировал навыки в духе оригами при заворачивании тел в пластик. У него не возникало потребности изменить расписание, он не ходил в кино и не интересовался спортом, а также хотел, даже жаждал работать по ночам, в выходные и праздники. У него не осталось обязанностей перед женой и опеки над своими двумя детьми. Свободное время он проводил на диване Кэти, переключая телевизор с канала на канал. Неожиданное поступление или трансфер пациента могли заставить его одеться и выехать из дома раньше, чем начнется рекламная пауза. Коллеги считали его посланником богов графика, настолько хорошим сотрудником, что не верилось в его существование.

Дорога до его новой работы в Медицинском центре Сомерсета занимала по сорок пять минут в каждую сторону, однако Чарли это не беспокоило. На самом деле ему это было нужно. Чарли считал себя разговорчивым, и это подтверждалось тем, что он легко делился неуютными деталями своих ссор с Кэти или нелепо разваливающейся домашней жизни. Однако существовали вещи, о которых он не мог поговорить ни с кем, – тайные сцены, которые он проигрывал в голове только для себя одного. Лишь путь из дома на работу и наоборот позволял ему об этом поразмыслить.

Его маленький «форд» забарахлил после того, как он съехал с дешевого асфальта в Пенсильвании на гладкую дорогу в Нью-Джерси. Чарли держался в левой полосе до знака на съезд номер 18 – маленькую одностороннюю дорогу на трассу 22 в Сомервиль и на Рехилл-авеню. Это была хорошая часть Нью-Джерси, самого богатого штата союза, та часть, про которую не отпускали шуток, – пригородные улицы, усаженные большими деревьями, ухоженные дворы, не испорченные брошенными лодками или сломанными батутами, чистые дороги, на которых чаще встречались взятые в лизинг «сатурны», а не старые «эскорты». Он заглушил мотор в гараже, как обычно приехав раньше, и поспешил к заднему входу в больницу.

За двойными дверями находился никогда не засыпающий

шумный город, освещенный гудящими флюоресцентными лампами, – единственное место, в котором Чарли чувствовал себя как рыба в воде. Ступив на сияющий линолеум, он почувствовал прилив восторга, волну тепла, вызванную запахами родного дома: запахами пота, марли и бетадина, ароматами вяжущих средств и антибактериальных детергентов, а также, помимо всего этого, сладковатым запахом человеческого разложения. Он стал подниматься по задней лестнице, перешагивая через ступеньки. Его ждала работа.

Работа Чарли принимала его так, как не принимала почти ни одна другая сфера его жизни, начиная с детства. Чарли описывал его как «жалкое». Он был поздней ошибкой{1} своих родителей, ирландских католиков и выходцев из рабочего класса, которую они с трудом могли содержать{2}. Он родился незадолго до смерти своего отца и задолго после того, как все семеро его братьев и сестер выросли и переехали. Их небольшой деревянный дом в Уэст-Ориндже{3} был мрачным, несчастливым местом, над которым тяготели наркозависимость братьев Чарли, бесконечные беременности и нищета взрослых сестер, а также странные и грубые мужчины, которые приходили их навестить в любое время дня. Только мать Чарли старалась оберегать его от того, что происходило в этих комнатах на втором этаже. Он был крайне привязан к ней, но даже ее любви ему не хватало. Она погибла в автокатастрофе, когда Чарли учился в старшей школе. После этого он остался совсем один. Он ненавидел больницу, которая оставила ее тело у себя, и утешить его было невозможно. Он попытался покончить с собой, вступить в армию, но ни то ни другое не увенчалось успехом. В конце концов он вернулся в больницу, в которой умерла его мать, и нашел свою цель в жизни.

В марте 1994 года{4} Чарльз Каллен был единственным студентом мужского пола{5} в школе обучения медбратьев и медсестер Маунтинсайд в Монклере, Нью-Джерси. Он был умным и хорошо учился. Ему идеально подходила эта учеба и униформа, а женское окружение было знакомым и комфортным. Когда почетный президент группы ушла после двух недель первого семестра, одна из сокурсниц Чарли настояла, чтобы он заступил на этот пост{6}. Она убеждала его, что лучшего лидера не найти: Чарли был умным, красивым и, что важнее всего, мужчиной. Чарли было приятно, но выдвигать свою кандидатуру в качестве президента было не совсем в его стиле. Чем больше он возражал против этой идеи, тем сильнее сокурсница старалась его убедить. Ему не нужно будет ничем рисковать, она все сделает сама. Чарли неплохо себя чувствовал в пассивной роли ворчливого кандидата, еще лучше – когда победил. Позиция президента группы была

скорее символической, однако казалось, что она открывает некий новый этап в жизни Чарли. Спустя шесть лет после того, как его мать закончила свою жизнь в больничном морге Маунтинсайда, Чарли стал его избранным наследником, коронованным и признанным всем штатом профессионалов по уходу за людьми в их белой униформе. Впервые в жизни он чувствовал себя особенным. В сознании Чарли это было нечто, очень близкое к любви.

Чарли оплачивал обучение благодаря работе в заведениях анонимной франшизы, проводя часы за приготовлением пончиков и переворачиванием мяса. Он пополнял запасы, засыпал приправы, а в перерыве мыл полы – уборка требовалась всегда. Он находил забавным, что слова вербовщика о том, что армейские навыки помогут ему в гражданской жизни, оказались правдой. Так же, как и на флоте, все его гражданские профессии требовали ношения униформы. Для «Данкин донатс» это была коричнево-оранжевая рубашка и козырек. В «Кэлдор» униформа была такого же цвета, но отличалась полосками. Чарли приходилось быть внимательным к тому, правильную ли рубашку он вытащил из кучи одежды на полу. В ресторанах «Рой Роджерс» заставляли носить рубашку ржавого цвета, который делал незаметными пятна от соуса барбекю, так же как цвет ковров в казино делает незаметной жвачку. Эта одежда выглядела ужасно, но только не на менеджере Чарли, которую звали Эдриэнн. Особенно ему нравилось то, как был прицеплен ее бейджик.

Эдриэнн Баум{7} была девушкой совершенно другого склада, чем те, которых Чарли знал в Уэст-Ориндже. Она была амбициозной, только что выпустилась из колледжа с дипломом по бизнесу и выплачивала студенческий кредит. Чарли наблюдал за ней, замирая со шваброй в руках во время уборки бара в «Рой Роджерс» в Уэст-Ориндже. Однако у Эдриэнн был парень, и ее вскоре должны были перевести в другое место. Чарли ушел и удвоил свои часы в «Кэлдор», который находился по соседству, однако обедать продолжал в «Рой Роджерс». Когда месяц спустя Эдриэнн вернулась уже без своего парня, Чарли был тут как тут.

Отношения развивались так быстро, как Чарли только мог устроить. Эдриэнн была удивлена тем, что под маской скромного мальчика с щенячьими глазками, которого она привыкла видеть за уборкой соусниц, скрывался такой уверенный в себе мужчина. Он хотел привлечь ее внимание и делал это всеми известными ему способами, заваливая Эдриэнн подарками и изображая идеального парня для ее семьи. Чарли был одержим попытками завоевать ее любовь, подкрепляя их постоянными цветами и сладостями, разными мелочами из магазина. Любую вещь, о

которой Эдриэнн упоминала как о чем-то, что ей нравится, Чарли старался ей подарить. В конце концов ей пришлось попросить его перестать так делать. Она притворялась, что ее это раздражает, но на самом деле это, конечно, было не так. Она понимала, сколько девушек мечтали бы оказаться на ее месте. Этот парень был настоящей находкой. Тот факт, что Чарли постоянно уходил или его увольняли, она списывала на его высокие стандарты и загруженное расписание. Эдриэнн говорила своим подругам о том, что этот парень работает на трех работах, президент своего курса, относится к своей карьере так же серьезно, как она к своей. Да, он гой, а значит, не идеален. Однако близок к этому.

Вскоре любое свободное время, которое у юной пары находилось между их сменами и учебой Чарли, они стали проводить вместе. Они составляли союз, полноценный, но закрытый. Они называли это любовью, а спустя полгода после первого свидания{8} они уже были обручены. Они поженились через неделю после того, как Чарли закончил учиться. Арендованный зал в Ливингстоне, смокинги, медовый месяц на Ниагаре – для Эдриэнн это было настоящей сказкой. Они вернулись на день раньше, чтобы ее принц мог выйти на свою новую работу в отделении ожогов в Медицинском центре святого Варнавы в Ливингстоне, Нью-Джерси. Больница предлагала дать ему еще немного времени, однако Чарли был непреклонен. Ему нужно было выйти именно в этот день, он не хотел опаздывать. Эдриэнн помахала ему на прощание и почувствовала, как перед ней расстилается странная дорога в будущее.

2

Июнь 1987 года

Сертифицированное отделение ожогов в Нью-Джерси существовало только в Медицинском центре святого Варнавы, поэтому он принимал всех: кошмарные останки людей, тех, кто пострадал от ожогов в аварии, домашних пожарах, несчастных случаях на производстве; мужчин, женщин и – чаще всего – детей, сгоревших почти полностью, без волос и век, обожженных настолько, что восстановить кожу уже невозможно. Работа Чарли заключалась в том, чтобы очищать таких жертв на металлическом столе: сдирать и отмывать обгоревшую и отмершую кожу с помощью антибактериального мыла и щетки. Даже в контексте реаниматологии это невероятно мрачная процедура; для человека, только выпустившегося из медицинской школы, – настоящий ад.

Все ожоги начинаются с истории. Мать, тянущаяся к чайнику в ночной сорочке{9}; паралитик, роняющий сигарету; пьяный, подбрасывающий поленья в костер; пробитый бензобак изношенного автомобиля. Огонь – кульминация истории. Тело реагирует на травму предсказуемо. Наиболее смертельны ожоги третьей степени – множественные слои кожи, нервов, вен, артерий и мышц деформируются и отмирают, – однако ожоги второй степени причиняют больше боли, так как нервные окончания еще функционируют. В восьмидесятые отделения ожогов сотрясались от криков. Единственным спасением был морфий. Некоторые пациенты приходили в себя, другие проводили в отделении свои последние дни. Медработники знают, кого ждет та или иная судьба. Судьба пациента – сухая статистика, написанная у него на коже. Рано или поздно все учатся ее читать.

Одна и та же картина на обгоревшем холсте – человеческая фигура без волос и одежды. У нее нет возраста, пола, волос. Пальцы на ее ногах указывают на то место, куда она вскоре отправится. Руки вытянуты и повернуты ладонями кверху, в универсальном жесте мольбы и капитуляции. Ее глаза открыты, на них нет век, губы целы, но лишены выражения. Ее состояние можно определить со стопроцентной точностью, обращая внимание на остатки бедер, ног и головы. Характер повреждений соответствует определенному количеству очков: 1 – за гениталии, 1,25 – за каждую кисть и так далее. Однако есть и более простой способ.

Медработники называют его «правилом девяти». Каждая

крупная часть тела – нога, спина, голова – соответствует девяти очкам. Общее число очков складывается и прибавляется к возрасту пациента; сумма – вероятность смерти. Согласно этому правилу, пятидесятилетний пациент с ожогами пятидесяти процентов тела – стопроцентный мертвец. Если не сейчас, то очень скоро. Правило помогает лучше справляться с неизбежным, а также определить, кому из пациентов больше требуется хотя бы скромная порция надежды. Каждый медработник в отделении ожогов знает это правило, говорить о нем нет большого смысла; его используют, а затем пытаются забыть о его существовании. Грядущая смерть, как черная кошка в отражении зеркала заднего вида, – всегда будет там, если смотреть. Так зачем смотреть?

Тем временем боль среди пациентов с ожогами невозможно вылечить, поэтому медработникам не остается ничего, кроме как вводить им все больше доз морфия. Когда пациенты умирают, не всегда можно определить: скончались они от передозировки или травм, несовместимых с жизнью. Все, что ясно: им больше не больно.

Пациенты в это отделение прибывают в любое время суток. Они попадают туда удивительным образом: на носилках или приходят сами, в одиночку или группами. Иногда они сохраняют ясный рассудок, разговаривают, беспокоятся о том, что пропускают смену или прием у парикмахера. Так выглядит шок. Вскоре за ним приходит осознание реальности.

Жертвы ожогов подключены к аппаратам, капельницы подведены к венам на руках и бедрах, пластиковые трубки торчат изо всех отверстий, сверху и снизу. Соли, электролиты, обезболивающие, антидепрессанты, жидкая пища; тело набухает от жидкостей, иногда увеличивается в размерах вдвое. Мошонка раздувается до размеров волейбольного мяча, глаза вылезают из орбит, губы надуваются и трескаются, как пережаренные сосиски. Кожа натягивается до тех пор, пока пациент не становится твердым, как мрамор. Кровеносные сосуды закупориваются. Сердце начинает умирать. Поэтому их режут. Для хирурга это простая работа. Лезвие проходит по длине рук и ног, сзади и спереди. Разрезают даже кисти, распухшие, как вымя. Скальпель доходит до глубины сухожилий и делает пять небольших надрезов под костяшками, словно вырезает отверстия на кожаных перчатках. Надрезы{10} позволяют дать внутренностям больше места, как складки на брюках, облегчить давление, высвободив огромное количество жира и крови. Запах, возможно, ужасен, но кровотечение – это хорошо. Пока оно есть – пациент жив. Однако оно добавляет работы.

Плиссированные кожные покровы свободны, как кожаная

рубашка с короткими рукавами, шокирующая на ощупь. Медработникам требуется время, чтобы приспособиться и научиться без усилий справляться с такими тактильными сторонами травм. Когда они перестают с ними справляться, они уходят. Некоторые медработники покидают отделение интенсивной терапии ожогов сразу и меняют его на что-то менее жестокое. Другие остаются до тех пор, пока не сталкиваются с обгоревшим пациентом, напоминающим им кого-то близкого или их самих.

Почти треть пациентов этого отделения – дети. Иногда ожоги – это наказание за то, что они обмочились в кровати или забыли сделать работу по дому. Медработники определяют следы насилия. Среди них ожоги от батареи и сигарет, зажигалок и конфорок, красные следы горячей воды и черные следы удара током. Каждый имеет собственный тип боли. Чарли видел их все.

Некоторая боль разбегается по коже паутиной маленьких красных следов, другая остается в виде волдырей или тонких белых рубцов. Медработники делали всё, от них зависящее, чтобы скрыть боль за чистыми марлями и бинтами, за ширмой обезболивающих. Однако Чарли знал, что боль может оставаться тайной. Боль может тлеть, обжигая изнутри и никак не проявляясь снаружи. Особенно у детей. В отличие от взрослых, дети не кричали, когда он их чистил, не хныкали, лежа в своих постелях. Дети терпели боль и хранили свои секреты, чтобы не быть наказанными. Мать Чарли никогда не использовала конфорку или горячую кастрюлю в качестве наказания, но причиняла ему боль иными способами. Его дразнили и били бойфренды сестер, большие парни, у которых были кольца, «шевроле», «камаро» и облегающие джинсы. Он чувствовал их взрослую силу и никогда не забывал, что значило быть ребенком, боящимся ее тени. У одной из его сестер был постоянный парень, который жестоко избивал ее на протяжении всей ее беременности. Она убегала, но бойфренд не уходил. Чарли тоже становился жертвой его безжалостного нрава.

Он познал боль в армии. Ожоги были наказанием за «порчу имущества флота», как они выражались. Он просыпался утром после увольнительной на берег, которая заканчивалась попойкой, со ступнями, красными от солнечных ожогов и опухшими до размеров футбольного мяча. Они заставляли его надевать военную обувь и давали лишь таблетку аспирина. Во время работы он напоминал себе, что он знал боль так, как не знал ее никто. Чарли думал об этих детях, находившихся в страшных мучениях, которые никто не был способен понять и унять. К этому времени медработникам запретили давать детям какие-

либо обезболивающие сильнее тайленола-3[11]. Этого было совсем недостаточно. Многие медработники хотели давать детям больше. Некоторые из них так и делали.

Дети поступали в отделение горячими и опухшими, больными и напоминающими Чарли о его собственной боли. Он брал на руки этих кричащих, плавящихся маленьких людей, зная, что скоро хирурги будут разрезать их, точно печеную картошку, делать Y-образные надрезы, чтобы их не разорвало, и это будет лишь первой в череде многочисленных операций. Со временем их расплавившаяся кожа затвердеет и превратится в шрамы, венообразные линии, которые хирурги снова будут разрезать, чтобы шея и руки сохраняли подвижность. Без этих операций дети останутся запертыми внутри своих запеченных тел. Твердые шрамированные оболочки становятся слишком негибкими, чтобы справиться со скачками роста и нормальными движениями. Единственной надеждой таких детей были скальпель и «скафандр» – похожая на гидрокостюм одежда, которая сжимает ребенка в болезненных объятиях. Такой «скафандр» давит на шрамы, делая их тоньше, как скалка, которая без конца раскатывает неподатливое тесто. Возможно, если они будут трудиться не покладая рук, то со временем, ценой боли и давления, кокон из шрамов станет достаточно тонким. Однажды ребенок сможет двигаться и расти. Однажды, может быть, он даже сможет забыть о боли. Чарли знал, что дети могут жить. Может увеличиваться их возраст, но не тело; без помощи медработника они навсегда будут заперты внутри стонущего кокона их собственного детства. Чарли считал это одним из самых точных уравнений на свете: мир давил с одной стороны, а «скафандр» – с другой.

Чарли нравилось работать в «Святом Варнаве». Он знал, что он здесь полезен и необходим. Ему нравилось заботиться о немощных, мыть, кормить и одевать зависящих от него людей. Ему нравились одиночество ночной смены и профессионализм более старших коллег. Ему нравилось даже название госпиталя; воспитанный в католической семье, Чарли знал, кто такой апостол Варнава. У него были собственные отношения с этим святым. Церковь отмечает праздник апостола Варнавы 11 июня. В этот день Чарли Каллен начал работать в Медицинском центре святого Варнавы[12].

В церкви, которую Чарли посещал по воскресеньям, в арке на витраже был изображен апостол Варнава в виде бородатого и красивого компаньона Луки и Павла – своего рода Арамис из «Трех мушкетеров» раннего христианства[13]. Будучи евреем, он носил имя Иосиф. Землевладелец, продавший свои угодья и

отдавший деньги апостолам{14}. После обращения святой Варнава стал примером для подражания:

Позволь, Господи, следовать примеру твоего верного служителя Варнавы, который в поисках не своей собственной славы, но благополучия твоей церкви отдал тебе свою жизнь и душу…

Однако Чарли не нужны были подобные молитвы. Для свадьбы с Эдриэнн он формально отрекся от религии, в которой воспитывался, и обратился в иудаизм. Чарли чувствовал, будто проживает жизнь святого в обратном порядке.

Независимо от того, насколько добры святые, конец их всегда не очень приятный. Кастрация, дефенестрация, горячие клещи, тюрьма – святой играет роль козла отпущения, мученика. Варнава был забит до смерти камнями{15}, однако его история пережила его самого. Каждый католик знает его имя. В этом и заключается парадокс жизни всех святых, как его еще с детства понимал Чарли: память о них была прекрасной и вечной, но начиналась только после ненависти, которая приводила к их гибели{16}.

3

Октябрь 1987 года

Эдриэнн и Чарли Каллены взяли ипотеку на маленький одноэтажный дом в промышленном пригороде Филлипсберга, Нью-Джерси. Дом был тесным и темным, а также срочно требовал покраски. Одна сторона выходила на конструкцию, напоминающую основу билборда, а задний двор – на заросший пустырь, однако цена укладывалась в рамки их совместного дохода. Эдриэнн нашла новую работу в качестве программиста. Это была стартовая позиция, но хотя бы в деловом офисе, а не заведении быстрого питания. Их противоположные графики, по которым она работала целыми днями, а Чарли – целыми ночами, были одной из причин, по которым Эдриэнн чувствовала себя одинокой. Это чувство росло с каждым днем, с Чарли или без него.

Самоуничижительность и ранимость были частью обаяния Чарли. Он так откровенно рассказывал и так смешно шутил о своих личных проблемах – особенно насчет периода депрессии и алкоголизма, – что Эдриэнн быстро начала думать, что она знает этого человека, но, что еще важнее, что он знает себя сам. Его обращенный внутрь взгляд придавал ему вид человека не сломанного, но опытного или даже взрослого. Это создавало для Эдриэнн иллюзию того, что Чарли имел полную власть над своими демонами, хотя на самом деле он тогда только начинал с ними знакомиться. Эдриэнн чувствовала, что в их отношения пришли первые заморозки и между ними наступила ранняя осень. Она списала это на эмоционально сложную работу мужа и решила, что просто не усвоила урока, который должна усвоить жена каждого медика: любовь всегда проигрывает смерти. Она и представить не могла, что ее муж снова начал пить.

Выпивка была той частью армейской культуры, которую Чарли освоил лучше всего. Он пил, чтобы напиться. Ему нравилось красное вино и тропические напитки – в крайнем случае он мог выпить даже «Листерин»[1], – что не раз приводило его в военный госпиталь и психиатрическую больницу, а также познакомило его с дисульфирамом и обществом анонимных алкоголиков. Эдриэнн никогда не сталкивалась с этой стороной своего мужа. Она ни разу не видела, как он пьет. В период, когда они встречались, он всегда говорил, что просто «не может пить». Эдриэнн всегда считала его воздержание следствием убежденности, а не предосторожностью. Когда Чарли переехал в ее квартиру в Юнионе, она выкинула даже пыльную бутылку

«Бейлиза», которую держала для важных гостей.

В Филлипсберге Чарли держал выпивку в своем армейском сундуке, сундук держал в котельной, а котельную держал закрытой на замок. Он пил в одиночестве в подвале, избегая присутствия жены. Ему там нравилось. Туда вел только один вход, под ним никого не было, вокруг сплошная земля и всегда темно. Котельная была таким местом, где можно было пить, размышлять и наблюдать за игрой света контрольной лампы.

Первый год супружеской жизни прошел вихрем. Чарли был невероятно занят. Он получил свою лицензию медбрата в Нью-Джерси спустя месяц после того, как стал работать в медцентре святого Варнавы, а еще через месяц начал получать еще одно образование в колледже Кин. Разрываясь между учебой, работой и доро́гой, Чарли редко бывал дома. Эдриэнн смотрела шоу Дика Кларка в новый 1988 год в одиночестве с бутылкой шардоне. К февралю она забеременела. Это и была семейная жизнь, вся ее суть. Однако она чувствовала, что муж обращается с ней холодно, почти по-деловому, будто с одним из пациентов. Эдриэнн поняла, что эта холодность возросла еще больше той осенью, когда родилась их дочь Шона{17}. Теперь любые знаки внимания, которые Чарли раньше оказывал жене, были направлены исключительно на ребенка. Эдриэнн не понимала этой его реакции – будто Чарли нужно было выбирать между женой и ребенком, как если бы он не мог сосредоточить свои чувства больше чем на одном человеке. Чарли был чересчур переполнен энтузиазмом, когда дело касалось новых вещей: их отношений, их дома, их семейной жизни. Однако его чувства исчезали, как только уходила новизна. Она видела, как он точно так же теряет интерес к ее собакам, сначала – к ее йоркширу по кличке Леди. Эдриэнн обожала Леди и поначалу думала, что Чарли – тоже. Он механически гладил ее, чесал за ушком, с интересом наблюдал, как она поглощает свою еду. Затем будто что-то переключилось, и собака перестала его интересовать.

Однако он, кажется, был заинтересован в новом щенке – так, по крайней мере, казалось Эдриэнн, когда они его выбирали. Это был ее второй йоркшир, друг для Леди. Эдриэнн ушла на работу утром во вторник, оставив Чарли с ребенком и щенком, как она всегда делала в его выходной. Когда Эдриэнн вернулась, щенка не было. Чарли, казалось, это совсем не трогало и он не хотел помогать ей в поисках.

Чарли сказал, что щенок убежал. Или что он, вероятно, убежал – сам Чарли вышел прогуляться, пока ребенок спал. Эдриэнн не поверила своим ушам: прогуляться, оставив ребенка *одного*? Ну, сказал Чарли, отводя взгляд. Все, что он знал, – это

то, что, когда он вернулся, щенка уже не было. Он не выглядел обеспокоенным этим фактом. Он не выглядел обеспокоенным вообще ничем.

Эдриэнн не понимала: как Чарли мог оставить их новорожденную дочь одну? С открытой дверью в доме! По словам Чарли, она не была открытой, а скорее приоткрытой. К тому же он был уверен, что ребенок не проснется. Эдриэнн не понравилась его последняя фраза. *Знал*? Он что-то дал ребенку? Она подозревала, что он давал их дочери лекарство от простуды, чтобы она вела себя спокойнее, и они уже ссорились на эту тему. Он всегда это отрицал, и обсуждение никуда не приводило. В конце концов никуда не привел и этот спор. Чарли в один момент просто перестал пытаться ее переубедить; он просто оставил все как есть и спустился в подвал. Эдриэнн снова осталась одна и в крайнем замешательстве. Она не понимала, куда делся мужчина, за которого она вышла замуж, почему он потерял интерес ко всему, кроме формальных аспектов их отношений. Даже когда Чарли физически находился дома, в эмоциональном плане его не было рядом. Она ловила его взгляд в отражении от кофемашины, изучала его неподвижное утреннее лицо и думала, остался ли в этом теле ее муж, прячется ли он где-то в темном углу, как ребенок. Он казался постоянно озабоченным чем-то, сосредоточенным на некой тайне, по сравнению с которой слова Эдриэнн не имели никакого значения. Ее друзья советовали ей быть сильной. Родители говорили, что брак – это марафон, а не спринт. Он – твой муж, напоминали они ей. Поэтому Эдриэнн списывала всё на психологические издержки постоянного пребывания между жизнью и смертью. Она ходила на работу, платила по счетам, отвозила Шону в детский сад, приходила домой. Только наличие машины во дворе говорило о том, что муж дома. Большую часть времени он теперь проводил в подвале. Она пыталась спуститься туда несколько раз. Снова это делать она боялась. Обнаружив его в темноте, она кое-что замечала. Кое-что очень неуютное в глазах своего мужа. Эдриэнн не знала, как это описать: холодная пустота, взгляд, который полностью опровергал ее надежду на то, что у него остались какие-то нежные чувства к ней. Иногда глаза Чарли начинали смотреть в разные стороны, будто каждый глаз принадлежал отдельному человеку. В такие моменты Чарли не был самим собой. Эдриэнн говорила свой друзьям: «Знаете, мне кажется, что с Чарли что-то всерьез не так». Однажды теория подтвердилась.

Эдриэнн открыла дверь плачущей соседке. Каждые несколько недель ее собака, старый бигль по кличке Квини, выходила на улицу и гуляла по кварталу, по какой-то неведомой причине

всякий раз завершая свой путь во дворе Калленов. Эдриэнн не раз пускала милую старушку Квини к себе домой. Это была своего рода локальная шутка, а потому, когда Квини не пришла домой, ее хозяйка сразу направилась к Калленам. Однако в этот раз она обнаружила тело Квини в аллее рядом со своим домом. Ветеринар сказал, что ее отравили. Не знает ли Эдриэнн, что могло произойти?

Эдриэнн не знала, что ответить. Она зашла на кухню, где на столе лежали фотографии, напечатанные в автомате, – фото, которые Эдриэнн сделала в детском саду: милые снимки Шоны и ее маленьких друзей. Несколько дней назад Эдриэнн пришла домой и обнаружила, что Чарли взял ножницы и вырезал из каждой фотографии маленьких мальчиков, оставив на их месте лишь пустой силуэт. Фотографии напугали ее; она пыталась о них не думать. Теперь она уже не могла этого не делать. Пустые места в форме людей напоминали ей мужа. Она думала об этих фотографиях и своем щенке, о Квини и плачущей на пороге соседке. Тогда Эдриэнн тоже начала плакать.

4

11 февраля 1991 года сестра-фармацевт Пэм Аллен принесла в кабинет риск-менеджера Медицинского центра святого Варнавы Кэрен Сайден{18} подозрительную сумку-пакет для внутривенного вливания. Порт сумки выглядел использованным, хотя сама она была наполнена до краев. Сайден это тоже показалось странным. Она связалась с заместителем директора больницы по безопасности, бывшим копом по имени Томас Арнольд. Арнольд отправил сумку в лабораторию патологии. Сумка должна была содержать только соляной раствор и гепарин, однако тест показал, что в ней содержался еще и инсулин.

Спустя три дня, в День святого Валентина, пациентке отделения интенсивной терапии «Святого Варнавы» по имени Анна Байерс поставили капельницу с гепарином. Через полчаса она покрылась холодным потом, плохо соображала, почувствовала тошноту и слабость. Лабораторный анализ крови показал очень высокий уровень инсулина. Ей дали апельсиновый сок – простое лекарство для нормализации после передозировки на раннем этапе. Это не сработало. Медработникам пришлось поставить Байерс капельницу с декстрозой, чтобы сахар попадал непосредственно в кровь. Это спасло женщину от смерти, но в ней было так много инсулина, что декстроза не остановила передозировку. В таком состоянии она находилась все утро, день и ночь. На следующее утро у Байерс была запланирована операция – ей в сердце должны были поставить катетер. Теперь же она вряд ли была способна пережить операцию, однако ее терапевт на всякий случай сказал убрать капельницу гепарина{19}. Как только это сделали, уровень инсулина упал и пациентка почувствовала себя лучше.

К двум часам дня она вернулась в палату, в стабильном состоянии. Ее проблемы с уровнем сахара в крови испарились. Кровотечение из хирургических ран остановлено. Анна Байерс была готова к тому, чтобы ей снова поставили гепариновую капельницу. Капельницу поставили. И вскоре пациентка снова оказалась в таком же нестабильном состоянии. Медсестры начали вводить ей сахарный раствор в попытках восстановить баланс. Ее состояние колебалось между стабильным и критическим, она то приходила в себя, то теряла сознание. К 23:00 в ее крови сахара было недостаточно даже для того, чтобы можно было подсчитать его количество. Ее тело сожгло весь сахар и не оставило мозгу ничего. Байерс была в одном шаге от остановки сердца.

Медсестры отсоединили ее от капельницы и повезли в

реанимацию. Однако за те двадцать минут без капельницы Анне Байерс снова стало лучше.

Дальше по коридору с пациентом по имени Фред Белф происходило то же самое. В 7:00 ему ввели гепарин. К полудню его рвало на себя, потому что апельсиновый сок не мог удержаться у него в желудке. Врачи прописали, чтобы ему вместе с гепарином вводили еще и декстрозу. Содержимое двух капельниц бежало, отпихивая друг друга, по его венам наперегонки, весь день и всю ночь, превращая его тело в метаболические качели.

К 19:00 следующего вечера в госпитале догадались, что между побочными эффектами и капельницами с гепарином есть некоторая связь. Медработники убрали капельницу Белфа, и он почувствовал себя лучше. Сотрудники больницы в перчатках изъяли сумку для внутривенного вливания, положили ее в стерильный пластиковый мешок и отправили в лабораторию.

Тест обнаружил в сумке инсулин. Микроскопический анализ поверхности показал, что ее протыкали крошечными иглами. Три отверстия находились по краям сумки. Это было крайне нетипично. Сумки с соляным раствором иногда случайно протыкают иглами в процессе присоединения к капельнице, а затем и к пациенту, однако это никогда не делается по периметру. Следы не выглядели случайными. Представлялось вероятным, что кто-то намеренно и неоднократно отравлял сумки для внутривенного вливания в складских помещениях больницы святого Варнавы. У Арнольда и Сайден были доказательства в виде двух сумок, а также странные случаи Байерс и Белфа. Теперь они просматривали карточки пациентов отделения интенсивной терапии, чтобы найти другие случаи подобных необъяснимых передозировок инсулином.

И хотя им не удалось установить причину, они обнаружили, что такие передозировки случались с пациентами регулярно. В течение нескольких месяцев остановки сердца в больнице не просто участились, но стали происходить буквально одна за другой; медработники реанимации бегали от одного пациента к другому. Обнаруженные сведения оказались странными и запутывающими: случаи не были привязаны к конкретному отделению или конкретной смене. Однако в отделениях интенсивной терапии, реанимации и кардиологии «Святого Варнавы» многие пациенты непостижимым образом страдали от гипогликемии.

Лабораторные анализы{20} показали не только исключительный и беспрецедентный уровень инсулина в крови этих людей, но и то, что в большей степени этот инсулин был

«инородным»: он не был выработан их телом. Инсулин им вводили извне.

Первое предположение заключалось в том, что кто-то совершил ошибку – медсестра или медбрат неправильно поняли предписания врача или на пузырьках были перепутаны ярлыки. Подобные ошибки постоянно случаются в больницах. Арнольд и Сайден изучили карты пациентов, однако не нашли рекомендаций врачей относительно инсулина или записей медработников, что пациентам его вводили. Это означало либо что сразу на двух уровнях была совершена ошибка – пациентам ненамеренно дали лекарство, которое им не было назначено, и медработники забыли заполнить карту, – либо что это вовсе не случайность. В любом случае это представляло собой проблему. Арнольд показал свои наработки боссу – главе безопасности «Святого Варнавы» и вице-президенту медицинского центра Джо Бэрри.

Джо Бэрри был заслуженным ветераном полиции с тридцатилетним стажем и наградами, бывшим майором полиции штата Нью-Джерси. Теперь в качестве вице-президента больницы по безопасности Бэрри предстояло провести осторожное расследование возможного убийства пациентов. Учитывая их суммарный опыт, Арнольд и Бэрри имели все необходимые навыки, чтобы справиться с таким непростым делом. После того как они исключили из числа подозреваемых посетителей пациентов, все их внимание было сосредоточено на персонале больницы. Арнольд и Бэрри сравнили расписания медработников с временем и датами остановок сердца этих пациентов. Всего три сотрудника работали во время каждого случая. Одним из этих сотрудников был Чарльз Каллен, и он заинтересовал бывших копов больше остальных{21}.

Арнольд к тому моменту уже опросил нескольких сотрудников больницы святого Варнавы касательно инсулиновых инцидентов{22}. Все медработники нервничали, переживали за свои рабочие места и репутации, а также за пациентов, о которых шла речь. И только Чарли Каллен не выглядел обеспокоенным. Как раз наоборот, он выглядел абсолютно равнодушным ко всему. Арнольду не показалось, что таким образом Каллен говорит: «Кто, я?» Каллену действительно было наплевать. Больше того, он был даже дерзок. Арнольд несколько раз пытался запланировать встречу с Калленом, но его работодателем была кадровая фирма, а не больница. Его смены были непоследовательны и постоянно менялись, Каллена сложно было поймать. Когда Арнольд загонял Каллена в угол, тот каждый раз давал понять, что занят «медицинской работой», чем-то более важным, нежели интриги,

которые плетет Арнольд. Когда они с Бэрри наконец усадили Каллена в конференц-зале[23], медбрат отказался отвечать на любые вопросы. Он сидел в кресле на колесиках, скрестив руки на груди, и рассматривал линолеум. Подобное поведение было для бывших копов тревожным сигналом, о чем Арнольд и сообщил Чарльзу.

«Я знаю, что ты что-то добавляешь в эти сумки», – сказал ему Арнольд. Он начал в лоб – чутье подсказывало ему, что парень нечист. «Вы не можете ничего доказать», – ответил Каллен. Это показалось следователям не тем ответом, который дал бы невиновный. Кроме того, не самым умным ответом. Бывшие копы Арнольд и Бэрри восприняли его как «пошли вы». Такое поведение вывело Арнольда из себя, заставило его принимать все близко к сердцу. Каллену, однако, было наплевать и на это. «Я не обязан с вами разговаривать», – сказал он и вышел из комнаты.

Арнольд и Бэрри наблюдали такое поведение на улице, будучи копами, но никогда не видели подобного в больнице. Поцарапанные машины на парковке, кражи из магазина сувениров, слишком бурные реакции на ограниченные часы посещения – это была их рутина. Иногда им приходилось иметь дело с медработниками, но в основном это были наркоманы, которые таскали перкосет или викодин, а затем подделывали записи в картах. Однако здесь было что-то пострашнее. Невозможно было представить причину, по которой кто-нибудь стал бы отравлять случайные сумки с соляным раствором и вводить в них инсулин. Разумного объяснения поведению Каллена Арнольд тоже не находил – казалось, что ему совершенно наплевать на обвинения. Он даже не был удивлен. Арнольд увидел пустоту во взгляде Каллена, и ему это не понравилось. Самое худшее заключалось в том, что Чарли был прав: он не обязан с ними разговаривать. Расследование должно было компенсировать недостаток показаний Каллена.

Арнольд и Бэрри попросили персонал помочь им составить хронологию и показатель смертности на том отрезке времени, когда Каллен работал в отделениях интенсивной терапии, реанимации и кардиологии. Чем глубже они копали, тем больше находили странных случаев[24]. Однако им недоставало железобетонной уверенности, без которой не может быть дела. Все пациенты страдали от целого комплекса различных болезней и симптомов, связать их передозировки инсулина и – в некоторых случаях – смерти с каким-то конкретным событием или с Чарли Калленом было невозможно. Существовала вероятность, что все эти факты – просто совпадение. По той причине, что Каллен был наемным работником, большинство его смен являлось срочными

вызовами и соединить его действия с происходящим в отделении оказалось довольно сложно. Если они планировали продолжать расследование, им нужна была помощь извне. Пришло время задействовать полицию.

Арнольд и Бэрри каждый месяц встречались с шефом полиции Ливингстона Доном Джонсом. Встреча носила исключительно практический характер: медцентр святого Варнавы был крупнейшим работодателем в Ливингстоне, главным источником налоговых выплат для города. Невозможно было отделить частные корпоративные проблемы медицинского центра от муниципальной повестки дня.

Шеф Джонс был известным в Ливингстоне персонажем, имеющим репутацию человека, увеличивающего свой доход за счет сверхурочных, которые обычно брали новички с низкой зарплатой и полицейские, ожидающие пополнения в семье. У него на горизонте маячила пенсия, поэтому возможность перейти в частный сектор на управленческую позицию в «Святом Варнаве» казалась привлекательной. Если Джонс намеревался проявить себя в глазах администрации больницы, такой шанс ему предоставился 5 марта 1991 года, когда Бэрри и Арнольд встретились с ним в итальянском ресторане и за обедом рассказали о своем деле.

У них были все базовые элементы серьезного полицейского расследования: преступление, жертва, улики и подозреваемый{25}. Предполагаемые убийства были совершены как минимум в двух отделениях. Они обладали физическими доказательствами преступного нарушения целостности сумки для внутривенного вливания с применением смертельных доз лекарства, а расследование выявило серьезного подозреваемого среди персонала «Святого Варнавы». Для бывшего полицейского Арнольда казалось очевидным, что у Медицинского центра святого Варнавы на руках серьезная криминальная проблема. Однако Джонс не хотел иметь с этим ничего общего. Он сказал Бэрри и Арнольду, что не может ничего сделать с теми доказательствами, которые у них имеются. Лучше всего для больницы будет решить этот вопрос самостоятельно. Бэрри и Арнольд не понимали, думает ли Джонс, что он делает больнице одолжение, или он действительно не представлял возможным провести серьезное медицинское расследование с теми доказательствами, которые у них на руках. Арнольд не мог его в этом обвинить: они и сами не могли доказать свою теорию. Так или иначе, это все еще оставалось их проблемой.

Арнольд и Бэрри применили все известные им уловки, для того чтобы поймать Каллена с поличным, даже устанавливали

камеры с датчиками движения в складских помещениях на несколько недель. Они допросили разных врачей, медработников и даже посетителей, которые бывали в тех отделениях, где лежали интересующие их пациенты, а также придумали новые протоколы для выдачи лекарств медработникам, в которых обычный инсулин попадал под те же регулятивные меры, что и вызывающие привыкание медикаменты, такие как морфий. Когда в октябре того же года еще двое пациентов получили необъяснимую передозировку инсулином в отделении реанимации «Святого Варнавы», связанную с испорченными сумками для внутривенного вливания, Арнольд и Бэрри снова остались наедине со своими подозрениями и фрустрацией и по-прежнему не могли ничего доказать{26}. Они все еще пытались это сделать, когда Чарльз Каллен просто уволился. Проблемы с инсулиновыми передозировками исчезли вместе с ним.

5

Чарли понимал, что его мир скоро рассыплется, будто домик из картона. Он начал чувствовать, что люди из «Святого Варнавы» знают, чем он занимается{27}, – те, кто его допрашивал, четко дали ему это понять. Не важно, сколько сумок он испортил – одну или сотни. Они знали. Они даже не изучали период его работы в отделении ожогов, но все равно знали. В течение нескольких месяцев они концентрировались на двух пациентах, у которых случилась передозировка и остановка сердца. В остальных случаях легко было запутаться: сложно отличить необычные симптомы от их стандартного набора при комплексе заболеваний, но с этими двумя все было очевидно. Чарли осознавал, что Арнольд и Бэрри вычислили всех медработников, чья смена совпадала с этими двумя случаями, и поняли, что только он работал в оба этих вечера. К тому же они нашли, изучили и сохранили в качестве улик сумки для внутривенного вливания, в которые он добавлял инсулин в кладовке. Иногда он делал это в случайном порядке, не задумываясь о том, кто именно пострадает. Чарли был уверен, что его отпечатки остались на всех испорченных сумках: он даже не думал надевать перчатки. Он считал, что если Арнольд и Бэрри захотят его прижать, то у них это получится.

Он наслаждался ожиданием, степенным течением времени и особым напряжением, которое оно добавляло к ночным сменам. Все стало невероятно четким, каждый щелчок перчатки или глоток кофе казался проникнутым особым смыслом. Всю весну, осень и зиму он ждал развязки истории. Когда ее не наступило, он решил, что сотрудники больницы слишком боялись, были чересчур глупы, а может, и всё вместе. Чарли мог представить масштаб тех неприятностей, которые доставят больнице его развлечения, – иски на огромные суммы, как те, что показывают по телевизору, способные приструнить любого корпоративного гиганта. О чем бы ни беспокоилась больница, Чарли понимал, что не о пациентах. Сотрудники больницы лгали точно так же, как лгали ему, когда он осматривал тело матери.

Они скрывали. Они прятали. Никто на самом деле не стремился избавить людей от боли; он ощутил это лицемерие, когда то же самое произошло с ним. С профессиональной точки зрения он находил легалистский подход крайне неприятным. Как человек, воспитанный в католической среде, он видел в этом иронию: святой Варнава, Сын утешения, – покровитель всех тех, кто находится на дне. Неспособность больницы остановить

Чарльза казалась ему своего рода искуплением вины. Поэтому когда «Святой Варнава»[28] перестал звонить ему и предлагать смены, Чарли был искренне удивлен.

6

10 января 1992 года

Чарли объяснил свое увольнение Эдриэнн как вызванное какими-то внутренними политическими интригами в больнице, проблемами, его не касающимися. По его словам, он просто попал под раздачу администрации. Он сказал Эдриэнн, что причиной тому стала ожидающаяся забастовка медработников. Об этом говорили в отделении, но Чарли был в числе тех, кто выступал против. Он говорил, что пострадают пациенты. Это был вопрос принципа – Эдриэнн видела, как во время его рассказа снова появляется прежний Чарли. Чарли ясно дал понять, что он ставит пациентов выше зарплаты и прорвет линию пикетирующих, если это потребуется. Это мнение было не самым популярным, а потому он стал объектом мести внутри отделения. Они сделали его козлом отпущения.

Это запутало Эдриэнн. Козлом отпущения? Ради чего? Чарли сидел в кресле, как кот, величественно и строго. Ну, говорил он, все это крутилось вокруг странных случаев в «Святом Варнаве». Имели место некоторые инциденты, и это повлекло за собой расследование. Инцидент – ну, кто-то подмешивал что-то в сумки для внутривенного вливания. Подмешивал инсулин, который опасен, как Эдриэнн может себе представить. Эта история ее шокировала. Чарли рассказал ее спокойно, объясняя во всех деталях, что порты на сумках для соляного раствора сделаны так, чтобы их можно было проткнуть иглой с целью добавить в раствор лекарства, и что невооруженным глазом невозможно определить, протыкали сумку или нет. Увидеть можно под микроскопом, говорил он. Проколотый порт выглядит как использованная пробка, некоторые из них прокалывали десятки раз. В его отделении случались передозировки и остановки сердца, говорил Чарли, – только так администрация смогла определить, что происходит что-то плохое. Невозможно сказать, сколько именно пациентов стали жертвой всего этого и сколько из них скончалось в итоге, но, вероятно, очень много, действительно впечатляющее количество.

Кто за этим стоял – большая загадка, говорил Чарли, прямо шпионский роман. Больница провела серьезное расследование, но не смогла определить виновного. Чарли считал, что все это выставляло руководство госпиталя полными дураками. Поэтому им нужен был козел отпущения, мученик. Чарли был распят, потому что поступил правильно в ситуации с забастовкой. Его сделали приоритетной целью внутреннего расследования в

«Святом Варнаве». Поэтому его уволили. Это было нечестно, говорил Чарли, но такова была его жизнь – несправедливой.

Эдриэнн не видела мужа в таком возбужденном состоянии долгое время, а потому его эмоции каким-то образом нейтрализовали кошмарное впечатление от его рассказа. Вся эта история казалась Эдриэнн бессмысленной. Она не хотела видеть в ней логику.

Чарли ждал, пока его мир рассыплется на части от такого страшного удара, но этого не произошло. Причина и результат: первое было похоронено под эвфемизмами вроде «затруднений»; второе находилось в процессе постоянного изменения. Не было никаких полицейских, никто его не преследовал, никто ему не звонил. Вместо того чтобы опуститься на самое дно, две недели спустя Чарли уже сидел в кресле напротив стойки отдела кадров больницы округа Уоррен[29], расположенной в Филлипсберге, Нью-Джерси, и заполнял анкету для очередной вакансии на полную ставку[30].

В графе «Опыт работы» он указал свои обязанности как техника на ядерной подлодке, три года работы кладовщиком в «Кэлдор» в Уэст-Ориндже, а также почти шесть лет работы медбратом в больнице святого Варнавы. Указанные им «Временны́е границы занятости» с мая 1987-го по январь 1992-го с технической точки зрения были верны: он был уволен из «Святого Варнавы» в начале января. На тот момент январь еще не закончился.

Можем ли мы связаться с вашим последним работодателем? Чарли отметил: да[31].

Контакты работодателя? Чарли указал телефонный номер «Святого Варнавы».

Когда женщина-рекрутер спросила, почему такой молодой медбрат захотел оставить стабильную работу, Чарли глубоко вздохнул и сказал, что дорога до работы была слишком длинной. Дорога от больницы Уоррена до дома, где его ждала семья, короче на двадцать минут. Смена места работы была общим семейным решением, такой уж Чарли был человек. Так было лучше.

Чарли хотел работать как можно больше: ночами, по выходным и праздникам. Уоррен платила 14,84 доллара в час и 18,30 доллара, если он продолжит пользоваться страховкой Эдриэнн, и лишние 23 цента в час, если Чарли переведут в отделение интенсивной терапии. Чарли позвонил Эдриэнн с телефона-автомата в холле больницы Уоррена, желая поскорее рассказать жене о том, что получил работу. Если Чарли что-то натворил, разве смог бы он так быстро найти новую работу?

Эдриэнн положила трубку телефона и про себя поблагодарила Бога. Честно говоря, с двумя детьми и ипотекой ей уже было не так важно, был Чарли прав или виноват, важно было то, что он работал. Тем более слова мужа теперь не казались бессмыслицей. Если нельзя доверять больнице, то кому тогда можно?

7

Эдриэнн надеялась на лучшее. Увольнение Чарли казалось таким ужасным, что поначалу она посчитала его подтверждением собственных тревожных мыслей относительно характера мужа. Потом, когда он так быстро получил новую работу, она вновь начала сомневаться в обоснованности этих мыслей. Чарли был членом профсоюза, образованным и проверенным, получил образование, которое требовало постоянного подтверждения квалификации, за ним следил совет медработников штата, совет по этике, супервайзеры и отдел по работе с персоналом. Если такие серьезные обвинения не повлекли никаких последствий, если его так быстро наняли после увольнения – значит, это все обычные составляющие процесса. Невозможно было себе представить, что институт, которому доверяют жизни людей, не следит за работой персонала хотя бы так же внимательно, как за сохранностью запасов морфия. Эдриэнн не разбиралась в медицине, но разбиралась в бизнесе; все указывало на то, что увольнение и последующее принятие на работу Чарли имели под собой не больше этического подтекста, чем любая другая корпоративная реорганизация.

Смена места работы, как ей виделось, дала мужу новый толчок. Сама работа получила новый вектор развития и стала лучше оплачиваться. Чарли, казалось, был в восторге от нового распорядка, изучения новых технических систем и новых пациентов, на которых их можно было опробовать. Этот восторг отразился и на его поведении дома, которое стало если не позитивным, то как минимум более живым. Чарли даже согласился работать днем, чтобы их с Эдриэнн расписания не были абсолютно противоположными. Это добавило расходов на дневной уход за детьми, но выглядело обнадеживающим знаком для отношений. Всего через неделю у них снова начались проблемы.

Эдриэнн не видела в Чарли хорошего мужа очень давно, но после рождения второй дочери, Саскии, в середине декабря 1991 года она перестала видеть в нем и хорошего отца. В конце концов даже Эдриэнн уже не могла игнорировать тайный алкоголизм Чарли. Избегать этой темы больше не представлялось возможным. Поначалу он это отрицал. Затем Эдриэнн взломала его ящик, когда он был на работе, и предъявила ему бутылки. Чарли попытался сместить акцент спора на нарушение его личных границ, но Эдриэнн на это не купилась. Наконец он признал, что выпивает, но продолжил настаивать на том, что в этом нет ничего

страшного. Он чувствовал себя подавленно, но нет, антидепрессанты принимать не хотел. Для Эдриэнн было очевидно, что депрессия мужа только усиливалась от выпивки, что он катился по наклонной – и это сказывалось на их семье. Спорить с Чарли, когда он был пьян, не имело никакого смысла. Они ссорились и обменивались ругательствами, после чего Эдриэнн мучилась по ночам, а Чарли на следующее утро этого либо не признавал, либо не помнил. Каждый раз, как она пыталась поднять эту тему, когда Чарли был трезв, он убегал в подвал. В конце концов Эдриэнн решила, что не обойдется без посторонней помощи. Семейные льготы, которые предоставлял ее работодатель, покрывали пять дней в центре лечения от алкоголизма. Но Чарли совсем не хотел бросать пить. Эдриэнн пыталась оставлять для него книги «Анонимных алкоголиков» на столе, надеясь, что он вспомнит, как раньше решал эту проблему, но это только ухудшило ситуацию. Чарли злился, или игнорировал их, или убирал, делая вид, что начал читать. Затем он сидел и пил колу с чипсами до тех пор, пока не приходилось снова скрываться от вопросов в подвале.

Чарли не видел смысла в разговорах. Ему нравилось пить. Это поднимало ему настроение, по крайней мере поначалу. Выпивка заглушала шум. Превращала утекающие минуты в застывшее Сейчас. Одновременно он чувствовал себя более отстраненным и сконцентрированным. Сконцентрированным прежде всего на себе. Он чувствовал обиду, непонимание, считал трагедией и преступлением то, что его собственная жена не понимает его хрупкости, искренности и силы его страданий. Ведь Чарли каждый день испытывал тяжелые страдания. Эдриэнн этого не признавала, хотя он ей это показывал. Он тщательно подходил к демонстрации своей боли, рассчитывая все так, чтобы, когда он уточнял по телефону цены на захоронение в местном ритуальном бюро, в гостиную заходила Эдриэнн.

Представления, которые устраивал Чарли, только еще больше раздражали жену и укрепляли его чувство ненужности. Поэтому он пробовал снова. Он ждал, когда услышит шаги Эдриэнн, идущей с кухни, и драматично падал с дивана на пол гостиной – с высунутым языком, рассыпанными повсюду таблетками из янтарного пузырька: кошмарная сцена самоубийства. Чарли думал, что немного театральности поможет ему продемонстрировать искренность своей боли. Но Эдриэнн лишь глубоко вздохнула, перешагнула через него и взяла со столика журнал, оставив Чарли позировать на протяжении неизвестно какого количества времени. Ползая по ковру, собирая таблетки по одной и аккуратно кладя их обратно в пузырек, он выделил себе

дополнительную дозу жалости. Он понимал, как неправильно поступает его жена, когда игнорирует продемонстрированные им страдания. Он цеплялся за эту боль по нескольку дней, а затем изобретал новый способ вызвать к себе сочувственное внимание. Однако чем больше он пытался показать Эдриэнн, что нуждается в ее заботе, тем больше она его ненавидела.

В ноябре 1992 года Эдриэнн наконец решила, что с нее хватит. Она ничего не сказала Чарли, но сказала адвокату; она боялась, что ее дети могут повторить судьбу Квини. По пути домой в ранних сумерках она чувствовала, что ее тайное решение придает ей сил. Единственной проблемой было то, что Эдриэнн нужно было сделать операцию на желчном пузыре в будущем январе, и операция эта была назначена в больнице Уоррена, где работал Чарли. Адвокат говорил, что бумаги еще не будут готовы, но Эдриэнн настояла. Она ни в коем случае не собиралась ложиться в эту больницу – больницу Чарли – без бумаги, подтверждающей ее желание развестись и причины, которые ее на это подтолкнули. Если Чарли будет там работать в этот день, сказала она, то с ней может что-нибудь случиться, как с Квини. Она не могла сказать точно, почему она так думала, и боялась это делать. Все, что она сказала своему адвокату, – это то, что необходимо успеть в срок. Отец Эдриэнн сопровождал ее на операцию и ждал в комнате отдыха. Она попросила его не пускать других посетителей, особенно ее будущего бывшего мужа.

Чарли работал в больнице в тот день, когда получил бумаги о разводе. Тот, кто их доставлял, обманул Чарли, чтобы тот представился, а следом вручил ему бумаги прямо в руки и на глазах у всех. Для Чарли было унизительно получать такие личные новости на работе. Затем он попытался найти Эдриэнн в послеоперационном отделении, но нашел только своего тестя и закрытую шторку. Когда Эдриэнн отправили домой, отец поехал с ней. Дома Чарли отправили спать на раскладную койку, будто он представлял угрозу. Сначала Чарли вел себя возмущенно, а потом просто жалко. Постепенно к Эдриэнн начало возвращаться давно забытое сочувствие к мужу. Он страдал. В конце концов, он был отцом ее детей. Он уже не пытался оспорить факт развода – так нужно ли его наказывать? Супруги решили так: Чарли съедет, как только сможет себе это позволить, а пока этот вопрос не решится, они будут жить вместе. Почти тут же Эдриэнн пожалела о своем решении.

8

Январь 1993 года

В ту ночь приехали полицейские, двое молодых патрульных с двумя тяжелыми фонарями «Мэглайт». Они припарковали свой автомобиль так, чтобы его было заметно. Для Эдриэнн было непривычно выносить сор из избы, переносить его на бумагу{32}. Она сказала полицейским, что ее будущий бывший муж был опасным алкоголиком, и намекнула на обвинение в домашнем насилии. Она обнаружила своего мужа пьяным напротив камина, уставившимся мертвым взглядом на книги «Анонимных алкоголиков» и кидающим страницы в огонь. Она рассказала им все, что могла, включая расследование в больнице и как Чарли однажды хвастался, что отравил жестокого парня своей сестры с помощью жидкости для зажигалки в детстве. В ее голове еще не сложилась полная картина, но она хотела дать официальные показания, которые связали бы эти истории с его алкоголизмом и ее страхом за детей и за себя. Возможно, вызов копов помог бы ускорить процесс. Отчасти это была демонстрация, но она помогла Эдриэнн чувствовать себя спокойнее.

Эдриэнн рассказала офицеру все странности Чарли, которые могла вспомнить. Вызов по коду «домашнее насилие» быстро превратился в монолог о странных происшествиях, которые происходили с домашними животными Калленов. Столько всего выглядело неправильным дома, в больнице, в их браке, но на животных она могла указать абсолютно уверенно. Дело было не только в пропавшем щенке – в разные моменты это были хорьки, хомячки, рыбки и, конечно, Леди, ее старая собачка. Эдриэнн рассказала офицерам, как Чарли привязывал их йоркшира к столбу во дворе, пока она была на работе, как собака лаяла и бегала по кругу, пока люди из общества защиты животных ее не забрали. Эдриэнн пришлось ехать в общество по предотвращению жестокости к животным и умолять вернуть собаку – это было унизительно. После того инцидента Каллены стали держать собаку в доме. Вскоре из подвала до слуха Эдриэнн стали доноситься странные звуки. Иногда ее будили звуки ударов и визги. Чарли утверждал, что дрессирует собаку, но Эдриэнн думала, что он ее наказывает. Эдриэнн шла туда в халате и тапках, взламывала дверь, но боялась идти дальше. Она кричала с верхних ступенек лестницы: «Оставь ее в покое!» Чарли не отвечал, но звуки прекращались. Эдриэнн стояла там, слушала тишину и ждала. Она была уверена, что он внизу, стоит замерев, будто ребенок, притворяющийся невидимым под одеялом.

Наконец она закрывала дверь в подвал, ложилась обратно в кровать и накрывала голову подушкой.

Чарли злился. Уму непостижимо, да и к тому же нечестно, что его жена рассказала все полиции. У нее не было никакой причины даже вызывать их. У Чарли было много недостатков, но жену он никогда не бил. Она изображала это для адвокатов. Заставила его выглядеть плохим парнем, даже сумасшедшим, чтобы все это было зафиксировано на бумаге для развода. Не важно, по какой причине она вызвала полицию, раз они здесь – она своего добилась. Эдриэнн рассказала им даже о том, что он симулировал суицид. Ответным ходом Чарли было запить двадцать таблеток бутылкой каберне из супермаркета. Так он решил показать ей свою боль по-настоящему.

Чарли часто представлял свою смерть, даже когда был ребенком в Уэст-Ориндже. Он мечтал, что погибнет от пули в голову. Он представлял себя героем войны, копом, знаменитым и значительным сенатором, произносящим речи, которые люди запомнят навсегда. И он был мертв. Словно мученик. Благородный герой. Но все это было только мечтой. Он открывал глаза и превращался обратно в ребенка, в ничто. Такая жизнь ему не предназначалась. В католической школе он чувствовал себя глупым и униженным; в миру он был отстраненным и одиноким. Иногда он был так подавлен, что отказывался идти в школу или даже двигаться. Все, чего он хотел, – остаться дома с мамой.

Первую попытку суицида он совершил, когда ему было девять. Чарли смешал содержимое химического набора из церковного благотворительного ящика со стаканом молока, но набор не был хорош для этой цели, поэтому Чарли удалось только довести себя до рвоты. Вторая попытка случилась в декабре 1977 года. Чарли был дома, притворялся больным, чтобы не идти в школу, когда зазвонил телефон; его мама попала в аварию, за рулем была его сестра-эпилептик. Никто не сказал Чарли, что столкновение было лобовым и что его мать уже мертва. Чарли попытался найти ее в больнице Маунтинсайд, но персонал сказал ему, что тело его матери уже забрали. Больше он ее не видел.

Чарли думал, что в Маунтинсайде ему соврали[33], в чем он затем обвинял все больницы сразу, так никогда и не простив. Он был зол и безутешен и снова решил найти выход в самоубийстве. После этой попытки он впервые оказался в больнице и впервые стал наблюдаться у психиатра, но говорить с врачом Чарли пока не хотел. Он не хотел ничего говорить, но имел в виду: *«Никто не вылечит мою боль. Только я сам»*. Психиатр отправил его домой, в ту дыру, где раньше жила его мать.

Чарли не хотел возвращаться в школу или в мрачный деревянный дом, куда в любое время дня и ночи приезжали мужчины бог знает с чем в крови и на уме. Единственным выходом, который он видел, было вступить во флот. Вербовщики пообещали ему новую жизнь и форму: белые ботинки, белые штаны и ремень и даже белую фуражку, которые не выцвели на другом парне. Для Чарли служба во флоте представлялась самой спокойной во всех вооруженных силах, одновременно героической и безопасной, прямо как его детские мечты о смерти. «Я не умру, – думал Чарли, – но я мог бы умереть». Он представил себе полную тишину, как в фильмах про подлодки, размеренный ритм, амниотические красные лампочки и записался на подготовку техников для обслуживания шестнадцати ядерных ракет «Посейдон» на корабле «Вудро Вильсон»{34}. Однако вскоре Чарли надоела рутина – и он понял, что техника ему неинтересна. Ему не нравилось выполнять приказы и сидеть в подлодке в окружении странных и грубых мужчин. Тур за туром бледный юный моряк по прозвищу Чарли-кверху-брюхом был объектом насмешек даже для новичков. Он не раз пытался разорвать свой шестилетний контракт, но удалось ему только получить несколько понижений в звании и наказание за отказ подчиняться приказам{35}. А сослуживцы отмечали все более и более странное поведение Чарли{36}. Свой последний год{37} он провел над водой, отмывая туалеты и напиваясь при первой возможности{38}.

Когда заканчивался алкоголь, он пил «Листерин»{39} или чистящее средство. 13 января 1984 года Чарли выпил бутылку и обратился в лазарет «Канопуса». «Я выпил какую-то отраву, – сказал он медику. – Я не очень хорошо себя чувствую». Это было уже третье его заявление о попытке суицида с тех пор, как он поступил на службу, и третий раз, когда он оказывался в психиатрическом отделении военно-морского госпиталя{40}. Однако, несмотря на все его имитации суицида, Чарли на самом деле не стремился себя убить; монахини в католической школе объяснили ему, что самоубийство – грех, а Чарли не хотел после смерти оказаться в чистилище{41}. Но он мог заставить себя заболеть, а это было по многим параметрам лучше. Все любят тебя сильнее, когда ты умираешь.

Чарли еще восстанавливался{42} после попытки самоубийства в отделении интенсивной терапии, когда к нему пришла Мишель Томлинсон. Мишель была медсестрой в отделении телеметрии больницы Уоррена, другом Чарли и, как он надеялся, могла бы стать кем-то бóльшим для него. Он знал, что между ними есть взаимопонимание. Во время смены всегда наступали моменты,

когда все пациенты проверены, а бумаги заполнены, и эти паузы Чарли и Мишель занимали беседами. Чарли считал, что они с Мишель очень похожи. Мишель тоже была в депрессии. Она ценила его. Их даже можно было бы назвать родственными душами.

Мишель видела Чарли так, как он хотел бы, чтобы его видели. Она жалела его. Она видела его глубину и боль и отвечала на нее материнской заботой. Он был раненым птенцом. Мишель принялась его лечить своим вниманием. Именно она предложила, чтобы Чарли перевели в психиатрическую клинику Мюленберг в Бетлехеме, штат Пенсильвания. У Мишель были там знакомые, как она говорила. Это была хорошая идея. Чарли она понравилась. Он попросил о переводе, доехал туда на скорой и начал устраиваться. Мишель оказалась права. Ему понравился Мюленберг. Мишель приходила туда, приносила цветы. Она придвигала стул и садилась рядом с Чарли. Даже на больничной койке и после попытки суицида он мог ее рассмешить. Он шутил над собой, был смешным и обаятельным – по крайней мере, ей так казалось. Мысль об этом, надежды, которые у Чарли появились в связи с этим, заняли настолько прочное место в его голове, что он выписался из Мюленберга под собственный залог – как раз вовремя, чтобы встретиться с адвокатом жены.

Чарли был решительно настроен самостоятельно представлять свои интересы при разводе{43}. Развод сам по себе уже ударил по его карману, так что платить незнакомцу только за его ученую степень, для того чтобы ускорить процесс, казалось бессмысленным. На самом деле Чарли предвкушал примерку новой роли собственного адвоката, и ему не терпелось показать, что он может говорить как юрист и вообще справляться с этой задачей. Он умел быстро учиться и не сомневался в том, что способен дать отпор профессиональному адвокату Эдриэнн, местному юристу по имени Эрнест Да. Чарли показалось странным, что союз, заключенный именем Господа в красивом банкетном зале, может быть расторгнут адвокатом, сидящим за офисным столом. Да предоставил список совместно приобретенных вещей, разделенный поровну. Ей останется дом, ему – «хонда» и «форд». Восточный ковер и китайский фарфор они продадут. Остальные вещи легко помещались в багажник его «эскорта» для десятиминутной перевозки по трассе 22 до его новой квартиры в другой части Филлипсберга.

Чарли по объявлению в газете нашел квартиру в подвале семидесятилетнего каменного дома{44} и договорился об аренде по телефону, даже не посмотрев ее вживую.

Хозяйка отнеслась настороженно к странному мужчине,

который захотел снять квартиру по телефону, но успокоилась, узнав, что он давно работает медбратом, воспитывает детей и не курит. Чарли не упомянул лишь одну деталь: ее потенциальный жилец звонит ей из отделения психиатрии. Он рассказал об этом Мишель, когда вернулся на работу в Уоррен.

На работе он, казалось, привязан к ней, будто щенок. Мишель была матерью-одиночкой на работе с полной занятостью, недавно прошедшая через утомительный развод и неустойчивые отношения с Джерри, который то был ее бойфрендом, то не был. Чарли стал для нее утешением. Какая бы абсурдная история ни случалась с Мишель в ее неудавшейся жизни, Чарли рассказывал нечто подобное, а то и более странное. Он всегда был готов выложить очередную главу своей нелепой жизни. Они называли это вечеринкой неудачников, шутя, но понимая, что это именно она. Поэтому когда они с Джерри расстались на неделю, Мишель подумала: какого черта! можно попробовать, – и нарушила свое правило не встречаться с коллегами. Она разрешила Чарли разок сводить ее поужинать.

9

Чарли погрузился в приготовления: брился, шел в душ, снова брился. Он чувствовал себя красивым и обаятельным, глядя в зеркало заднего вида по пути на ужин. К тому времени, как Мишель заказала брауни на десерт, Чарли уже влюбился. Он наблюдал за ней с противоположной стороны стола, ковыряя сливочную помадку специальной длинной ложкой, и понимал: они с Мишель – родственные души и всё тут. Поэтому Чарли включил обаяние.

Как он понял, Мишель любила брауни. Поэтому Чарли начал приносить их ей каждый день, даже в свои выходные. Когда она их не ела, он накрывал их и оставлял рядом с картами пациентов, иногда вместе с другими маленькими романтичными подарками, которые она должна была обнаружить. Не получив от Мишель никакой реакции на них, Чарли решил, что прикладывает недостаточно усилий. Три ночи в неделю они работали в одну смену, но Чарли нужно было больше. Когда ему не удавалось выбить себе нужную смену, он приходил просто так и все время таскался за Мишель, пытаясь ее обаять. Однажды он пришел с кольцом.

Я тебя люблю, сказал он. Я влюблен в тебя, Мишель. Однако она отреагировала вовсе не так, как он предполагал. У нее вдруг появились срочные дела с пациентами. Остаток смены она избегала постов медработников и не попрощалась перед уходом. Он попытался позвонить ей домой, но услышал только автоответчик. *Может быть,* подумал он, *я увижу ее завтра на работе.*

Весь март он занимался рабочими делами в спешке, сообщая родственникам умерших новости с интонацией, которая звучала как «я же говорил». Время шло, солнце поднималось, ночная смена подходила к концу. Чарли взял свое пальто, добрел до машины и поехал по шоссе, щурясь сквозь небольшой просвет в замерзшем переднем стекле и думая лишь о том, почему Мишель его отшила. В ней больше не было света; она больше не служила для него маяком. Тьма в столь родственной ему душе означала лишь одно: Мишель в депрессии. Он был в этом уверен. Поэтому они и были родственными душами. Жизнь ей надоела. Она нуждалась в нем, но была настолько подавлена, что не решалась ему об этом сказать.

Вернувшись домой, Чарли набрал номер Мишель, даже не снимая пальто. Он попал на автоответчик, поэтому набирал снова и снова. Спустя несколько часов он прекратил попытки

дозвониться. Тогда зазвонил его телефон. Это был Джерри, то-бывший-то-нынешний парень Мишель, который сказал: «Отвали, оставь ее в покое»[45].

«Слушай, – продолжал Джерри. – Мишель очень расстроена, она в истерике от всего этого».

Чарли пробормотал что-то и положил трубку. Что Джерри имел в виду, когда сказал «в истерике»? Мишель в истерике? Чарли знал и понимал ее лучше, чем Джерри был способен. Да, звонил, конечно, Джерри, но вся эта ситуация была криком о помощи со стороны его дорогой Мишель. Она была в беде, возможно, собиралась покончить с собой. Он мог бы спасти ее. Чарли был для нее героем, он это знал, даже если Мишель об этом забыла.

10

23 марта 1993 года

Мишель снимала кондоминиум. Чарли знал адрес. Он приезжал туда, чтобы осмотреть ее окна и ничего не увидеть, затем поворачивал налево, потом еще раз, объезжая здание со всех сторон, следом поворачивал в противоположную сторону, чтобы увидеть дом с другого угла и удостовериться, что ничего не пропустил. А после возвращался домой и оставлял еще одно сообщение на автоответчике. Потом опять садился в машину и начинал объезжать ее дом.

В этот раз он обнаружил, что в одном окне горит свет, а машина Мишель стоит на подъездной аллее, но в окнах никого не видно. Он снова объехал район, чтобы удостовериться. Ничего. Только машина, внутри квартиры никакого движения. Затем ему в голову пришла страшная мысль: что, если она пытается ему дозвониться? Прямо сейчас? Каждая поездка занимала минимум сорок минут. Он должен ехать быстрее. Сколько раз она уже пыталась ему позвонить?

Дома он разглядывал автоответчик, лампочка на котором по-прежнему не горела. На случай, если лампочка сломана, он все равно включил воспроизведение. Никаких сообщений. Он позвонил еще раз, набрав номер в темноте по светящимся кнопкам, оставил длинное сообщение, рассказав все, что у него на душе, затем повесил трубку и вернулся в машину. Доехал до квартиры Мишель, увидел, что машина на месте, как и свет в окне, но в окне все еще никакого движения. Почему она не отвечает? Он вернулся к себе. Лампочка не горела, но он снова проверил сообщения – на всякий случай. Взял трубку, чтобы позвонить, но понял, что уже очень поздно. И все равно позвонил. Никто не ответил. Он опять поехал к ее дому. Был туман и лил дождь, когда он заглушил двигатель у края дороги и сделал шаг на ее лужайку. Его белые рабочие ботинки насквозь промокли. Он осторожно прошел по щебню рядом с фундаментом и с крыльца заглянул через стеклянную дверь в темную кухню. Там не было никакого шевеления, лишь мигала красная лампочка автоответчика. Дверь была заперта, поэтому Чарли разбил ее кирпичом. Он подождал, не отреагирует ли кто-нибудь на шум. Но все было тихо, и он зашел внутрь.

Кухню освещали только электронные часы на плите. Чарли вытер кроссовки о кухонный ковер, смахнул с себя осколки и остановился, прислушиваясь. Услышал лишь ход часов и биение собственного сердца. Ничего больше. Он не слышал даже своих

шагов, пока поднимался по лестнице. Дверь в спальню была закрыта. Чарли ее открыл.

Внутри он почувствовал запах человеческих тел, звук сонного дыхания, глубокого и размеренного. Чарли постоял на пороге, наслаждаясь интимностью момента. Наблюдать за спящими очень приятно. Особенно потому, что они не замечают, что за ними наблюдают, прямо как люди, не замечающие, как за ними смотрит Господь.

Потом Чарли заехал в мини-маркет. Он купил огромный стакан кофе, чтобы побороть утреннюю прохладу, и подождал около телефона-автомата, пока не встало солнце и он снова мог позвонить. В этот раз Мишель ответила. Голос ее звучал измотанно: кто-то вломился к ней в квартиру. Разбили дверь и зашли внутрь, пока она и ее сын спали. Это звучало почти как изнасилование.

Чарли положил руку на металлический шнур. Он сказал, что хотел, чтобы Мишель знала – он так много ей хотел рассказать – прежде всего, что он говорил с Джерри. Что он знает, что они с Джерри снова вместе и Чарли не должен больше ее беспокоить. Он это понял и не имел ничего против. Затем он сказал Мишель: «Это я сделал это с твоей квартирой»[46].

В этот момент Мишель замерла. «Сделал это» с ее квартирой? Она не знала, что спрашивать дальше. Что еще он сделал? Входил ли он внутрь? Ну да, сказал Чарли, входил. «Я хотел проверить, – сказал он, – убедиться, что у тебя все в порядке. Что ты ничего не натворила… например, не совершила самоубийство».

Мишель молчала. «Знаешь, мне немного не по себе сейчас», – сказал Чарли. Он объяснил, что поймет, если она захочет позвонить в полицию или что-то вроде того. Таким образом он решил продемонстрировать ей искренность своих намерений.

Чарли знал, что привязал к своей ноге еще один камень, который уже тянет его на дно. Он залез обратно в машину, чувствуя себя идиотом. Дома он достал из холодильника колу, нашел полпачки чипсов и сел перед телевизором, когда зазвонил телефон. Это был офицер полиции округа Палмер. Им поступил ордер на арест Ч. Каллена, ростом 1,72 метра, весом 68 килограммов, с русыми волосами и усами. Да, сказал Чарли, это я. Он пообещал самостоятельно приехать в отделение полиции и сдаться.

В обычной ситуации это был бы идеальный момент для попытки суицида, но необходимость появиться в полицейском участке все осложняла. Если правильно рассчитать время – можно совместить; вообще-то, подумал он, так даже лучше. Он потеряет сознание прямо в камере, где его точно увидят и спасут. Он

одновременно будет и преступником, и жертвой. Чарли выпил горсть ксанакса с дозировкой в 0,05 мг, который ему выписал врач в отделении психиатрии, и добавил дарвоцет, который украл у жены после ее операции на желчном пузыре – в сумме двадцать таблеток. Затем поехал прямиком в участок.

Это был он, добросовестный сотрудник сферы здравоохранения, влюбленный и обеспокоенный, такой простой, что пообещал полицейскому приехать – и приехал вовремя. Когда таблетки подействовали, он понял, что играет Ромео, отравленного любовью и ядом.

Таблетки сработали так, как он и предполагал. Ксанакс – быстродействующий антидепрессант, поэтому его эффект Чарли почувствовал раньше, став ко всему безразличнее, а опиаты, украденные у жены, утяжелили его шаги. Чарли отвечал на вопросы, чувствуя себя расслабленно и под кайфом. Он протянул пальцы, и сержант прокатил каждый по коробке с чернилами, а затем по нужным квадратикам. Полицейские Палмера сфотографировали его и посадили за столик с печатной машинкой. Однако они не собирались задерживать Чарли. Заявление заполнено, у них его адрес и номер телефона. Они знали, где его найти, если он не придет на заседание.

Чарли почти валился с ног, когда его отпустили. Зимнего солнца уже почти не было видно, и холодный дождь лил с грязно-серого неба. Он нашел ключи, сел на место водителя и уставился в мутное лобовое стекло. Он не мог здесь оставаться, потому что так его никто не увидит. Он выехал на главную дорогу, услышал гудок и увидел белую полосу. Сквозь стекло моргнули тормозные огни, по крыше стучал дождь. Ему нужен был телефон-автомат. Он припарковался около какого-то мотеля, открыл входную дверь, но остановился на полпути. Дождь холодными иглами впивался ему в шею, колени промокли. Кому бы позвонить? Сейчас явно не время звонить Мишель и уж тем более нельзя звонить бывшей жене. Единственный номер, который он смог вспомнить, – номер няни. Чарли позвонил. Затем сел на край тротуара и стал ждать скорую.

11

Апрель 1993 года

Скорая проехала по аллее, усаженной голыми деревьями, по направлению к каменной крепости пепельного цвета. Приют для душевнобольных штата Нью-Джерси мало изменился за 150 лет, за исключением того, что поменял название. Теперь он назывался психиатрической больницей «Грейстоун» в Морристауне. Большинство людей называли ее просто «Грейстоун»{47}. Это было впечатляющее, даже пугающее здание со ступенчатыми сводами и имперскими колоннами, классической постройки 1870-х годов по плану Киркбрайда, украшенное словно огромный свадебный торт. Имя больницы отсылало к камню, плитам из гнейса, добытым прямо на территории площадью в семьсот акров и сложенным в виде крепости, чтобы отделить жителей города от заключенных больницы. На следующий день после Налогового дня в 1993 году{48} Чарльза Каллена перевели туда для интенсивной терапии в стационаре. Его провезли через дубовую дверь, обитую металлическими шипами, в обычный современный офис для оформления.

«Грейстоун» была ветхим и устаревшим учреждением с рваным линолеумом и облезающей краской, которому оставалось несколько лет до того, как оно будет закрыто навсегда. В приюте не хватало сотрудников и было холодно, а кровати – когда-то Грейстоун мог разместить до семи тысяч заключенных – теперь были заняты лишь несколькими сотнями пациентов и обслуживались минимальным числом работников. Однако старые камни всё еще сохраняли былое величие, и Чарли льстил такой перевод. Приют был построен согласно философии, по которой архитектура была важным компонентом лечения ума, и буколический вид «Грейстоуна» был так же необходим, как жестокая инсулиновая шоковая терапия или более тихая психиатрическая хирургия, направленная на реабилитацию людей в депрессии и склонных к суициду.

Комната Чарли находилась в том жилом крыле, которое, словно спица от колеса, тянулось от главного здания. В каждой комнате окно с решеткой, а за ним – успокаивающий пасторальный пейзаж. Величественная дорога, бережно ведущая в дикие заросшие предгорья реального мира. Подобная обстановка, вместе с недостатком света и физической активности, может помочь заключенному избавиться от плохих идей, обсессии и других умственных спазмов, которые вызывает в хрупком человеческом мозгу все более и более индустриализированный

мир. Надежды строились на том, что душевные болезни – следствие окружения, а не индивидуального устройства личности; смени обстановку – изменится и человек. Так, по крайней мере, думали.

Пребывая в «Грейстоуне», Чарли со временем почувствовал себя лучше. В каком-то смысле даже счастливым. Из-за того ли это, что он отдохнул от прежней жизни, или из-за некоего открытия своей настоящей внутренней природы – его не интересовало. Счастье было мыльным пузырем, который мог лопнуть от тяжелых мыслей. Толстые каменные стены «Грейстоуна» – словно подвал, построенный над землей и отделяющий его от стрессов на работе, в личной жизни и от собственных триггеров и компульсий.

Во время занятий с терапевтом Чарли не приходилось бороться за внимание и за то, чтобы его оценили. Он научился сдерживать известных ему демонов с помощью ободряющих психологических фраз. Говорить о себе поощрялось; фактически только о его психологических трудностях и шла речь. Он наслаждался этим апрелем. Каждое утро Чарли вставал и оглядывал территорию приюта, обращая внимание на стремительно зеленеющую лужайку и голые деревья, на которых уже появились первые почки. Это были влажные дни, погода была светлой и уютной, с елового неба капал маленький дождь, а каменные стены обволакивали прохладой. Не было никаких сюрпризов, раздражителей, писем или звонков. Он чувствовал себя спокойно. Может быть, дело было во внимании, может быть, в занятиях, а может быть, в лекарствах – но апрель 1993-го стал хорошим месяцем. Затем страница календаря перевернулась – и отпуск закончился.

Небо прояснилось, облака рассеялись, и жара наступила рано. Каждый день бил новые рекорды, будто Бог поворачивал регулятор все дальше и дальше. На второй неделе мая температура достигла уже 32 градусов по Цельсию. Жилые помещения превратились в печь, окна были такими горячими, что невозможно притронуться. Погода стала главной темой групповых встреч – погода, о которой невозможно было не говорить. Однако фокус сбился. В очередной из таких невероятно жарких дней Чарли увидел записку, которая лежала на его спальном месте.

У пациентов «Грейстоуна» не было телефонов; все звонки проходили через старый коммутатор, а сообщения записывались карандашом на маленьких обрывках бумаги. Чарли узнал территориальный код 908 и номер телефонной станции больницы Уоррена и понял: вот оно. Он размышлял о том, снизошли ли они

до того, чтобы официально его уволить, или дело было куда серьезнее.

В Уоррене он явно не произвел хорошего впечатления. Чарли не интересовали последствия смертей пациентов. Две, которые вспомнились сразу, были тихими и совершенно неприметными. Однако эмоциональный срыв Чарли было трудно не заметить; его личная жизнь открылась в Уоррене всем. Сотрудники знали все сочные детали преследования, видели, как его привезла в реанимацию няня. Чарли знал, как это выглядит: преследователь Мишель, только что в очередной раз попытавшийся покончить с собой и потерпевший неудачу, на полпути то ли в психушку, то ли в тюрьму. По крайней мере, они обратили на него внимание. Он перезвонил.

Положив трубку пять минут спустя, Чарли хотелось захохотать – не вслух, разумеется: смех в одиночестве не поощрялся сотрудниками психиатрического учреждения, но ему было смешно. Звонили действительно из больницы Уоррена. Хотели знать, когда он сможет выйти на работу. Если врач «Грейстоуна» разрешит, то Чарли вернется в свою ночную смену.

12

Квартира в подвале была закрыта, пока Чарли не было дома. Теперь он снова присвоил это пространство, применив к своему личному приюту план Киркбрайда. Территория, прилегавшая к зданию, была пустой; Чарли посвятил свободное время тому, чтобы превратить этот заросший пустырь в сад. Он впитывал солнце вместе с семенами из магазина. Цветы в нем нуждались. В пределах живой изгороди Чарли был главным.

В Уоррене он иногда замечал краем глаза Мишель Томлинсон: например, в закрывающемся лифте или в желтом свете парковки, идущую к своей машине, – и каждый раз он чувствовал странный порыв окликнуть ее. Однако Мишель никогда его не замечала или делала вид, что не замечала. Это было не так уж важно. Даже если она его и увидела бы, запретительный ордер не позволял им работать вместе в отделении интенсивной терапии, как зачем-то объяснила Чарли его новый супервайзер Конни Тремблер. Чарли не нуждался в том, чтобы ему говорили, что он может, а что не может делать. Он был настроен вести себя хорошо. Конни все распиналась о новых правилах, пока Чарли отсутствующе смотрел на нее. Он знал, что облажался в истории с Мишель. Лучшим проявлением раскаяния он посчитал молчание. Кроме того, Конни перевела Чарли в замечательное соседнее отделение – отделение телеметрии, у которого были свои скрытые достоинства.

Телеметрия находилась в середине крыла и представляла собой что-то вроде чистилища между напряженным пребыванием в отделении интенсивной терапии и гостиничными условиями обычного больничного стационара. По большей части в нем держали пациентов с сердечными заболеваниями – тех, кто уже не в критическом положении, а идет на поправку, чье стабильное состояние может в любой момент нарушиться. За такими пациентами нужно внимательно наблюдать.

С точки зрения пациентов это чистилище, конечно, выглядело очень раздражающе. Они были увешаны проводами и капельницами, будто марионетки, привязанные к мигающей, пищащей и иногда издающей вздохи, как в мыльных операх, машине. Пациенты отделения телеметрии не находились под сильным воздействием седативных препаратов, подключение к машине их нервировало, что сказывалось на давлении и заставляло машину пищать в два раза больше – тут-то и начиналась работа Чарли. Его главным навыком было обучение пациента, заученный педагогический диалог, который он обожал.

Чарли обладал энциклопедическими познаниями в технических деталях и умел эффективно объяснить устройство прибора. Он говорил: да, напуганный пациент, вы подключены к детектору лжи, во всяком случае, к чему-то похожему{49}. Если понять, как это работает, полиграф не будет казаться таким пугающим. Чарли знал наверняка: на тот момент он понимал устройство полиграфа лучше, чем большинство копов.

Электрокардиограмма (ЭКГ) содержит огромное количество информации. Кровь приливает к верхушке сердца и выходит из основания, выталкиваемая сокращениями камер, от предсердия к желудочку. Сокращения вызываются электрическим импульсом. ЭКГ представляет эти импульсы в виде неровной линии, которую рисует игла с чернилами на движущемся листе миллиметровой бумаги.

Обычно Чарли объяснял это, присоединяя электроды к худым грудным клеткам пожилых пациентов, к их соскам, напоминающим ластик с пучком волос.

В здоровом сердце мышцы сокращаются, прогоняя кровь через него, как фермер прогоняет молоко через коровье вымя. На ЭКГ нормальное сердцебиение выглядит как горный хребет. Размер пиков и расстояние между ними дают нужную информацию. Некоторые выглядели плоско, другие – слишком кучно, третьи – неровно, а некоторые были совсем неровными. Глядя на лист бумаги, медработник может определить, что именно не так; под больничной робой, в грудной клетке, сердце дергается будто кот в мешке.

Затянувшийся развод Чарли привел к тому, что той весной ему пришлось дважды проходить тест на полиграфе. Первый был вызван обвинениями Эдриэнн в том, что ее муж – опасный алкоголик, который выпивал в то время, пока должен был присматривать за детьми. Вместе с вызовом полиции по делу о домашнем насилии эти обвинения стали главными аргументами для того, чтобы Эдриэнн потребовала полной опеки над детьми. Идея с полиграфом принадлежала ей. Тест был организован 18 июня – через два месяца после того, как Чарли выписался из «Грейстоуна». Аппарат показал, что Чарли прошел тест и говорил правду. Однако это была лишь маленькая победа в чудовищной войне, которую он развязал в суде. Спустя двенадцать дней Эдриэнн выдали запретительный ордер против ее мужа.

Бракоразводный процесс в суде по семейным делам округа Уоррен проходил для Чарли не самым лучшим образом. Точно так же, как и его дело в суде общей юрисдикции округа Нортгемптон. Чарли были предъявлены обвинения в преследовании, взломе с проникновением, нарушении границ

частной собственности и домогательствах. Это было уголовное дело, гораздо более серьезное, чем развод, которое вел мрачный и агрессивный государственный обвинитель. Поначалу Чарли хотел представлять себя в суде самостоятельно, но вскоре понял, что ему с этим не справиться.

Для того чтобы запросить государственного адвоката, Чарли должен был предоставить доказательство своей финансовой несостоятельности. И хотя его заявление содержало список таких необходимых расходов, как 1460 долларов США алиментов, оплата визитов к психотерапевту и обслуживание кредитных карт, он не указал свои первоочередные траты: жилье, еда и т. д. Это не было случайной ошибкой – незначительные расходы на поддержание жизнедеятельности просто не имели значения. Для Чарли их не существовало. Он был практически банкротом, но его доход показался суду достаточным, поэтому его запрос о предоставлении государственного защитника был отклонен. Теперь ему необходимо было платить еще и адвокату, что увеличивало количество долгов{50}. Чарли выбрал его по рекламе в телефонном справочнике и заплатил аванс. Их сотрудничество продолжалось три дня, по истечении которых адвокат отказался представлять его интересы, так как счел Чарльза Каллена «слишком сложным» человеком. Будучи не в состоянии дать выход своей фрустрации в зале суда, Чарли направил свою злость против своего бывшего адвоката. Он написал длинное и пространное письмо в суд, в котором сравнивал профессию юриста со своей собственной. Может ли медработник просто бросить пациента? Нет, не может. Почему? Это неэтично и поэтому непрофессионально. Эта тирада не улучшила его положение. Теперь у него не было другого выбора, кроме как представлять свои интересы самому.

В суде Чарли был практически беспомощен, и он сам это понимал. Десятого августа он сдался и признал себя виновным по наиболее мягким статьям: домогательство и открытое нарушение границ частной собственности. Он получил штраф и условный срок, но в тюрьму его не отправили. Его отпустили домой, где он снова попытался покончить с собой с помощью таблеток и вина, а затем приехал в больницу Уоррена и сам отправился в реанимацию. Знакомое сочетание волевого действия и беспомощности частично помогли ему избавиться от стресса, подобно чиху или удовлетворенной компульсивности, но облегчение длилось недолго, и уже следующим вечером Чарли ехал домой сквозь туман.

Квартира в подвале была на удивление холодной даже в августе. Единственным звуком был «тик-так, тик-так» часов на

плите, отсчитывающих секунды. Чарли мог бы позвонить Мишель или поехать к ней, но и то и другое являлось нарушением условий испытательного срока. Он был раздавлен и молчалив, но ему хотелось поговорить. Он стучал зубами в унисон с часами на плите: тик-так, тик-так. Он прикрывал то один, то другой глаз, чтобы понаблюдать за перемещением бутылок вина слева направо, положив локти на кухонный стол фирмы «Формика» и составляя письмо судье.

Он написал: «Между мной и Мишель имели место отношения сексуального [sic] характера». Судья не уделяла Чарли столько внимания, сколько ему требовалось. Но Чарли знал судей. Он встречал их среди пациентов в ожоговом отделении больницы святого Варнавы – хрупкие мужчины без одежды, у которых не осталось ничего, кроме надежды, и которые дышали только благодаря аппарату искусственной вентиляции легких. Он писал письмо до самого утра. Почистил зубы, сплюнул в раковину кровь и поехал разносить толстую пачку написанных вручную ходатайств. Затем он поехал на встречу с Джорджем, назначенным социальной службой адвокатом, который должен был определить судьбу его отношений с детьми.

Чарли очень хотел оставить детей, особенно тогда. Маленькие дети Чарли безоговорочно любили некоторые стороны его характера. Они зависели от него, прямо как пациенты в отделении интенсивной терапии. Он верил, что спустя какое-то время может стать таким, каким его видели дети: заботливым отцом. Хорошим другом. Сочувствующим опекуном. Были люди, которые видели его таким. Среди них были некоторые его коллеги. Его мать. В какой-то момент таким его видели Эдриэнн и Мишель. Может быть, думал он, если дети останутся с ним, он сможет сделать так, чтобы они его полюбили: ведь они тоже видели его таким. Если бы Чарли получил их внимание, он бы не стал рисковать тем, чтобы снова их потерять. Тогда, может быть, у него бы не было причин пичкать лекарствами пациентов, таких, например, как мисс Натоли. Чарли был бы хорошим отцом и хорошим медбратом, таким, каким, по его мнению, хотели его видеть Джордж и суд по семейным делам. Рекомендации Джорджа были ключом к его будущему, поэтому на их обязательные беседы Чарли всегда приезжал трезвым.

Разумеется, Джордж ничего не знал о том, что Чарли убивает людей. Однако он был в курсе того, что Чарли неоднократно пытался покончить с собой или как минимум имитировал такие попытки. Джордж отметил в деле Чарли, что суицид – «самая жестокая и окончательная форма насилия/пренебрежения, отказа и ухода, которой можно подвергнуть детей». На той же неделе

адвокат Эдриэнн использовал этот отчет в суде. Вместе с другими уликами, подтверждающими его алкоголизм, вызовы полиции и опасения Эдриэнн насчет того, что если оставить Чарли наедине с дочерьми, то он может в состоянии аффекта «убить их и себя», это лишило Чарли шансов в суде. Единственным местом, где у него все еще была власть, оставалась больница.

13

1 сентября 1993 года

Чарли толком не знал, что делать дальше. Он не принимал никакого решения, но в последнее время наведывался в отделение интенсивной терапии и выбирал мишень. Миссис Хелен Дин должна была выписаться из больницы на следующий день. Пожилая женщина восстанавливалась после операции по удалению рака груди. У нее был взрослый сын Ларри, который, казалось, не отходил от матери. Именно эта деталь подтолкнула Чарли к действию.

Дигоксин хранился в шкафу с лекарствами в маленьких стеклянных ампулах, помещенных в пластиковый ящик, который назывался кассетой. Дигоксин – распространенное лекарство в отделении интенсивной терапии. Медработники называли его «диг» и так же коротко обозначали в картах пациентов. Этот фармакопейный аналог экстракта наперстянки замедляет работу сердечной мышцы. Чарли наполнил три ампулы, думая: «Три раза по 0,5 миллиграммов – выходит 1,5 миллиграмма межмышечной инъекции. Этого должно хватить». Он спрятал шприц в руке, словно показывал фокус, и зашел в палату.

Ларри Дин вспоминает{51}, что сидел рядом с матерью, когда зашел медбрат. С самого начала что-то показалось Ларри странным. Он приезжал в больницу каждый день с тех пор, как его мать туда положили. Он знал всех медработников хотя бы в лицо, а медбрата запомнил бы наверняка. Этого парня он раньше ни разу не видел, что было странно. Но еще более странным показалось то, что медбрат целиком одет в белое, словно мороженщик. Все остальные медработники, которых Ларри видел в больнице Уоррена, были в голубых халатах. Медбрат во всем белом сказал Ларри: «Вам необходимо покинуть палату». Он произнес это не глядя на Ларри и без какого-либо выражения на лице. Ларри сделал, как было сказано, и спустился вниз за кофе. Спустя десять минут он вернулся и обнаружил, что его мать одна и в ярости. «Он уколол меня», – сказала она.

Хелен Дин подняла свою пижаму и указала на точку на внутренней стороне бедра. У Ларри был швейцарский нож с увеличительным стеклом, и он убедился, что там действительно след от укола. Поэтому Ларри позвал доктора.

«Возможно, это укус насекомого», – сказал врач. Однако на следующий день Хелен Дин почувствовала себя очень плохо. Она обильно потела и чувствовала слабость. После остановки сердца не оставалось шансов ее спасти, и Ларри был безутешен.

Он сразу понял, что здесь что-то не так, и решил провести расследование самостоятельно. Он пожаловался онкологу своей матери, и та подтвердила, что миссис Дин не назначали никаких уколов. Он пожаловался другим сестрам, ухаживавшим за его мамой. Они сказали, что медбрата, на которого указала Хелен, зовут Чарльз Каллен.

После этого Ларри позвонил прокурору округа Уоррен. Он утверждал, что его мать убили, и рассказал, кто именно за этим стоит{52}.

Сделав Хелен Дин укол, Чарли поехал домой, размышляя о том, что произошло вечером. Он достаточно быстро пришел к выводу, что в этот раз все поймут, кто это сделал. Разве нет? Возможно, это зависело от того, мертва ли миссис Дин. На следующий день он пришел на работу и убедился в этом, хоть и удивился тому, что это заняло целые сутки{53}. Он также убедился в том, что следователи близки к разгадке. Его расписание было забито встречами, посвященными обсуждению этого инцидента. Его допрашивали врач, администрация больницы, его супервайзер, двое людей из офиса окружного прокурора и отдел по особо тяжким преступлениям{54}. Все они хотели, чтобы Чарли вслух рассказал о своих действиях. Чарли, разумеется, все отрицал, даже факт инъекции. Он наблюдал за тем, как обыскивают его шкафчик. В это время Хелен Дин отвезли в морг и отогрели. Врач из офиса судмедэксперта изучил крошечный след укола на бедре. Он проверил его на предмет наличия почти ста разных смертельных веществ. По какой-то причине, однако, судмедэксперт не стал проверять на дигоксин. Смерть Хелен Дин признали естественной{55}.

Супервайзер Каллена сообщил ему, что с этого дня его, Чарли, отправляют в оплачиваемый отпуск на неопределенный срок. Поначалу ему понравилась идея получать деньги и не работать, но потом, сидя в своей квартире и предаваясь депрессивным размышлениям, он стал думать, не придут ли за ним и не стоит ли ему организовать еще одну трагичную попытку самоубийства, как он сделал после того, как вломился домой к Мишель. Ему было нечего делать, и он целыми днями сидел на диване, до отупения пялясь в телевизор; перемещался только между кухонным столом, кроватью и диваном. Часы на плите отсчитывали секунды: тик-так, тик-так. Скорая приехала после одиннадцати часов вечера. В этот раз Чарли специально оставил дверь открытой.

14

Чарли снова прошел знакомый круг: из отделения реанимации в психологический стационар{56} и затем в амбулаторную программу терапии. После всего этого он обнаружил, что офис прокурора округа Уоррен никуда не торопится. Там провели обычный допрос. Чарли все отрицал. По окончании допроса принесли полиграф.

Его подключили к полиграфу. Иглы с чернилами начертили на миллиметровке результаты, демонстрирующие пики комплекса QRS[2] и частоту Р-волны. Чарли знал, что эти пики можно повысить или понизить, даже совсем остановить их колебания. Этим он занимался профессионально.

Полицейские не разбирались в медицине, и им было плевать, что на самом деле значили подъемы и понижения этих показателей. Их интересовали более простые вещи, такие как пульс, ритм биения сердца и давление. На основании этого они получали то, что считали правдой. Чарли считал это чем-то другим. Он понимал, что эти показатели можно контролировать с помощью дигоксина, бета-блокаторов и нитропруссида.

Полиграф давал слишком грубые результаты. Он игнорировал самые интересные области ЭКГ. Он ставил знак равенства между правдой в голове человека и поведением его сердца, соединяя их, как ребенок соединяет струной две жестянки, чтобы сделать телефон. Это была дурацкая проверка, которую Чарли легко прошел. Однако он был уверен, что полицейские знали правду{57}.

Оплачиваемый отпуск Чарли помог ему дотянуть до Нового года, но он уже решил, что не вернется в Уоррен. Для того чтобы оплачивать назначенные судьей крупные алименты, выведенные из его графика, предполагающего восемьдесят часов работы в неделю, ему нужно было найти новую работу. Чарли устроился в больницу округа Хантердон, небольшую клинику в городке Флемингтон, Нью-Джерси. Он предоставил номера телефонов больницы Уоррена и Медицинского центра святого Варнавы в качестве потенциальных рекомендателей{58}. К апрелю 1994 года Чарли зарабатывал 23 доллара в час и еще работал сверхурочно в отделении интенсивной терапии больницы Хантердона, оправдывая свои высокие рекомендации.

Супервайзер Мэрджори Уилан в своем отчете о работе Чарли описывала его как «человека, работающего на благо пациентов… заботящегося об их благополучии… организованного, готового тратить много своего времени, щедрого, смекалистого,

остроумного и образованного». Он начал встречаться с Кэти, медсестрой из его крыла, которая пережила несчастливый брак, имела троих детей и была открыта для отношений. Ему нравилось ее внимание, так же как и внимание руководства больницы. Той зимой он получил сертификат от отделения интенсивной терапии Хантердона со своим именем, вписанным нестираемым маркером. В нем говорилось: «Чарльзу Каллену, в благодарность за работу в тяжелых условиях. Спасибо за то, что трудился все эти ночные смены!» Кроме того, Мэрджори Уилан написала: «Чарли всегда ведет себя дружелюбно и вежливо! В уходе за пациентами ему нет равных! Очень полезен! Никогда не допускает ошибок».

Хотя на самом деле он их еще как допускал.

Перемены подкрались незаметно, словно ночь, сменившая сумерки. Это не было каким-то сознательным решением – Чарли не мог с точностью сказать, почему или когда это началось, – но в конце 1995 года он снова начал погружаться во тьму. К ноябрю он стал похож на бледную тень того волшебного медбрата, каким его видело руководство Хантердона.

Он не помнил имена тех, кого убивал с помощью инъекций{59}, и думал об этом не больше, чем о докладных и жалобах, которые подпортили его когда-то идеальное личное дело{60}. Некоторые медработники жаловались, что Каллен «чрезмерно смазывает» пациентов и превращает их в «сальные комки», после того как в одиночку моет их за закрытыми шторами. Подобные действия показались его коллегам непрофессиональными и немного пугающими, однако его череда ошибок с медикаментами была гораздо более серьезной{61}. Чарли поймали на том, что он давал некоторым пациентам не назначенные медикаменты, а других лишал назначенных. Супервайзер Уилан не могла объяснить ни эту неожиданную перемену, которая случилась с ее любимчиком, ни его странное поведение, но она забеспокоилась настолько, что решила проверить карты пациентов Каллена. Это не было похоже на типичные ошибки. Каждый раз, когда Каллен давал пациенту неправильное лекарство, он не записывал это в карте. Он исполнял роль доктора очень странным образом. Он даже самолично заказывал анализы. Причем эти заказы были очень конкретными, словно он искал с их помощью что-то определенное.

Утром 19 июля, через десять дней после того, как Чарли убил пожилого Джесси Эйчина дозой дигоксина, Уилан вызвала Чарли в пустой конференц-зал. Она не смогла найти объяснение пугающей цепочке событий, поэтому поставила ему ультиматум:

еще один подобный случай – и Чарли уволят.

Последние две недели перед этим Чарли мучился от боли, которую ему причинила Кэти, вернувшись к мужу. Теперь он переключился на угрозу супервайзера. Еще один случай? Это нечестно. Дело было не только в Уилан. Чарли понимал, что дело было во всех этих людях. Поэтому он сказал Уилан прямо в том закрытом зале: если они действительно думают, что Чарли такой ужасный сотрудник, то он просто уйдет. Уйдет прямо сейчас, если это их обрадует. Этого они хотят? Чарли обиженно удалился, громко захлопнув дверь машины, и со злостью поехал домой. Там достал пишущую машинку, чтобы сделать все официально, и с чувством постучал по клавишам, набивая целые предложения заглавными буквами и с большим количеством восклицательных и вопросительных знаков для усиления эмоциональности. Было приятно выпустить пар, написать, что, пускай впереди у него еще 170 часов оплачиваемого отпуска, ему плевать, они ему не нужны. Было приятно говорить эти слова: не нужны! 170 часов в награду за его идеальную посещаемость. Он написал, чтобы они пустили эти деньги на поиск нового сотрудника. Это был широкий жест, чем-то напоминающий суицид. Ведь только справедливый и незаслуженно обиженный человек может сознательно отказаться от оплачиваемого отпуска! Особенно такой, которому деньги нужны так сильно, как они нужны Чарли. Чарли доехал до почты, опьяненный предвкушением драматичной развязки. Он открыл железную крышку, засунул письмо внутрь, закрыл крышку, а затем снова открыл, чтобы удостовериться в том, что оно действительно упало в ящик. И только тогда осознал, что натворил. Он поехал домой, чтобы быстро написать еще одно письмо и послать его вдогонку, чтобы каким-то образом обнулить то первое… но было уже слишком поздно.

Уилан получила заявление Чарли об увольнении. Оно было с радостью принято. Ему будет разрешено изредка брать смены, но исключительно в качестве фрилансера, на условиях оплаты за день. Чарли обиженно согласился. Его имя снова появилось в расписании Хантердона. Но Чарли так и не появился. Он сидел в своей квартире в подвале, слушал, как звонит телефон. Он снова почувствовал себя в позиции силы, игнорируя их, задержав дыхание, по-настоящему отвечая им всем: своей бывшей жене, семье, Мишель, Кэти, Уилан. А потом телефон замолчал.

Бог от него отвернулся. Оставил его одного в подвале, проверяющего пустой ящик для писем. Пришло последнее письмо из Хантердона, где ему желали «удачи в дальнейшей карьере». Чарли снова достал свою пишущую машинку, взял одно из писем

от адвокатов жены, скопировал угрожающе официальный стиль написания даты и адреса, а затем сразу перешел к описанию несправедливости, жертвой которой он стал:

«Они проводили собеседования, как мне сказали еще до того, как Лоррета мне ответила, один из интервьюеров подошел к Лоретте и спросил: “Почему мы проводим интервью, если еще не принято решение насчет Чарли?”

Она ему ответла: “Этот вопрос даже не стоит, он слишком нестабилен”.

Если Лоретта, которая так легко сказала моему коллеге, что я нестабилен, она должна объиснить, почему они не настояли, чтобы меня проверели или хотя бы не запретили такому “НЕСТАБИЛЬНОМУ” сотруднику работать и сказали моему коллеге, что, мол, предложат мне посуточную оплату»{62}.

Чарли не понимал, что его аргумент направлен против него же самого, он лишь понимал, что приводит аргумент. Силлогизм получался следующий:

«Опасный» и «нестабильный» медбрат не должен работать в больнице.

Администрация разрешила Чарли работать в больнице.

Вывод: Чарли не опасен; жалобы на него были несправедливыми; жертвой здесь являлся сам Чарли.

Разумеется, из Хантердона ему так и не ответили. Все это стоило ему шести недель безработицы и 170 часов оплаченного отпуска, но инцидент научил его кое-чему важному: никогда ничего не записывай.

15

После увольнения из Хантердона в октябре 1996 года Чарли просто проехал дальше по дороге, чтобы подать резюме в мемориальную больницу Морристауна. Отдел кадров в Морристауне подробно изучил профессиональную биографию Каллена с помощью специальной службы{63}, но, несмотря на несколько противоречий в указанных им датах, его все равно наняли. В конце концов, *никто* точно не помнит, когда он начинал и заканчивал работать в том или ином месте, даже состоявшийся и уважаемый медбрат с девятью годами опыта работы в Хантердоне, Уоррене и «Святом Варнаве»{64}. Морристауну нужны были сотрудники, чтобы заполнить расписание. В случае Чарли это были семьдесят пять часов в неделю плюс любые смены, которые он мог взять, по новой ставке 23,27 доллара США в час, с семи вечера до семи утра в отделении кардиологии. Однако Чарли все еще был нестабилен и показать себя с лучшей стороны в Морристауне не смог.

Утренняя смена находила пациентов Чарли в луже собственной крови, двадцать пять тряпок в раковине и мусор на столе. Все это описывали в отчетах об инцидентах{65}, которые Чарли находил любопытным чтивом: он был удивлен тем, насколько дотошными были медработники, которые так точно считали количество тряпок. Один из пациентов сказал супервайзеру Чарли, что «собирался звонить в полицию», но в полицию так никто и не позвонил, а Чарли отделался лекцией. За ним наблюдали. Он это знал, потому что такое с ним уже бывало. Морристаун что-то заподозрил. Там обратили внимание на повторяющиеся инциденты, особенно с лекарствами, которые он давал пациентам. Он казался невнимательным, когда давал пациентам неправильную дозу дипривана{66} или гепарина. Чарли проработал в Морристауне меньше года, после чего больница уволила его, но не за убийства пациентов{67} – которых, по его собственному убеждению, было немного: одно или два, – а за «плохое исполнение обязанностей» и то, что они назвали «технические проблемы в работе медработника». Руководство беспокоилось за пациентов и репутацию. Такое большое количество инцидентов невозможно было игнорировать{68}. Жаловались даже пациенты.

Последней каплей стал случай с пациентом-мужчиной – Чарли не запомнил его имя. У него была запланирована операция на предстоящее утро, для которой ему выписали обычную дозу гепарина. Как его медбрат, Чарли должен был дать ему эту дозу

гепарина; он этого не сделал, и пациент умер. Естественно, врач был в ярости, и Чарли наслушался про себя того, что ему не понравилось. Тогда врачу и впоследствии всем остальным он сказал, что это был несчастный случай. Отговорка это была никудышная, но, по его мнению, он не предпринимал активных попыток убить этого мужчину. Скорее пытался этого не сделать.

Между ошибкой Чарли и смертью пациента никто так и не провел связи, во всяком случае открыто. Административный директор Лиза Гэннон назвала его действия «непростительными»[{69}]. Ее опасения подтвердил заведующий сердечно-сосудистым отделением доктор Джон Банас. Гэннон написала, что он «сомневался в компетентности Чарльза и его умении осуществлять безопасный уход за пациентами». Ему поручили безвредную бумажную работу на остаток смены, а затем отправили домой на неделю. Чарли чувствовал себя обиженным, но в прямой конфликт не вступил, по крайней мере в тот момент. Он поехал домой, лег на диван и стал ждать звонка. Наконец телефон зазвонил: это был секретарь административного директора, который звонил, чтобы назначить встречу. Чарли не хотел приходить. Он ответил секретарю: «Если они хотят меня уволить, могут просто позвонить» – и повесил трубку. Спустя час Гэннон ему перезвонила. Однако Чарли, не поднимая трубки, думал: *«Теперь они мне звонят?»* Он оставил звонок без ответа. Гэннон продолжала звонить и оставлять сообщения на автоответчике. «Чарльз, – говорила она, – ты должен прийти. Нам нужно с тобой поговорить». *«Ага,* – думал Чарли, – *теперь им что-то от меня нужно».* Это было 13 августа. Он был зол и не настроен возвращаться в больницу. После нескольких сообщений Гэннон послала Каллену резкое письмо с печатью, в котором требовала его вернуть свой пропуск и другие вещи, принадлежащие больнице, так как «его увольнение вступало в силу сегодня». Это было 14 августа. Спустя несколько дней Чарли все-таки пришел, чуть раньше своей обычной субботней смены, и увидел, что его имя вычеркнуто из расписания.

Без работы в больнице у него не осталось способов выместить свой стресс. Вместо этого он поехал в магазин, купил колы, чипсов и толстую пачку бумаги для детских тетрадей. Он сел за кухонный стол и написал длинное письмо директору Морристауна, Кэйтли К. Чамер. Он потребовал, чтобы его дело пересмотрели. Так было лучше, но этого ему не хватило, поэтому он стал писать еще, на этот раз на печатной машинке, вспомнив, что из-за неразборчивого почерка его впервые уволили. Печатал он тоже не слишком хорошо, поэтому исправлял напечатанное шариковой ручкой.

Ответ от директора и больничной комиссии пришел спустя неделю; и директор, и комиссия пришли к выводу, что Чарли был уволен совершенно справедливо. Чарли написал им еще раз, требуя независимой экспертизы. Бумажная работа растянулась на месяц со всеми утвержденными письмами и факсами. Процесс был слишком долгим, чтобы принести Чарли какое-либо удовлетворение, поэтому он инсценировал очередную попытку суицида. Он позвонил в «911» и сказал, что принял горсть таблеток. Он понимал, что скорая должна отвезти его в ближайшую больницу – в Уоррен, – где его хотя бы знают.

Обычно суицид приносил ему своеобразное очищение: он был криком о помощи, которым всегда можно воспользоваться. Врачи скорой беспокоились о нем, когда всем остальным было плевать. Сотрудники реанимации всегда относились к нему серьезно. Казалось, что фонарик освещает не только его зрачки, но и *душу*. Манжета тонометра брала его за руку, словно друг. Фиксирование признаков жизнедеятельности милосердно напоминало ему о том, что он существует. Чарли сказал парамедикам, что он квалифицированный медработник, как всегда и делал, в подтверждение называя вещи вокруг себя на профессиональном жаргоне (пижамы, коды, стимпанк), чтобы все поняли, что он знает кухню изнутри. Путь до больницы был для него особенным моментом. Однако по прибытии все бывало по-разному. Чарли Каллена привезли в отделение реанимации как известного в стенах Уоррена любителя закатывать глаза, бывшего сотрудника, превратившегося в ненормального суицидального преследователя. *Слышали? Чарли вернулся.* Его привезли в маленькую палату, закрыв шторку лишь наполовину, чтобы можно было за ним наблюдать. Чарли знал, как они перешептываются на сестринском посту, сплетничают, разглядывая это недоразумение, сошедшее с нормального человеческого пути. Он почти мог их понять. Однако Чарли всегда был настроен добиваться своих целей. Он хотел вернуться в «Грейстоун». Там было так хорошо. Отправить его туда могли только из больницы. В прошлый раз Уоррен так и поступил, когда Чарли появился в их отделении скорой помощи, – почему бы им не послать его туда еще раз? Однако врач-реаниматолог сначала запросил анализ крови. Что он хотел там увидеть, Чарли не был уверен – возможно, он подозревал, что Чарли на самом деле не пытался покончить с собой, а просто хотел обхитрить систему. Доктор проверит кровь Чарли на предмет содержания лекарств и выпишет рекомендации по лечению, основанные на анализе. Он может не отправить его в «Грейстоун».

Чарли отказался от анализа. Он максимально доступно

объяснил это всем, кто входил в пространство за шторкой.

Он так много сдал крови, десятки и сотни раз, больше двенадцати галлонов, по его собственным подсчетам. Однако здесь не он сдавал кровь, а у него ее брали. Приняв решение, Чарли от него не отступал. Никаких переговоров быть не могло. Врачи и сестры пытались до него достучаться, но он прогонял их и уже собрался уходить, а когда его попытались остановить, отбивался, пока кто-то не вызвал охрану. Чарли мог только представить, что о нем сейчас говорят – *Нам пришлось даже вызвать охрану!* – но своего он добился.

А «Грейстоун» в октябре становилась еще более серой, будто обветшалое здание высасывало эту серость из облаков. Чарли прибыл в этот особняк на холме, словно из фильмов про привидения, накануне Хеллоуина. У него впереди были месяцы. Знакомая подъездная аллея – асфальтный шов, проходящий между голыми тополями. Из окна палаты Чарли наблюдал, как вдалеке снег ложится на поля, смотрел на струйки дыма, исходящие из невидимых очагов. Мир вокруг затаил дыхание. Здесь не существовало ничего кроме времени, которого хватало для адаптации к новым лекарствам и для того, чтобы привыкнуть к сеансам терапии; хватало его и для того, чтобы пациент мог очистить свой разум и почувствовать обновление. Однако Чарли не интересовала смена образа мысли, и, когда его отпустили 11 декабря, он сразу же отправился в отделение полиции, чтобы предъявить обвинения врачу отделения реанимации больницы Уоррена, который пытался украсть его кровь. Чарли стоял рядом с пребывающим в замешательстве дежурным сержантом, чтобы удостовериться, что он все записал, а затем сел в машину, чтобы забрать почту, которую для него удерживали. Большую ее часть составляли счета за алименты и письма от юристов мемориальной больницы Морристауна.

После нескольких месяцев подготовки пересмотр его дела был отменен, так как он не заплатил свою часть судебных издержек{70}. В январе 1998 года Чарли им ответил: он находился в психиатрическом учреждении и не имел с собой справочника сотрудника, поэтому в задержке его винить нельзя. Он всего лишь был жертвой. В марте он снова им написал, угрожая засудить мемориальную больницу Морристауна, если они не одобрят продление процесса{71}. Они отправили Чарли еще одну копию справочника сотрудника, на этот раз заказным письмом, а также одобрили продление. Чарли им так и не ответил. Проблема Морристауна, которая казалась ему столь важной до этого, будто совсем перестала для него существовать. Он уже нашел новый выход для своей фрустрации.

Согласно иску Пепе впервые об инциденте ее спросил супервайзер спустя несколько дней после смерти мистера Хенри.

16

Граница штата Пенсильвания для большинства людей – просто линия на карте, но для медбрата вроде Чарли представляет огромную значимость. В Пенсильвании требуется иная лицензия для медсестер и медбратьев – обычное заявление. Для Чарли это было как начать с чистого листа.

Его заявление в Центр по уходу и реабилитации «Либерти» в Аллентауне, штат Пенсильвания, рассматривалось через агентство по подбору персонала под названием «Хелс форс»[{72}], и потому в нем требовалось указать рекомендации. Мемориальная больница Морристауна, из которой Каллена уволили за некомпетентность, жалобы пациентов и фатальные медицинские ошибки, просто подтвердила, что он являлся сотрудником этого учреждения. Рекомендации от лица Хантердона давала Мэрджори Уилан, которая угрожала уволить Каллена за многочисленные инциденты, связанные с лекарствами и уходом за пациентами. В отдел кадров «Либерти» пришла форма, в которой было указано, что Чарльз Каллен является «великолепным медбратом и прекрасно заботится о пациентах», а также, что Уилан может рекомендовать Чарльза Каллена в качестве сотрудника. Никто в администрации «Либерти» не задумался о том, почему медбрат с десятилетним стажем вдруг опускается на ступень ниже и идет работать в маленькое учреждение, где платят на 5 долларов в час меньше. Центру нужны были люди, а Чарли нужны были деньги.

После нескольких месяцев без работы, долг Чарли составлял 66 888 долларов. Процент на его кредитной карте рос пропорционально долгу, росла также и сумма, которую он задолжал в качестве алиментов. Если бы Чарли не заплатил, он мог бы показаться плохим отцом, что для него было неприемлемо. Могло бы показаться, что он обижает детей. Его неспособность заплатить по счетам дала бы Эдриэнн повод настроить детей против отца, представить его как плохого человека – Шоне было уже девять, достаточно, чтобы самой понять что к чему. И это навредило бы ему еще больше. Каждый вечер он загружал вещи в старенький «эскорт» и приезжал со своим грузом проблем на ночную смену в «Либерти».

Фрэнсис Хенри[{73}] был пожилым постояльцем, которому требовался дополнительный уход в связи с переломом позвоночника. Врачи стабилизировали его шею с помощью гало-аппарата – жутко выглядящего устройства, закрепленного на плечах и имеющего металлическое кольцо, которое подсоединяется напрямую к черепу. Медбрат Каллен был

убежден, что мистера Хенри нужно положить в больницу, а не оставлять в доме престарелых.

Диагноз этот Чарли поставил самостоятельно. Здесь ему не помешала бы никакая комиссия, никакие отказы. Он просто наполнил шприц инсулином и ввел его прямиком в капельницу мистера Хенри{74}. Доза была огромной. Во время ночной смены Чарли 6 мая 1998 года мистер Хенри быстро оказался в состоянии диабетического шока. Результаты были невообразимо страшными; Чарли Каллен довел пожилого мужчину со сломанной шеей до ужасных припадков. В ту ночь Фрэнсис Хенри в конце концов оказался в коме{75}, и утром «диагноз» Чарли подтвердился: Хенри действительно нужно было положить в больницу. На следующий день мистер Хенри вернулся в дом престарелых и вскоре умер. Спустя три дня, 13 мая, Чарльз Каллен подал заявление о банкротстве.

Смерть мистера Хенри была совсем не тихой, а потому подозрений было не избежать; Чарли понимал, что в этот раз он сам нарвался на неприятности. Руководство «Либерти» инициировало внутреннее расследование, которое обнаружило огромное количество инсулина в крови мистера Хенри. Нигде в карте пациента инсулин не был указан – мистеру Хенри его не выписывали. В карте не было никаких упоминаний о том, что кто-либо из сотрудников давал ему этот препарат. Маловероятным казалось и то, что обездвиженный пожилой пациент мог самостоятельно вызвать у себя передозировку, а потому подозрение пало на сотрудников ночной смены, когда предположительно инцидент и случился. На Чарльза Каллена уже было написано несколько жалоб за недолгий период его работы в «Либерти»; он уже был готов к очередному увольнению. Вместо этого «Либерти» уволил старшую сестру по имени Кимберли Пепе. Ее адвокат мгновенно подал иск на «Либерти» за несправедливое увольнение, в котором выдвигал предположение, что Чарльз Каллен – более правдоподобный кандидат на роль ответственного в этом инциденте и что руководство «Либерти» само имело подобные подозрения{76}.

Согласно иску Пепе ее впервые спросил об инциденте супервайзер спустя несколько дней после смерти мистера Хенри. «В тот момент они не подозревали меня, – утверждает Пепе в своем иске, – подозревали они моего коллегу Чарльза Каллена». «Либерти» продолжал выражать категорическое несогласие с обвинениями Пепе{77} и отрицать, что подозревали Чарльза Каллена{78}. Позднее центр решил договориться вне зала суда.

Сложно сказать, почему под удар попала именно Пепе; возможно, это была просто ошибка. Однако *кто-то* отравил

мистера Хенри, и этот человек либо продолжал работать в «Либерти», либо перешел в другую больницу. Тем не менее никакого уголовного расследования так и не состоялось. «Либерти» и его материнская компания «Мэйнор Кэйр» утверждали, что не знали о том, что это уголовное дело{79}. Пепе и ее адвокат просили больше пятидесяти тысяч долларов в качестве оплаты ущерба, но точная сумма, которую Пепе получила, не была раскрыта, так же как и их договор о неразглашении.

Знали в «Либерти» что-то или нет, но из отделения интенсивной терапии Каллена перевели. Назначенный на работу в психиатрическом крыле, Чарли быстро обнаружил, что некоторые пациенты очень неприятные. Первого октября Каллена видели входящим в палату пожилой женщины со шприцами и делающим ей инъекцию препаратов, которые ей не назначали{80}. Началась потасовка, в результате которой пациентка сломала руку. В конце концов, спустя пять месяцев после смерти мистера Хенри, его убийца *был* уволен за неисполнение протокола выдачи лекарственных препаратов{81}. Чарли отдыхал на диване всего две недели, прежде чем агентство{82} нашло ему новую работу в качестве медбрата. Дополнительные часы всегда легко было найти в праздники.

Неделя перед Рождеством и Новым годом была тяжелым временем для Чарли, но он был счастлив снова надеть форму. Дорога до новой работы – больницы города Истон, штат Пенсильвания – была всего на пару миль длиннее, чем до «Либерти». Он был счастлив работать в любые смены, которые ему готовы предоставить, хватаясь за часы в любом отделении, в котором требовалась помощь. По большей части это значило ночную работу в знакомых условиях отделения интенсивной терапии, где смерть в ночную смену не бывала неожиданной.

Поначалу Кристина Тот практически не замечала странной мужчину со шприцем{83}; она не была даже уверена в том, что это медбрат; она обратила внимание лишь на то, что это был мужчина в униформе, еще один незнакомец, на котором лежала ответственность за жизнь ее отца. Инсульты у Оттомара Шрамма начали случаться год назад, каждый раз поражая еще одну небольшую часть его тела. Несмотря на то что теперь он был не в состоянии надеть носки или подняться по лестнице, он все еще был ее папой, даже находясь без сознания в окружении трубок и проводов. Кристина успокаивала себя тем, что Оттомар был человеком практичным, имел сбережения и волю к жизни, а также понимал, что его ждет; он не был удивлен тому, что прозаичные тяготы пожилой жизни настигли его так же, как год назад

настигли его друзей. Теперь он был в руках профессионалов в Истоне.

Кристина помнила, как мужчина сказал, что ему нужно увезти ее отца из комнаты для «анализов». Шприц, сказал он, на тот случай, если его сердце остановится. Кристина знала, что у ее отца нет проблем с сердцем, но она не была специалистом в этой области. Она согласилась.

В следующий раз Кристина увидела своего отца на следующее утро, 29 декабря 1998 года, в часы приема. Выглядел он бледно и нездорово, намного хуже, чем когда его привезли в Истон{84}. Врачи утверждали, что состояние мистера Шрамма ухудшилось не из-за инсульта. Его пульс колебался, а давление падало. Судя по всему, мистеру Шрамму становилось хуже и хуже, и Кристина начала мысленно готовиться к неизбежной смерти отца. Тот факт, что на следующее утро состояние ее отца стало стабильным, показалось ей каким-то медицинским чудом. Ей даже сказали, что он идет на поправку. С каждым днем он был все более оживленным. Ее приход каждый раз был чем-то радостным. Жена и дочь Отто приходили практически каждый день с печеньем и горячим термосом, и он всегда был счастлив их видеть, и еще счастливее становился, когда Кристина целовала его в макушку, перед тем как уйти на работу. Она разрешила себе начать надеяться на лучшее. Казалось, что худшее позади.

На третий день Кристина Тот получила странный звонок от постоянного терапевта ее отца, доктора Роберта Сильбермана. Сильберман сказал Кристине, что кто-то из сотрудников больницы – он не знал, кто и зачем, – самовольно заказал несколько анализов крови для ее отца, результаты которых оказались столь же загадочны. В крови Оттомара Шрамма содержался дигоксин, препарат, который ему никто не выписывал. Сильберман сказал, что уровень дигоксина был «выше некуда». Доктор Сильберман не мог объяснить ничего из описанного, но пообещал позвонить, когда будут готовы результаты новых анализов. В 1:25 ночи доктор перезвонил ей, он был шокирован. Новые анализы подтвердили предыдущие. А отец Кристины Тот умер.

«Пожалуйста, прислушайтесь к тому, что я вам скажу, – говорил Сильберман. – Когда вы приедете в больницу, они спросят, желаете ли вы провести вскрытие. На вашем месте я бы согласился». Кристина ничего не понимала. *Из-за дигоксина*, сказал Сильберман. Он боялся говорить что-то еще.

Семья Кристины приехала в палату ее отца в Истоне на следующее утро и обнаружила ее пустой за исключением Чарльза Каллена, который все еще работал в свою ночную смену.

Кристина почувствовала, что медбрат как будто бы ждал ее. Он провел семью Кристины по коридору в другую палату. Тело Отто Шрамма лежало там, вымытое, причесанное и все еще присоединенное к машинам. Его мертвый вид шокировал Кристину. «Я дам вам немного времени», – сказал Чарли. Эта фраза почему-то напрягла Кристину – будто время наедине с отцом было личным подарком от этого медбрата, – но она прогнала эти мысли. Спустя несколько минут Каллен вернулся. Он хотел знать, планирует ли семья требовать вскрытие.

Кристина вспомнила то, что сказал ее доктор Сильберман. «Полагаю, что да, – ответила она. – Мы думаем об этом».

Каллену будто не понравился ее ответ. «Зачем вам вскрытие?» – спросил он. Он напомнил ей, что в завещании мистера Шрамма был указан отказ от различных мер, таких как система поддержания жизнеобеспечения. Вскрытие – еще более спорная вещь, чем поддержание жизнеобеспечения. Разве не противоречит это тому, чего хотел бы ее отец?

Кристина не стала ничего отвечать. Она просто попросила Каллена удалиться из палаты.

Спустя несколько минут зашла другая сестра, на этот раз женщина. Она тоже спросила Кристину о том, собираются ли они требовать вскрытие.

Кристина ничего не понимала. Ее обрабатывают всей командой или медработники не общаются между собой? Разве она только что не сказала медбрату, который ухаживал за ее отцом, все, что необходимо? «Мы пока не знаем», – сказала Кристина. Сестра кивнула и вышла из палаты, а Кристина вернулась к семье.

Спустя еще несколько минут пришла третья сестра и снова задала тот же вопрос. На этот раз Кристине это надоело. «Да, мы требуем вскрытия! – сказала она. – Разумеется, требуем: кто-то из ваших сотрудников дал моему отцу большую дозу лекарства и…»

«На вашем месте я бы больше ничего не говорила», – сказала сестра{85}.

17

Смерть Оттомара Шрамма стала предметом внутреннего расследования, а когда в его крови обнаружили потенциально смертельную дозу дигоксина, который ему не выписывали, вскрытие передали окружному судмедэксперту{86}. В конце концов следствие пришло к выводу, что смерть была несчастным случаем, однако Чарли этого так и не узнал и никакого влияния этот факт на него не оказал. Он все равно не собирался оставаться в Истоне надолго. Ему не подходило это место. К тому времени, как в марте 1999 года к нему стали появляться вопросы, Чарли уже был полноценным сотрудником отделения ожогов в больнице Лихай-Вэлли.

В ожоговом отделении Лихая пациентов все еще чистили на металлических койках и использовали костюмы высокого давления, но криков в них было гораздо меньше по сравнению с тем временем, когда Чарли начинал свою карьеру. Об этом позаботились новые препараты с приставкой «бензо», они помогали легче воспринимать стресс и боль. Морфий – традиционный препарат – казался более примитивным по сравнению с новым классом болеутоляющих, особенно с оксиконтином, который поступил на фармацевтический рынок всего за три года до этого{87}. Теперь существовали препараты, способные блокировать боль даже у самых юных пациентов.

Вместе с новыми препаратами пришла и новая система их отслеживания и распространения – компьютеризованные хранилища под названием «Пиксис медстейшенс», разработанные компанией «Кардин хелс» из Огайо. Машина «Пиксис» представляла собой огромную металлическую кассу с препаратами, компьютерным экраном и клавиатурой сверху. Не все медработники были в восторге от такого компьютеризованного аспекта своей работы, но Чарли это нравилось. Он всегда умел обращаться с техникой и оценил систему отслеживания выдачи препаратов медбрату так же, как это делает банкомат, выдавая наличные, – систему, которая связывает каждую выдачу с учетной записью конкретного пациента, но запись-то создает медработник. «Пиксис» упростила отчетность и позволила аптекам определять, где именно препарата осталось мало, чтобы можно было пополнить запасы. Система была полезная, но далеко не идеальная. В конце концов, это был еще один инструмент для очень тонкой работы, которым пользовались люди, имеющие собственные недостатки.

Чарли считал себя опытным специалистом по ожогам,

особенно после того, сколько он проработал в ожоговом центре больницы святого Варнавы. Однако в Лихай-Вэлли он снова ощутил себя как на флоте – новичком. Чарли не нравилось, как там относятся к нему и к пациентам. Местный профессионализм казался Чарли бессердечным и равнодушным{88}. Он считал медперсонал Лихай-Вэлли жестоким и холодным. Коллеги, в свою очередь, считали его чокнутым. И потому во время долгих ночных смен той зимой Чарли почувствовал желание сделать то, что делал уже столько раз. Он не помнил, были ли пациенты, которым он причинял вред, жертвами автокатастрофы, пожара, не помнил, сколько их было{89} за эти шестнадцать месяцев ночных смен. Большинство умерло в течение его смены – их сердца останавливались прямо на глазах этих «холодных» медработников. Это было чем-то, что он мог сделать, – актом личной воли в деспотичной рабочей атмосфере.

В отделении ожогов большинство молодых мужчин были либо пьяными жертвами ожога от костра, либо жертвами автокатастрофы. Пациент Мэттью Мэттерн был из последних. Он застрял в горящей груде металла и был доставлен в Лихай с ожогами семидесяти процентов тела. Даже самым стойким сестрам было тяжело на него смотреть. Присутствие в крыле такого молодого пациента в критическом состояние вызвало волну новых эмоций и непривычную эмоциональную реакцию шокированных молодых посетителей. Пожилые медработники думали о своих детях и внуках, молодые – о своих друзьях, любовниках и даже себе самих. И хотя никто не говорил об этом вслух, по крайней мере не при Чарли, но многие уже произвели подсчеты у себя в уме. По «правилу девяти» двадцатидвухлетний Мэттерн был на девяноста два процента обречен. Шанс того, что он выживет, оставался, но смерть была более правдоподобным вариантом.

Мэттерн был тем, что медработники называли «медленным кодом» – синий код в медленном варианте. Чарли наблюдал за процессом и понимал, что, даже если Мэттерн выживет и трансплантаты приживутся, он навсегда останется больным, инвалидом, покрытым шрамами и заключенным в костюм высокого давления.

В это время хирурги отреза́ли ему одну часть тела за другой. Буквально кромсали его, думали сестры. Мэттерн обгорел почти до костей и потерял конечности{90}. В конце концов хирурги ампутировали все, что могли. Многие медработники молились о том, чтобы поскорее случилось неизбежное.

Чарли снова почувствовал бессилие. Оно же посещало его, когда он имел дело с пожилыми медсестрами; в доме, где он рос,

его заставляли чувствовать бессилие жестокие мужчины, бродившие по коридорам, пока его брат продавал им марихуану, парни его сестер, которые продолжали жить в их комнатах, даже когда сами сестры сбегали из дома; а затем, когда сам Чарли уже сбежал из дома, он чувствовал это бессилие на подлодке, когда опытные моряки заставляли его нести вахту, хотя на борту уже были другие новички и приходила их очередь. Он был тихим ребенком, замкнутым и одиноким, неспособным расшифровать социальную динамику армейской культуры. Он не выносил издевок, и вскоре ситуация ухудшалась. Другие моряки замечали, что он злился, опускал глаза и бормотал что-то невнятное, а потом бросал взгляд, словно собирался убить их во сне. Они называли его «долбаным психом», «голубым сумасшедшим отбросом». Он был Чарли-кверху-брюхом, бледным как смерть, за исключением тех случаев, когда его били кончиком полотенца и он становился красным и слетал с катушек. Даже его уши краснели. Даже другие новички над ним издевались. Тур за туром над Чарли-кверху-брюхом всегда можно было посмеяться. Но Чарли ушел из армии. Теперь он был главным. 31 августа 1999 года Чарли ввел в капельницу Мэттерна большую дозу дигоксина. Еще до рассвета сердце Мэттерна остановилось, а некоторые сестры благодарили Бога за то, что тот вмешался. Чарли спокойно пошел на парковку.

Подобные импульсивные выплески стресса руководили большинством его поступков годом ранее. Его вмешательства в жизнь пациентов были компульсией, которая к самим пациентам имело мало отношения; чаще всего он даже не замечал самих людей, только то, чем все заканчивалось. Каждый приступ контроля сопровождался последующим периодом облегчения и комфорта. Этого хватило на лето, осень и зиму, хватило, чтобы перенести вечно тяжелый период праздников. В конце концов этот период закончился, и Чарли обнаружил себя холодным дождливым утром на пути в новый миллениум и супермаркет на заправке.

Хибати[3] стояли прямо у входа, рядом с жидкостью для мытья стекол и кулерами. Он купил дешевую и ненадежную, представляющую собой алюминиевую жаровню с грилем, которая, однако, по размерам помещалась в его ванну. Чарли плеснул в хибати жидкости для розжига и бросил спичку на мокрые угли. Немного поглядел на пляшущие и дергающиеся языки пламени, затем вспомнил про свой пустой стакан, вышел на кухню, налил себе еще и вернулся в ванную.

Несколько минут спустя на Шэфер-авеню подъехала патрульная машина. Офицер Дадди поговорил с хозяйкой, Кэрен

Зиемба, которая позвонила в «911». Она сказала Дадди про запах и про то, что несколько раз видела, как ее странного жильца увозят на скорой. Дадди спустился по лестнице ко входу в квартиру Чарли. Штормовая дверь была закрыта, а в промежуток между дверями подоткнуты свернутые полотенца. Дадди громко постучал, заявив о себе как о сотруднике полиции. Вскоре замок щелкнул и дверь открылась. Чарли невинно выглянул из-за нее.

«Сэр, – сказал Дадди, – у вас какие-то проблемы с керосиновым обогревателем?»{91}

«Э, нет», – ответил Чарли. Однако, когда дверь открылась, запах стал совершенно невыносимым.

«Я бы хотел проверить это сам, если вы не против».

«Э, да все в порядке», – сказал Чарли, не двигаясь с места.

«Лучше пропустите меня, – сказал Дадди. – Пожарные все равно уже в пути».

Чарли вздохнул и открыл дверь. Дадди вошел. Запах топлива стал еще сильнее: что-то внутри горело. Полотенцами и изоляционным материалом были закрыты вытяжки и вентиляционные отверстия. Пожарная сигнализация лежала на столе, из нее были вынуты батарейки. Дадди снова посмотрел на Чарли. Чарли смотрел в пол. Дадди прошел мимо него в ванную, на запах керосина. Маленькая хибати стояла в ванне и горела. Чарли объяснил, что поставил ее туда, потому что боялся пожара – в конце концов, он медбрат в отделении ожогов. Он видел, что бывает после пожара. Однако Дадди вызвал скорую. Чарли вздохнул и пошел искать свои ботинки.

Когда приехала скорая, Чарли спросил врачей, могут ли они отвезти его не в больницу Уоррена. Он не хотел показаться фриком{92}.

18

Апрель 2000 года

Чарли все яснее осознавал, что его время в Лихай-Вэлли подходит к концу. Старшие сотрудники отделения ожогов перестали скрывать свое презрение к медбрату Каллену{93}. Чарли попытался перевестись, но кардиологическому отделению тоже не нужны были проблемы. Чарли проработал в Лихае еще три месяца, заглушая боль убийством пациентов{94} и потихоньку отменяя смены в поисках работы неподалеку.

К счастью, за последние десять лет население Лихай-Вэлли увеличилось больше чем на десять процентов. Больницы вырастали в окрестностях как грибы. Пятно от кофе на автомобильной карте Чарли покрывало минимум шесть потенциальных работодателей в получасе езды от квартиры, и в каждой больнице сотрудников было меньше, чем смен. Чарли воспользовался текстовым редактором и разослал улучшенную версию своего резюме. У него за плечами было тринадцать лет стажа в шести разных больницах, и – несмотря на то что он увольнялся после обвинений в некомпетентности и подозрений в еще более страшных грехах – он мог рассчитывать, что все они подтвердят даты его трудоустройства{95}. У него была действующая медицинская лицензия штата Пенсильвания, а также рекомендации, в которых его все еще описывали как «прекрасного командного игрока» со «спокойным и добрым» нравом, как сотрудника, «всегда готового взять» дополнительные смены. Навык коммуникабельности? «Хороший». Качество работы? «Превосходное». Одной из первых больниц, получивших резюме Чарльза Каллена, была больница святого Луки в Фаунтин-Хилл, располагавшаяся чуть дальше Лихая.

Больница год за годом разрасталась, сохраняя основные отделения и открывая новые источники дохода, такие как операции по снижению веса и лечение расстройств сна{96}. Они готовы были обучать новых сотрудников, но опытные медработники были для них настоящей находкой; когда Чарли подписал договор, ему заплатили премию в 5000 долларов{97}.

Для Чарли это была престижная работа. Больница святого Луки была названа в числе лучших медицинских учреждений страны журналом *U. S. News & World Report*, а состоящее из девяти палат отделение коронарной терапии было его главной жемчужиной{98}. Он должен был стать лучшим работником лучшего крыла. Каллен сразу погрузился в работу с головой, обустраивая свое рабочее место, словно птица гнездо по весне.

«Первое впечатление – это очень важно», – говорил он своим коллегам.

Не все заметили это сразу{99}. Люди умирают, в больнице такое бывает, особенно в отделении коронарной терапии. Иногда случается сразу несколько смертей, но ничего нового в этом нет. Опытные медработники почувствовали дуновение холодного ночного ветра, уносящего их пациентов. Некоторым казалось, что остановки сердца теперь стали рутиной. И хорошо они не заканчивались.

Некоторым медработникам нравилась динамика спасения жизней, срочность ситуации, адреналин, нравилось врываться в палату в то же время, когда жизнь пациента стремится его покинуть. Некоторые даже становились от этого зависимыми. Чарли Каллен не казался коллегам таким, но при остановках сердца он почему-то часто оказывался в палате первым. Они не могли не заметить его привычку запрыгивать на койку, седлать пациента и стучать по его груди. Никто не сомневался в его энтузиазме. Однако подход Чарли казался им слишком драматичным и в то же время равнодушным.

Да, новичок казался странным, но разве можно критиковать медбрата за то, что он слишком сильно переживает за пациентов? И Чарли уж точно нельзя было обвинить в невнимательности; если только в чрезмерной внимательности к незначительным деталям, как, например, стулья на сестринском посту. Каждую ночь он относил несколько этих стульев в одну из свободных палат. И каждый вечер его супервайзер Эллен Амедео просила его вернуть их на место{100}. Он вздыхал, закатывал глаза и шел по коридору туда, где их спрятал, а на следующее утро делал это снова. Он будто специально испытывал их терпение. Пропажу стульев замечали лишь тогда, когда на пост заступала новая смена, а Чарли к этому времени уже уходил. Сестрам приходилось искать пропавшие стулья повсюду, чтобы принести их обратно на пост. Этот ритуал казался сотрудникам больницы смехотворным.

В этом трудно было разглядеть какой-то смысл. Чарли словно играл с коллегами в игру.

19

Февраль 2001 года

Прошло уже тринадцать лет с тех пор, как Чарльз Каллен был бывшим моряком в колледже, где учились одни девушки, и мир с тех пор изменился. Теперь во флоте служили и женщины, а среди медработников стало много мужчин. Чарли не нравилась эта динамика. Он находил медбратьев грубыми, равнодушными и холодными. Чарли редко разговаривал с ними и потому уделял вдвое больше внимания молодым сотрудницам «Святого Луки». В частности, ему очень нравилась Джули{101}. Чарли начал оставлять ей небольшие подарки «от тайного поклонника» на сестринском посту. Поначалу это было мило, но, когда подарки стали появляться каждый день, вся история с «тайным поклонником» начала казаться жутковатой. Так что Чарли в конце концов подписал открытку: «Для Джули, от твоего поклонника Брайана Флинна». Сотрудники больницы на это купились. Кто, черт возьми, этот Брайан Флинн?{102} Это было главной темой разговоров между медработниками. Чарли стал анонимным центром внимания. Подслушивая сплетни, он исполнялся гордости. Наконец, когда он уже не мог себя сдерживать, он признался, что это был он. Однако это откровение вызвало не такую реакцию, на которую Чарли рассчитывал. Мужчины смеялись над ним, а женщины стали побаиваться. Чарли почувствовал себя отвергнутым и униженным. В анонимном статусе он чувствовал себя лучше. В этом была своеобразная власть. Можно отрицать все что угодно, можно исчезнуть, если захотеть. Анонимность – это неразгаданная тайна, обладающая почти божественной властью.

На большинстве смен Чарли ставили вместе с тремя другими мужчинами: Джо, Брэдом и еще одним, чье имя Чарли не запомнил. Ему не нравились их методы: к примеру, они предпочитали надевать на пациентов памперсы, а не отводить в туалет. Это казалось Чарли непрофессиональным. По возможности он предпочитал не работать с мужчинами. Однако в ту ночь из больницы позвонили ему домой. Там ожидали нового пациента, переведенного из другого учреждения, и коллегам требовалась помощь Чарли. Так что он надел свою форму и отправился в дорогу. К тому времени как он приехал, новый пациент уже лежал в палате, а коллеги-мужчины жаловались.

Пациентом была очень больная пожилая женщина, переведенная из другого учреждения. Она приехала на скорой. Таких пациентов медработники называли «безнадежным

случаем». Было очевидно, что она умрет. Ее сердце уже дважды останавливалось по пути в больницу. Это был лишь вопрос времени. Чарли знал, что в таких «безнадежных случаях» использовалась определенная тактика. Избавление от смертельно больных пациентов было одним из способов для больницы или дома престарелых удерживать рейтинг смертности на низком уровне, способом попасть в список топ-100 больниц от журнала *U. S. News & World Report*[103]; работники отделения коронарной терапии этим гордились. А «безнадежные пациенты» портили картину.

Потом он вспоминал, как медбратья смеялись над этой пожилой женщиной, словно веселились на вечеринке. Он вспоминал, как ее лечащий врач приезжал в больницу, чтобы попытаться обосновать для семьи необходимость ее перевода в «Святого Луку» и перевозки на скорой ценой остановки сердца. Он пытался объяснить, что именно для нее могут сделать здесь, чего не могли сделать в предыдущей больнице. По мнению Чарли, для нее не могли сделать ничего. Такие беседы называли «кодовым разговором». Чарли уже видел подобные ситуации и хорошо понимал, что к чему. Семьи не хотели посмотреть правде в глаза. Но они должны были это сделать.

В то же время парни начали играть в футбол свертком бинтов[104]. Он понимал необходимость висельного юмора – в отделении без этого никуда. Невозможно плакать над каждым умершим. Но играть в футбол – это уже перебор. Точно так же, как нельзя играть с нитроглицерином, который хранился в отделении в качестве сердечного лекарства, а не затем, чтобы эти идиоты могли придуриваться и разбивать его об стену парковки, чтобы посмотреть, взорвется ли он.

Чарли видел два потенциальных выхода для этого пациента. В ту ночь он выбрал самый очевидный для него путь и ввел дигоксин прямо в узел дополнительной сумки капельницы этой пожилой женщины. Этот узел – еще один способ ввести лекарство в капельницу; медработники постоянно используют его, вводя туда стерильный физиологический раствор, «промывая капельницу», как они говорят. Его действия казались полностью легитимными и не вызывали подозрений. Если бы кто-то зашел и увидел его, Чарли сказал бы, что делает именно это. Дигоксин прозрачный, как и соляной раствор. Однако никто не вошел. Палаты – личное пространство. Индивидуальный уход за пациентом – одно из важнейших достоинств отделения, входящего в топ-100.

Сделав свое дело, Чарли положил пузырек и использованную иглу в коробку с острыми предметами и ушел на сестринский

пост. Пытаясь казаться нормальным. Размышляя. Занимая себя делами. Снова таская стулья. Пока наконец не случилась остановка сердца – и он поспешил туда, капитан, как всегда первый, кто отважно бросался спасать жизнь пациента.

После того как женщина умерла, ее семья пришла с ней попрощаться, и Чарли все еще слышал, как парни играют в футбол бинтами. Но его работа было окончена. Это был его единственный пациент. Он мог уходить. Чарли отправился домой, где его ждал новый проект – игрушечная лошадка, которую он вырезáл для беременной медсестры по имени Джейн. Над ней парни из отделения тоже издевались, как казалось Чарли. Но он бы так никогда не поступил и хотел, чтобы она об этом знала. Может быть, он даже подарит ей эту лошадку анонимно.

20

Весной работники «Святого Луки» заметили, что у них стали пропадать препараты{105}. Разумеется, не все, но почему-то один, которого было много и который редко использовался: пронестил. Каждый день его запасы восстанавливали, и каждый вечер он пропадал. Шесть месяцев эта загадка всем не давала покоя. Медработники шутили, что кто-то использует его в качестве удобрения{106}. Никто не понимал, что происходит, но выяснять тоже никто не спешил.

Для Чарли это было разочарованием, потому что он таким образом давал сигнал. Месяцами он просто выбрасывал этот препарат, каждый день, когда выходил на работу. Он решил, что ему не нравится «Святой Лука». Чарли всегда полагал, что это католическое заведение. На самом деле это не так – у больницы святого Луки не было никакой религиозной принадлежности, но Чарли думал, что есть. Она носила имя святого из его детства, как объясняла ему одна из монахинь. Чарли считал, что персонал «Святого Луки» должен вести себя по-христиански. Это все еще было заведение мирового уровня, хорошее место для того, чтобы проходить в нем лечение, но Чарли не нравилось отношение сотрудников. Он продолжал уносить стулья, а они продолжали их приносить. Или лосьон – тут он тоже чрезмерно его использовал, а его супервайзеры продолжали промывать ему мозги на этот счет. Таким образом он им пакостил. Он шел в палату пациента, использовал лосьон, замечал бутылку талька на подоконнике и выбрасывал ее тоже. Они отчитывали его за лосьон, поэтому он объявил войну их порошку. Иногда он понимал абсурдность происходящего. Он видел себя бывшим католиком в католической больнице{107}. Он вернулся к религии ради брака и детей, но затем потерял сначала брак, а потом и детей. И куда это привело его, ирландского католического еврея? В «Святом Луке» – больнице, названной в честь первого христианского врача, покровителя докторов и хирургов, бакалавров и мясников, а также художников и скульпторов. Выбрасывать препараты, которые стоили больнице денег – по его подсчетам сотни, даже, может быть, тысячи долларов, – это было в его власти. Это был его способ отправить сообщение, зашифрованное таким замысловатым образом. Какая-то часть Чарли думала: *они узнают, они догадаются, они обязаны догадаться*. Это был своего рода тест, акт веры. Однако его другую часть они не увидят. Но неожиданно для него они ее увидели.

Тельма Мойер, дневная сестра, заметила, что пропажи

пронестила происходят «неравномерно»[{108}]. В апреле 2002 года Мойер сказала об этом своему супервайзеру Эллен Амедео и больничному фармацевту Тому Нугену. Нуген проверил записи, но не смог объяснить пропажи. Амедео приняла это к сведению, но никаких действий не стала предпринимать.

Первого июня 2002 года была суббота, день, который для Чарли мог пройти как удачно, так и не очень, в зависимости от его настроения и решения органов опеки. В хорошие выходные дети приезжали к нему и были рады видеть. Он был счастлив возиться в маленьком садике на заднем дворе и выбирать цветы для волос своей дочери или проводить целый день за поеданием половины меню Dairy Queen, заказывая все, что просили дети. Но это был не такой уик-энд. Днем влажность была высокой и прогноз обещал дождь. Чарли весь день ждал дождя, но тот так и не начинался. Стандартная ситуация. Они обещают дождь, а дождь, конечно же, не идет. Они не обещают осадков, а потом всю неделю льет как из ведра. Он собрался на работу, не зная, брать ему с собой дождевой плащ или нет.

Дорога до «Святого Луки» представляла собой прямой маршрут на запад, иногда по шоссе 22, иногда нет. К 18:15 он уже парковался, к 18:20 зашел в отделение. Ночная смена начиналась с семи часов, но он любил приезжать пораньше. Он снял пальто и переобулся в мужской раздевалке. Никого, кроме него, в это время там не было – еще одна причина приезжать пораньше: можно мочиться и не беспокоиться о том, что кто-то услышит или посмотрит на твои интимные части тела, никаких мужских разговоров, никаких издевательств. За дверью в отделении кипела жизнь, все еще шли часы посещения, было много народу, а сестринский пост пустовал.

Чарли занялся обычным делом – перетаскиванием стульев, но при этом внимательно следил за мониторами. Каждый монитор относился к определенному человеку, его номеру палаты, его кровати, его жизни. Чарли следил. Однако он не был уверен насчет того, что будет делать сегодня. Затем он собрал препараты, которые привезли из аптеки для ночной смены, отнес их в хранилище, вбил свой код и закрыл за собой дверь. Он остался один. Замкнутые пространства успокаивали его: подвалы, бойлерные, ванные комнаты. Резкая темнота, нарушаемая маленькими искрами. Чарли включил свет и приступил к делу, лишь в этот момент решив, что выберет обходной путь.

Обходной путь был невероятно тонким. Никто не задаст вопросов. Все остальные медработники видят, что Чарли занимается делом, раскладывает лекарства в хранилище. Позже они увидят, что он будет помогать готовить капельницы для

других медработников. А затем они снова увидят, как он занимается полезным делом, пытаясь спасти пациента. Они никогда не увидят связь между этими тремя вещами. У них нет никакой причины это сделать. Ему не обязательно прятаться, необязательно надевать перчатки. Он просто достал шприц на десять миллилитров, вынул его из упаковки, похожей на упаковку конфет, снял колпачок с пустой иглы, *раз-два*, ввел и убрал. А затем поменял сумки для внутривенного вливания точно так же: *раз-два* – и готово. Он выбросил пустой пузырек и использованный шприц в контейнер для острых предметов, а затем аккуратно положил полученный коктейль из антибиотиков на поддон с именем пациента. Он уже готов был выключить свет, когда обнаружил пронестил на верхней полке. Препарат снова был там, полный комплект. Прямо как стулья.

Чарли не мог в это поверить. Они давят на него, а он отвечает. Словно он кричит, надрывая глотку, и никто его не слышит. Но он продолжит кричать. Не в буквальном смысле, конечно. Кричать он бы не стал. Но они его услышат. Он выключил свет и поспешил обратно по коридору. Когда в семь часов утра следующая смена заступила на пост, то обнаружила, что из хранилища пропали препараты на несколько сотен долларов, а до утра дожили не все пациенты{109}.

21

Июнь 2002 года

Утром дождь все-таки пошел. Он шел, когда на пост заступила новая смена, и продолжался весь день, а в это время тридцатиоднолетняя медсестра отделения коронарной терапии Ким Вулф зашла в хранилище, чтобы взять свою капельницу{110}. Она использовала иглу и бросила ее в коробку для острых предметов, как и всегда. Обычно игла звенит на дне коробки. В этот раз она не зазвенела. Использованная игла даже не поместилась в мусор.

У медсестер обычно нет особых причин открывать контейнеры для острых предметов и рыться в опасном мусоре. С тех пор как эпидемия СПИДа повысила риски заражения гепатитом, манипуляции с выброшенными иглами целиком перешли в ведение служб экологической безопасности – мусорщиков в специальной одежде, которые собирали шприцы и другие медицинские отходы{111} и отвозили их в специальную часть Нью-Джерси для того, чтобы сжечь. Однако Ким стало любопытно. Она подняла крышку и заглянула внутрь. Вместо использованных острых предметов она увидела белые картонные коробки.

Вулф вышла из хранилища и пошла на сестринский пост к Джерри Кимблу и Кэнди Волмарк. Джерри был местным ветераном, проработавшим в отделении шестнадцать лет. Он спустился в хранилище, полагая, что молодая медсестра запаниковала при виде мыши, но там правда что-то было не так. Джерри сделал соответствующий звонок.

Контейнер для острых предметов похож на почтовый ящик; ключ был только у службы экологической безопасности. Они открыли его, и Джерри опрокинул содержимое на поднос. Вместе с Кэнди они принесли эту кучу в пустую палату с определенной целью. Они тщательно разделили препараты и иглы, разложили их на столе.

Это было впечатляющее зрелище для медработника. Препараты опасны. Но в то же время они стоят денег и являются частью работы. Инстинктивно эти двое стали записывать найденное в блокнот. Среди мусора они нашли шесть пузырьков векурония бромида, или «века». Кроме того, там был сульфат магния, фенилэфрин, левофед, добутамин, нитроглицерин и лабеталол, а также сорок коробок пропавшего пронестила.

Джерри и Кэнди не могли найти этому объяснения. Это не подходило под те сценарии, которые они обсуждали между собой:

наркотики явно не воровали ради продажи или личного использования. В больницах это обычное дело, когда речь идет о кетамине, оксиконтине, викодине, перкосете, дарвоцете, демероле или морфине – о том, что помогает сбежать от реальности и вызывает привыкание. Но кому нужны сорок восемь коробок фенилэфрина? Ничего расслабляющего в повышенном давлении и измененном сердечном ритме нет. Они не могли этого понять. Выброшеннные полные пузырьки пронестила казались чем-то странным и бессмысленным. Это их смутило. Но напугали их пустые пузырьки «века». «Век» представлял из себя то, что они называли «необратимым веществом». Он существовал в форме порошка и был запечатан в стеклянном сосуде, который невозможно открыть. Единственный способ извлечь препарат напоминал приготовление кул-эйда[4] в закрытом сосуде с помощью шприца. Для этого требовалось наполнить шприц соляным раствором, ввести иглу через резиновый стоппер, ввести соляной раствор, тщательно размешать и закачать полученное содержимое в шприц. Пустые пузырьки «века» означали, что препарат был введен в шприцы, и в ошеломляющих количествах.

«Век» – очень сильное паралитическое вещество{112}. Передозировка этим препаратом напоминает утопление или медленную смерть от удушения. Мышцы тела перестают работать, но человек остается невредимым, по крайней мере до того момента, когда отказывают легкие и сердечная мышца. Хуже всего то, что пациент все это чувствует – «век» не позволит ему двигаться или кричать, но и боль не заблокирует.

Длительное или чрезмерное употребление «века» наносит вред мозгу пациентов в коме, а ужасные потенциальные побочные эффекты сделали этот препарат крайне непопулярным среди врачей. В тех редких случаях, когда его все же назначали, речь шла об очень маленьких дозировках, обычно около пяти миллиграммов{113}. Никому из пациентов отделения коронарной терапии в «Святом Луке» не выписывали «век» на протяжении всех выходных, состоящих из четырех смен. Однако кто-то, очевидно, извлек 60 миллиграммов опасного паралитического вещества, наполнил им шприцы и ввел… неизвестно куда{114}.

Джерри Кимбл вышел в коридор в напряжении. Вокруг него были палаты, полные пациентов, находящихся без сознания. Больница была полна сотрудников, посетителей, специалистов, новичков, временных уборщиков. Они с Кэнди и Ким решили следить за хранилищем, сменяя друг друга, когда один из них освобождался. Ким начала первой: ей открывался отличный вид на хранилище с сестринского поста. Она не узнала первого мужчину, который туда вошел. Она наблюдала, как он вбил свой

код, нажал на ручку, вставил кроссовку в дверной косяк, чтобы та не закрывалась, пока он пополняет запасы. Все это время она отлично его видела. Спустя полчаса она увидела, как мужчина из аптеки вбил свой код и вошел. Он тоже оставил дверь открытой. Ким и Кэнди переглянулись. Все это начинало казаться глупой затеей. А у них впереди был целый день и куча пациентов до того, как придет следующая смена.

В 18:20 в отделение зашел Чарли Каллен, как обычно рано. Ким Вулф была рада его увидеть – Чарли ей нравился. Они сменяли друг друга уже больше двух лет, не были друзьями, но хорошо относились друг к другу, здоровались и прощались, когда у одного из них заканчивалась смена, а у другого начиналась. Да, он был непохож на других, но Вулф не осуждала его за странности. Он был полезен и всегда рад уделить время, чтобы помочь другому медработнику. Ким и Кэнди были заняты картами, когда Чарли совершал свою ритуальную перепланировку сестринского поста.

Стулья представляли собой те странные штуки от OfficeMax на паучьих ножках с колесами. Чарли вкатил лишние в пустой офис дальше по коридору, унес два, а затем вернулся еще за двумя. Взял их, а затем остановился в коридоре напротив двери хранилища. Он набрал код и проскользнул внутрь. Дверь за ним закрылась. Ким побежала, чтобы сказать об этом Кэнди, но она уже все увидела сама.

Прошло целых пять минут, прежде чем Ким и Кэнди увидели, как открылась дверь. Обе девушки отвели взгляд, когда Чарли вышел из комнаты и пошел в другой конец коридора. Ким подбежала к двери хранилища, вбила код и заглянула внутрь. Контейнер для острых предметов снова был полон. Срочно нужно было предупредить управляющую отделением интенсивной терапии Эллен Амедео. Они дозвонились ей домой и, тяжело дыша, рассказали, что узнали, кто использовал смертельные дозы «века».

Спустя полчаса дневная смена ушла, в том числе Джерри, Сью и Кэнди. Чарли остался на посту. У него впереди было двенадцать часов. Первая остановка сердца произошла меньше чем через шесть.

Контейнер для острых предметов не открывали вплоть до того, как утром 3 июня пришла новая смена. Джерри Кимбл и менеджер-супервайзер Терри Колер надели стерильные перчатки, а сотрудник службы безопасности больницы наблюдал, как они переворачивают содержимое контейнера на стол. В этот раз они обнаружили несколько десятков пузырьков: большинство из них были пусты, включая девять использованных сосудов от

«века»{115}. Тогда они еще не знали, что препарат уже введен пациенту по имени Эдвард О'Тул семь часов назад{116}.

К этому времени Эллен Амедео прибыла в отделение, и административная машина была приведена в действие. Дженис Рэйдер, риск-менеджер больницы святого Луки, установила новый протокол: в оставшееся от дневной смены время дежурный медработник должен регулярно проверять контейнер для острых предметов на наличие в нем препаратов. Каллена не было на месте, контейнер оставался пустым.

Рэйдер ничего не оставалось, кроме как связаться с Кеном Вэйлом, директором по риск-менеджменту в «Святом Луке». Пропали опасные сердечные препараты, огромное количество паралитического вещества введено в шприцы и исчезло. Вместе Рэйдер и Вэйл стали думать о том, что будет «лучше всего для больницы{117}, учитывая, что Чарльз Каллен должен заступить на смену меньше чем через восемь часов. Решили проконсультироваться у юриста больницы святого Луки, Си Трауба. Трауб позвонил в фирму «Стивенс и Джонсон»{118}, корпоративных специалистов по уголовному праву и преступной халатности. В их штате работал молодой бывший помощник окружного прокурора из Филадельфии по имени Пол Лафлин{119}.

К 14:00 Лафлин уже сидел в офисе администрации «Святого Луки». Ему объяснили ситуацию, и он отправился домой ждать. Ему позвонили сразу после полуночи. Это были медработники отделения коронарной терапии. Чарльз Каллен пришел на свою смену, а в контейнере обнаружили очередной запас препаратов. Больше ждать было нельзя. Лафлин приехал в отделение интенсивной терапии и занял пустую палату в конце коридора. Спустя несколько минут медбрат по имени Брэд Хан привел Чарльза Каллена. Чарли этого не ожидал. Он посмотрел на Брэда и сказал: «Знаешь, мог бы и предупредить»{120}.

22

Молодой юрист попросил Чарльза Каллена присесть. Он начал разговор дружелюбно: стал спрашивать у Чарли о его прошлом, о том, как он привык работать{121}. Чарли ответил на все вопросы по порядку, прекрасно понимая, к чему клонит юрист. Он сказал ему, что предпочитает приходить пораньше, около 18:30, и собирать нужные лекарства. Сегодня он сделал точно так же, это заняло около десяти минут.

– А потом? – спросил Лафлин.

«Ага, – ответил Чарли, – потом я, ну, вернулся в хранилище».

И почему, поинтересовался Лафлин, Чарли туда вернулся?

«Не знаю, – сказал Чарли, – может, кто-то меня попросил. Если бы кто-то попросил, я бы туда пошел».

«Окей, – ответил Лафлин, – так это произошло? Кто-то попросил вас вернуться туда?»{122}

Чарли опустил взгляд. «Я не помню, – ответил он, – я сюда, знаете ли, не отдохнуть прихожу, так что ничего особенного про эту смену не помню». Он практически мямлил.

«Кто-нибудь говорил вам о том, что в контейнере для острых предметов нашли препараты?»

Лафлин принес контейнер и открыл крышку, показав, что он полон коробок и пузырьков. Возможно, Чарли должен был изобразить удивление, но он этого не сделал. Ему было настолько плевать, что он даже не потрудился вспомнить, какие эмоции люди должны выражать в подобных ситуациях. Какое это имело значение? Он снова опустил взгляд. Линолеум узором напоминал кусок копченого мяса.

«Позвольте мне еще раз спросить: слышали ли вы что-нибудь о том, что некоторые лекарства пропадают?»

В этот раз Чарли ответил: «Да, я… ну, сестра Мойер, Тельма. Она как-то об этом упоминала».

Так все же, спросил Лафлин, кто мог их туда положить? Нет ли у Чарли мыслей на этот счет?

Он все продолжал говорить. Чарли слышал, как он перечисляет все смены, когда были найдены препараты, и все часы совпадали со сменами Чарли. Адвокат говорил о «веке», демонстрируя то, что он в курсе, насколько опасен этот препарат, который необходимо было смешать с жидкостью и ввести в шприц. Кто еще работал с ним в эти смены? Кто? Чарли? Чарли?

Чарли осмотрел офис, стол, стулья, колени юриста. У них были карты пациентов, их анализы крови, лабораторные отчеты о передозировках «века». У них были пузырьки{123}. Для Чарли это

напоминало издевательство. Они всё уже знали; зачем нужны эти жестокие вопросы? «Вы уже приняли решение», – ответил Чарли. Чего они от него ждут?

Чарли понимал, что у него есть выбор{124}, – хотя, строго говоря, выбором это сложно назвать{125}. Если он уволится, «Святой Лука» даст ему нейтральные рекомендации, а инцидент не отразится на его карьере. Чарли смотрел в пол. От него пытались избавиться. Он подумал, что именно так и остаются в годовом списке лучших больниц Америки *U. S. News & World Report*. Чарли не мог в это поверить – так поступает больница, названная в честь святого. Что бы сказали монахини из католической школы? Святой Лука, покровитель всех отверженных. Чарли принял условия сделки, хотя понимал, что в этой ситуации прав был именно он. Охранники провели его за руки через отделения, как Христа на Голгофу, и оставили одного на холодной парковке.

23

Восьмого июня, через три дня после того, как охранники «Святого Луки» довели Чарли до машины, он уже выходил из нее на другой парковке, в десяти минутах дальше по дороге, в Аллентауне, штат Пенсильвания. Он приехал пораньше на очередную ночную смену в очередном отделении коронарной терапии. Перевод в больницу «Сейкрид харт» дался ему чрезвычайно легко, так как он мог честно указать даты своего трудоустройства в отделении коронарной терапии больницы святого Луки как «с июня 2000 года по настоящий момент» и рассчитывать на то, что там{126} ему предоставят нейтральные рекомендации{127}. Его перевод казался нормальным. Чарли не знал, что несколько сотрудников администрации «Святого Луки» звонили своим коллегам в другие больницы. Но это не имело значения: в «Сейкрид харт» они не звонили. Чарли сразу определился с тем, в каком отделении он хочет работать. Начать он мог сразу же.

Каллен почувствовал, что ему понравится в «Сейкрид харт». Ему понравились коллеги, особенно молодая мама по имени Кэти Вестерфер. Как и Чарли, Кэти была новенькой, одинокой и работала в ночные смены. Не прошло и недели – они начали встречаться. Как обычно, Чарли легко привязался. Спустя две недели ему позвонили из больницы и сказали, чтобы он не возвращался к работе, но даже у этого были свои положительные стороны: Кэти жалела своего нового парня. Стремительный приход-уход из больницы почему-то казался романтичным. Спустя несколько месяцев Чарли загрузил вещи в свой «эскорт» и переехал в дом, который Кэти снимала в Бетлехеме.

В его уведомлении об увольнении из «Сейкрид харт» стояла следующая причина: «личные конфликты». Чарли предположил, что кто-то из старших медработников был в курсе слухов о нем. На самом же деле одна из сестер, работавших в «Сейкрид харт», ранее работала в Истоне, где подозрительная смерть Оттомара Шрамма от передозировки дигоксина все еще была предметом обсуждения. Она слышала истории о Чарли. Вскоре эти истории услышали и ее коллеги из «Сейкрид харт» и подали жалобу в администрацию. Они пригрозили, что все вместе уйдут, если Каллена не уволят. Чарли не знал деталей ситуации, ему это и не было нужно. Главное – ему предстояло найти новое место. Новая жизнь поджидала совсем недалеко – рядом с границей штата. Чарли возвращался домой.

У Чарли все еще оставались нейтральные рекомендации от

«Святого Луки». Позже больница заявит, что расследование Лафлина, ревизия медицинских карт риск-менеджером Рэйдер и дополнительный запрос, сделанный главным юристом «Святого Луки» Си Траубом, не смогли дать точного ответа на вопрос о подозрительных смертях в больнице, связанных с пустыми пузырьками «века» или другими действиями Чарльза Каллена. Однако руководство «Святого Луки» не хотело, чтобы Чарльз Каллен продолжал работать в системе здравоохранения. Судя по всему, они полагали, что у других больниц также будут причины не желать присутствия Каллена в своих стенах.

В августе 2002 года Чарльз Д. Сондерс, вице-президент больницы святого Луки по медицинским и научным вопросам, позвонил своим коллегам в Бетлехеме, спрашивая, не случалось ли у них подозрительных инцидентов, связанных с медбратом по имени Чарльз Каллен, и рассказывая, почему Каллена не стоит нанимать. Исполнительный вице-президент «Святого Луки» и бывший президент Медицинского центра святого Варнавы Винс Джозеф{128} вместе с юристом Полом Лафлином тоже обзванивали своих коллег{129}. Однако Сондерс, Джозеф и Лафлин, судя по всему, не выносили эти предупреждения в публичное пространство{130}, не сообщали о нем в полицию или в комиссию по делам медработников{131}. К несчастью для пациентов Медицинского центра Сомерсета, это учреждение тоже не получило никакого уведомления{132}.

24

Сентябрь 2002 года

Реклама о трудоустройстве представляла собой флаер высокого качества, цветную приманку для квалифицированных медработников. Чарли изучал брошюру, вертел ее в руке над кухонной раковиной. «Присоединяйся к нашей Команде!» – говорилось в ней. Стоит ли? Его жизненный путь определялся дверьми, открывающимися в самый нужный момент, когда судьба указывала ему правильный путь. Чарли ничего не знал о Медицинском центре Сомерсета, как и о самом этом округе в Нью-Джерси, но было ясно, что после того, как он сменил пять медицинских центров{133} меньше чем за четыре года, его репутации в Пенсильвании пришел конец{134}. В Нью-Джерси у него тоже были проблемы, но с того момента, как он там работал, прошло уже четыре года, к тому же это большой штат{135}. И хотя округ Сомерсет находился всего в пятидесяти минутах от дома, где Чарли вырос, в социальном и экономическом смысле это была максимальная польза, которую он мог извлечь из того, что родился в Уэст-Ориндже.

Сомерсет был одним из самых старых и богатых округов в Соединенных Штатах{136}: плодородные фермерские угодья расположились между заросшими лесом холмами и загородной недвижимостью, которую любили приобретать там финансисты и промышленники{137}. Джон Драйден, основатель «Пруденшел иншуренс»[5], построил свой особняк в стиле Версаля в Бернардсвилле в 1880-е годы; спустя поколение Брук Кузер – вскоре ставшая Брук Астор[6] – будет жить в этом особняке под названием Денбрук. В годы экономического бума, последовавшего за Гражданской войной, граждане Сомерсета были богатейшими представителями богатейшей нации в мире, которые могли получить все, что захотят. В 1898 году они захотели больницу.

Дело было в одном конкретном случае – смерти 16-летнего мальчика от черепно-мозговой травмы. Даже в 1898 году это далеко не всегда был смертельный случай; в черепе проделывали дырки, чтобы ослабить давление, и это считалось простой хирургической процедурой, которая была старее, чем наконечники стрел индейцев-делаваров, которые еще можно было найти в реке Раритан. Однако пока мальчика везли на телеге в Ньюарк, его мозг продолжал распухать, словно хлеб в печи, упираясь в череп и разрушаясь. Когда приехали в Ньюарк, взгляд мальчика уже остекленел. После этого случая призыв построить в

округе Сомерсет местную больницу наконец приняли всерьез.

С помощью первого пожертвования в 5 500 долларов дом на Ист-Мэйн-стрит оснастили электричеством, водопроводом и последними достижениями техники в области медицины, включая немецкую машину, которая могла сфотографировать внутренности человека с помощью «неизвестных», или «икс-», лучей. Здесь также оборудовали операционный театр, освещенный электрической лампочкой, которую недавно изобрел Томас Эдисон из соседней деревушки Менло-Парк. Поначалу в клинике было десять врачей и двенадцать кроватей. По мере того как рос округ, расширялась и больница – она обрастала крыльями и пристройками, пока наконец не превратилась из простого деревянного домика в маленький город из красного кирпича, предлагающий десятки разных медицинских процедур. К 2002 году это уже было учреждение больше чем на 350 коек для пациентов, которым требуется стационарное лечение, с тысячами высокооплачиваемых профессионалов, чья работа – ухаживать за этими пациентами. Больнице повезло владеть огромной парковкой и удобно расположиться между разными трассами, а также иметь достаточно денег, чтобы предлагать десять тысяч долларов в качестве бонуса опытным медработникам, готовым подписать контракт на шесть месяцев.

Пятнадцатого августа 2002 года Чарли сидел за столом отдела кадров Сомерсета и заполнял знакомые ему бланки{138}. Медбрат Каллен казался соблазнительным вариантом. Он вполне справедливо сообщил, что является сертифицированным и зарегистрированным медбратом, а также уверенно соврал, когда указал, что не бывал осужден по уголовным делам, и даже не задумался о том, проверяют ли в Сомерсете эти ответы. Он предпочел бы отделение интенсивной терапии, но был согласен на любое. Кроме того, был готов выходить в любое время, на любые смены, приезжать по звонку, работать по ночам, в выходные и праздники{139}. В качестве рекомендателя он указал больницу святого Луки, отметив, что ушел лишь потому, что «захотел перемен», – в каком-то смысле это было правдой. Он также указал годы работы в отделении ожогов в Лихай-Вэлли, где «ему не понравилось», и Центр по реабилитации и уходу за пациентами «Либерти», где «ему не хватало часов». В некоторой степени все было правдой, но отделу кадров Медицинского центра Сомерсета еще предстояло выяснить детали.

Бывший супервайзер Чарли в больнице Уоррена подтвердил, что Каллен там работал, и отметил его этичность, совестливость и ум. Отдел кадров «Святого Луки» выполнил свое обещание и подтвердил даты работы и позицию Чарли{140}. В сентябре 2002

года Чарли предложили работу на полную ставку с самыми уязвимыми пациентами отделения интенсивной терапии Медицинского центра Сомерсета.

Чарли быстро завоевал популярность в качестве ночного медбрата в Сомерсете. Обычно для того, чтобы передать дела ночной смене, требовалось около часа (в зависимости от конкретного медработника), но Чарли быстро соображал и не задавал вопросов, а потому дневные сотрудники обожали дни, когда он работал. Они могли быстро его проинформировать и пойти домой, зная, что он уже здесь со своим маленьким «Сёрнер ПауэрЧарт», мобильной компьютерной базой данных карт пациентов. Коллеги Чарли по ночной смене уважали его еще больше: он начинал рано, работал эффективно и всегда первым заканчивал. Они возвращались с первой проверки пациентов и видели, как Чарли уже стоял рядом с аппаратом «Пайксис», помогая подготовить капельницы на вечер. Затем они снова видели Чарли, когда он помогал им при остановке сердца кого-то из пациентов.

Каждую ночь у медработников было новое расписание, поэтому команда каждый раз тоже была новой. Сестра, с которой Каллен часто работал вместе, высокая красивая блондинка по имени Эми Лофрен{141}, быстро выделила его среди других. Эми была самопровозглашенной «занозой в заднице», то есть прямой и честной, таким человеком, в тени которого Чарли мог бы как следует укрыться. Поначалу он вел себя с ней тихо, но за длинные ночные смены он иногда все же отпускал короткие комментарии о больничной бюрократии, пока ждал у «Пайксиса» или драматичным образом закатывал глаза в процессе работы над особо сложным отчетом. Поздней ночью, после того как все капельницы были поставлены и всем пациентам уделено должное внимание, Чарли рассказывал ей свои ироничные байки об опустошающей депрессии, невезении и издевательствах с той честностью, которую, по его мнению, Эми должна была оценить; она отвечала на них смехом и тем материнским вниманием, в котором Чарли нуждался. С течением недель они превратились из знакомых в друзей.

Эми Лофрен пережила жестокое детство, встречала жизненные проблемы с вызовом и была убеждена в том, что вселенная ей задолжала. Тридцать шесть тяжелых лет импульсивной жизни подарили ее десять парней, двух дочерей, квалификацию медсестры и белый «ягуар», взятый в лизинг, однако, несмотря на все это, внутри Эми была какая-то пустота, объяснить которую она не могла. В выходные ее посещали панические атаки, из-за которых она порой не выходила из дома,

а по ночам она либо работала, либо пила вино. Ее существование делилось на пребывание в своем доме на севере штата Нью-Йорк и пребывание на работе в Нью-Джерси, так же, как была разделена ее личность, – и она изо всех сил старалась поддерживать такой порядок вещей. Она не открывалась полностью ни дочерям, ни парням, ни большинству своих коллег. И лишь ее новый друг, Чарли Каллен, дарил ей чувство безопасности. Эми казалось, что и ему нужна ее забота.

Когда Чарли пришел в Сомерсет в том сентябре, Эми почти сразу поняла, что он ей нравится – не как мужчина, конечно: она была одинока, но не настолько, к тому же она чувствовала, что он это понимает. Эми была блондинкой, ростом под метр восемьдесят и с формами, которые были заметны даже в халате. Ей было не привыкать к нежелательному вниманию. Однако Чарли казался Эми безобидным. Он обращал на нее внимание без очевидного интереса и ни разу не попытался ее «склеить». И если он не всегда смотрел ей в глаза, так хотя бы не по той причине, что рассматривал ее декольте. Кроме того, он был молчаливым, по крайней мере поначалу, а Эми инстинктивно тянуло к тихим людям. *У этого парня*, думала она, *есть секреты, прямо как у меня*.

Новый медбрат помимо всего прочего, как и Эми, серьезно относился к работе, даже, может, серьезнее: он работал так эффективно и внимательно, что это иногда напоминало обсессию. Чарли занимался своими пациентами в одиночку, закрыв дверь и шторки. Он раздевал их догола и мыл, а затем натирал до перламутрового блеска увлажнителем. Эми называла их его «жареными индейками», слишком жирными, чтобы их можно было легко перевернуть. Другой его странностью была одержимость устройством «Сёрнер». Заполнение карт – одна из обязанностей медработников, но Чарли доводил ее до абсурда, часами стуча по клавишам мобильного устройства подальше от глаз других сотрудников. Эми шутила, что он пишет роман. Удивительно, но Чарли нравились ее подколки, он понимал их невинную природу.

Как и большинство сестер, Эми считала себя героем, которые защищают самую хрупкую часть человечества, заботятся о тихих и беспомощных, помогают им. С его изогнутой спиной, мягкими серыми волосами и невзрачными стариковскими кофтами, новый медбрат казался Эми еще одной нежной душой, нуждающейся в защите, – он напоминал мистера Роджерса[7], такой сентиментальный и подавленный. Белый халат Чарли носил на себе следы холостяцкой стирки, а за заляпанными аптечными очками в его глазах скрывались тьма и отчаяние, которые Эми

приняла за замаскированный гнев. Всего за пару ночных смен Эми поняла, что Чарли Каллен – один из самых забавных людей, которых она встречала. В четрые утра Чарли мог заставить ее хохотать над историей, как нельзя лучше подходящей к ее сумасшедшей жизни. Юмор и сплетни смягчали страдания и горе, неизбежно шедшие в комплекте с работой, а Чарли для этого подходил идеально. Несколько историй строились вокруг абсурдности его армейской жизни, включавшей задания вроде охраны ядерных ракет с дубинкой или издевательства, которые вызвало его нежелание пи́сать в банку в присутствии другого мужчины. Однако большинство было связано с девушкой Чарли, Кэти, и ее попытками выставить Чарли из дома. Эми называла это «Шоу Чарли и Кэти», выпуск которого она смотрела каждую ночь. В конце концов она ответила на это собственными признаниями.

Каждую ночь Чарли быстро выполнял свои обязанности в отношении пациентов, а затем осматривал палаты, пока не находил ее. Эми была прокрастинатором, все время опаздывающим, поэтому она восхищалась{142} его технической сноровкой, приобретенной за четырнадцать лет работы в девяти разных больницах. Вскоре она привыкла на это полагаться. Ее должность в Сомерсете была самой удачной, которую она занимала почти за пятнадцать лет карьеры. Бонус в 20 000 долларов за заключение семимесячного контракта и 1 700 долларов в месяц на жилье были «сумасшедшими деньгами». Она хотела их получать, даже если работа ее убивала.

В середине смены в октябре того года Чарли нашел ее, сползающей по белой стене сестринского поста. Он отвел ее в пустую палату и закрыл дверь. Эми села на кровать и, еле отдышавшись, начала рассказывать. История была забавной, по крайней мере в контексте висельного юмора медработников. Эми работала в одном из лучших кардиологических отделений страны и втайне медленно умирала от сердечной болезни.

Эми диагностировала ее сама – прогрессирующая фибрилляция предсердий, вызванная хроническим синдромом слабости синусового узла. Диагноз хотя бы частично объяснял ее парализующие панические атаки и тот факт, что они были такими тяжелыми. Синаптические связи в ее сердечной мышце давали сбой. В конце концов это привело к неустойчивости сердечного ритма, которая не позволяла крови нормально циркулировать через легкие и по телу. Эми чувствовала себя так, будто тонула в собственной заторможенной кровеносной системе. И хотя она предполагала, что по ее сердечной мышце нанес удар вирус, подхваченный, возможно, от одного из пациентов, она одновременно размышляла о душевных корнях проблемы:

о своего рода эмоциональном вирусе, психологической бомбе, заложенной детскими травмами, о вреде, нанесенном памятью. Сердечная болезнь была не единственным ее секретом. Другие убивали не меньше.

Чарли слушал, кивая по-докторски. Затем он вышел и вернуля спустя минуту, держа в руке зеленую таблетку – дилтиазем дозировкой в 0,5 мг. Эми выпила таблетку и встала, опираясь на стойку пустой капельницы. Было всего два часа ночи, а у нее впереди еще много работы.

– Нет, послушай, – сказал ей Чарли, – ты отдыхай. Приказ врача. – Он слегка улыбнулся. – Я возьму твоих пациентов на себя.

– Чарли… – начала говорить Эми.

– Не волнуйся, – ответил Чарли, – я умею хранить секреты.

Чарли не знает, сколько человек убил в Сомерсете, знает лишь, что это началось тогда, когда заболела Эми. С того момента он не останавливался.

Кардиомиопатия Эми не наблюдалась до февраля, когда она потеряла сознание на работе и ее отправили в реанимацию. Ей потребовались электрокардиостимулятор и отпуск. Чарли остался один и заменил ее внимание знакомой компульсией.

Особые жертвы – очень старые, очень больные или просто запоминающиеся – начались в середине января{143} с дигоксина и шестидесятилетней домохозяйки по имени Эленор Стокер. Через две недели, в канун своего сорок третьего дня рождения, Чарли использовал павулон – сильное паралитическое вещество, похожее на «век». Этот препарат силен сам по себе, но Чарли смешал его с другими, так что к концу ночной смены он не был уверен, кто именно умер в результате его действий и что именно убило Джойс Мангини и Джакомино Тото. Однако он был достаточно уверен в том, что норэпинефрин остановил сердце Джона Шанагера 11 марта. Репутация Чарли как специалиста по остановкам сердца росла, и к тому моменту, как в мае сердце Доротеи Хоагланд перестало биться, а из динамиков доносился синий код, Чарли снова знал, что нужно делать. Знания Чарли о том, какие препараты помогут остановить неожиданный сердечный приступ пациента, казались другим медработникам практически откровениями пророка. Даже молодые врачи, ответственные за этого пациента, расступались, чтобы дать Чарли руководить процессом. У каждого пациента были собственные сложности с органами и препаратами, и каждый случай был уникальным. Весна выдалась насыщенной, и Чарли не запоминал ничьих имен, потому что был чрезмерно занят причинами и эффектами.

Майкл Стренко был слишком молод, чтобы лежать в таком отделении, и потому его болезнь особенно расстраивала молодых медработников. Родители Майкла верили, что их сын начал поправляться в Сомерсете и его самочувствие улучшалось изо дня в день, но двадцатиоднолетний студент-программист из университета Сетон-Холл страдал от врожденной аутоимунной болезни, и уход за ним был непростым делом. Эми, вернувшаяся в отделение после операции по установке кардиостимулятора и отдыха, беспокоилась, что юный Майкл не выживет. Чарли же знал наверняка.

В конце концов либо дигоксин, либо эпинефрин, либо их сочетание отправило Стренко в последний путь – жизнь больного человека находится в таком хрупком балансе, что достаточно легкого толчка или даже дуновения ветра, такого тонкого и незаметного действия, что никто даже не станет задумываться о причине – все будут в шоке от результата. Остановок сердца в ту ночь было несколько, и совсем не простых. Спустя пару секунд Чарли вышел в комнату ожидания, чтобы во всех деталях описать матери Майкла, что происходило в данную минуту в палате и в теле ее сына, рассказать, какие препараты используют медработники, какие принимают меры, чтобы сохранить жизнь пациента. «Майкл тяжело болен, – сказал ей Чапли, – не всегда люди в таких ситуациях выживают».

Родители Майкла были потрясены таким заявлением. «Хватит!» – сказала его мама и попросила Чарли уйти. Однако Чарли был прав. Примерно в два часа ночи 15 мая, когда миссис Стренко наконец остановила попытки запустить сердце сына, прямая линия кардиограммы доказала его правоту.

Эми никогда не стремилась к скандалу, но всегда ставила все под вопрос. Она думала, что если иногда и заходит слишком далеко, то в этом нет ничего страшного. По крайней мере, ее не так просто обвести вокруг пальца. Такая уж она была, по ее же словам: импульсивная дерзкая девчонка с характером, но не простачка. Она ни на что не соглашалась просто так. О ней слышали даже в отделении онкологии: Эми, сестра из отделения интенсивной терапии, которая отказалась от нового идиотского протокола безопасности, та, которая не стала ставить свое имя на новом листе выдачи инсулина. Это дало ей понять, сколько шума она наделала. Чтобы добраться из отделения интенсивной терапии до онкологии, нужно было сесть на автобус.

Новый протокол выдачи лекарств назывался «форма регулирования выдачи инсулина». Вэл, менеджер, попытался его растолковать, чтобы уговорить Эми подписать. Раньше инсулин всегда просто хранился в маленьком холодильнике. Однако

теперь по какой-то причине меняли протокол и заставляли медработников ставить электронные подписи под предположением о том, сколько инсулина осталось в пузырьке. Эми считала, что это неточно и глупо. Как она могла на глаз определить, сколько осталось инсулина? Администрация просила ее поставить свою карьеру на правильность случайной догадки. Эми хотела знать, что происходит, но супервайзер не собирался ей говорить. Зачем поступать с инсулином как с наркотиком?

Когда ее менелжер отказался отвечать, Эми отказалась сотрудничать. Вэл сказал: «Подпиши». Эми сказала: «Нет». «Просто сделай это», – сказал Вэл. Эми отказалась.

Теперь Вэл тоже начал злиться. Эми не понимала причин этой реакции. Почему столько шума из-за какого-то протокола – что, разве кто-то умер?

Вэл уже почти кричал, когда сказал Эми: «Слушай, просто подпиши – дело все равно не в тебе!»

Что это значило? А в чем тогда дело?

На тот момент Эми не связала между собой новый протокол и участившиеся остановки сердца. Она лишь знала, что в последние полгода трупов стало больше – больше, чем за всю ее карьеру. Она не знала, что есть какая-то проблема, и уж точно не представляла, что заключалась она в Чарли. Чарли был хорошим медбратом, даже выдающимся. Она всегда рада была видеть его имя в расписании. Врачи Эми советовали не напрягаться, но с несколькими пациентами под ее опекой не напрягаться было невозможно. Часто ей приходилось выбирать между заботой о своем сердце и заботой о чужом. Когда она работала вместе с Чарли, появлялась третья опция. Он никогда не был слишком занят для того, чтобы ей помочь.

Четырнадцатого июня 2003 года Чарли приехал раньше на полчаса – он изнывал от нетерпения. Проверил электронные карты пациентов в «Сёрнере» и выбрал восточную женщину{144}. Миссис Джин Кьюнг Хэн не была его пациентом, но у нее были серьезные проблемы. Ее привезли в больницу 12 июня с лимфомой Ходжкина и сердечной болезнью. Ее кардиолог, доктор Зарар Шалин, уже давал Хэн маленькую дозу дигоксина, обычно по 0,125 мг, поддерживая его концентрацию в крови на терапевтическом уровне, где-то в районе 0,63. Врач назначил ей еще одну дозу дигоксина 13 июня. Затем, после изучения электрокардиограммы, он обнаружил, что «диг» ей вовсе не помогал от аритмии. Наоборот, он мог ее убить. Поэтому он сказал, чтобы препарат ей больше не давали. В 19:00 дневная смена передала свои дела ночной. Чарли освободился уже в 19:30 и сразу пошел к автомату с препаратами «Пайксис», через

который заказал дигоксин. Он оформил заказ на своего пациента, а затем быстро его отменил. Ящик с препаратами все равно открылся. Оказалось так просто. Новый протокол безопасности был идиотским. Чарли достал два пузырька и закрыл ящик.

Он вошел в комнату Хэн. Женщина спала. Он выбрал простой способ и ввел дозу дигоксина в порт шланга капельницы, расположенного между сумкой и ее рукой. Чарли ввел дозу, в восемь раз превышавшую ту, к которой Хэн привыкла{145}. Затем он выбросил иглу в контейнер для острых предметов и вышел из комнаты. Уже почти рассвело; действие препарата начнется уже после окончания его смены. Чарли заранее пришел на работу вечером 16-го, чтобы проверить. Но Хэн все еще была жива.

Чарли взял «Сёрнер» и просмотрел карту пациентки. Пульс миссис Хэн падал, все утро ее рвало, а анализ крови нашел в ее организме «диг», который подскочил с нормального уровня в 0,63 до 9,94. Кардиолог моментально выписал ей антидот, и Хэн стало лучше. Ее состояние оставалось нестабильным, но она держалась.

Эми ждала Чарли. У него лучше всего получалось ухаживать за пациентами после смерти, он был полезен и быстр. У него был свой серьезный порядок действий, которого он придерживался, и разговоры в него не входили. Он мыл тело, доставал иглы капельниц из вен, сворачивал шланги, доставал катетеры и трубки для приема пищи и дыхания. Затем доставал набор инструментов и саван. *Саван*. Для Эми это слово означало нечто священное, торжественное, домотканое и трагичное, но в Сомерсете саваном называли тонкие листы дешевого чистого полиэтилена, который легко рвался и которого вечно не хватало. Он напоминал Эми пищевую пленку. Когда она делала это в одиночестве, ее честные попытки всегда приводили к мрачному фарсу. Чтобы завернуть тело, необходимо было подложить несколько кусков этого полиэтилена под груз мертвого тела так, чтобы пленку не порвать и не смять. Это все равно что стелить постель, пока в ней кто-то лежит. Попытки Эми подтянуть, поднять и подоткнуть чаще всего приводили к полному хаосу. Она пробовала использовать четырехфутовые квадраты, чтобы покрыть все тело, но всегда оставался зазор в области живота. Так или иначе, либо ноги, либо голова оставались неприкрытыми. В итоге она просто обматывала труп так же, как ребенок заворачивает подарок на день рождения. Или просто звала Чарли.

Чарли делал это умело. Он точно рассчитывал площадь полиэтилена и с идеальным нахлестом, углом и сгибом заворачивал умершего в профессиональный полимерный кокон, вместе с головой, ногами и всем остальным. Чарли был в этом хорош. Она его похвалила. Он ответил, что это просто. У него

было много практики.

Преподобный Флориан Гэлл прибыл на скорой в отделение интенсивной терапии Сомерсета спустя почти девять месяцев с того дня, когда Чарли начал там работать. Гэлл был в тяжелой лихорадке, а его лимфоузлы сильно воспалены, в связи с чем можно было предположить, что он страдает от сильной бактериальной инфекции и, вероятно, пневмонии. Его легкие напоминали мокрую мочалку и с трудом поставляли кислород в сердце и мозг. Его пришлось подключать к машине. Гэллу подняли подбородок, открыли рот, вставили в трахею пластиковую трубку, прилаженную к воздуховоду и затем – к аппарату искусственного дыхания. В это же время почки Гэлла перестали выдерживать нагрузку. Они восстановились бы только вместе со всем организмом, а пока фильтровать его кровь также предстояло специальному аппарату{146}.

Сестра преподобного Гэлла каждый день посещала брата. Люсилль работала старшей медсестрой в больнице неподалеку, что позволяло ей подольше оставаться около брата – такую ей оказывали профессиональную любезность. У нее было свое мнение насчет ухода за братом. Чарли не всегда ухаживал за преподобным, но постоянно его проверял, и ему не нравилось отношение сестры. Она спорила по поводу лекарств, которые он давал Гэллу, и вела себя так, будто была здесь главной. К примеру, она не считала, что давать ее брату тайленол – хорошая идея, учитывая плохое состояние его печени. Ее отношение раздражало Чарли до такой степени, что, когда он думал о преподобном, в голове возникал образ Люсилль, а не Гэлла. Лишь когда она уходила, Чарли мог заняться делом.

Реальной проблемой Гэлла было сердце – мерцательная аритмия, вероятно, означала, что одна из сердечных камер сокращалась слишком быстро, для того чтобы эффективно наполняться кровью или качать ее. Дежурный кардиолог выписал дигоксин. Препарат должен был успокоить желудочек предсердия, тогда наполненная кислородом кровь сможет снова циркулировать по телу священника. Во всяком случае, такой был план.

На этом этапе невозможно было определить, выживет преподобный или нет. Семья оформила согласие на то, чтобы не применять специальных мер для возвращения Гэлла к жизни: по крайней мере, если он умрет, то его душа спокойно отойдет в лучший мир без лишнего драматизма и использования «экстраординарных» методов. Однако постепенно здоровье Гэлла стало улучшаться. Сердечный ритм стабилизировался, и ему перестали выписывать дигоксин. По совету врача сестра святого

отца отменила свое согласие на отказ от реанимации, и в ней снова разгорелась надежда. В конце концов, если он продолжит идти на поправку, то его отпустят домой.

Чарли наблюдал за ним во сне, изучал блеск его лысой головы в свете аппаратов и больничную пижаму, сменившую церковное облачение. Он не был похож на тех священников, которых Чарли видел в детстве; он не выглядел как посланник Бога на земле – для этого он был слишком болен и слишком человечен. Такой приговор вынес ему Чарли. Он хорошо знал карты пациентов, поэтому оттащил тележку с компьютером в угол отделения и стал размышлять над увиденными там цифрами.

Сердце преподобного Флориана Гэлла остановилось приблизительно в 9:32 утра 18 июня. Это произошло неожиданно, и для его спасения были предприняты героические меры. Они оказались неудачными. Время смерти в его карте – 10:10 утра. Анализ крови Гэлла показал, что уровень дигоксина в его организме был намного выше нормы. У администрации Медицинского центра Сомерсета появилась проблема. Смерть не была естественной. И Гэлл не был первой жертвой. Его назвали «пациент номер четыре».

Больница собиралась разобраться с этим сама{147}, и как можно быстрее. Фармацевтический отдел проверял работу «Пайксиса» в дни смертей, связанных с дигоксином. Помощнику фармацевта по имени Нэнси Доэрти поручили связаться с центром токсикологического контроля штата Нью-Джерси. Их интересовало, сколько «дига» требовалось для такого уровня, какой был обнаружен в крови Гэлла. Помощь им требовалась только в подсчетах.

25

7 июля 2003 года

Во время ожидания ответа оператора играл легкий джаз, веселый и радостный. Записанный голос сказал: «Спасибо за звонок, скоро вам ответит специалист по токсикологии…»

А затем: «Центр токсикологического контроля Нью-Джерси, могу я вам чем-нибудь помочь?»{148}

«Э, да». Звонившая назвалась Нэнси Доэрти и сказала, что звонит из фармацевтического отдела Медицинского центра Сомерсета. «Вообще-то речь не о чем-то, что происходит сейчас. Мы пытаемся выяснить обстоятельства одного отравления дигоксином. Не знаю, может ли кто-нибудь в вашем центре обсудить этот вопрос со мной…»

«Хорошо, – сказал оператор. – Это произошло…»

«Это произошло… э… пару… ну, этот человек уже…»

Мертв. Однако Нэнси себя остановила.

«Это произошло 28 июня», – сказала она.

Фармацевт центра токсикологического контроля штата Нью-Джерси доктор Брюс Рак{149} перезвонил в Сомерсет через десять минут. Его заставили повисеть на линии и послушать, как на фоне Вивальди женский голос говорит: «В Медицинском центре Сомерсета безопасность пациента всегда на первом месте…»

«Нэнси Доэрти». Ее округлые нью-джерсийские гласные сильно контрастировали с краткими звуками, издаваемыми передатчиком: *Ненс Дoти*.

«Привет, Нэнси, это Брюс Рак». *Бруус* говорил с тем же акцентом, что и Нэнси, а также прошел ту же самую школу. Он понимал, что Нэнси всего лишь гонец, в руках которого тем не менее серьезная внутренняя проблема Сомерсета.

«Да, – сказала Нэнси, а затем выдохнула в трубку, – все… так… усложняется».

Доэрти звонила по просьбе своих начальников, чтобы попросить помощи в подсчете вероятной дозы препаратов в крови двух пациентов. Она сказала Брюсу, что пациент умер в отделении кардиологии три недели назад, 16 июня. Анализ крови показал, что в его организме был высокий уровень содержания дигоксина. В маленьких дозах «диг» помогает стабилизировать сердечный ритм. Однако Нэнси интересовали вовсе не маленькие дозы.

– Затем, 28-го, в том же отделении у нас был еще один случай отравления «дигом»…

– Постой, – сказал Рак. Что-то здесь было не так. Два

пациента, один и тот же препарат, разные дни? – Это произошло в *том же* отделении?

– Ага.

Рак спросил про первого пациента, миссис Хэн: поступила ли она в больницу с отравлением дигоксином?

– Нет, – ответила Нэнси. – Мы проверили в лаборатории. Она поступила с нормальным уровнем «дига»[{150}].

– О боже, – сказал Брюс. – Нэнси, в какой больнице вы работаете?

– В Медицинском центре Сомерсета, – ответила Нэнси. – Я чувствую себя детективом.

– Ну, звучит жутковато, по-моему, – сказал Брюс.

– Да, – ответила Нэнси. У нее словно отлегло от сердца, когда она услышала, что другой фармацевт разделяет ее опасения.

Нэнси попросила Рака повисеть на линии, чтобы она могла объяснить остальное в приватной атмосфере своего кабинета. «Пациент номер четыре, преподобный Гэлл… – Нэнси зачитывала уровни содержания дигоксина из лабораторных отчетов, – 1,2 двадцатого июня; 1,08 – двадцать первого; 1,59; 1,33… а затем, рано утром двадцать восьмого, он вдруг подскочил до 9,61.

– А после двадцать седьмого, перед передозировкой – когда ему ввели дигоксин?

– Ему его не вводили, – сказала Нэнси. Уровень дигоксина подскочил спустя сутки *после* того, как врачи перестали ему его выписывать.

– Ну первое, что приходит на ум, – лабораторная ошибка…

– Они сказали, что все перепроверили.

– Хм, – сказал Рак, – тогда он не мог подскочить до девяти с чем-то…

Он явно не понимал, в чем дело.

– У него остановилось сердце, – сказала Нэнси. – Он умер, ясно? Понятно?

Рак замолчал.

– Ладно, – сказал он. – Мне нужен небольшой перерыв. Я немного выдохну.

– Понимаю… – сказала Нэнси.

– Прошу прощения. Ладно.

– Хорошо.

– Во-первых, – начал Брюс, – насколько я понимаю… с двадцать седьмого на двадцать восьмое? Сам по себе уровень не мог так подскочить, если только… ему не ввели дигоксин еще раз. Так?

– Окей…

– Примем это как факт, хорошо?

– Ладно, – сказала Нэнси. Это был простой вывод. Но очень нехороший.

– Я хочу уточнить это еще кое с кем, – сказал Рак. – Это… это серьезная проблема.

– Ну да, – сказала Нэнси, – и, Брюс… – Она перешла на шепот.

– Да?

– Между нами?

– Ага?

– До этого было *еще два* случая.

Нэнси Доэрти мерила шагами фармацевтическое отделение, пока телефон снова не зазвонил. Это был Брюс, как и предполагалось. «Э, можете повисеть? Я хочу ответить у себя в кабинете», – прошептала она. Линия переключилась на записанный голос: «Наша компьютерная система стоимостью в миллион долларов гарантированно сокращает вероятность медицинских ошибок…»

– Нэнси закрыла дверь кабинета и нажала на мигающую кнопку.

– Спасибо, – выдохнула она. – Окей, привет.

«Нэнси, – сказал Брюс, – вы понимаете, что перед вами сложная…

– Да, – ответила Нэнси.

– Я буду выбирать слова с осторожностью.

– Да.

– … дилемма.

– Да, – сказала Нэнси, – дилемма. Точно.

– И… я использовал несколько способов подсчета, так?

– И?

– Чтобы настолько повысить уровень, необходимо как минимум от двух до четырех миллиграмм дигоксина.

– От двух до четырех миллиграмм. – Нэнси повторила, записывая. – Дигоксина, так?

– Да, – ответил Брюс. Но в подсчетах его пугало вовсе не это. – Понимаете, основная проблема, как я полагаю, в том, что организм не производит дигоксина.

– Ну да, – сказала Нэнси.

– Так что я не представляю другого способа повысить уровень дигоксина с 1,33 до 9,6, кроме как ввести его пациенту.

– Ага, – ответила Нэнси.

Она это знала, и не только она. С ней уже говорили риск-менеджер Мэри Ланд и доктор Уильям К. Корс, директор по медицинским вопросам. Им нужны были определенные подсчеты, чтобы связать передозировки с расписанием сотрудников. Если

сердце Гэлла остановилось в десять часов утра, во сколько ему ввели препарат и в какой дозировке?

– Понимаете, они… они… не знаю, возможно ли это, но они хотят визуализацию, как график, – сказала Нэнси. – График. Понимаете, о чем я?

– Но, Нэнси, – сказал Брюс, – знаете, что еще меня напрягло? Два ваших случая гипогликемии.

– Да, – вздохнула Нэнси. – Что вам, вероятно, не положено знать, потому что они… ну… они… ну вы понимаете…

Они с Марти Келли, медбратом, который первым уведомил риск-менеджера Ланд об этой проблеме, испугались, когда увидели цифры{151}. У них произошли передозировки инсулином и дигоксином. Звонок по горячей линии для помощи с расчетами дозировки «дига» был своего рода нейтральной мерой, вроде анонимного звонка в полицию или кризисный центр. Нэнси попыталась оставить гипогликемиков в стороне. Однако Брюс не давал этого сделать.

– Я не очень хочу… – Нэнси запнулась. – Понимаете, они не…

– Нэнси, вам что-нибудь известно?

– Мы сейчас о них не говорим, – сказала наконец Нэнси.

– Но ведь *говорим,* Нэнси, – сказал Брюс. – И *должны*. Мы *должны* о них говорить.

– Ну да, – сказала Нэнси.

Брюс говорил медленно, чтобы убедиться, что Нэнси все услышала.

– И вы не просто должны о них говорить, – сказал он, – вы должны о них говорить с *полицией*. – Рак немного помолчал и подытожил: – И я даю *вам в руки* эту информацию, *вам нужно обратиться в полицию*.

– Хорошо, я… я… – сказала Нэнси.

– По моему мнению, вы должны обратиться в полицию.

– Ладно, вы понимаете, я думаю…

Рак не собирался останавливаться, пока не достучится до нее.

– Слушайте, Нэнси, – сказал он, – мне жаль это говорить, но это вопрос, который нужно решать с полицией.

Нэнси молчала.

– Ладно, – сказала она в конце концов.

– Не важно, случайная ли это ошибка кого-то из сотрудников или…

– Хорошо, – сказала Нэнси. Она так и поступит. – Окей.

– Это самый лучший выход.

– Ладно.

– И еще, Нэнси. По поводу тех двух гипогликемиков. Если у них был высокий уровень инсулина, но в анализах не было С-

пептида, – значит, кто-то ввел им этот инсулин.

– Хорошо.

– Понимаете, о чем я?

– Да, – ответила Нэнси. Это химия, а не волшебство. Если уровень С-пептида не был повышен, то этот инсулин не был выработан организмом. Он был взят из лаборатории. Другого варианта нет: если он был в крови пациента и не выработан его телом – значит, его туда ввели. И тот, кто это сделал, убивал пациентов. – Да, я понимаю вас.

– У вас большие проблемы, Нэнси. Я кое-что вам скажу, вы… не поймите меня неправильно, я вам не указываю…

– Конечно, нет, – ответила Нэнси.

– Может, конечно, у всего этого есть разумная причина.

– Ну да, – сказала Нэнси.

– Но знаете что? – предупредил Рак. – Если это все же уголовное дело, а вы ждете… вас смешают с грязью.

Нэнси вздохнула.

– Они не знают, что я рассказала вам про случаи гипогликемии…

– Нэнси, вы все делаете правильно.

– Ладно…

– Вы правильно поступаете.

– Ну да, – сказала Нэнси. Ей нужно было закончить разговор и разобраться со всем этим. Рак начал говорить о том, что может приехать и просмотреть файлы. Ее звонок, ее слова это спровоцировали. Все шло не по плану. Теперь ей нужно было сказать об этом начальству.

Нэнси попросила Брюса не приезжать. Она сама все объяснит Корсу и Ланд.

Брюс Рак дал Нэнси личный телефон. Нэнси пообещала позвонить так скоро, как только сможет.

Рак повесил трубку и быстро пошел по коридору. Дверь в кабинет его босса была открыта. Директор Центра токсикологического контроля доктор Стивен Маркус наклонился над заваленным столом. Рак сказал всего пару предложений, когда Маркус его прервал. Данные были довольно однозначными. Его чутье подсказывало, что в Сомерсете кто-то убивает пациентов{152}. И чем дольше Сомерсет будет ждать, тем больше пациентов могут пострадать.

Однако спустя сутки Рак и Маркус все еще ждали звонка из Сомерсета. Наконец Рак сам позвонил в фармацевтический отдел, назвался и подождал, пока музыка не закончится. Ему ответил мужской голос, который звучал не очень дружелюбно. Стюарт Вигдор был главой фармацевтического отделения, боссом Нэнси.

Брюс решил сменить тревожный тон на что-то более располагающее и спокойное.

– Ну что, – сказал он, – я хотел уточнить, чем все закончилось. Как вы решили поступить?

– Вообще-то расследование взяла на себя администрация, – твердо сказал Вигдор.

– А…

– Они позвали наших юристов. Они просили меня не обсуждать это с любыми внешними организациями, пока наше внутреннее расследование…

– Окей, – сказал Брюс, – на всякий случай скажу вам, Стю, я поговорю со своим медицинским директором, решение будет за ним… но вы, ребята, его подставляете.

На это Вигдор ничего не ответил. Рак решил еще раз попробовать:

– Так вы не знаете, обратились ли они уже в полицию?

– Этого я пока не знаю, – ответил Вигдор. Раку казалось, что Стюарт Вигдор пытается закончить разговор еще до его начала. А Вигдор понимал, что достанется, если что, ему, а не Нэнси{153}. – Меня попросили перенаправлять все звонки риск-менеджеру Мэри Ланд.

– Ладно.

– Думаю, вы с ней уже говорили?

– Да, – ответил Рак. Он соврал, но достаточно незаметно, чтобы не дать Вигдору положить трубку. – Вы не знаете ее номер? Давайте я ей позвоню.

– Хорошо, – ответил Вигдор. В его голосе чувствовалось облегчение.

– Вы знаете, я все понимаю, – сказал Брюс, все еще в дружелюбном тоне, – и они всё правильно делают, если посмотреть под этим углом.

– Ну да, – продолжил Вигдор, – потому что мы не знаем наверняка, были ли эти пациенты… – Он замялся. – Расследование пока продолжается, – сказал он в итоге.

– Ну да.

– Да, мы не знаем, столкнулись мы с противозаконной деятельностью или…

– Ну да, естественно, – сказал Рак, – но еще раз: кто обязан проводить расследование…

– *Мы* проводим расследование, – начал Вигдор, но затем несколько отступил. – Мы можем, ну… *они* могут… Я думаю, что *я* могу вас в этом заверить.

– Хорошо-хорошо, – ответил Рак, – так что там с номером?

Брюс услышал шелест бумаги, а затем тишину. Через

несколько секунд Вигдор вернулся. У него не было номера, но он подумал и решил, что даст Раку знать, что вся эта история с передозировкой не ошибка *фармацевтов*. Раку показалось, что Вигдор не хотел оказаться между молотом и наковальней, как, возможно, сейчас оказалась Нэнси. Это была работа администрации.

– И вы тоже хотите, чтобы они сообщили об этом?

– Ну… да…

– Знаете, Стю, вам не обязательно это произносить, – сказал Рак. Он представлял себе Вигдора неправильно с самого начала. Вигдор, вероятно, был еще ребенком. Не плохим, просто амбициозным и не решающимся нарушить должностные границы.

– Мне правда кажется, что они думают, что вы слишком на них давите. Если уж на то пошло, – сказал Вигдор. – А знаете, вы…

– Конечно, – ответил Рак, – понимаю…

– Вы должны выполнять роль надежного, ну…

– Ну да.

– Источника…

– Да-да, конечно.

– Чтобы мы, ну, не боялись к вам обращаться.

– Нет, конечно, я согласен, – ответил Рак, – но, Стю, когда речь идет о контроле за токсикологией, мы *обязаны* сообщать штату.

– Ну да… – сказал Вигдор.

Рак его оборвал.

– Продиктуйте ее номер.

Вигдор продиктовал номер с облегчением.

– Это риск… менеджер по контролю качества, – сказал Вигдор, поправляя себя, – Мэри Ланд.

– Хорошо, – ответил Рак.

– Вы говорили с ней вчера… – Вигдор то ли спрашивал, то ли утверждал.

– Ну да.

– И, я полагаю, там был и Билл Корс…

– Конечно, – сказал Рак.

– И я думаю, вы понимаете, что… э… руководство пришло ко *мне* и сказало *мне*, что на данный момент это внутреннее расследование. Они позвали юристов. Они подключают специалистов.

Рак улыбнулся на этой фразе: *он* был специалистом, сидящим на том конце провода и готовым начать расследование. Однако, судя по всему, *его* там не ждали.

– Хорошо, – сказал он.

– Да?

– Ага, – ответил Рак, – *но проблемно*.

– Понимаете, – сказал Вигдор, – *я*, вероятно, сказал больше, чем следовало бы.

– Стю, то, что вы мне рассказали… послушайте, Стю…

– Да?

– Это между нами, понимаете… – сказал Рак, – это *конфиденциально*.

Вот только Брюс Рак забыл упомянуть, что все звонки в их центре записываются.

26

8 июля 2003 года

Конференц-связь с администрацией Сомерсета, на которой активно настаивал директор Центра по токсикологическому контролю штата Нью-Джерси, была запланирована на девять часов утра{154}. Это был второй разговор между риск-менеджером Сомерсета Мэри Ланд и доктором Стивеном Маркусом; первый прошел не очень удачно. В этот раз пришла очередь ее начальства принять удар.

– Понимаете, выходит, что вы ставите нас… в неудобное положение, – прогрохотал голос Маркуса из динамиков, – и поэтому я вам вчера сказал следующее… слушайте: если кто-то из ваших сотрудников *намеренно* поступает так с людьми в больнице, вы *обязаны по закону* сообщить об этом!

– Э… ладно, – ответил Корс.

– И не как о побочном действии препарата! – продолжил Маркус, начиная злиться. – Это судебное дело. И я, черт возьми, не хочу быть в этом замешанным… и попасться со спущенными штанами, как те ребята на Лонг-Айленде пару лет назад. Или в Мичигане, пять-десять лет назад, когда кто-то там творил какую-то хрень с пациентами!

Грубые выражения Маркуса, казалось, ошеломили находящихся в комнате. Прошло несколько неловких секунд, прежде чем Ланд нарушила молчание.

– Мы вас слышим, – сказала она, – и понимаем ваше беспокойство. Как я уже говорила вчера, нас мучают те же вопросы и мы тоже не знаем, как на них реагировать.

Теперь в разговор вмешался Рак:

– И у вас есть еще два подозрительных случая с гиполикемией, так?

– Э, да. Я так понимаю, *Нэнси* это с вами обсуждала?

Рак пообещал Нэнси Доэрти, что защитит ее, и потому, вместо того чтобы раскрывать свой источник, он ответил вопросом на вопрос:

– Вы проверяли уровень С-пептидов и инсулина у этих пациентов?

И снова наступило долгое молчание. Рак задал критичный вопрос. Тест на уровень С-пептидов должен был показать, был ли инсулин произведен организмом пациента или введен извне. Если окажется, что источник внешний, то у больницы, очевидно, серьезная проблема. Наконец Корс и Ланд одновременно ответили очень тихим голосом:

– Да.

– Ага.

– И?.. – продолжил Рак.

Тишина.

– Ну, они коррелировали между собой?

– Да, – сказала наконец Ланд, – коррелировали.

– Ну, – начал Корс, – эндокринологу, который этим занимался, показалось, что… Как минимум в одном случае… Э-э… Я пытаюсь вспомнить, в каком именно, передо мной сейчас нет карт пациентов, но… э-э… Он затрудняется сказать, что могло вызвать у пациента передозировку, если не… – Корс остановился, задумавшись. – Если не внешний источник.

– Ну вот! – сказал Маркус. Врачи Корса пришли к выводу, что кто-то, вероятно, ввел пациентам большие дозы препарата. Он сам это признал. – Это… это нас и беспокоит во *всей этой истории*! – прогремел Маркус. – Потому что у меня есть ощущение, что эти случаи связаны!

– Ну, нам тоже так кажется, – признал Корс, – и мы разрываемся между нежеланием разводить панику в учреждении и, ну вы понимаете, обязанностью обеспечить безопасность пациентов. И… э-э… это… Это… Над этим мы сейчас размышляем.

Представители токсикологического центра на том конце молчали, ожидая, к чему приведут размышления Корса.

Наконец Корс продолжил:

– Мы пытаемся провести расследование. Чтобы собрать побольше информации, прежде чем, ну вы понимаете… кого-то судить. Часть расследования предполагает обращение к сторонним экспертам. В их роли выступаете вы. И теперь это ставит вас в неудобное положение.

– Да уж! – хмыкнул Маркус. – Понимаете, проблема в том, что в *каждом отчете* о подобных инцидентах спустя годы можно увидеть, что больницы *серьезно тянули* с тем, чтобы инициировать уголовное расследование. Понимаете, терапевты – как бы хороши они ни были – не умеют проводить судебное расследование, это известно всем. И в прошлом проблемы всегда возникали на почве того, что проходило время, и… ну вы понимаете, следы обнаружить было сложнее.

– Да, – сказал Корс. – А кто умеет проводить судебное расследование?

– Вам нужно обратиться в полицию, – выдохнул Рак. За последние пару дней он говорил это уже десятки раз.

– Да, в полицию, – добавил Маркус.

– Э-э… ну ладно, – сказал Корс.

– Я серьезно вам говорю, – сказал Маркус, – если вы *не* сообщите в полицию, то *кто-нибудь еще* умрет, а затем выяснится, что вы *препятствовали* расследованию… предстанете в ужасном свете!

– Ну… ладно… – хмыкнул Корс, – мы хотим защитить *пациентов*.

– Нет-нет, конечно… – сказал Маркус. – Очевидно, что я тоже беспокоюсь за безопасность ваших пациентов. Но еще я беспокоюсь о том, чтобы нас не прищучили и мы не выглядели потом как полные идиоты!

Корс выслушал его и прокашлялся.

– Одна из причин, по которым мы вам позвонили, – это решить, стоит ли вам сейчас приезжать, чтобы взглянуть на… э-э… наши бумаги, – сказал он. – И может быть, нам стоит подождать… возможно, сейчас нам лучше закончить разговор, чтобы мы могли созвониться с нашими юристами и… э-э… посоветоваться – описать им ситуацию и убедиться, что мы… поступаем правильно.

Маркус устало вздохнул.

– Ну, я… Конечно. Мы будем счастливы приехать и взглянуть. Моя интуиция, выработанная за годы на этой работе, и опыт участия в полицейских расследованиях подобных… *случаев* за последние двадцать лет подсказывают, что вам действительно стоит связаться со своими юристами – и что *времени лучше не терять*.

Маркус знал несколько случаев, когда сотрудники больницы отравляли пациентов. Таких убийц называли «ангелами смерти». Во всех этих случаях наблюдалась тревожная тенденция: врачи относились к ним как к объектам изучения, а администрация и юристы – как к потенциальным искам. Учреждения тянули с тем, чтобы сообщить копам. И пока они с этим тянули, люди умирали. Повторение такого сюжета он видел в Сомерсете.

– Я бы на вашем месте точно обратился в полицию и посвятил их в проблему, – сказал Маркус, – и тогда все будет в их руках. Если они решат ничего с этим не делать – это их проблемы.

– Эх, ну да, понимаю, – сказал Корс. Ему уже надоела эта лекция, и он был готов закончить разговор.

– Мы, *конечно*, вас услышали, – добавила Ланд.

– И департамент здравоохранения тоже должен быть в курсе! – напомнил им Рак.

– Я хочу сказать… это же явно ситуация угрозы, – сказал Маркус{155}. Он знал, что эти слова всегда действуют на руководство больницы. Ситуация угрозы – это любая ситуация,

угрожающая безопасности пациента. Маркус бросил перчатку; по закону, Сомерсет обязан был сообщать о таком происшествии властям. – Там должны об этом знать.

– Хорошо, – сказала Ланд монотонным голосом, который означал, что пора заканчивать разговор.

– Что ж, мы очень благодарны за вашу помощь, – сказал Корс, – и мы… э-э… с вами свяжемся, так что… мы вам сообщим в той или иной форме.

– Надеюсь, что все же не произошло ничего *недостойного*, – сказал Рак, пытаясь немного разрядить обстановку и продолжить разговор, – надеюсь, что это просто чья-та ошибка или что-то вроде того.

– Согласен! – сказал Корс. – Надеюсь, кто-нибудь наконец признается: «Эй, я облажался». Я бы спал намного спокойнее.

– Ну, у вас две передозировки дигоксином и две – инсулином, – сказал Маркус, – я сомневаюсь, что это окажется просто ошибкой.

Брюс Рак знал, что испытывает судьбу, особенно после того, что сказал доктор Маркус во время последнего звонка, но он хотел проверить, как дела у Нэнси. Он набрал номер фармацевтического отдела Сомерсета, подумав, что, если трубку возьмет Вигдор, он что-нибудь придумает. После второго сигнала прозвучал женский голос. В этот раз он не стал называть свое имя.

– Здравствуйте, – сказал Рак, – я пытаюсь связаться с Нэнси…

– Да, секундочку, она рядом.

На том конце провода прозвучало приглушенное «это тебя».

– Нэнси Доэрти, чем могу вам помочь?

– Нэнси, это Брюс.

– Э-э… привет, – быстро ответила Нэнси.

– Слушайте, – сказал Брюс, – я знаю, что вам нельзя говорить про это дело, ничего страшного…

– Угу, – ответил Нэнси.

– Нэнси, – продолжил Брюс, – я только хотел сказать, что, если они попытаются доставить вам хоть какие-нибудь неприятности…

– Ага.

– Мы с медицинским директором об этом говорили. Мы поддержим вас на все сто процентов, потому что вы всё сделали правильно.

– Окей, – сказала Нэнси.

– Они недовольны вами?

– Э-э… ну там… – Нэнси аккуратно подбирала слова. – У них много… вопросов. Которые висят в воздухе…

– Ладно.

«*Много* вопросов».

– Хорошо, – сказал Брюс, – но Нэнси, Нэнси…

– Да?

– Вы всё сделали правильно.

– Ну да.

– И поэтому мы с ними это обсудили.

– Окей… – Голос Нэнси звучал так, словно она с трудом сохраняла спокойствие.

– Потому что если, не дай Бог, Нэнси, они попробуют как-нибудь навредить вашей карьере…

– Да?

– Мы поддержим вас на *двести* процентов.

– Хорошо.

– Я до всего дошел сам, – сказал Брюс, – а вы… Вы просто позвонили, чтобы получить информацию.

– Да.

– Про уровень дигоксина или что-то такое.

– Хорошо, – сказала Нэнси. В ее голосе чувствовалась благодарность за то, что Рак ей помогает и продумывает легенду.

– Вы *не* должны оказаться виноватой.

– Ну да, – вздохнула Нэнси. Она словно едва сдерживалась, чтобы не расплакаться. – Вы не представляете, как много для меня значит услышать от вас эти слова.

Между доктором Маркусом из токсикологического контроля и администрацией Сомерсета состоялась еще одна конференц-связь. И снова Маркус объяснял руководству Сомерсета, что они обязаны сообщить об этих инцидентах штату в течение двадцати четырех часов после того, как те произошли, и что они уже нарушили свои обязательства. И опять Сомерсет ответил Маркусу, что пока они не провели полное расследование, они не собираются никому сообщать об этих происшествиях: ни Департаменту здравоохранения и социальной защиты Нью-Джерси, ни полиции{156}.

Однако второй разговор отличался от первого двумя важными аспектами. Во-первых, тоном, лишенным вежливости, который задавал в основном доктор Маркус. Он, по его словам, был «очень обеспокоен» и «фрустрирован»; позднее доктор Корс охарактеризует его манеру разговора как «грубую, агрессивную и враждебную по отношению к сотрудникам Медицинского центра Сомерсета». Директор Центра токсикологического контроля был в ярости и совершенно себя не сдерживал. Он настаивал на том, что нужно обратиться в полицию и что на кону безопасность пациентов. Он дал им двадцать четыре часа, и, если Сомерсет

откажется действовать, Маркус обязан будет лично сообщить о происшествии в департамент здравоохранения. В конце он добавил: «Если это сделаю я, выглядеть это будет намного хуже».

На самом деле Маркус уже сообщил об инциденте в Сомерсете{157}. Ранее тем же днем он позвонил доктору Эдди Бресницу, штатному эпидемиологу и члену комиссии департамента здравоохранения, прервав его встречу. Маркус вспоминал{158}, что рассказал доктору Бресницу о «пациентах, чьему здоровью мог быть нанесен вред в связи с преступной деятельностью». Затем Маркус написал электронное письмо Эми Торнтон, члену комисии по здоровью, где упомянул и «четыре не самых приятных клинических инцидента» в стенах больницы{159}, и нежелание медицинского центра о них сообщать до окончания их собственного тщательного расследования{160}.

Второе важное отличие этого разговора выяснилось на двадцатой минуте, когда Маркус сообщил администрации Медицинского центра Сомерсета, что все их разговоры были записаны.

Спустя несколько часов{161} Мэри Ланд связалась с департаментом здравоохранения и сообщила о четырех происшествиях с пациентами, о передозировках Гэлла и Хэн дигоксином, а остальных – инсулином{162}. В отчете, отправленном по факсу и электронной почте, описывались шаги, предпринятые в связи с происшествиями к этому моменту.

В Сомерсете проверили отзывы производителя и возможные побочные эффекты препаратов. Удостоверились, что капельницы и мониторы работают правильно. Чтобы исключить вероятность лабораторной ошибки, они заново сделали все анализы. Других версий практически не оставалось. В качестве меры предосторожности Сомерсет ужесточил контроль за дигоксином, как сделал до этого с инсулином, заставив медработников лично быть ответственными за эти часто используемые препараты; если кто-то использует лекарства во вред пациентам, меньшее, что они могут предпринять, – сделать эти препараты менее доступными.

Самым вероятным сценарием, который объяснял бы все эти инциденты, была человеческая халатность – ошибка в выдаче препаратов возможна в больнице точно так же, как и любая другая ошибка в любом другом месте. Доказательства того, что эти смерти – результат халатности, должны были отразиться в бумагах. Администрация Сомерсета заверила департамент здравоохранения, что они уже просматривают все системы документации. В медицинском центре использовали две большие компьютеризованные системы документации: «Пайксис МедСтейшен – 2000» для выдачи препаратов, и «Сёрнер», который

объединял в базу данных карты пациентов. К тому моменту проверка не выявила никаких ошибок.

Что было возможно помимо этого? Нечто необычное и гораздо более страшное, чем ошибка. «Проводится проверка персонала, – сообщалось в письме Ланд, адресованном департаменту здравоохранения, от 10 июля. – Независимые специалисты опрашивают определенных сотрудников»{163}.

Четырнадцатого июля юрист Рэймонд Д. Флеминг из адвокатской фирмы «Сакс, Мэйтлин, Флеминг, Грин, Маротт и Маллен» приехал в Медицинский центр Сомерсета. Флемингу вкратце описала ситуацию Мэри Ланд, а затем ему предоставили комнату для встречи с Чарльзом Калленом{164}.

Чарли зашел в кабинет и увидел Флеминга, сидящего за столом для переговоров в характерном темном костюме с ярким галстуком, которые отличали корпоративных юристов от руководства. Чарли понимал, что речь, вероятно, пойдет о недавних смертях в отделении; он уже множество раз оказывался в подобных ситуациях. Он был готов к вопросам.

Рэй Флеминг, видимо, уже кое-что о нем знал. Он знал, что Чарли работал в Сомерсете меньше года и что много раз уходил с работы в других больницах. В представлении Чарли это значило, что этот человек видел его заявку для приема на работу. Чарли указал там неправильные даты. Возможно, юрист знал и это. Может, это важно, а может, и нет. Чарли не думал, что это имело значение. Раньше никогда не имело.

Флеминг также был в курсе ситуации с преподобным Гэллом. В этом, кажется, и была суть встречи. К примеру, он знал, что Каллен не ухаживал за Гэллом в ту ночь, когда священник скончался, но работал с ним ранее и был знаком с историей болезни Гэлла. Флеминг знал эту историю, знал проблемы, с которыми Гэлл поступил, хронологию его болезни и восстановления, а также о передозировке дигоксина, которая предшествовала остановке сердца. Он также знал, что Чарли был приставлен к преподобному Гэллу на три ночи, с 15 по 17 июня.

Чарли заказал дигоксин для Гэлла в первую ночь, 15-го числа. Затем отменил заказ. Это было записано в «Пайксисе». Чарли также работал в ночь, когда Гэлл умер. В эту ночь Чарли снова сделал заказ дигоксина и снова отменил. Это была одна из двух отмен в ту ночь.

Обе отмены не тянули на ошибки: если Чарли вбил неправильный код или нажал не ту кнопку, пока заказывал препарат, по логике, он должен был бы затем вбить правильный. Однако заказы в «Пайксисе» фиксировались вместе со временем, и после этих отмен не последовало никаких новых заказов. Судя

по всему, Чарли потратил время на то, чтобы ввести свое имя, имя пациента и специальный номер заказа на клавиатуре «Пайксиса», подтвердить заказ, а затем, когда ящик открылся, решил, что ему ничего не нужно, и отменил заказ. Это был странный и неправдоподобный сценарий, но Каллен, похоже, последовал ему несколько раз за ночь.

В распоряжении Флеминга был еще один любопытный факт. Он проверил хранилище и обнаружил, что несколько пузырьков «дига» пропали в прошлом месяце. Флеминг, насколько Чарли мог судить, не выстраивал эти факты в единую картину, не обвинял Чарли, не угрожал ему и не предлагал уволиться, как это бывало раньше. Чарли готов был признать, что интервью оказалось любопытным и стало еще необычнее, когда Флеминг задал ему вопрос: известно ли Чарли о том, что, когда он заказывает препарат, а затем отменяет заказ, отмена фиксируется в памяти компьютера «Пайксиса»?

«Да», – ответил ему Чарли. Если раньше это было ему неизвестно, то теперь он отчетливо понял.

27

Чарли был уверен, что его спрашивают о дигоксине так, словно что-то не в порядке. Однако за ночь до интервью с Флемингом Чарли убил человека добутамином{165}, химическим аналогом адреналина. Препарат сработал как надо.

Его смена еще даже не началась, но Чарли уже надел свой халат и зашел в палату Джеймса Стриклэнда, чтобы посмотреть, как он дышит. Затем Чарли ощутил чье-то присутствие в дверном проеме за спиной. Он поправил простыни, словно заканчивал свои дела, а затем направился к двери.

«Чарльз?» Это была дочь мистера Стриклэнда, Джэнис, среднего возраста блондинка с огромной сумкой на плече. Она была внимательной, запомнила его имя, задавала вопросы. Чарли чувствовал себя некомфортно, словно шел по улице, а его преследовала бродячая собака.

Он несколько раз видел Джэнис, когда она навещала отца. Они общались и со временем приняли на себя роли, в которых Чарли стало комфортнее. Он объяснял ей технические аспекты состояния ее отца, а она, казалось, слушала. Иногда она приходила со своим маленьким сыном, мальчиком-аутистом, которого Чарли жалел, но в тот вечер она была одна.

«Чарльз? – спросила она еще раз. – Чарльз, вы сегодня ухаживаете за моим отцом?»

Чарли не хотел разговаривать. Он продолжил идти, притворившись, что не слышал, повернул по коридору в другую палату, чтобы подождать, пока женщина уйдет. Затем Чарли притащил тележку с «Сёрнером» в конец коридора и открыл карту мистера Стриклэнда. Нет, технически он не был приставлен к нему. Ему не следовало находиться в его палате. Однако мистер Стриклэнд все еще находился во власти Чарли, и Чарли принял решение. *Инсулин.*

В отличие от дигоксина, инсулин – это гормон, который человеческое тело производит естественным образом. В больнице пациентам дают его с помощью капельниц. В теле он поступает из розового влажного участка поджелудочной железы, где находятся скопления клеток под названием «островки Лангерганса». В этом названии было что-то пиратское. Когда Чарли учился на медбрата, им рассказывали, что внешний инсулин, который используют диабетики, получают из животных – свиней или коров, – словно это побочный продукт производства хот-догов. Они все смеялись над этим на занятиях, выпуская таким образом напряжение, которое скапливалось от большого количества

неприятных деталей.

Инсулин – это своеобразный переключатель громкости для сахара. Если его слишком мало, то ты – диабетик. Если слишком много, то гипогликемик. Это не яд: нельзя съесть инсулин и заболеть; желудочные соки поглотят его, как гамбургер. Однако случаются передозировки от введенного инсулина, и иногда они неслучайны.

Сначала губы и пальцы начинают покалывать и терять чувствительность, потом страдает мозг. Поток инсулина дает клеткам определенную команду, и они становятся голодными. Они начинают поглощать глюкозу; в крови ее не хватает, и конечности голодают. Человеческий мозг, который живет на кислороде и сахаре, начинает отключаться, что со стороны выглядит, словно человек находится в ступоре, – поэтому гипогликемиков часто отправляют по ошибке в вытрезвитель. Все кажется расплывчатым, как в тумане. В теле появляется слабость, характер человека тускнеет, он становится либо капризным, либо ветреным, в зависимости от своего темперамента. Затем отключается желудок. На лбу выступают капли пота. В голове ухает, сердцебиение замедляется, человек не может ни на чем сосредоточиться. Картинка в глазах становится нечеткой. Мозг перестает запоминать то, что происходит.

Все это происходит довольно быстро. У пациента, который уже болен или накачан каким-нибудь транквилизатором или паралитиком, эти эффекты, отражающиеся на восприятии и умственной деятельности, со стороны можно и не заметить. Следующие стадии, однако, не заметить невозможно, потому что в этот момент начинаются конвульсии{166}.

Самые обширные исследования на эту тему проводили нацисткие ученые. В некоторых концлагерях детям постепенно вводили дозы инсулина, чтобы выяснить их терпимость к гипогликемии{167}. Эти так называемые терминальные эксперименты рано или поздно приводили к смерти. Однако намеренные передозировки инсулином изначально задумывались как лечение. Намеренное введение в кому или шок, считалось, может привести в чувство людей, страдающих от определенных душевных недугов. Такое лечение появилось в Швейцарии вскоре после открытия гормона в 1920-е. Как и электрошоковая, инсулиновая терапия использовалась все пятидесятые годы для лечения параноидальной шизофрении, пока чем ее не прекратили из-за жестокости и ущерба, который она наносила мозгу в процессе его голодания.

Пережить инсулиновую кому – все равно что пережить утопление, а количество и серьезность травм будет зависеть от

количества времени, которое мозгу недоставало нутриентов. Длительное голодание наносит вред коре головного мозга. Мельчайшие химические связи мозга нарушаются, его оболочка становится гладкой, кренуляция упрощается, как у пациентов с нейродегенеративными заболеваниями. Эффекты варьируются от жесткости и дерганости движений из-за поврежденной моторной коры, как при Паркинсоне, до постоянной умственной ретардации.

Крайним эффектом, конечно, была смерть. Нужно было лишь правильно рассчитать дозировку.

28

Больница всегда больше нравилась Чарли ночью, когда не было лишних людей: волонтеров, администрации, посетителей. Сувенирная лавка была закрыта, общественный туалет тоже. Не было даже уборщиков, а их шумные машины стояли, обмотанные желтыми проводами.

Над головой ртутные лампы жужжали как неоновые. Дальше по коридору гудел автомат с едой и напитками. На столе в комнате отдыха можно было увидеть пластиковые стаканчики со следами зубов, трубочки в губной помаде, натюрморт из снеков и пончиков. Некоторые медработники ели это дерьмо всю ночь, но не Чарли. Чарли никогда не ел во время смены. Чарли ждал.

Он наблюдал за движением силуэтов сквозь жалюзи и ждал, когда перевалит за полночь. Потом ждал мистера Стриклэнда. Проверил его карту на «Сёрнере», сделал кофе и еще раз проверил карту. Он все еще здесь. Чарли всегда делал кофе. Некоторые люди относились к этому так невнимательно: они наливали себе кофе, но никогда не заполняли кофейник. В этом, конечно, не было ничего страшного, но он взял на себя эту обязанность и таким образом оказывался полезным, причем тайно. Он смотрел, как сестры на станции мешают свой кофе, его кофе, пользуясь его помощью, находясь у него в зависимости, пусть и не знают об этом.

Он достал шприц на 10 $см^3$ из кармана своего халата и ввел четыре ампулы инсулина в порт капельницы мистера Стриклэнда, выбросив шприц и ампулы в контейнер для острых предметов. Затем закончил смену и пошел домой. Он так и не увидел, как мистер Стриклэнд бьется в конвульсиях, но представлял это по дороге домой.

На следующий день он приехал рано, было все еще 22 сентября. Чарли быстро прошел мимо палаты Стриклэнда и заглянул туда. Он или кто-то другой все еще лежал в его постели. В коридоре Чарли проверил карту на «Сёрнере», стараясь держаться подальше от сестринского поста и болтовни коллег. Было 19:05, его смена только началась, но он сгорал от нетерпения. Чарли откатил тележку обратно к сестринскому посту, чтобы заступить на смену.

Обычно Чарли не хватало терпения, чтобы выслушивать подобные детали, но не сегодня. Дневные медработники в красках описали, что значили цифры в карте мистера Стриклэнда.

Его уровень сахара, как обычно, проверили с утра. Анализ показал нулевой уровень глюкозы, поэтому в лаборатории

решили, что это ошибка. Человек не может выжить с нулевым уровнем сахара. Они не знали, что Стриклэнд уже три часа страдает от гипогликемии. Утро подходило к концу, а мозг Стриклэнда от недостатка сахара начинал пожирать сам себя.

Дочь Стриклэнда пришла в полдень, в этот раз со своим старшим сыном-подростком. Чарли уже видел этого мальчика и старался избегать его во время часов посещения. Судя по всему, именно он первый заметил, что с его дедушкой что-то не так.

Мальчик заметил маленькую судорогу в руке Стриклэнда. Так все началось. Поначалу это было едва заметно. Однако к концу дня запас глюкозы в организме мистера Стриклэнда заканчивался, судороги усиливались и распространялись, пока он не начал биться в припадке. Даже самые опытные сестры говорили, что это было по-настоящему жутко: мужчина бился в кровати, машины пищали, семья кричала и просила, чтобы хоть кто-нибудь ему помог. Стриклэнд бился и исходил пеной, словно закусил оголенный провод, а его височные доли пульсировали в спазме. Медработники давали мистеру Стриклэнду глюкозу весь день, но его состояние не улучшалось. Внук Стриклэнда ткнул пальцем в дорогое медицинское оборудование и спросил: «На кой черт тогда здесь эти аппараты?»{168}

Чарли притащил «Сёрнер» и просмотрел цифры в карте Стриклэнда еще раз, затем вернулся к «Пайксису», чтобы придумать что-то еще. Мистер Стриклэнд выживет, по крайней мере его тело – точно. Он останется в Сомерсете. Прошло две недели, прежде чем Чарльз Каллен прикончил мистера Стриклэнда полуночной дозой дигоксина{169}. Однако дигоксин не фигурировал в карте Стриклэнда, и Чарли его не заказывал в «Пайксисе». Никаких записей об отмененных заказах тоже не было зафиксировано. Чарли был хорош.

Каждый пациент представляет собой набор симптомов, которые можно либо вылечить, либо усилить любыми препаратами, которые есть в отделении. Позже Чарли вспомнил лишь несколько. Например, Мелвина Симко, корпоративного менеджера с четырьмя взрослыми детьми, которому еще в мае Чарли дал нитропруссид натрия, пока его кровь не стала катастрофически жидкой. Еще был Кристофер Хардгров, наркоман, который прибыл в отделение интенсивной терапии с сильно поврежденным мозгом. И Филип Грегор, которого Чарли отравил и довел до остановки сердца, но не убил. И Фрэнсис Агоада, чей уровень сахара сильно упал после того, как Чарли ввел ей огромную дозу инсулина, и Кришнакант Упадхьяй, чье сердце перестало биться, как и сердце мистера Стриклэнда, от огромной дозы «дига».

Вариантов было бесконечное множество, особенно в отделении интенсивной терапии / кардиологии. Не было никаких причин останавливаться, и поэтому Чарли продолжал. Шестнадцать лет спустя это все еще было так просто.

Часть II

29

Каждое дело начинается со звонка. Диспетчер посылает машину, и полицейские в форме осматривают тела, отделяя несчастные случаи от самоубийств и того, что они называют «естественной смертью». Если это не один из этих трех вариантов, если они не могу точно определить, что произошло, они звонят в отдел убийств.

Каждое тело – это смерть, но не каждая смерть – место преступления. Обычно маленькие дети – это несчастный случай, а пожилые люди – естественная смерть, и почти любого человека могут пристрелить – так, по крайней мере, думают в Ньюарке. Самоубийство не всегда похоже на самоубийство. Для тех, кто сбросился с высотных домов, всегда стоит вопрос: прыгнул он сам или его толкнули? Согласно статистике люди, находящиеся в состоянии депрессии, не прыгают, а падают. Поэтому в таких случаях достают рулетку и меряют расстояние. Если человека застрелили, а пистолет остался на месте преступления, то это может быть суицид, независимо от того, сколько огнестрельных ран. Трупы на углу улицы – почти всегда убийство, трупы на железнодорожных путях невозможно идентифицировать, а трупы в реке – это всегда загадка. Ходят слухи, что копы толкают их, чтобы они плыли в Пассеик, в область чужой юрисдикции.

Дежурный детектив берет любое дело, которое попадает ему в течение смены, длящейся 24 часа. Ему может повезти – и он просидит без дела, но однажды, когда Тим Брон работал в Ньюарке, ему попалось сразу четыре. В те времена он, казалось, притягивал трупы. Если он дежурил, то дела точно были. В большинстве участков так: детектив сам определяет приоритетность дела, но каждое новое убийство меняет расклад. Самое приоритетное – это «горячее» дело, которое никому не нужно и от которого все хотят избавиться. В Ньюарке, если репортеры приезжали на место раньше Тима, это точно означало «горячее» дело. Если в деле был замешан ребенок или придурочный сын мэра – то же самое. Однако все может измениться. *Горячее* дело – временный статус, который может очень быстро смениться на «холодное», потому что каждое новое убийство меняет расклад. Каждый новый труп изменяет порядок приоритетности. Каждый звонок заново заводит часы.

Первые трупы Тим Брон увидел, когда работал охранником в Медицинском цетре святого Варнавы, огромной больнице в родном Ливингстоне, штат Нью-Джерси. Тим был еще подростком, энергичным и пуленепробиваемым, и трупы пожилых

людей не были для него настоящими – просто анонимными отходами, не вызывающими эмоций, грузом, который «большой Тим» помогал нести, когда его об этом просили медработники. Первый «настоящий» труп он увидел позже. Тим был новичком в патруле, откликнувшемся на вызов. Рыбак провел его через камыши к реке. Парень, лежащий в грязи, был одет в обычную одежду – с карманами, в ботинках. Он был совершенно обычным, если не считать красной полосы на шее и торчащего ярко-белого хребта. Он был жертвой, которых обычно называли «вик»[8]. Человеку, не имеющему отношения к органам правопорядка, это может показаться грубым, но язык смерти обезличен нарочно. Если видеть слишком много и переживать это как личную трагедию, работать будет невозможно. Но Тим тогда этого еще не усвоил. Той осенью он сдал экзамен, чтобы его перевели в Ньюарк, в отдел убийств.

В 1990-е Ньюарк был главным местом, связанным с убийствами, «самым опасным городом Америки», по словам журнала *Time*, и самым коррумпированным, по словам всех остальных. Все работающие в офисе прокурора округа Эссекс считались детективами, а быть детективом значило поддерживать определенный стиль жизни: заряженная пушка, хороший костюм и бары для копов, которые никогда не закрывались. Тим представлял, как гоняется за плохими парнями, как мечтал в детстве и как делал его отец, который работал копом в Ливингстоне. Поначалу Тим пропадал на работе, почти не бывал дома, а в остальное время тусовался. На адреналин легко подсесть. Детективы были кем-то вроде рок-звезд с пистолетами. Значок открывал многие двери, и некоторые парни этим злоупотребляли. Для тихих вечеров Тим хранил в машине ящик холодного «Миллера» и дополнительную коробку с патронами – к утру от обоих обычно ничего не оставалось. Все это стало разрушать семейную жизнь, как выяснилось позже, – на тот момент ему было плевать на это, как и на многое другое. Смены приходили одна за другой. Алкоголь помогал ему не обращать внимание на все остальное, но в конце концов Тим от этого устал{170}. Спустя три месяца после перевода в Эссекс он попросил трехмесячный отпуск. Он провел свой тридцатый день рождения в реабилитационной клинике, сменил пиво на черный пояс по дзюдо и вернулся трезвым и готовым работать в отделе убийств города Ньюарк.

В офисе прокурора округа Эссекс на десять детективов приходится около четырехсот звонков в год. Брон был солдатом в партизанской войне, где каждый гражданский мог оказаться врагом. Поначалу это было весело, но, как и большинство

детективов, Тим очень скоро понял, что бессилен удерживать границу между миром насилия и личной жизнью. Ньюарк был жестоким местом. В Ливингстоне на Брона писали жалобу каждый раз, когда он ругался на человека; в Ньюарке люди были счастливы уйти с целыми ребрами, а на жалобы, которые время от времени все же поступали в отделение, никто не обращал внимания, и о них забывали за бесконечным потоком дел. Тим многому научился, провел годы с пользой и скопил наград. Он понял, что не имеет значения, было ли тело найдено в реке, на путях или на углу дома, потому что в девяносто девяти из ста случаев все начиналось с наркотиков, а заканчивалось пистолетом. Он понял, что, когда он звонит матери, чтобы сообщить о смерти ее сына, она, прорыдавшись, сразу спрашивает о деньгах. Тим не понимал, почему они все знали о том, что штат выплачивает субсидии семьям жертвы, и почему после их получения им становилось плевать. В девяносто девяти случях из ста семья никогда не перезванивала по номеру на его визитке и не спрашивала: «Вы поймали того, кто это сделал?» Он не думал, что трущобы Ньюарка приучили этих матерей быть готовыми к насильственной смерти или тюремному заключению своих детей, он думал: «Им на это наплевать, а мне должно быть не все равно? Это какая-то чушь». Каждый день приносил еще больше мертвых детей, и день после него тоже. Через какое-то время сложно было понять, где плохие парни, а где хорошие.

Одно конкретное дело стало для Тима началом конца. Оно сразу казалось необычным, потому что было совершено на улице, но не было «уличным»; к тому же, возможно, оно было «горячим», потому что жертвой был белый представитель среднего класса с племянником в полиции штата. Этель Дюрьеа была уважаемой пятидесятилетней медсестрой, которую застрелили на тротуаре в богатом пригороде Ньюарка. Ее тело нашел в снегу человек, вышедший на пробежку. Рядом лежала ее нетронутая сумка. Не было ни свидетелей, ни зацепок, ни подозреваемых, ни улик, кроме самой пули. Этот звонок достался Тиму, но дело было стопроцентным «висяком». Прошел год, прежде чем Тим смог найти пистолет, из которого была выпущена эта пуля, и еще полгода, прежде чем он связал этот пистолет с многомиллионным мошенничеством со страховками. Кто-то в реанимациях местных больниц продавал частную информацию о пациентах местным адвокатам. У некоторых адвокатов были связи среди политиков. Начало казаться, что убийство сестры Дюрьеа было способом заткнуть ей рот. Начальство сказало Тиму забыть про это дело. Он проигнорировал предупреждения и был временно переведен из отдела убийств в «отряд резиновых пушек» – так сам Тим

называл тех, кто работал в здании суда.

Постепенно он начал понимать: «висяк» останется висяком, или о пенсии можно забыть. Однако в деле Дюрьеа что-то его зацепило, так же как в его первом деле об убийстве. Тим сблизился с семьей убитой, и поимка убийцы стала для него личным делом. Он изо всех сил старался не замечать мира, в который попал, и так и не понял то, что поняли все семьи, живущие в трущобах: не каждого преступника суждено поймать. Он думал, что его работа заключается в том, чтобы обеспечить душе Этель Дюрьеа спокойный сон. На самом деле, как он начал осознавать, его работа заключалась в том, чтобы обслуживать машину власти. Он мог чистить улицы и сажать дворовых мальчишек, но идти против машины не мог. «Горячее» дело стало «холодным», и ни семья, ни пресса так и не узнали, что он нашел пистолет, которым убили Этель Дюрьеа{171}. Но Тим знал. И хотя он старался не признавать эту сумасшедшую мысль, но призрак Этель Дюрьеа тоже знал. Она все еще была рядом, расплывчатым пятном на периферии его взгляда. Она не была жертвой – она была женщиной в окровавленной форме медсестры, не выходящей у него из головы. Вскоре это отразилось и на его руке, где появилось нечто вроде сыпи размером с сигаретный ожог. Каждый день она росла, пока, наконец, не покрыла половину его тела. С тех пор как десять лет назад Тим бросил пить, он ни разу не брал больничный. Теперь же он начинал тонуть. Он остался дома с женой Лори и сыном Коннором, размышляя и молясь. А затем свалил из Ньюарка ко всем чертям.

Спустя тридцать минут езды по шоссе Гардент-стейт асфальт темнел, а дорога становилась ровнее. Съезд номер 140A на трассу 22 в Сомервилль, Нью-Джерси, округ Сомерсет. Никаких банд на углах, только аккуратные маленькие домики с американскими флагами и верандами вместо высоток в гетто и сверкающий новенький офис окружного прокурора напротив исторического центра города. В Сомерсете был самый высокий доход на душу населения в Нью-Джерси – четвертый округ по стране. Именно в таком месте можно было нажать на тормоз, чтобы спокойно пересечь финишую черту на пути к пенсии.

Отдел убийств округа Сомерсет предлагал больше денег за меньшее количество более спокойной работы. У него был кабинет с дверью, которую можно было закрыть, и мягкий стул, на котором можно было полностью откинуться. Он оставил то «холодное» дело в картонной коробке в шкафу. Он убедил себя, что призрак медсестры Дюрьеа поймет. В сорок два года Тим думал, что наконец притормозил и движется к финишу.

30

Звонок поступил в пятницу 3 октября 2003 года{172}, от прокурора округа Сомерсет Уэйна Форреста. Брон осторожно взял трубку и прикинул, какие могут быть варианты. Он подумал, что жертвой, вероятно, был какой-то политик, богатый или со связями, поэтому местные власти должны были заставить копов изобразить суету. Парень умер в больнице, и они позвонили копам. Такая история могла заставить Сомервилль зашевелиться. Связи значили всё. Это было не стандартное убийство, как в Ньюарке, но это была работа, которой можно заняться в ожидании пенсии.

Как сержант Брон обязан был участвовать и следить за работой в делах, которые поступали в отдел тяжких преступлений. Он посмотрел на стирающуюся доску, на которой отмечались дела и те, кто на них назначен, и увидел, что на это дело поставили молодого Дэнни Болдуина, новичка. Отлично. Дэнни было сложно не заметить не только потому, что он бывший полузащитник с бритой головой и огромными плечами, но еще и по той причине, что он был единственным черным детективом в офисе прокурора округа Сомерсет. Его двухметровую и стокилограммовую фигуру распирало от энергии и амбиций, по ней словно проходил электрический разряд. Тим познакомился с Дэнни еще в Ньюарке, где тот имел безупречную репутацию в отделе автоугонов и стал одним из немногих черных детективов в отделе убийств Эссекса. Он был на десять лет младше Тима, но тот узнавал в нем себя. Дэнни был хорошим полицейским, то есть раскрывал дела и делал это старательно, и, когда Тим услышал, что Дэнни хочет перемен, он приложил много усилий, чтобы переманить его в округ Сомерсет.

Дэнни был в Сомерсете всего полгода, и, если не принимать в расчет несколько ограблений банков, это время прошло для него спокойно. Он с пользой провел время в других округах, поработав под прикрытием в Южной Каролине со своими старыми знакомыми из ФБР по делу о наемных убийцах, и помог раскрыть громкое убийство в соседнем округе Моррис для прокурора Майкла Рубиначио, однако в Сомервилле пока не работал ни на одном убийстве. Тим много работал с ним в Ньюарке; он знал, что мог рассчитывать на то, что Дэнни справится с этим делом. Брон позвонил Болдуину домой, изложив то, что услышал от прокурора Форреста. «Парень умер в больнице, хрен разберешь, да? – сказал Тим. – Езжай на вскрытие, отработай сверхурочные. И пожестче там с ними».

Дэнни с женой собирались на свадьбу, но отказаться от работы он не мог. Его новые коллеги из Сомерсета уже косо смотрели на него из-за того, что он был таким серьезным парнем из Ньюарка, который снискал себе славу в других округах и носил хорошие костюмы, а не стандартную сомерсетскую униформу из штанов из Dockers, пиджака и галстука, подходящего к рубашке. Несмотря на все планы, Дэнни не собирался отдавать свое первое убийство в Сомерсете кому-то другому.

Утром в субботу Дэнни Болдуин поехал в офис судмедэксперта. Он поприсутствовал на вскрытии, а затем отправился обратно в офис окружного прокурора, чтобы заполнить форму номер I-1–00, закончил бумажную работу и позвонил Тиму из машины. Умерший, сказал он, некто Маккинли Крюс – пожилой черный мужчина, с которым, на первый взгляд, все было в порядке.

«Похоже, просто потратил время», – сказал Дэнни. Так думал не он один – коронер штата, доктор Нобби С. Мамбо, был схожего мнения: естественная смерть. Однако прокурор позвонил и оказал давление. В лаборатории сделали анализы, которые оказались чистыми.

«Ага, а кто этот парень?» Если начальство так давит – значит, он точно не простой человек. «На кого-нибудь похож?»

Дэнни сказал, что нет. Ему так не показалось. Умерший был пожилым человеком, черным, выглядел больным. Похож на труп, если говорить прямо, что подтвердил доктор Мамбо. Брон позвонил прокурору, все еще не веря, что это и есть новая работа, и размышляя, успеет ли он в выходные съездить в свой загородный домик и посмотреть, как падают листья.

Спустя четыре дня прокурор Форрест снова позвонил. Тим Брон и Дэнни Болдуин должны были предоставить отчет в Медицинский центр Сомерсета, для самого большого работодателя города со зданием, соответствующим этому статусу. Десятилетия пожертвований и стабильного дохода смогли обеспечить бесконечный процесс реновации и расширения, среди последних результатов которых было огромное лобби с пианистом, который играл успокаивающую классику на небольшом черном инструменте. Тим и Дэнни все еще закатывали глаза, когда дверь лифта закрылась. Только попав в комнату для переговоров и увидев всех собравшихся там шишек, они начали понимать, что это совсем не обычное дело. Тим думал так: *вау, этот труп, похоже, охренительно серьезный парень*.

Первым встал адвокат{173}, который представился как Пол Ниттоли, юрист Медицинского центра Сомерсета. Ниттоли был большим белым мужчиной с дорогой прической и васильковым

галстуком и выглядел так, словно сошел с билборда. Он поблагодарил детективов за то, что они пришли, и уклончиво объяснил, что медицинский центр сообщил не совсем об убийстве.

За последние пять месяцев, продолжал адвокат, в Сомерсете произошли пять «необъяснимых происшествий с пациентами» в отделении интенсивной терапии. На данный момент, сказал он, больница уведомила офис прокурора{174}. Главный вице-президент медицинского центра, доктор Уильям Корс, прочел имена: 28 мая мистер Джозеф Леман; 4 июня мисс Фрэнсис Кейн; 16 июня мисс Джин Кьюнг Хэн; 28 июня преподобный Флориан Гэлл; 27 августа мисс Фрэнсис Агоада. Последним в списке был Маккинли Крюс, умерший всего четыре дня назад; только после его смерти Сомерсет связался с прокурором, а Дэнни съездил в морг.

Доктор Корс старался аккуратно подбирать выражения и избегать описания причин и результатов. У всех шести пациентов были «необъяснимые, аномальные результаты анализов» и «симптомы, угрожающие жизни», и пять из них были мертвы. Связаны ли они между собой, Корс не мог или не хотел говорить, но больница уже пять месяцев вела собственное внутреннее расследование. Это расследование не обнаружило источника происшествий. Затем Корс продолжил описывать медицинские истории всех шести пациентов, коротко, но подробно.

На листочке Тима были написаны некоторые имена: имена умерших и отдельных сотрудников; зачеркнутые и замененные большими буквами слова ИНСУЛИН и ГЛЮКОЗА, которые он слышал, и сердечный препарат ДИГОКСИН, которое раньше не слышал. Все остальное было непонятным набором медицинских терминов с кубическими сантиметрами, миллиграммами и миллилитрами. Никакого места преступления, никакого орудия, никаких отпечатков или свидетелей, никаких пуль, никакого пистолета. А было ли преступление? Тим подчеркивал знак вопроса, пока не порвал бумагу в блокноте.

На соседнем стуле Дэнни Болдуин строчил как заведенный.

Детективы не смогли отделаться быстро. На улице октябрьское солнце отражалось в тонированных стеклах зеленого «крауна-виктории» Брона. Тим открыл двери и плюхнулся на водительское место, почувствовав облегчение от холодной кожи.

Тим знал, что Медицинский центр Сомерсета имел серьезный вес в местном сообществе. Был его экономическим ядром, одним из главных работодателей в округе и влиятельным игроком на политической арене как минимум с двумя сенаторами в совете директоров, один из которых к тому же приходился тестем

начальнику полиции. Проблемы в медицинском центре означали неприятности для прокурора, а значит, и для него. Тим подождал, пока Дэнни закрыл дверь, и только после этого начал ворчать. «Что это за хрень была? Я тебе вот что скажу, дайте мне лучше нормальную перестрелку, а не эту древнегреческую трагедию». Тим не мог поднять руку в середине обсуждения и сказать всем этим шишкам: «Э-э, мы с Дэнни занимаемся уличными убийствами». Но ему очень хотелось.

Тим завел машину и сбросил обороты, пока Дэнни располагался на пассажирском сиденье с кучей медицинских карт. Судя по всему, если преступление и произошло – раскрыть его по картам не получится, врачи их уже изучили. Дэнни жевал губы и постукивал по бедру. Он был главным детективом на этом деле. Ему предстояло собрать в стройную картину кусочки, которые дал ему Сомерсет, и попытаться сделать из этого дело.

Но что из себя представляли эти кусочки? Цифры. Лабораторные анализы. Технические выводы, в которых ни Тим, ни Дэнни ничего не понимали. Похоже, что даже профессиональные работники лаборатории не могли их объяснить. Жертвы были лишь потенциальными жертвами; они могли умереть естественной смертью. Пока они были лишь телами без видимых травм. Неизвестно даже, преступление ли это. У них произошли медицинские «инциденты», которые специалисты уже изучали пять месяцев и ничего не нашли. Тиму казалось очевидным, что у какой-то шишки в Сомерсете здесь есть собственный интерес. Так всегда происходило с «горячим» делом – как в Ньюарке, так и здесь. Это намного хуже, чем получить «висяк». Это, может, вообще не дело.

Дэнни поднял голову от своих записей, посмотрел направо на Бридж-стрит и назад, размышляя, почему Тим проехал поворот к офису прокурора.

– В общем, они думают, что кто-то отравляет пациентов, намеренно или нет. Так?

– И они уже пять месяцев ведут расследование? – сказал Тим.

– Так почему они вызвали нас сейчас?

– Именно. Они могли позвонить в любой момент. Почему они не сделали этого пять месяцев назад?

Дэнни просмотрел свои записи.

– Они называют это «необъяснимыми происшествиями», – сказал он. – Четыре с помощью инсулина, два с помощью сердечного препарата… – Дэнни перевернул страницу, нашел слово: – Дигоксин.

– Дигоксин, дигоксин, – сказал Тим, привыкая к тому, как оно звучит. Он повернул направо, делая полный крюк, чтобы выехать

на шоссе 206. – Что за хрень этот дигоксин?

– Может, скажешь, куда мы едем?

– Сюда, – сказал Тим, останавливаясь на парковке торгового центра, на месте для пожарных. – Медицинский словарь. – Он открыл дверь, затем остановился. – Окей, – сказал он, – позволь кое-что спрошу. Тебе звонят в пятницу. Спустя три дня нас затягивают в это чудесное дерьмо.

– Так что произошло в промежуток между пятницей и сегодняшним днем?

– Ага.

– Ага, ладно, может, юристам нужны были выходные, чтобы об этом подумать, – сказал Дэнни, – может, они испугались.

– Да, – согласился Тим. Он об этом тоже думал. – Знаешь, что? – сказал он наконец, – Уверен, что эти уроды точно знают, кто это сделал.

31

«Горячее» дело было или нет, но расследование не могло начаться, пока Сомерсет не предоставит необходимые бумаги. Юрист Ниттоли пообещал прислать детективам все материалы их внутреннего расследования так быстро, как только можно. Документы приехали в конце дня. Дэнни несколько минут изучал содержимое, прежде чем отнести бумаги в кабинет Тима.

Конверт содержал только копированные страницы единственной памятки, отправленной по факсу. Детективы, конечно, не ждали отчета о законченном расследовании, но рассчитывали на что-то большее, чем обрывки. Памятка была длиной в пять страниц, включая сопроводительное письмо; одной страницы не хватало.

– Посмотри на дату, – сказал Дэнни.

Памятка была датирована 25 июля 2003 года – больше двух месяцев назад.

– Это еще что? – сказал Тим. – Я думал, что внутреннее расследование только что закончилось.

Отправителем памятки был Рэймонд Флеминг, нанятый больницей адвокат из уэст-оринджской фирмы{175}, а в заголовке стояло: «Re: Преподобный Флориан Гэлл против Медицинского центра Сомерсета» и номер файла.

Дэнни не знал адвоката, но обратил внимание на заголовок, особенно на слово «против». Он знал, что адвокатам свойственно все представлять в виде конфликта, но ему все же показалось странным, что пациент и больница оказались по разные стороны.

Судя по сопроводительному письму, получателем памятки была Мэри Ланд. Они познакомились с ней ранее в тот же день в конференц-зале Сомерсета. Ланд и Дэнни обменялись визитками; с этого момента она стала личным контактом Дэнни в больнице, чьей помощью он мог воспользоваться в случае необходимости. Тим запомнил ее как деловую женщину средних лет с ярким названием должности: риск-менеджер Медицинского центра Сомерсета. Судя по всему, риск-менеджер была личным контактом и для Рэя Флеминга.

Уважаемая Мисс Ланд,

прилагаю копию моей памятки, которую я составил после встречи с Чарльзом Калленом.

Спасибо за ваше сотрудничество.

Искренне ваш,

Рэймонд Дж. Флеминг

– Чарльз Каллен? – спросил Тим. – Они упоминали его на встрече?

– На следующей странице памятки, – сказал Дэнни, – говорится, что он медбрат. Работал в отделении интенсивной терапии с одной из жертв. Со священником. – Дэнни перелистал в конец. – Написано: «Мы пришли к выводу, что на данный момент нет ничего чересчур подозрительного ни в записях, ни в поведении мистера Каллена, что бы потребовало обращения в полицию».

– Кто «мы»?

– Мэри Ланд и юрист, – объяснил Дэнни, – Флеминг. Судя по всему, они вместе допрашивали этого Каллена.

– 14 июля, – сказал Тим. – Они написали памятку через десять дней.

– Может, им потребовалось десять дней, чтобы закончить, – сказал Дэнни. – С почасовой оплатой и не такое бывает.

– Прошло два месяца, и они присылают это нам, – сказал Тим. Он постучал по бумажке. – Так, а где остальное? Другие памятки, другие медработники?

Дэнни не знал. Но днем собирался встретиться с тем, кто должен знать.

Теоретически Мэри Ланд могла послужить ключом к расследованию. Ланд – бывшая медсестра, которая поднялась по карьерной лестнице и стала тем, кто может открыть ворота в мир больницы, перевести медицинские загадки на язык, понятный детективам. Вопрос заключался в том, начнет ли она сотрудничать. Дэнни должен был добиться не просто любезной профессиональной помощи; ему нужно было понравиться Мэри Ланд.

Дэнни припарковался перед больницей, поправил галстук и вежливо кивнул охраннику у лифта. Дальше по коридору, украшенному ковром Мариотт и плохими картинами, он нашел секретаршу, к компьютеру которой были приклеены цветные фотографии ши-тцу, высунувшего язык. Дэнни прочитал на бейджике имя Труди, представился и постарался выглядеть серьезным, но не пугающим, что ему не очень удалось.

Дэнни позднее вспоминал{176}, что Мэри была крупной белой женщиной среднего возраста без лишних украшений – идеально подходила на роль риск-менеджера. Ее юбочный костюм был деловым, нейтрального цвета и нейтрального покроя. Она не выглядела как любительница поболтать, поэтому Дэнни начал сразу с памятки, которую юрист выслал по итогам расследования. Он достал бумаги из нагрудного кармана и обратился к тем частям, которые подчеркнул.

– Значит, после… э-э… смерти преподобного Гэлла вы и этот юрист Флеминг опросили медбрата по имени Чарльз Каллен?

– Да, – ответила Мэри, – мы опросили всех медработников отделения.

– Хорошо, хорошо, – сказал Дэнни, – и что дальше?..

– Ни в одном из этих интервью не выяснилось ничего необычного или незаконного, – сказала Мэри.

– Да, я вижу, – сказал Дэнни. – Так этот медбрат, Каллен, – было ли что-то, что заставило вас опросить именно его, что-то подозрительное или…

– Нет-нет, – сказала Мэри, – мы опрашивали всех сотрудников отделения.

– А есть ли другие памятки, которые мы могли бы просмотреть, что-то, что могло бы нам пригодиться?

– Насчет этого ничего не могу сказать, – ответила Мэри, – это вопрос к нашему юристу, Полу Ниттоли.

– Ладно, ладно, – сказал Дэнни, – с ним мы тоже поговорим, разумеется. А этот медбрат, Каллен…

– Да.

– Вы с ним говорили.

– Ну, как я сказала… Мы опросили всех, и мистера Каллена в том числе, – сказала Мэри.

– Это было в связи с одним из инцидентов… со священником?

– Преподобный Гэлл. Да.

– А этот медбрат, Чарльз Каллен, он ухаживал за преподобным?

– Ну, и да и нет, – ответила Мэри, – они меняются.

– Простите?..

– Меняют пациентов, – уточнила Мэри, – медработники прикрепляются к новой палате каждую смену. За время его пребывания в Медицинском центре Сомерсета за преподобным Гэллом ухаживали многие сотрудники отделения интенсивной терапии.

– И медбрат Каллен был к нему приставлен?

– Нет, – ответила Мэри, – он не был к нему приставлен в ночь его смерти.

– Окей, окей, – сказал Дэнни, – так… а кто был?

– У меня нет сейчас на руках данной информации, – сказала Ланд. – Мне придется вам ее сообщить попозже.

– Да, пожалуйста. А медработник, приставленный к Гэллу… Есть ли у вас памятка по итогам его интервью или…

– Боюсь, что ничего такого у меня нет, – сказала Мэри Ланд. – Мне нужно поискать, и тогда я вам скажу.

– Хорошо, – ответил Дэнни, – буду вам благодарен. – Разговор

никуда не двигался, но он понимал, что нельзя показывать раздражение. – Еще один вопрос об этом… э-э… «Пиксик» или… – Дэнни взял памятку, чтобы посмотреть слово, которое обвел и украсил вопросительным знаком.

– «Пайксис», ага, – поправила Мэри.

– Это медицинские запросы?

– Аппарат «Пайксис» отслеживает любую выдачу препаратов, – объяснила Мэри. – Он также выписывает пациенту счет и уведомляет отдел фармацевтики о необходимости пополнения запасов.

– Вы проверяли эти записи?

– Да, – ответила Мэри.

– И там не было ничего необычного, не так ли?

– Ничего необычного, – сказала Мэри.

– Если можно, я бы хотел получить копию этих записей, – сказал Дэнни, – посмотреть на периоды, когда происходили… э-э… необычные инциденты с пациентами…

– Боюсь, что это невозможно, – сказала Мэри. – К сожалению, «Пайксис» хранит сведения только тридцать дней.

– Но…

– Ага, – ответила Мэри, – я знаю.

– Хорошо, – сказал Дэнни, – так этот медбрат не был целью вашего расследования?

– Нет-нет, – ответила Мэри, – мы опросили всех работников отделения. Но есть один человек, на которого вам стоит обратить внимание.

Дэнни кратко пересказал это все Тиму за обедом в тайском ресторане напротив суда. Тим понаблюдал за официанткой, прежде чем приступить.

– Ну как Ланд? – спросил он. – Она нам поможет?

– Она назвала имя, – сказал Дэнни, – Эдвард Эллат.

– Это тот медбрат?

– Другой парень. Он работал иногда на том же этаже, что и жертвы, и у него был доступ. Она посчитала, что нам стоит на него обратить внимание.

– Чем он занимается? – спросил Тим.

– Он один из тех парней, которые приходят, чтобы взять анализ крови… – Дэнни начал листать свои записи.

– Ага, флеботомист, – сказал Тим, удивившись самому себе.

– А, это ты знаешь, да?

– Ну, я был охранником в больнице, – сказал Тим, – в старших классах.

– Ну, Ланд сказала, что они присматриваются к этому флеботомисту.

– Он подозреваемый? – спросил Тим. – Я думал, у них никого нет.

– Мэри Ланд сказала: «На Эллата стоит обратить внимание». Ее слова.

– Она объяснила почему?

– Похоже, что у него какие-то тёрки с больницей. Он местный. Как-то связано с расширением, может, что-то с профсоюзом.

– Он подозреваемый? – снова спросил Тим.

– Просто сказала, что он подозрительный и у него тёрки, – ответил Дэнни. Он прочитал в своих записях. – Ее слова: «Эллат может оказаться ответственным за эти необычные происшествия».

– Ну ладно, хорошо, – сказал Тим, записывая, – то у них никого нет, то они называют нам имя. Сойдет. Еще что-нибудь?

– Пока нет, – ответил Дэнни, – я спросил у нее про то, что они прислали, про этого медбрата из памятки.

– Ага, из этого листочка.

– Расследование, – сказал Дэнни, – все четыре страницы. – Он снова перевернул страницу и стал водить по ней пальцем. – Медбрат, о котором они говорили. Чарльз Каллен.

– Что она ответила?

– Рассказала про Эллата.

– А про Каллена?

– Ничего, – сказал Дэнни. – Похоже, он не был целью расследования. – Дэнни пересказал Тиму остаток разговора, в том числе про то, что аппарат «Пайксис» хранит записи только за тридцать дней.

– Если посчитать, то получается седьмое или восьмое сентября, так? Мы можем посмотреть только на заказы для мистера Крюса.

Единственная проблема заключалась в том, что, если верить коронеру Мамбо, по его заключению Крюс умер от естественных причин{177}.

– Ну ладно, это отстой, – сказал Тим. – Что насчет других медработников? На них что-нибудь есть?

– Может, адвокат поможет, – ответил Дэнни. – Ланд ничего про них не сказала.

– У нее не было записей интервью с ними? Я думал, они их опрашивали.

– У нее вообще ни хрена не было, – ответил Дэнни.

Тим задержал дыхание, чтобы успокоиться.

– То есть ты хочешь сказать, – продолжил он наконец, – что у нас ничего нет.

– Ну, не совсем, – ответил Дэнни, – у нас есть Эллат.

32

Это было дело Дэнни, но Тим, как супервайзер, вел его вместе с ним, а именно: он хотел выполнять самостоятельно все стандартные операции. Сначала он поискал Эдварда Эллата в базе данных владельцев автомобилей, чтобы найти регистрацию и лицензию. Он нашел его в системе, но не увидел никаких нарушений, поэтому записал адрес и персональные данные в блокнот, прежде чем поискать его в базе данных Национального центра хранения информации о правонарушениях. *Эдвард Эллат* оказался чист, никаких нарушений. Тупик. Тим попробовал еще раз, использовав другое написание и псевдонимы. Ничего. У парня была машина, и он ни разу не был в тюрьме. Затем Тим вошел в базу данных PROMIS/Gavel Департамента юстиции штата Нью-Джерси, которая отслеживала рассмотрение уголовных дел в судебной системе штата. Тим таким образом находил много интересного – даже если они никогда не сидели, плохие парни часто так или иначе оказывались в судебной системе: в качестве свидетеля, жертвы или того, с кого сняли обвинения. Но *Эллатт, Элатт* и *Эллат* были чисты. Флеботомист не подходил. Тим немного посидел. «Горячее» дело обжигало стол, а зацепок все еще не было. Вечером они договорились встретиться с Эллатом у него дома на следующий день. А пока, подумал Брон, почему бы и нет. Он перелистнул страницу блокнота и вбил в базу «Чарльз Каллен».

Чарльз Каллен значился в базе данных владельцев транспортных средств как владелец голубого фургона «форд-эскорт» и действующих водительских прав. В базе данных Центра хранения информации о правонарушениях Каллен занимал два пункта: один – за проникновение на частную территорию в Палмере, Пенсильвания, а другой – за вождение в нетрезвом виде в Южной Каролине. Обоим нарушениям было больше десяти лет. У Каллена не было пистолета, не было домашних животных и ничего, кроме штрафов за превышение скорости, за последние десять лет.

Однако до того, как закрыть блокнот, Брон решил потянуть еще за пару ниточек. Он встал из-за терминала, подошел к столу и набрал 411 – код полиции Палмера, штат Пенсильвания.

Тим представился детективом отдела убийств из Сомерсета, Нью-Джерси, и попросил бюро записей. Девушка на другом конце провода рассмеялась и сообщила: «У нас его нет, только я!» Тим подумал: «*Класс, Барни Файф*» – и объяснил, что ему нужно проверить историю одного парня, которого задержали в Палмере

в 93-м, попросив девушку достать дело.

«Секундочку», – сказала она. Тим услышал, как телефонная трубка стукнула по столу и как задребезжали металлические ящики, которые открывали и закрывали. Прошла пара минут, прежде чем девушка вернулась со словами: «Ага, вот папка с желтым стикером».

У нее на руках было дело некоего Чарльза Каллена. Родился 22 февраля 1960 года. Арестован в марте 1993 года за проникновение и домогательства, обвинения сняты. Брон уже начал благодарить ее, когда она сказала: «О, здесь записка». Что-то, написанное от руки и подчеркнутое и… как там это слово?

Дэнни затем позвонил в полицию штата Пенсильвания, кивая Тиму, пока полицейский Роберт Иган несколько раз пробивал имя.

Дигоксин.

В этот раз Брон узнал это слово.

Дигоксин был найден в крови пациента, предположительно скончавшегося от передозировки в больнице Истон шесть лет назад. Похоже, что этот Чарльз Каллен работал медбратом в Истоне на момент инцидента, и через пару лет было расследование, в ходе которого полиция штата Пенсильвания достала его файл. На этом все закончилось. Про расследование с тех пор забыли, а у полиции штата ничего на Каллена не было, но Дэнни был в таком восторге, что ему хотелось пробежать сквозь стену{178}. Вместо этого он подергал ногой и поблагодарил копа, стараясь говорить спокойным голос, пока не положил трубку. Дигоксин. Каковы шансы? Брон потерял дар речи. Либо это было одно из самых больших совпадений в истории убийств, либо кто-то над ними издевался. Но кто и зачем, он не знал.

33

Список мест работы Чарльза Каллена, составленный Дэнни Болдуином, насчитывал уже шесть больниц и все еще не заканчивался. Все эти медицинские центры находились в Нью-Джерси и Пенсильвании, и некоторые даты шли внахлест – Дэнни пытался расставить их в хронологическом порядке, но информации не хватало{179}. Они с Тимом сидели в его офисе, листали доступные материалы и пытались собрать их воедино. Насколько Дэнни мог судить, карьера Каллена началась в 1987 году в Медицинском центре святого Варнавы в Ливингстоне, Нью-Джерси.

«Святого Варнавы? – спросил Тим. – Ты надо мной издеваешься». Этот парень впервые поработал медбратом в том же месте, где Брон впервые поработал охранником. Брон посмеялся над очередным совпадением в этом деле. «Это я возьму на себя», – сказал Тим и взял пальто. Дэнни не возражал. Ему предстояло заниматься делом.

Дорога до Сомервилля проходила через холмы и вела на главную улицу пригорода, которая начинала теснить дома, стоящие на ней: двери открывались прямо на оживленную автотрассу, а на крыльце копились выброшенные игрушки. Все деньги были на холмах, где стояли псевдоособняки со знаками, предупреждающими о наличии сигнализации. Центр святого Варнавы построили на подъеме, посередине между самой высокой и самой низкой точкой. Он был на месте, сразу за старым бассейном, где Тим раньше парковался, приезжая на смену. Он почувствовал легкий укол ностальгии, когда заехал на парковку. С тех пор как он был здесь в последний раз, прошло несколько десятилетий.

Тим впервые работал в медцентре святого Варнавы по ночам и выходным во время учебы в старших классах в конце семидесятых, добираясь от родительского дома на «бел-эйре» 63-го года, который называл «пивным фургоном». После выпуска из школы он вложил накопленные деньги в новенький темно-синий «мустанг» 78-го года с четырехступенчатой коробкой передач – хорошую машину, которую нехило разбил, слишком наслаждаясь настоящим, чтобы думать о чем-то еще. Тим поступил той осенью в колледж Уэсли и начал там футбольную карьеру. Его даже назвали защитником недели после игры с «Пенн стейт»[9], и его лично поздравил легендарный тренер Джо Патерно. Но с Уэсли дело не заладилось. Тим поступил в академию и уже через год носил значок. До этого момента он работал в больнице.

В «Святом Варнаве» Тим был на стартовой позиции, но синяя форма охранника и металлический значок давали мимолетное ощущение власти, так же как и форма медсестры или халат доктора. Тим был потрясен тем, что прощалось человеку в форме.

Тот медцентр святого Варнавы, который Тим знал, был похоронен под стройкой стоимостью в полмиллиарда, что прошла за последние шесть лет и держалась на облигациях с уровнем риска ААА, таких же надежных, как попытки угадать смерть или рост налогов. Он припарковал «краун-викторию» рядом с грязной будкой охранника, где тот собирал оплату за парковку, и поразился незнакомому зданию.

Приросли новые отделения, пристройки и офисы. Учреждение предлагало одновременно центр по лечению ожирения и круглосуточный «Макдоналдс». От ностальгического путешествия Тим почувствовал себя немного старым, и у него закружилась голова. Он остановился в новом открытом кафе – небольшом красочном заведении, где медработники могли покурить во время перерыва. Это было такое веселое место, где можно взять кофе, если ты не очень привередлив. Почему бы нет? Сын Тима родился в «Святом Варнаве». В какой-то момент после выхода на пенсию Тиму, вероятно, тоже придется здесь оказаться, подключенным к аппаратам под наблюдением незнакомцев в зеленой униформе. Все здесь оказываются рано или поздно.

Дымовая труба, которую он помнил, стояла на месте, но теперь не изрыгала дым. Он больше не мог определить, где была вертолетная площадка. В то время спасатели-дайверы прилетали в центр святого Варнавы, где находилась самая большая гипербарическая камера в мире и единственное в штате отделение ожогов – Тим каждый раз гордился, когда отдавал честь военным пилотам. «Си кинг» сначала слышишь и только потом видишь: он как летающий трактор-трейлер. Тим был готов поклясться, что за спокойной музыкой, доносящейся из встроенных в потолок лобби динамиков, он все еще слышал шум лопастей вертолета, везущего пачками людей с ожогами.

34

Цель состояла в том, чтобы взглянуть на старое личное дело Чарльза Каллена в надежде найти хоть что-то об этом парне. Это был ход наудачу, слепая попытка собрать информацию, но так и работают расследования. Он подумал, что больница вряд ли будет чересчур откровенна с детективом из отдела убийств, учитывая, что подозреваемым был их бывший сотрудник; свяжешься с отделом кадров – и тебя отправят к адвокату. Все, что больница хотела скрыть от Тима, представляло для него наибольшую ценность.

Тим попросил об одолжении, пытаясь найти обходные пути. Он попросил бывшего копа, который ушел в службу безопасности «Святого Варнавы», достать файлы со всем, что у медицинского центра было на Чарльза Каллена, кратко объяснив ему, в чем суть расследования. Договориться с копом было всегда проще, чем присылать повестку, хотя Тим не был уверен, работает ли это правило с копами, которые теперь зарабатывают шестизначные суммы в корпорациях. На стойке регистрации Тима ждал манильский конверт с его именем. Он вернулся за стол с чашечкой кофе и только затем взялся листать 22-страничный файл, включавший копию лицензии Каллена на СЛР (сердечно-легочная реанимация), форму W-4 и справки о прививках. Оставшаяся часть состояла из фрагментов медицинских карт со стертыми именами и отчетов о необычных инцидентах, распечатанных на мимеографе и исписанных от руки. Он прочитал некоторые из них, с трудом разбирая почерк, а затем взял всю пачку и принес в офис Дэнни.

Тим бросил файл ему на стол.

– Видишь это?

Дэнни пролистал документы.

– Хм.

– Ага, хм, – сказал Тим.

Дэнни дошел до последней страницы и затем вернулся к началу.

– Похоже на отчеты.

– Ну да, – сказал Тим, – по крайней мере, куски. Кто, блин, у них занимается документами?

Файл казался на удивление неполным, даже фрагментарным, но, с другой стороны, сюрпризом было уже то, что спустя больше десяти лет в «Святом Варнаве» сохранились какие-то записи. И главное – что с Чарльзом Калленом в медицинском центре произошла какая-то история. Однако в файле было недостаточно

деталей, чтобы понять, что именно, и построить на этом дело.

Непохоже было, что полученные документы им сильно помогут, даже если разобрать почерк и расшифровать медицинские термины. В файле не упоминались внутренние расследования{180}, которые проводились в последний год работы Каллена в «Святом Варнаве»{181}. Однако среди откопированных каракулей были отчеты, где говорилось, что Чарли неправильно выдавал лекарства, удерживал выписанные препараты, ставил неназначенные капельницы, несколько раз отключал аппарат искусственного дыхания пациента, находящегося в критическом состоянии, и заказывал невыписанный инсулин{182}. И хотя «Святой Варнава» этого тогда не понял, но Чарльза Каллена фактически поймали с поличным в больнице, где началась его карьера убийцы. Однако докладные на Каллена не были такой серьезной проблемой, чтобы сообщать о ней в комиссию штата по делам медработников или в департамент здравоохранения. От Каллена просто избавились. Через несколько лет больница начала реновацию, и материалы расследования, капельницы, представляющие собой улики по делу, и пару ящиков записей выбросили. Даже шкафа, в котором они хранились, уже не было. Единственным доказательством существования расследования была ржавая полоса на линолеуме.

Дэнни Болдуин вернулся в Ливингстон следующим утром. Отдел кадров отправил его вниз по лестнице в офис мисс Алгретты Хэтчер, рекрутера медработников для медицинского центра услуг, принадлежащего «Святому Варнаве» агентства по найму. Хэтчер не знала Чарльза Каллена лично, но могла пролить свет на несколько вопросов к его деятельности. Некоторые из них были весьма серьезными: в рукописной заметке от 14 марта 1991 года один супервайзер написал, что «серьезно обеспокоен следующим: отношением Чарльза к его двойной медицинской ошибке». Ей казалось, что Каллену было «наплевать и на ошибку, и на благополучие пациента».

Дэнни попросил Хэтчер уточнить, что значит «двойная медицинская ошибка» – значит ли это, что он дал пациенту дозу препарата в два раза больше выписанной?{183} Мисс Хэтчер не знала, в оставшейся части файла это не было упомянуто. У Дэнни был скелет, но на него еще нужно было нанести мясо. Мисс Хэтчер не знала, куда делся остаток файла, но предположила, что его уничтожили. Дэнни не показалось, что Хэтчер врет: документам было уже пятнадцать лет. Но почему некоторые куски сохранились, а некоторые нет?

Судя по записям штата, Каллен ушел из «Святого Варнавы» в больницу Уоррена в Филлипсберге, Нью-Джерси. Тим позвонил

секретарю отдела кадров Уоррена и оставил сообщение. В тот же день ему перезвонил член высшего руководства Уоррена. Больница не могла найти записи о мистере Каллене. Тим пообещал прислать повестку и положил трубку, хлопнув ей по телефону. Через час позвонил юрист Уоррена, который сообщил, что личное дело Чарльза Каллена уничтожено. Одновременно в соседнем кабинете Дэнни звонил в больницу Хантердона, поговорил с отделом кадров и снова уперся в тупик. Несколько минут спустя Хантердон подтверил это факсом.

– Хантердон говорит, что они хранят файлы в архивной компании, – сказал Дэнни, – а та не может найти личное дело Каллена.

– Серьезно? – ответил Тим. Он бросил ручку на стол и откинулся в кресле. – Так они его уничтожили?

– Они говорят, что не могут его найти, – сказал Дэнни, – они потеряли дело Каллена.

– Потеряли, – ответил Тим, – звучит знакомо. Да что же это за хрень?

У них в списке была еще одна клиника в Нью-Джерси: мемориальная больница Морристауна. Тим позвонил и попросил информацию о бывшем сотруднике; в этот раз он ничего не сказал про расследование убийств, а Морристаун не ответил, что потерял или уничтожил личное дело Каллена. Тим отправился на север, чтобы забрать документы, а затем им с Дэнни предстояло встретиться с юристами Медицинского центра Сомерсета.

Внутреннее расследование в Сомерсете теперь вел Пол Ниттоли, один из адвокатов, с которыми Тим и Дэнни виделись на брифинге. Фирма Ниттоли была нанята руководством Сомерсета 19 сентября, почти через месяц после передозировки инсулина у «пациента номер пять», Фрэнсис Агоады, и за неделю до того, как Сомерсет сообщил о ней в департамент здравоохранения{184}. Тим не знал о Ниттоли ничего, кроме того, что до устройства в фирму «Дринкер, Биддл и Риз» тот был помощником прокурора в Эссексе. Эти сведения дали Тиму понять, что Ниттоли, вероятнее всего, был сообразительным и задиристым и что ему известны особенности работы детектива убойного отдела. Бывший помощник прокурора мог бы оказаться им очень полезен.

Ниттоли встретил детективов в приемной: ему было за пятьдесят, у него были крупные черты лица, особая седина, свойственная обеспеченным людям, и хороший темный костюм и галстук с узором. Дэнни внимательно осмотрел его одежду, пока Ниттоли вел их в свой кабинет, уставленный книгами в кожаном переплете. Он представил их своему частному детективу,

неуклюжему парню по имени Рокко Э. Фушетто. После этого Ниттоли сел за стол, а Рокко остался стоять сбоку от него, скрестив руки на груди.

Заметки Ниттоли, интервью, записи и список контактов сотрудников отделения интенсивной терапии сильно ускорили бы ход расследования и сэкономили бы детективам время, которое те тратили на копание во всяком старье. Тим подумал, что они откровенно поговорят о пятимесячном расследовании Сомерсета без всяких медицинских штучек. Он надеялся, что вернется в офис с целой коробкой документов.

Однако, как позже вспоминал Тим Брон[{185}], Ниттоли, казалось, хотел закончить встречу побыстрее. Он сказал, что они с частным детективом расследовали происшествия, но не смогли найти того, кто за них ответственен. Они не составляли никаких финальных отчетов, сказал Ниттоли, и не смогли прийти к какому-то определенному выводу. Как только они поняли, что нужно обращаться в полицию, они позвонили в офис окружного прокурора.

– А как насчет ваших интервью с медработниками? – спросил Тим. – Нам пригодится все что угодно.

– Мы не составляли никаких отчетов, – ответил Ниттоли.

– У вас нет никаких записей или…

Ниттоли покачал головой.

– Это были неформальные беседы, – сказал он. – Мы ничего не записывали.

– Ну хоть что-нибудь, – сказал Тим, – тетрадь с записями, краткие заметки или…

– Мы не делали заметок, – ответил Ниттоли.

Тим моргнул.

– И заметок нет?

Они с Дэнни переглянулись.

– Мы ничего особенно не записывали, – сказал Ниттоли.

– А что насчет имен и контактной информации? – сказал Дэнни. – Для сотрудников. Ну чтобы нам не приходилось заново через все это проходить.

Ниттоли переглянулся с Рокко.

– Простите. Мы дали вам все, что у нас есть. Вы получили посылку?

– Ага, – сказал Тим. – Четыре страницы. Получили.

– Насчет этой памятки, – сказал Дэнни, – там упоминается медбрат, Чарльз Каллен. Вы с ним говорили?

– Он был одним из сотрудников отделения, с которыми мы разговаривали, – сказал Ниттоли.

– Что-нибудь необычное помните?

– Ничего особенного, – сказал Ниттоли. – Помню, что он был странноватый.

– Да, чудаковатый, – подтвердил Рокко.

– Окей, ладно, – сказал Тим, – чудаковатый.

– Да.

– Но вы ничего не записывали, когда с ним разговаривали?

– Нет, – ответил Ниттоли, – простите.

Тим пытался сохранять спокойствие, но про себя он кричал: «Что это за адвокат, который ничего не записывает?» Тим подумал спросить его об этом. Потом подумал врезать ему. Потом подумал о парковке. Ниттоли начал отвечать вопросом на вопрос, интересоваться, нет ли у детективов зацепок, чего-нибудь нового, но Тим и Дэнни не собирались играть в его игру. Через пять минут разговор был окончен.

Тим подождал, пока они выехали на шоссе, и тогда изо всех сил врезал по рулю.

– Окей, – сказал он, – может, ты объяснишь, что это за хрень была?

– Какая-то чушь, – сказал Дэнни. В процессе расследования записывается *всё*.

Детективы об этом знали, адвокаты – особенно бывшие помощники прокурора – тоже. Должны быть распечатки, записи, памятки, ежедневники. Пишутся списки, заметки во время интервью – и, как минимум, ты должен иметь список имен и телефонов на бумажке, чтобы знать, с кем говорить. Пятимесячное расследование, шесть подозрительных смертей и целое отделение сотрудников, а у парня нет даже заметок в блокноте?

– И это юристы, – сказал Тим. Он ехал быстро, подрезая другие машины. – На что они еще годятся, кроме как возиться с бумажками? Как им выписали чек?

– Может, они не хотят казаться идиотами, – сказал Дэнни, – и показывать детективам, как они облажались{186}.

Тим мог это себе представить: как частный сыщик Рокко проверяет медицинские карты, понимая в них не больше, чем они сами. Это было забавно представлять, но сути дела не меняло.

Ниттоли и Рокко не дали ничего, кроме памятки и имени: Чарльз Каллен. «Чудак», который не был подозреваемым. Парень с темным прошлым. Дэнни сидел, смотрел на шоссе и думал о том, почему они дали именно это, если на парня у них больше ничего нет.

35

Дэнни отпросился на утро, чтобы поехать на запад в Пенсильванию в казармы полиции штата. Несколько часов он слушал капрала Джеральда Уолша и полицейских Игана{187} и Бручака, пытаясь ухватить как можно больше информации о расследовании в отношении Чарльза Каллена и инцидентов в Медицинском центре святого Луки. Он вернулся на 78-ю магистраль как раз вовремя, чтобы встретиться с Тимом и обсудить все за обедом. В этот раз они выбрали дайнер, взяли будку в задней части зала, где Дэнни мог все подробно изложить. Расследование в Пенсильвании шло меньше года, и оно было очень большим. Там были трупы, реальные улики, десятки свидетелей, готовых к сотрудничеству, и серьезный подозреваемый – все, что нужно детективу из отдела убийств, кроме счастливого финала.

Судя по материалам дела полиции штата Пенсильвания, копам позвонило не руководство «Святого Луки», а работавшая там медсестра Пэт Меделлин. Она была свидетелем нескольких подозрительных смертей в ее отделении больницы, а также видела, как Чарльз Каллен ходил за невыписанными опасными препаратами. Меделлин была уверена, что Каллен ответственен за необычные смерти в отделении, и надавила на администрацию больницы, чтобы та приняла какие-то меры{188}. Руководство больницы святого Луки сказало Меделлин, что Каллен не причинял вреда никому из пациентов. Расследование было окончено.

Такой ответ не устроил Пэт Меделлин. 29 августа 2002 года{189} она рассказала свою версию истории знакомому, который работал копом в департаменте полиции Истона, штат Пенсильвания{190}. Это дошло до вышестоящего руководства: коп рассказал капитану, капитан – коронеру, а коронер – офису прокурора округа Лихай Джеймсу Б. Мартину{191}. Полицейские штата Пенсильвания вызывали сотрудников «Святого Луки» на допрос одного за другим{192}. Их рассказы о смертях в ночную смену поразительно согласовались между собой.

Многие подтверждали рассказ сестры Линн Тестер{193}, которая заметила, что люди, «идущие на поправку», умирали внезапно и трагичным образом сразу после того, как медбрат Каллен менял им капельницу{194}. Сестра Робин Солсберри заметила, как Чарльз Каллен быстро выскочил из палаты ее пациента сразу перед тем, как у того неожиданно остановилось сердце и он скончался. Позднее Солсберри с дрожью вспоминала,

как Каллен пялился в ЭКГ-монитор отделения настолько завороженно, что не отрывался от него даже во время разговора. Солсберри, которая была доктором химических наук, всерьез подозревала, что пациенту дали пронестил – препарат, который, как выяснилось, Каллен выбрасывал с полок хранилища.

Она была уверена, что с тех пор, как Каллен пришел в отделение кардиологии, стало умирать больше пациентов. Сестра Тестер подсчитала, что, хотя Каллен работал лишь 26 процентов часов, он оказывался на месте при 58 процентах смертей{195}. Другие медработники{196} вспоминали, что, когда Каллен работал в отделении кардиологии, среднее количество остановок сердца было 20–21 в месяц, а как только он ушел, не было ни одной остановки сердца на протяжении шести недель{197}. По заданию штата коронеры Закари Лайсек и Скотт Грим начали работу над кучей медицинских карт. В личных беседах Лайсек выражал беспокойство по поводу количества смертей, за которые мог быть ответственен Каллен; по его предположениям, их могло быть пятьдесят. Но с другой стороны, их могло не быть вообще. У коронера были подозрения, но спекуляции в такой ситуации бесполезны и даже вредны. Только научный подход мог дать ответы. К этому моменту окружной прокурор нанял стороннего патологоанатома, доктора Исидора Михалакиса – врача, участвовавшего в расследовании подозрительной смерти Хелен Дин в больнице Уоррена за несколько лет до этого. Доктор Михалакис провел месяцы за пересмотром карт семнадцати пациентов, которых «Святой Лука» отобрал, но не нашел в документах ничего, за что можно было зацепиться. В это время Чарли Каллен перешел на новое место работы, в Медицинский центр Сомерсета, с нейтральными рекомендациями.

Личное дело Каллена в медцентре святого Луки представляло собой обычную и непримечательную историю того, как медбрат уволился после нескольких выговоров. «Чарльз уволился» – так это было сформулировано в записях о смене статуса сотрудника. «Не стоит нанимать снова – проблемы с препаратами». Слова *бромид векурония* или *«век»* ни разу там не появлялись, так же как и названия других мощных препаратов, которые Каллен крал и использовал. Легко было догадаться, что у руководства «Святого Луки» не было серьезных улик, способных окончательно доказать, что их медбрат намеренно вызвал передозировку у конкретного пациента. В то же время Дэнни Болдуин и Тим Брон не могли не заметить, что, случайно или специально, «Святой Лука» решал проблему Каллена так, чтобы не навлечь на себя юридические последствия и оставить минимальный бумажный след.

Тим Брон и Дэнни Болдуин работали на сотнях дел и видели

множество различных способов и мотивов для убийства. И ни одно из них не помогало разобраться в этом деле. Расследование окружного прокурора Мартина само по себе было шокирующим документом, но больше всего детективов поразила последняя страница. Всего за пять месяцев до начала расследования Болдуина и Брона{198} прокурор округа Лихай закончил свое. Восемь месяцев работы оказались с профессиональной точки зрения пустой тратой времени{199}.

Почему окружной прокурор Мартин забросил дело Каллена? Самый очевидный ответ – он не верил, что его можно выиграть. Мог ли он доказать хотя бы наличие жертвы, не говоря уже о виновности Каллена? Брон попытался представить следующие восемь месяцев: тот же самый путь с меньшим количеством ресурсов, без свидетелей и доказательств, который привел бы к другому итогу.

Дэнни ничего не оставалось, кроме как снова взяться за медицинские отчеты. Он разложил файлы на столе в конференц-зале. У каждой из шести потенциальных жертв была история болезни, состоявшая по большей части из записей и распечаток, отслеживающих прогресс, рецепты и ухудшение состояния. Медицинская абракадабра обретала наконец какой-то смысл – спасибо часам, проведенным за перелистыванием «Справочника врача», и терпению жены Дэнни, акушера-гинеколога доктора Кимберли Болдуин. Но даже разъясненные на простом языке карты и лабораторные отчеты мало что давали. Все это уже сообщила им больница: «диг» каким-то образом попал в кровь пациентов, и это отразилось в анализах. В картах этого не было. Серьезных зацепок в бумагах было не найти. В том и состояла загвоздка.

Может, «диг» и не пистолет, но Тим и Дэнни были убеждены, что именно он послужил орудием убийства в руках Каллена. Удобно было представлять «диг», загруженный в шприц и направленный на кого-то. Воображать себе орудие убийства похожим на пистолет помогало продраться через медицинские абстракции.

Как и любое другое орудие убийства, «диг» откуда-то взялся. Самым очевидным источником был аппарат, выдающий лекарства, – «Пайксис», стоящий на этаже отделения кардиологии. Записи о выдаче должны были остаться в памяти «Пайксиса». Но здесь их ожидал еще один тупик: Мэри Ланд уже сказала, что смерть преподобного Гэлла произошла больше тридцати дней назад, а значит, записей больше нет.

– Но кто-то ведь их видел, – сказал Дэнни.

– Ты о чем?

– Записи «Пайксиса». Когда Гэлл умер, они знали, что это передозировка дигоксином, так? Они, должно быть, смотрели это на «Пайксисе». Когда позвонили адвокату и поговорили с Калленом.

– Точно, – сказал Дэнни, – интервью.

Дэнни подвинул бумагу Тиму и показал пальцем на предложение: «Мистер Каллен знал, что заказ препарата отражается в Пиксис [так!], несмотря на его отмену».

– Ага, это, блин, еще о чем?

– Не знаю, – сказал Дэнни, – но «Пайксисом» они интересовались.

Интервью с Калленом проходило 14 июля. Это было в течение тридцати дней, о которых говорила Ланд.

– Так, значит, у Ланд с адвокатом был доступ к записям «Пайксиса», – сказал Тим, – они видели заказы препаратов за ночь смерти Гэлла?

– Я это так понимаю, – ответил Дэнни.

Это имело смысл. Они бы тоже искали орудие убийства – может, Каллен заказал очень много «дига» или подозрительно вел себя с аппаратом. И по какой-то причине они интересовались отмененными заказами. Так и где сейчас эти записи из «Пайксиса»?

– Их расследование продолжалось до того, как они нам позвонили, – сказал Тим, – у них должен быть файл.

– Ну, – ответил Дэнни. Это они уже проходили. – Может, они просто посмотрели их на компьютере и не делали распечаток.

– Ну да, может, – сказал Тим. Ему это казалось чушью, как и многое другое в деле. Из того, что им говорили, выходило, что Каллен не был подозреваемым, бумаг не существовало и «Пайксис», видимо, не показал ничего интересного. Тим снова прочитал вслух: – «Не было ничего чересчур подозрительного… что потребовало бы обращения к властям».

– То есть не было причины вызывать копов, – сказал Дэнни, – как будто пять месяцев назад они об этом думали, задавали вопрос и отвечали на него.

Тиму это расследование напоминало кое-что неприятное. Убийства, больницы, подозреваемые, к которым не подступишься, – мысль о сходстве между этим делом и делом Дюрьеа осеняла его в душе или в машине, напоминала о коробке с файлами, запрятанной в шкафу, и вызывало чувство, которое он сам не мог до конца понять. Дело Дюрьеа не давало покоя, подталкивало к апатии и мечтам о пенсии, но сложно было иначе, когда время уходило. Все больше Тим убеждался, что он его теряет каждую ночь, когда Каллен возвращается на работу. Время

уходило прямо в этот момент.

В тот день Дэнни Болдуин встретился с Мэри Ланд. Он сказал ей, что их медбрат Чарльз Каллен имел судимости и сомнительное профессиональное прошлое, включая тот факт, что несколько больниц уволили его за ошибки в работе и что Каллен на данный момент является серьезным подозреваемым в глазах офиса прокурора округа Сомерсет. Дэнни хотел получить статистику смертности в отделении Каллена и его рабочее расписание на прошлый год. Он знал, что подобный запрос раскроет перед больницей личность подозреваемого, но у Дэнни не осталось выбора. Получить доступ в больницу кроме как через парадный вход было нельзя.

Ланд заверила Дэнни, что больница примет меры, чтобы внимательно следить за Калленом во время работы. Однако Дэнни знал, что наблюдения за ним будет недостаточно. Если они собирались поймать Каллена, им нужно было придумать что-то, до чего не додумались предыдущие следователи.

Еще за несколько месяцев до этого Чарли понял, что ему придется отказаться от прежних путей получения препаратов. Он понял это даже до встречи с Флемингом 14 июля. Он не нуждался в том, чтобы ему об этом сообщал корпоративный адвокат.

Каллен работал медбратом пятнадцать лет. Он видел, как «Пайксис» установлен и как изменился. Теперь за дигоксином будут следить с помощью тех же протоколов, которые ранее использовались для наркотиков вроде оксиконтина или морфия. Больница уже приняла меры предосторожности с инсулином. Действия Чарли были тонкими, а их последствия – громкими. Это придавало ему уверенности. Это нравилось ему.

Одним из последствий его действий было расследование. Чарли уже видел несколько, и все они в какой-то степени придавали ему уверенности. Процесс выглядел как замедленная игра в прятки. Чарли понял, что юристы сообщают, где они будут тебя искать. А затем наконец – бум! – они там тебя и ищут. Конец игры.

Он знал, что смерть преподобного Гэлла подняла серьезную тревогу. Очевидно, он был важным человеком, священником, и последствия его переживут. Где-то целая конгрегация оказалась сбита с толку. А еще они заметили в «Пайксисе» его отмененные заказы. Поэтому Чарли принял решение: больше никаких отмененных заказов. Более того, никаких заказов «дига». Он больше никогда не закажет «диг» в Сомерсете, даже если его выпишут одному из его пациентов. Еще один способ им насолить. Отказаться от чего-то привычного. Он уже играл в эту игру. Чарли легко умел адаптироваться. На самом деле еще за день до

разговора с адвокатом Чарли уже использовал добутамин, который сработал превосходно{200}.

Чарли давно понял, что если заменить содержимое капельницы, то изменится и пациент – причина и следствие, где в роли причины блистал Чарли. Не было никаких оснований останавливаться.

36

Их работа породила тревогу в шести округах, серьезного подозреваемого в лице Чарльза Каллена и гору бумажной работы. В тот день на собрании отдела Тим посвятил команду офиса прокурора округа Сомерсет в детали расследования Дэнни, которое уже вышло за скромные пределы Медицинского центра Сомерсета и потихоньку проникало в разные больницы и за границы штата. Чтобы раскрыть дело, им нужно было найти любую информацию в любом округе, которую только можно добыть, и собрать ее в единую картину. Тим сказал прокурору, что самый быстрый способ сделать это – создать группу специального назначения.

Тим описал ход своих мыслей прокурору Уэйну Форресту, начав с того, как ограничены ресурсы офиса окружного прокурора. Раньше офис никогда не занимался такими обширными расследованиями и был к этому не готов. Опыта работы с подобными делами не было ни у кого в офисе, и в дополнение к обычной полицейской работе это могло их перегрузить и поставить дело под угрозу. Спецгруппа позволила бы Тиму привлечь людей из других округов и ресурсы вроде новенькой разработки ФБР под названием «Быстрый старт», которая собирала разрозненные данные в одну базу. С ее помощью было удобно их искать. Тим слышал, что такая программа есть у офиса прокурора Майкла Рубиначио в округе Моррис в комплекте с девчонкой, которая отлично ею владеет. Для сбора и обработки информации большая команда и новые разработки казались более эффективным решением, чем пролистывание записей в конференц-зале. Однако это значило и то, что в расследование предстояло посвятить детективов из других округов и юрисдикции других прокуроров. Делом нужно было поделиться.

Форресту это было неинтересно. Более того, Тиму показалось, что предложение разозлило его. После собрания Тим проследовал за Форрестом в его офис, но пятнадцатиминутное объяснение идеи за закрытой дверью кабинета босса ни к чему не привело. Делом должны заниматься они, Дэнни должен его вести. Делиться они не будут, точка.

В тот день детективы Даглас Браунлай, Ник Магос, Стюарт Бакмен и Эдвард Пёрселл зашли в круглосуточный дайнер за Дэнни и Тимом. Шесть вооруженных парней с ежиками и галстуками поделили дело между собой. Они сели за свой обычный столик в дальнем углу зала. Ближе этого к спецгруппе

они не приблизятся.

Браунлай и Магос могли заняться выяснением подробностей в больницах. Они вместе с помощником прокурора Тимом ван Хайзом попытаются оформить повестки для получения личных дел, материалов старых расследований и прочего. Бакмен и Пёрселл должны были помочь с другими ниточками, раскопать дело Каллена в семейном суде в округе Уоррен, изучить записи о его работе из двух штатов, заняться черновой работой и опросить коллег Каллена. Тим и Дэнни же сосредоточились на деле в Сомерсете.

Проблема состояла в том, что случившееся с пациентами Медицинского центра Сомерсета оказалось покрыто мраком медицинской тайны, а Тим и Дэнни в этом совершенно не разбирались. В Сомерсете была куча экспертов, но их пятимесячное расследование обернулось четырехстраничной бумажкой и отсутствием каких-либо ответов. Они знали, что пациентов отравили препаратами, но Мэри Ланд не могла предоставить никаких записей из «Пайксиса», Пол Ниттоли не мог предоставить записи интервью или личные дела. И ни у кого не было реальных улик. Искать негде.

Что касается жертв – на данный момент их тоже технически не было. Передозировки в Сомерсете не были подтвержденными убийствами, они были «инцидентами» или «необъяснимыми медицинскими происшествиями», лишь потенциально связанными с кучкой непонятных цифр в лабораторных отчетах, и любой адвокат защиты, хотя бы раз выигравший дело о нетрезвом вождении, мог легко опровергнуть эти аргументы. У следователей был только Чарльз Каллен. Доказательства того, что Каллен замешан в инцидентах в других больницах, в лучшем случае косвенные. Все попытки разузнать о его прошлом обернулись провалом. Нужны были другой источник и документы, в которых содержалось бы что-нибудь важное.

Во время первого брифинга от Медицинского центра Сомерсета доктор Корс сказал, что помимо полиции они также уведомили соответствующие медицинские департаменты штата. Дэнни позвонил в Департамент здравоохранения и проблем пожилого населения Нью-Джерси, который все называли просто департаментом здравоохранения или ДЗ{201}. Он разговаривал со специалистами департамента Эдвардом Харбетом и Кэти Демарки, а также помощником директора Элмой Кларк, но не выяснил ничего, кроме того, что расследование департамента выявило наличие проблем в Сомерсете. Дэнни думал, что объединить силы с органом штата было бы логично. Но представитель ДЗ не мог предоставить никакой дополнительной

информации без повестки, а это заняло бы время{202}. В то же время расследование ДЗ переключилось на нечто под названием Центр медицинского обслуживания / Медпомощь и социальная служба. Дэнни это показалось чем-то вроде проблемы с лицензией, никак не связанной с убийствами.

Должен был существовать способ достучаться до ДЗ. Дэнни полистал свой блокнот, открыл первую страницу. «Так, Корс сказал, что Сомерсет уведомил ДЗ об этих инцидентах. Бла, бла… вот. Он сказал, что они также уведомили комиссию штата по делам медработников».

– Мы туда уже звонили, – сказал Тим. – Та же история, что с ДЗ.

– А еще он сказал: «Департамент токсикологического контроля Нью-Джерси был задействован в этой ситуации».

– Окей, – сказал Тим, – то же самое у них написано и здесь. Когда это было?

– Не знаю, – ответил Дэнни. Ему надоело тратить время, оставляя сообщения, на которые никто не перезванивал. – Почему бы нам не поехать и не узнать?

Центр токсикологического контроля Нью-Джерси через несколько месяцев должен был переехать из Ньюарка. До той поры старые офисы центра прятались за монолитным государственным зданием с бесконечными коридорами и сырым запахом библиотеки. Главный вход был открыт, коридоры завалены сломанной мебелью и рулонами ковров, облепленных жвачкой. Казалось, что в здании остались только сотрудники токсикологического контроля.

Тим и Дэнни сами не знали, что ожидали там найти. Они знали только, что Сомерсет связался с экспертами центра в связи с передозировками. Тим представлял себе лабораторию с бурлящими сосудами. Он надеялся, что парни в белых халатах окажутся так же полезны, как полезны эксперты по баллистике в обычных делах об убийстве, – может, они смогут отследить яд, если Тим достанет образец.

Детективы нашли доктора Маркуса этажом выше, в конце коридора, устланного линолеумом. Там не было никакой лаборатории, как из фильма про Франкенштейна, которую они ожидали увидеть – только открытая дверь и кабинет, заваленный книгами и бумагами, обычный стол с трофеями по гольфу, которые врачи почему-то всегда выигрывали, а также коллекция безделушек, связанных с ядами, чучела гремучих змей и какие-то образцы традиционного искусства. Тим видел места, которые выглядели получше после полицейского обыска.

Стивен Маркус, седой, возрастом за шестьдесят директор

токсикологического контроля, имел репутацию в своей области как человек с большим опытом и отличающийся прямотой. Его считали либо источником неприятностей, либо пробивным – в зависимости от того, на чьей он был стороне. Маркус заметил двух крепких мужчин с усами и в костюмах, мнущихся у двери, и сразу понял, что они детективы. Маркус начал передвигать стопки бумаг по столу, собрал их в большую кучу и наконец нашел под ними маленькую пачку кассет и портативный диктофон. «Вы поздновато! – сказал он. – Я вас ждал пять месяцев назад».

Дэнни нажал на перемотку, а затем на воспроизведение, сел обратно на батарею в кабинете Тима и услышал, как головка ленты издает характерный звук.

Тайно записанные звонки были лучше всего. Лучше, чем прослушка. Без визуальных вспомогательных средств, без тонких инструментов жестикуляции и мимики, разговаривающие по телефону вынуждены обсуждать все подробно. Если хочешь, чтобы люди говорили правду, не давай им возможности соврать – сноси дверь, предъявляй им ордер в ду́ше, заставай врасплох. Записи и прослушка – еще более простые способы, и часто более эффективные.

Запись Маркуса представила совершенно другую картину необъяснимых инцидентов и внутреннего расследования в Сомерсете, разительно отличающуюся от той, которую рисовали для Тима и Дэнни. Руководство Сомерсета ни разу не упомянуло о том, что клиника связывалась с токсикологическим контролем и какие результаты принес подсчет. Не упоминался и тот факт, что токсикологический контроль сказал обратиться в полицию еще четыре месяца назад. И уж точно не упоминалось о том, что все записано.

Да простит их Бог, думал Дэнни, за то, что произошло за это время. Потому что лично он их точно не простит.

37

Дэнни наблюдал, как вращается лента, и слушал знакомый женский голос{203} Мэри Ланд, представляющейся по телефону фармацевту токсикологического контроля Брюсу Раку. Он слушал, как Маркус переходит на повышенные тона в разговоре с доктором Корсом и Мэри Ланд и говорит им, что уведомит департамент здравоохранения. Говорит им, что улики указывают на то, что кто-то отравляет пациентов, говорит им, что необходимо обратиться в полицию.

– То есть первым с ДЗ связался Маркус, а не Сомерсет, – подытожил Дэнни. – Сомерсет сказал, что они никуда не обратятся, пока не проведут собственное расследование. – Дэнни предположил, что именно по этой причине никто в Сомерсете не упоминал об этих разговорах.

– Знаешь, нам бы завести дело против них, – Тим постучал ручкой по диктофону, – против этих козлов.

На утреннем собрании Тим объявил о новой важной директиве для тех, кто работал по делу Сомерсета. С этого момента в любых переговорах с Сомерсетом и другими больницами информационный поток должен стать односторонним. «Мы получаем информацию, но взамен не даем им ни черта, – сказал Тим. – Прикидывайтесь дурачками, если придется, делайте что угодно, но не раскрывайте им то, что у нас есть и куда двигается расследование, точка». Тим не знал, какими сведениями располагал или не располагал Сомерсет, он знал лишь, что доверять им нельзя. После всех их увертoк Тим понял, что если расскажешь им, что ищешь, то никогда это не найдешь.

– Меня убивает знаешь что? Этот парень все еще работает, прямо сейчас, – сказал он затем Дэнни. Шестнадцать лет, девять разных больниц – и всегда одна и та же история. – Если мы хотим это изменить, нам придется сильнее надавить на больницы.

– Да, – согласился Дэнни, – а еще выкопать трупы.

В деле нужна была стопроцентная жертва убийства. Сначал Дэнни съездил в офис доктора Мамбо, местного судмедэксперта, на Норфолк-стрит. Детектив передал эксперту медицинские отчеты, составленные в Сомерсете по итогам шести необъясненных смертей. Мамбо посоветовался с доктором Джексоном из токсикологической лаборатории штата. Из шести случаев больше всего подозрений вызывала смерть Гэлла. Его чудовищно высокий уровень дигоксина мог с наибольшей вероятностью приблизить их к орудию убийства. Но офис окружного прокурора не мог построить дело на одних бумажках.

Нужно было взять анализы у Гэлла самостоятельно. К счастью, Гэлл был тем, кого детективы из отдела убийств называют «свежим трупом»{204}. Его тело было ближе всего к тому, что можно назвать местом преступления.

Дэнни позвонил Тиму ван Хайзу, чтобы помочь ему составить юридически грамотные показания, а затем отнес бумаги в кабинет судьи Роджера Мэйхона в Верховном суде, чтобы тот поставил свою подпись. Дэнни спросил его честь, не согласится ли он также засекретить ордер и показания. Для того чтобы всё сработало, действовать нужно было как можно тише.

38

Дэнни приходилось сотни раз за свою карьеру уведомлять семьи о смерти человека, и он ненавидел это занятие. В первый раз, когда Дэнни сказал матери, что ее сына убили за пару кроссовок, он плакал больше, чем она. Никому не хочется услышать, что их близкий человек мертв, это само по себе тяжело. Слово *убийство* только усиливает боль. Это была единственная часть его работы, которую он не любил, но с годами привык к ней и даже научился делать это лучше. Разговор с Люсилль Гэлл был для него чем-то новым.

Дэнни нужно было соблюдать осторожность – нельзя просто войти и вывалить ей все. Или рассказывать о деле с точки зрения детектива отдела убийств. Миссис Гэлл была медсестрой, она поняла бы жаргон, но все равно важно было рассказать все медленно и постепенно, давая ей возможность погрузиться в контекст, чтобы потом озвучить ей конкретные плохие новости и просьбу. Дэнни прокрутил в голове сценарий разговора и напомнил себе: *Раздели его на маленькие части. Говори прямо и последовательно, без увиливаний и колебаний. И во что бы то ни стало заставь ее сесть.*

Адрес в блокноте Дэнни отправил его в старую часть прилизанного пригорода, где люди жили уже давно и не арендовали дома, а владели ими. Украшения к Хеллоуину сводились к одной магазинной тыкве с длинным стеблем, в которой даже не вырезали лицо. Дэнни припарковал машину без опознавательных знаков на улице, стараясь избегать главных магистралей и радуясь тому, что приехал днем. Эту часть он тоже запланировал. Он вышел из машины и остановился, поправляя галстук так, чтобы его было видно из всех окон. Затем достал значок из внутреннего кармана и подержал его, раскрыв в правой руке, зажал визитку между пальцев левой и медленно пошел в направлении дома Гэллов. Он всегда так делал, особенно когда ездил на вызов в одиночестве. Никому не интересно, что ты вышел из новенькой полицейской машины в пятисотдолларовом костюме, если ты афроамериканец. В одном из отделений, где он работал, владелец дома увидел его и вызвал полицию.

Дэнни чувствовал, что за ним наблюдают из-за окна. Женщина, открывшая дверь, была белой, худой, с короткими светлыми волосами и «пожилой», как расплывчато охарактеризовал ее сам детектив{205}.

Они вошли в аккуратную гостиную в европейском стиле, уставленную пыльной деревянной мебелью, которую Дэнни про

себя назвал католической. Он взял паузу, напомнил себе переводить дыхание, рассказывать все медленно и последовательно. Он начал с начала, как только удостоверился, что Люсилль сидит.

Ее первая реакция – шок. Челюсть в буквальном смысле упала, словно идея была настолько огромной, что ее рот расширился, как у змеи, съевшей кролика. Люсилль была опустошена. А затем начала злиться.

У нее с трудом получилось смириться со смертью брата, особенно после того, как она потратила столько энергии и столько молилась за то, чтобы он остался жить. Брат попросил ее постоянно быть рядом, пока он находится в больнице, и она выполняла эту просьбу, находясь с ним иногда и по двенадцать часов в день.

Когда его впервые положили в больницу, Люсилль смирилась с возможной смертью брата и отказалась от специальных мер для обеспечения жизнедеятельности. Если ему не смогут помочь ни медицина, ни Господь, то меньшее, что она может сделать, – позволить ему уйти достойно. Однако ее брат пошел на поправку. К концу первой недели в Сомерсете состояние Гэлла стало стабильным, так что Люсилль даже отозвала свой отказ. Снова у нее появилась причина надеяться. И она все еще надеялась, уходя из больницы в 21:00 27 июня. Но затем, прямо перед рассветом 28 июня, у Гэлла остановилось сердце. Прорыдавшись, Гэлл должна была снова смириться, напомнить себе, что все это часть божественного плана, Его воля, и не ей ставить ее под сомнение. Так бы сказал ее брат на воскресной службе: Бог зовет тебя и ты идешь за Ним. Но теперь это спокойствие нарушено, и Люсилль Гэлл была в ярости.

Лабораторные анализы показали высокий уровень дигоксина в крови брата. Дэнни начал объяснять, что это значит, но Люсилль его остановила; она знала, что такое «диг», потому что была зарегистрированной медсестрой и бывшим риск-менеджером больницы, она работала с этим препаратом несколько десятилетий. Она прекрасно поняла, что Дэнни хотел сказать. Смерть ее брата не была актом божественной воли.

– Кто-то его убил, – произнесла Люсилль.

Дэнни приготовил для нее цифры. Люсилль моментально поняла, что подобный уровень дигоксина требует вскрытия{206}. Однако Сомерсет не проводил никакого вскрытия. Они написали, что это была «естественная смерть». Гнев Люсилль был вполне естественной реакцией на подобную загадочную ситуацию, она проделала в уме тот же маршрут, что и Дэнни с Тимом в последние несколько недель. Она присутствовала в больнице с

девяти утра до девяти вечера. Она знала сотрудников как посетитель и как коллега. Ее можно было уведомить хотя бы в порядке профессиональной солидарности. Люсилль сразу бы поняла, что означает повышенный уровень дигоксина. Она бы потребовала вскрытия. Поэтому они ей ничего не сказали?

Дэнни решил, что для того, чтобы Люсилль Гэлл стала сотрудничать со следствием, ее злость была очень даже кстати.

– Ваш брат посвятил свою жизнь служению Господу и другим людям, – сказал Дэнни, – и он все еще может кому-то помочь.

Люсилль смотрела на него в упор.

– Нам нужна его помощь, – продолжил Дэнни. – Нам нужна *ваша* помощь.

Дэнни сказал, что, если Люсилль даст разрешение на вскрытие, они смогут остановить убийцу ее брата. Но Дэнни ошибался.

39

21 октября 2003 года

Эд Зизик был на пенсии уже шесть лет с тех пор, как работал электриком в компании Automatic Switch в Эдисоне, и все еще не привык к такому количеству свободного времени. Работа волонтером в Медицинском центре Сомерсета придавала его жизни осмысленность и упорядоченность, и его жена, с которой они были вместе уже пятьдесят лет, радовалась, что он нашел способ не сидеть дома.

Зизик был веселым и общительным человеком, всегда хорошо одетым на своем посту за кассой сувенирной лавки или за стойкой регистрации, и обрел в Сомерсете определенную популярность. Когда 16 октября к его дому подъехала скорая, не было никаких сомнений относительно того, куда его везти.

Чарли в ту ночь был приставлен лишь к двум пациентам и обоим ввел восемь миллиграммов ксанакса. Мистер Зизик получил свою дозу в 20:30 и всю ночь пролежал без движения. Чарли настроил капельницу, изучил телеметрические показатели и через какое-то время после полуночи занялся привычным ритуалом. Раздел мистера Зизика, чтобы вымыть его с помощью губки и намазать лосьоном Keri. Вместе с Эми они управились с этим довольно быстро. Смена была хорошей, хотя ничего особенного и не происходило.

На следующий день Чарли приставили к другим пациентам, для которых он оформил только один заказ препаратов. Он вернулся домой и обнаружил Кэти в халате, со злостью мывшей тарелки детей. Их совместное проживание проходило в ссорах, которые всегда строились по одной и той же схеме: Кэти хотела, чтобы Чарли съехал, Чарли не отказывался, но и не собирал вещи. Его единственным настоящим домом была работа.

Чарли уже был на сестринском посту, когда приехала Эми Лофрен, но едва обратил на нее внимание. Она была знакома с таким состоянием Чарли: в плохом настроении, со сжатыми губами – и знала, что не стоит принимать это на свой счет. Эми поухаживала за своими пациентами, время от времени замечая Чарли с его тележкой с «Сёрнером», застрявшего в дверном проеме палаты его пациента, охранявшего его, как собака свою кость. Он всю ночь не отрывался от «Сёрнера», печатал, сканировал, стучал по клавишам, как Рахманинов. Он отходил от своего поста, только чтобы достать препараты из «Пайксиса» и только тогда, когда там никого не было. Всю смену он ходил туда-сюда; в ту ночь Чарли получил, вероятно, в сорок раз больше

препаратов, чем любой другой медработник отделения. Вместо того чтобы заказать все сразу, он получал каждый отдельно. Неопытный медработник ничего не поймет в этих заказах.

Руководство следило за работой Чарли в «Пайксисе» все лето – но следило ли сейчас? Чарли предполагал, что следило. Он представлял свои заказы в «Пайксисе» как открытое письмо, адресованное в первую очередь себе, но и не скрытое от чужих любопытных глаз.

Часть плана состояла в привычке Чарли использовать «Пайксис» для того, чтобы заказать лекарства, которые проще взять из хранилища. Он был единственным медбратом, который тратил время на ввод пароля и имени пациента, чтобы заказать пероксид водорода, аспирин или какую-нибудь мазь. Он делал это только для того, чтобы увидеть, как открывается ящик. В ту ночь он последовательно открыл все ящики, каждый раз тратя время и усилия на то, чтобы ввести данные заново. Он заказал гепарин, но потом задумался: следили ли в клинике за гепарином? Юрист говорил с ним об отмене заказов «дига». Он отменил заказ гепарина. Это был один из его новых трюков.

Спустя двадцать секунд после гепарина он заказал мазь. Через двадцать секунд сделал это еще раз. Затем он заказал тайленол, ацетаминофен. Затем хлорид калия. Затем фуросемид. Еще два тайленола. Спустя несколько секунд еще два.

Он приезжал домой, парковался, спал, не спал, смотрел «Три балбеса», смотрел канал «Хистори», ссорился с Кэти, возвращался в свой маленький «форд», думал, размышлял и опять заказывал тайленол. Это была другая ночь, но в его голове они все слились в одну. На доске появились имена новых пациентов, но он все еще думал о предыдущих. Он сделал столько заказов, сколько смог. Заказал нитроглицерин, правда всего два пузырька, а два пузырька нитропруссида натрия даже не составляли полную дозу – все это знали.

Метопролол, ондансетрон, ксанакс, хлорид калия, сульфат магния, метопролол, метопролол и опять нитропруссид, одна доза. Солнце вставало и садилось, Чарли выходил на работу, возвращался в отделение и делал то же самое. На следующую ночь то же самое. И на следующую.

Записи «Пайксиса» Чарли за ночь 20 октября показывают, что он брал фуросемид, фуросемид, инсулин, тайленол, пероксид водорода, пропофол, пропофол, гепарин, гепарин, мазь, галоперидол, сульфат магния, мазь, гепарин, инсулин, норэпинефрин, добутамин, гепарин и добутамин. В карте было отмечено, что сердце мистера Зизика остановилось 21 октября приблизительно в 2:30 от передозировки дигоксином. Однако

никакого дигоксина не было в карте мистера Зизика. Как и в записях «Пайксиса» Чарли.

40

27 октября Дэнни приехал в Ньюарк с первым помощником прокурора Робертом Лэндом и помощником прокурора Тимом ван Хайзом. Встреча прошла в больнице святого Михаила – по предложению Дэнни. Ему нужен был сторонний медицинский эксперт, который смог бы изучить шесть подозрительных лабораторных отчетов, и детектив не хотел, чтобы это делал кто-то из Сомерсета.

Группу сотрудников из офиса прокурора округа Сомерсет в лобби встретил Пол Ниттоли и его частный детектив Рокко. Дэнни холодно их поприветствовал и представил остальных. Больше он не сказал ни слова, пока не получил результаты.

Доктор Леон Смит был медицинским директором в больнице святого Михаила. Он просмотрел карты всех шести пациентов Сомерсета, которые ему предоставили детективы, и не нашел их такими уж «необъяснимыми». Доктор Смит дал группе интерпретацию записей, очень отличную от той, что она получила от Ниттоли и доктора Корса 7 октября.

Доктор Смит сосредоточился на четырех самых аномальных и подозрительных лабораторных анализах{207}. Это были инциденты, произошедшие больше чем за тридцать дней до того, как к расследованию привлекли полицию, а потому записи о них в «Пайксисе» были, очевидно, недоступны{208}. Доктор Смит не мог дать медицинского объяснения тому, что произошло с четырьмя пациентами. Его экспертное мнение состояло в том, что у всех четверых передозировка вызвана внешним источником.

Пол Ниттоли повернулся, чтобы увидеть реакцию Дэнни, но тот уже отделился от группы, вышел на улицу и бежал к своей машине под дождем.

Тим ехал в суд, слушая по радио классический рок, пока «дворники» боролись против холодного октябрьского дождя. У домов по обеим сторонам дороги, где дворы еще имело смысл подметать, лежали кучи листьев, собранные в разноцветные мешки на переработку; некоторые были оранжевыми и украшены рисунками хеллоуинских тыкв, чтобы они были заметны. Передние дворы изображали кладбища, механизированная паутина крутилась над говорящими надгробиями от CVS. Спустя двадцать минут он свернул на межштатную дорогу и застрял на скорости двадцать миль в час за «хондой-аккорд» с болтающейся из багажника резиновой ногой, затем пересек Вудбридж и въехал в Перт-Амбой, где Флорида-гроув-роуд вела к кладбищу Святой Троицы.

Дэнни ждал его под огромным зонтиком, наблюдая, как рабочие в желтых резиновых костюмах управляются с экскаватором. Парни прибыли вовремя. Тим позвонил в похоронное бюро Густава Новака за день до этого, узнав номер компании, с которой они обычно работали на кладбище Святой Троицы, и сказал приехать к полудню. Он предупредил рабочих: «В этот раз вам придется кого-то доставать из земли, а не класть туда». Он ожидал от них нестандартной реакции, но для могильщиков, похоже, не было разницы.

Парень на экскаваторе был хорош: он умело управлялся с гидравлическим джойстиком и ничего не поломал ковшом. Другой рабочий залез в яму, держась за могильный камень и спускаясь вниз до того, как браться за лопату. Тим и Дэнни наблюдали, как он выгреб несколько комьев земли, прежде чем лопата уперлась в бетон, издав жесткий звук, который непроизвольно вызывает в голове ассоциацию с пиратскими кладами. Спустя час могильщик очистил потолок могилы на дне аккуратной прямоугольной ямы, рассчитанной таким образом, чтобы можно было всунуть цепь по краям склепа. Все новые кладбища были так устроены: бетон не ломался под весом земли, как гроб. Из-за проседающих гробов старые кладбища такие неровные и на них неудобно косить траву. Рабочие установили еще одну треногу, около десяти футов высотой, по центру могилы. Затем прикрепили противовес и вручную достали крышу склепа, которая весила минимум семьсот фунтов, словно открывали гробницу Тутанхамона, только оснащенную септической системой. Дерево все еще выглядело как новенькое, а медь казалась отполированной, когда гроб погрузили в багажник «шевроле-субурбана» и отвезли по платной автомагистрали в офис местного судмедэксперта.

Дэнни встретил гроб в офисе доктора Мамбо в компании одного молодого сержанта отделения, Брайана Хоуи. Карты так совпали, что Гэлл был пастором Хоуи. Сержант присутствовал, чтобы поклясться перед Богом и местным судмедэкспертом, что это труп его священника. Дэнни отдал Брайану камеру и дополнительную пленку, пока судмедэксперт открывал замок гроба и записывал содержимое.

1. Одна черная библия.
2. Одна пара серых очков.
3. Одна белая подушка с ленточками и цветами.
4. Одна пара черных ботинок.
5. Одна ряса, коричневая.
6. Одна пара черных штанов.

7. Одна белая ряса.
8. Одна пара черных носков.
9. Один коричневый шарф священника.
10. Один черный ремень.
11. Одна черная рубашка.
12. Три цветные фотографии.
13. Один белый воротник.
14. Одна ДНК-карта.
15. Один набор отпечатков.

Мамбо подходил к делу дотошно и профессионально. Он быстрым движением сменил перчатки, вернулся к диктофону и описал тело в том состоянии, в котором нашел: эксгумированные и забальзамированные останки упитанного и слегка бледного белого мужчины, ростом 175 см и весом в 70 кг, внешний вид соответствует указанному возрасту – 68 лет.

Мужчина был лысым, а его лоб не отличался ничем примечательным. Слизистая оболочка глаз бледная, радужная оболочка сероватая, зрачки одинаковые, круглые, средних размеров. Лицо не повреждено при эксгумации. Небольшая зеленая плесень покрывала нос Гэлла и бóльшую часть его щек. Уши чистые.

Мамбо снял с трупа религиозное облачение, обнаружив, что разрез от трахеостомии заполнен гелем. Три грубо зашитых надреза на верхней части правой груди были покрыты толстым слоем белого гранулированного геля – результат бальзамирования, так же как и белые пластиковые кнопки троакара, видневшиеся в области живота. Вниз от груди он обнаружил еще больше плесени, от зелено-серой до черной. На руках плесени не было, но много было на пальцах – толстые мохнатые наросты начинались от пояса, черные, а затем и зеленые, а заканчивались на уровне колен, словно мохнатые шорты. Плесень на голенях была желтоватой, а стопы были покрыты ей, словно тапочками. Именная метка на мизинце ноги была подписана «Медицинский центр Сомерсета». Мамбо записал это и приготовился к вскрытию.

Начав с торакоабдоминального разреза, Мамбо пошел по трахее в направлении легких – темно-красных, жестких и заполненных гранулированным гелем для бальзамирования. Сердце священника весило 660 граммов и носило на себе следы перенесенных злоключений. Затем Мамбо начал собирать образцы для токсикологов. Он взял гель с правой части шеи, марлю из пролежней на крестце и плесень с тела и поместил каждый образец в маленькую капсулу с ярлыком. Он взял образцы

с ногтей на каждой руке и целый ноготь с большого пальца левой ноги, откачал жидкость из брюшной полости и селезенки, взял волосы с тела, маленькие кусочки легких и почек, печени и тонкой кишки, обоих яичек, ребра, диафрагмы, селезенки, мозга, позвоночника и сердца. Мамбо изъял содержимое желудка, наполнил шприц вязкой слизью из глаз и, прах к праху, наполнил еще один пузырек могильной землей{209}. Работа Мамбо закончена. В это же время в Сомерсете только начиналась очередная ночная смена.

41

В ночь перед Хеллоуином Чарли ехал на работу, в то время когда остальные возвращались домой. Он проезжал через рабочие пригороды вместе с такими же машинами, как у него: компактными моделями с тихим двигателем и наклейками на бампере, – наблюдая, как они одна за другой вливаются в поток. Почетный Студент, Мать-Земля, Морпех – все вместе и в то же время по отдельности, каждый из них был одинок в этой гудроновой реке. Всю свою жизнь он был одинок, непонят, осуждаем людьми за впечатление, которое производил при первом знакомстве, пока не нашел способ получать то, чего хотел. Дорога была смертельно унылой: автомойка, пустая китайская забегаловка, пустой шиномонтаж, пустой солярий. Вывески превратились в набор отдельных букв и знаков, в пустующие, как петля на виселице, рамки. «Прайс чойс», «Чайлд кэйр», «Нэйл ван». Побитые жизнью мужчины в кепках с изображением марки сигарет пересекали пустыри по пути из одного магазина в другой, мужчины без профессии и униформы, в отличие от Чарли. Пустыри зарастали сорняками со стеблями, толстыми, словно ногти.

На шоссе движение ускорилось, неожиданно и плавно. Трасса I-78 начинается со съезда и представляет собой четыре быстрых полосы; на протяжении сорока минут езды можно наблюдать настоящие фермы, милые холмы и ярко-зеленый лес, на удивление сельский пейзаж. Чарли вновь въехал в Нью-Джерси, медленно двигаясь по пригородным улицам, которые выглядели престижнее, чем его Бетлехем: двухэтажные дома в стиле колониального модерна с гаражами, в которых жалюзи аккуратно закрывают панорамные окна, а дверные молотки сделаны в форме американского орла; дорогие сезонные фасады из декоративной кукурузы и тыквы поразительных размеров и грубого массива. Окружающий его город, который можно было бы назвать «милым», казалось, положительно повлиял на Чарли. Он пересек черту Сомервилля, проезжая показатели статуса его работодателя: престижные дома и престижные машины, незаржавевшие «ниссаны» и «субару», – как вдруг позади раздалась полицейская сирена.

Офицер проявил вежливость, но Чарли был раздражен. Полицейский сказал ему, что конфискует машину. Чарли почувствовал, что на него давят, – но он всегда так думал, когда его останавливали. В этот раз, однако, он был прав. На него и вправду давили.

Чарли начал спорить. Конфискация, предположительно, была связана со штрафами за парковку, которые Чарли не оплачивал еще со времен жизни в Филлипсберге. Но ведь, пожаловался Чарли, никаких серьезных штрафов, о которых он бы знал, – на самом деле у дома в Филлипсберге даже была подъездная аллея. Какие могут быть штрафы? Это было нечестно, и Чарли уже был готов закатить скандал. Однако офицер, к удивлению Чарли, внимательно его выслушал. Назвал его «сэр», и, казалось, сделал это искренне. Он пообещал разобраться с ситуацией сегодня же.

Пока же Чарли отвезут на работу в полицейской машине – «форде» последней модели, с сияющей краской и запахом воска. Чарли нырнул в тепло кожаного сиденья и официального статуса и обнаружил, что, несмотря на всё, наслаждается ситуацией. Несколько часов спустя Чарли позвонили и сказали, что он был абсолютно прав – произошла ошибка, как он и считал, так что в качестве компенсации офицер доставит машину прямо к больнице. Это была история, которую он мог бы рассказать Эми, когда они будут работать вместе. Это был идеальный пример того, как его правота оказывается непонятой в обстоятельствах его безумной жизни.

Сама по себе смена была ничем не примечательной, даже скучной. Чарли занялся своими пациентами, их мытьем, вытиранием и смазыванием, размышляя в это время о своей истории, о том, что Эми о нем подумает и как будет смеяться. Его смена почти закончилась, когда его попросили пройти в офис.

«Прекращение сотрудничества» – такое словосочетание они использовали. На памяти Чарли они ни разу не сказали «уволен».

42

Эми была дома в свой выходной и сгребала листья во дворе, когда ее подруга Донна позвонила и сообщила новости о Чарли. Сначала Эми хотела заплакать, но потом начала злиться. Затем в своей четырехчасовой дороге в Сомерсет Эми снова расклеилась, и ей пришлось посидеть в парковочном гараже, чтобы поправить макияж.

Чарли уволили. *Ее* Чарли. Сестринский пост сразу показался унылым. За эти долгие ночи она слышала столько историй из его жизни о том, как ему всегда не везло и он становился мишенью для издевательств, как его увольняли из одной больницы за другой из-за его депрессии. Она пыталась защитить его, вставала на его сторону в спорах с врачами, которые ругали его за то, что он использовал не тот препарат. Однажды она даже взяла его вину на себя, сказав, что это она дала пациенту неправильное лекарство. Но она его подвела. Чарли снова был на улице, его выгнали с очередной работы, и на этой же неделе он узнал, что его девушка Кэти беременна. Он был таким ранимым, и Эми не могла себе представить, через какой ад Чарли сейчас проходит, поэтому снова разрыдалась, на этот раз уже в отделении. Эми попросила одну из сестер прикрыть ее, пока она забилась в угол сестринского поста, где висел телефон, чтобы позвонить Чарли.

«Милый, родной… что случилось?»

Чарли говорил очень сбивчиво. «Я не знаю, понимаешь, вся эта история, – сказал он, – с причиной увольнения». Он объяснил, что его пригласил в кабинет сотрудник отдела кадров. Его уволили за «неточности в резюме», то есть даты предыдущего трудоустройства в больнице святого Луки. «Понимаешь, они были приблизительными», – сказал Чарли. После шестнадцати лет стажа работы медбратом он не мог помнить каждую мелкую дату.

Эми ничего не понимала. Он работал в Сомерсете уже почти год. Сомерсет принял его и даже превратил в кого-то вроде местной звезды – фотографию Чарли с небольшой его цитатой использовали на флаере для привлечения новых кадров, которые больница рассылала тысячам потенциальных сотрудников. *Чарльзу нравятся новые технологии… и не только!* Его цитата была о том, как легко просматривать карты пациентов через «Сёрнер». Чарли изображал скромность, когда флаеры выпустили, но Эми видела, что он гордится своей минутой славы и наслаждается последствиями. Он даже сделал ради этого прическу. Почему отдел кадров решил придраться к его резюме сейчас? Почему они вообще решили его просмотреть?

Чарли не знал. Может быть, сказал он, это связано с возросшей в больнице подозрительностью после смерти преподобного Гэлла.

«Это расследование, так что они проверяют всё, – сказал он, – ищут любые зацепки». Он был козлом отпущения. «К тому же, – добавил Чарли, – это частично может иметь отношение к тому, из-за чего я ушел из больницы святого Луки». Чарли сказал, что на самом деле не поведал ни Эми, ни Сомерсету всех подробностей истории. «В больнице святого Луки проводилось расследование. Возможно, они увидели мое фото в брошюре».

Эми не понимала. Ну и что, что в «Святом Луке» увидели это фото… как это связано со всем остальным?

Чарли мог себе представить причины. Он сказал Эми, что уволился из «Святого Луки», будучи под подозрением. Местное руководство и там на него давило. У него ушло шесть месяцев на то, чтобы очистить свое имя, но на это время он потерял возможность устроиться на другую работу. Чарли попытался снова вернуться в Истон. Истон не хотел его нанимать. Чарли подозревал, что кто-то из «Святого Луки» их предупредил. На самом деле с сотрудником Истона связался Пол Лафлин{210}. Чарли сказал Эми, что в Сомерсете история повторяется, а особенно это похоже на то, что произошло год назад, в «Сейкрид харт»: «Там они сказали, что я не лажу с коллегами и… ну…»

Тут Эми рассмеялась. «Ох, интересно, что же ты сделал… просто не разговаривал?»

Чарли усмехнулся в трубку, но ничего не сказал.

«Не волнуйся, милый, – сказала Эми, – ты найдешь новую работу. *Всем* сейчас нужны сотрудники. Не успеешь оглянуться, как снова будешь работать».

«Ну да, – сказал Чарли, – я знаю».

43

Тим вспомнил, как вскоре после его устройства на работу в Сомерсете округ потрясло небольшое землетрясение. Событие было незначительное и не очень запоминающееся, если не считать разрывающийся от звонков телефон в отделении полиции. В офисе окружного прокурора над этим посмеялись: люди звонили в полицию, чтобы сообщить о правонарушении со стороны Господа. Однако одновременно им была понятна такая реакция: даже в период воображаемого кризиса гражданские всегда обращались к человеку в форме. Иногда это коп, иногда пожарный, иногда врач или священник, но форма – это вечное подтверждение того, что мир не разваливается, а безопасность есть кому обеспечить. А затем появился Чарли, который на протяжении шестнадцати лет проделывал дырки в этой системе безопасности. Может, мир и не был в курсе этой истории, но офис окружного прокурора знал, и даже опытные детективы были напуганы. У каждого сотрудника была семья, и в определенный момент в прошлом каждый из них полагался на одну из больниц, в которых работал Чарли. Большинство полицейских, да и большинство людей вообще, разделяли искреннее уважение к специалистам, которые изучали тайны человеческого тела. Работа над делом Каллена напомнила им, что под белыми халатами скрывались обычные люди. И это было страшно. Сотрудники отдела убийств знали людей и знали, на что те способны.

Однако как бы неприятно это ни было признавать, но Тим не мог остановить Каллена, даже учитывая все, что он о нем знал. Дело пролило свет на темное профессиональное прошлое, которое становилось объектом минимум трех расследований до этого, а может, и четырех, а также на не менее темную историю личной жизни, включавшую, вероятно, десяток попыток суицида и минимум один арест. Детективы офиса окружного прокурора ни капли не сомневались в том, что их подозреваемый и есть убийца, но это не значило, что они смогут убедить присяжных надолго его посадить. Ни один из собранных ими фактов не мог окончательно связать медбрата Каллена с преступлением в Медицинском центре Сомерсета. Арестовать Каллена сейчас означало лишь предупредить его о том, что он находится под наблюдением. Ему хватило бы одного звонка, чтобы снова оказаться на свободе. Тим был уверен, что сразу после этого ему бы позвонил адвокат.

На тот момент единственным вариантом для Дэнни было сосредоточиться на деле, попытаться каким-то образом его

построить и надеяться, что Каллен не попытается убежать или убить кого-нибудь еще в это время. Но каждый день убийца оставался на свободе, разгуливал по улицам, заходил на почту, в торговые центры и еще неизвестно куда; к чему это могло привести – было неизвестно. Чтобы минимизировать риски, полиция остановила Чарли по выдуманной причине в тот вечер, когда его уволили.

Тим и Дэнни придумали этот план вместе и осуществили законным путем. Дэнни вместе с помощником прокурора Тимом ван Хайзом обратились к судье за ордером. Пока Чарли Каллен ждал разрешения своей несуществующей проблемы со штрафами, детективы сняли дверную панель его конфискованного «форда» и установили в ней маячок. С этого момента перемещения Чарли будут отслеживаться на безопасном расстоянии из машины без опознавательных знаков детективом из отдела особо тяжких преступлений и другим полицейским из отдела по борьбе с наркотиками, которые будут работать посменно.

Чтобы не просто наблюдать со стороны за Калленом, а действительно его остановить, офису окружного прокурора нужно было доказать, что он убил или пытался убить хотя бы одного человека. Они выбрали двух кандидатов – преподобного Гэлла и миссис Хэн за убийство и попытку убийства соответственно; кроме того, у них было медицинское заключение, гласящее, что этим двум пациентам были введены смертельные дозы различных препаратов. У них были жертвы, орудие убийства и подозреваемый. Но связать их между собой не получалось.

Тим не мог просто отследить препарат, найти шприц, а затем его владельца, как это обычно происходило с пистолетом и пулей. Единственные записи о выдаче лекарств должны были храниться в аппарате «Пайксис». Однако, как сказала им Мэри Ланд, «Пайксис» хранил информацию только тридцать дней. С момента смерти преподобного Гэлла прошло уже в четыре раза больше времени. Необходимые записи исчезли, и дело против Каллена зашло в тупик{211}. По крайней мере, если верить тому, что детективам сказали в больнице.

Тим задумался на пару секунд и затем решил: какого черта, почему бы не попробовать. Он повернулся к клавиатуре, ввел слово «Пайксис» в браузер и нашел производителей аппаратов – компанию, базирующуюся на Среднем Западе под названием «Кардинал хелс». Тим набрал бесплатный номер, его соединили с представителем отдела продаж, и он представился как сержант отдела убийств и особо тяжких преступлений из Сомерсета, Нью-Джерси. Это помогло завладеть вниманием собеседника.

«Слушайте, – сказал он парню на другом конце провода, –

надеюсь, вы сможете мне помочь». Тим объяснил, что пытается найти способ восстановить данные на одном из аппаратов, как в том случае, когда проливаешь кофе на ноутбук. «Это старые данные, – объяснил Тим, – прошло полгода. Есть ли способ восстановить что-нибудь за этот период – может, провести специальную процедуру?»

Представитель, казалось, не понял вопроса. Не было никакого окна в тридцать дней. Система «Пайксис» хранила все введенные данные с момента сборки. Всё это время бумажный след Каллена хранился на жестком диске.

«Просто запросите данные, – сказал он. – Или с вашим аппаратом что-то не так?»

В этот раз Дэнни не стал болтать с секретаршей Мэри Ланд, не стал стучаться, улыбаться или говорить слово «пожалуйста». Он был для этого слишком зол{212}.

Мэри сидела за столом с большими глазами, явно напуганная тем, как к ней ворвался этот великан. Дэнни сказал ей, что ему нужно и когда.

Он сказал, что, если она не хочет, чтобы ФБР перевернуло ее кабинет вверх дном и выдвинуло ей обвинения в создании препятствий для правосудия, ей лучше взять телефон прямо, блин, сейчас и выдать ему необходимые бумаги, и не что-то вроде той четырехстраничной хрени.

Мэри взяла телефонную трубку.

Дэнни написал в своем черно-белом полицейском отчете:

«Детектив ответил на вызов из Медицинского центра Сомерсета и встретился с директором Мэри Ланд, чтобы обсудить необходимость получения полных записей об использовании Калленом аппарата “Пайксис”… Во время этой встречи мы также обсудили различные способы получения данной информации.

Примечание: в течение расследования детективам сообщили о том, что система “Пайксис” хранит данные только 30 (тридцать) дней.

По завершении встречи мисс Ланд сделала несколько телефонных звонков, чтобы узнать о том, можно ли восстановить эти данные. В результате запрошенная информация была предоставлена детективам вместе с листами назначения для всех пациентов отделения интенсивной терапии за период работы в ней Каллена».

Записи «Пайксиса» распечатывались в виде таблицы. Дэнни видел каждое использование Калленом аппарата в виде привязанной к определенному времени информации, которая показывала количество и наименование заказанных препаратов, а также пациентов, для которых они были получены.

Однако по заказам в вечер, предшествующий передозировке Гэлла, было видно, что Каллен не получал никакого дигоксина за всю смену и что ничего необычного в этих записях по сравнению с предыдущими и последующими не было. Это должен был быть джекпот. Но если в этих данных и содержались веские улики, Дэнни не мог их разглядеть.

44

Четвертого ноября 2003 года детективы начали назначать интервью с медработниками отделения интенсивной терапии Сомерсета, надеясь найти источник информации, который не был бы отфильтрован корпоративными юристами. Адвокаты руководства центра настояли, что все интервью должны проводиться в стенах больницы, в присутствии риск-менеджера Мэри Ланд. Помощник прокурора согласился на эти условия. Дэнни и Тим были в ярости, Тим даже сказал помощнику прокурора, прокурору и начальнику полиции, что теперь все допросы не стоят и «куска дерьма». В личной беседе начальник полиции, капитан отделения и другие детективы соглашались с Тимом{213}, но не говорили этого на общих собраниях в присутствии босса, что, разумеется, и требовалось.

Заниматься организацией этой траты времени предстояло Дэнни. Он поручил провести допросы детективам Расселу Колуччи и Эдварду Пёрселлу.

Ежедневные отчеты представляли собой энциклопедию по работе медперсонала, их расписанию и планировке – все это была важная информация, но мало что меняющая в ходе расследования. Не все сотрудники работали с Калленом. Те, кто с ним пересекался, описывали его одними и теми же словами: «тихий», «одинокий», «немного странный» в повседневной жизни, но «выдающийся» профессионал. Большинство выражали хотя бы легкую симпатию по отношению к своему тихому и проворному коллеге, а особенно они ценили его стремление взять побольше смен{214}. Позднее, просматривая интервью, Тим и Дэнни не могли не прийти к выводу, что, если бы не убийства, Чарльз Каллен был бы отличным медбратом.

Однако в допросах не содержалось ничего, что можно было хоть как-то использовать в расследовании убийств. Характеристика, которую ему давали, была краткой и кристально чистой. Дэнни не был уверен, в чем дело: в том, что медработники ничего о нем не знали, или в том, что они боялись говорить в присутствии Мэри Ланд. Каждый раз, когда детективы задавали вопрос, казалось, что медработник инстинктивно бросал взгляд на Ланд, перед тем как начать говорить. Ближе к концу ноября Дэнни решил сменить тактику. С этого момента он будет проводить интервью сам и в одиночку. До этого все детективы просто просили медработников предоставить какую-либо информацию в присутствии руководства. Детективам было сказано не сообщать о своих подозрениях никому из сотрудников

медицинского центра. Они толком даже не знали, в чем суть расследования. Они могли даже подумать, что это у них проблемы с законом.

Колуччи и Пёрселл получили указание действовать таким образом – Тим и Дэнни не могли допустить, чтобы информация попала в газеты, дошла до Каллена или даже руководства центра. Однако Дэнни знал, что если они собираются чего-то добиться, то придется обходить правила, рискнуть и кому-то довериться. Колуччи и Пёрселл не имели полномочий принимать решения на этот счет, но Дэнни имел. Поэтому через три дня после того, как он ворвался в кабинет Мэри Ланд и потребовал информацию из «Пайксиса», Дэнни и Мэри проводили от пяти до десяти часов в день в маленькой комнате в отделении интенсивной терапии Сомерсета{215}, ненавидя при этом каждую минуту.

По необходимости они установили дружелюбную, хоть и искусственную, рабочую манеру общения. Однако Дэнни заметил, что в Мэри Ланд что-то серьезно изменилось. Казалось, она страдает от замедленного нервного срыва. Мэри застряла между молотом больницы и наковальней полицейского расследования. Она оказалась риск-менеджером в ситуации беспрецедентного риска для жизни, работы и финансов.

Мэри постепенно теряла вес с начала расследования, и Дэнни казалось, что это было ненамеренно: он знал, что, когда женщины сбрасывают пару кг, они тут же идут покупать себе новые вещи, чтобы это показать. Мэри Ланд потеряла около десяти кг и пыталась это скрыть, съеживаясь в своем костюме и нервно дрожа. Присутствие в помещении Дэнни Болдуина тоже этому способствовало.

На протяжении нескольких недель Эми говорила своим подружкам, что ей не нравится вся эта история с расследованием.

Отделение захватила волна паранойи. Каждая сестра втайне боялась, что допросы касаются лично ее и могут повлиять на ее будущее. Сестры перешептывались в коридорах, объединяясь в союзы и выбирая сторону. Каждая смена подхватывала слухи от предыдущей смены, усиливала их и видоизменяла. Большинство слухов касалось Чарли. Спустя пару недель в них стала фигурировать и Эми.

Все знали, что она «подруга Чарли». Все помнили, какой скандал она закатила из-за новых протоколов для выдачи инсулина. Очевидно, речь шла о чьей-то смерти, в которой были замешаны и Чарли, и инсулин. Некоторые сестры начали избегать Эми, словно боялись заразиться подозрительностью. Ее подруги за нее волновались. По правде говоря, Эми сама за себя боялась.

Она всегда изображала из себя крутую девчонку, но в душе

была ужасно напугана – сходила с ума от страха. Что она могла натворить? Сердечная болезнь Эми требовала, чтобы она каждый день пила успокоительное. Может, в какой-то вечер она выпила слишком много ативана и совершила ошибку? Может, пропали наркотические препараты или дело было в истории с инсулином? Это могло быть все что угодно. Эми позвонила, чтобы узнать, не закончилась ли ее лицензия медсестры. Лицензия была действительна. Так в чем же дело? Эми стала думать, не потребуется ли ей адвокат. Каждый раз, когда детективы назначали встречу, она брала больничный. После двух недель она уже не могла этого избежать. Менеджер привела ее в кабинет.

Внутри сидели Мэри Ланд и детектив из полиции, большой черный парень в костюме и галстуке. Он назвал ее «мисс Лофрен». На столе стояли кувшин с водой и пластиковые стаканы. Эми почувствовала себя преступницей. Ее сердце готово было разорваться, поэтому она выложила сразу все.

45

Дэнни проводил интервью уже неделю{216} и сразу заметил, что эта сестра отличается от остальных. Она, очевидно, боялась за свою работу так же, как и другие, но разница заключалась в том, что Эми это признала. И говоря об этом, она ни разу не взглянула на Ланд.

Эми Лофрен закончила учебу в 1988 году, что означало, что она всего на пару лет старше Дэнни. Белая женщина с белыми полосами в светлых волосах, большие голубые глаза и высокие выдающиеся скулы: она была рослой и привлекательной, но ее красоту нельзя было назвать хрупкой – скорее суровой и холодной; несмотря на заметные формы, она прекрасно себя чувствовала рядом с мужчинами. В ее характере было что-то простое, от чего формальный допрос превратился в легкую беседу.

Она начала с места в карьер, сказав Дэнни, что слышала слухи о том, что это расследование связано с ее другом Чарльзом Калленом и что эти слухи вместе с самим расследованием «конкретно ее разозлили».

Было ясно, что она не самый скромный человек. Дэнни откинулся в кресле, давая ей выговориться и сразу определив: *она то, что нужно*.

Эми не помнила, как закончила смену и приехала домой. В какой-то момент она обнаружила, что сидит в машине у себя на подъездной аллее и пытается осмыслить свой день, пока ее дыхание оставляет разводы на лобовом стекле. Поначалу она была очень закрытой и злой. Защищала своего Чарли. Она сказала детективу все, что думала о его расследовании, и ей было наплевать, что Мэри Ланд это слышит. Однако детектив отреагировал вовсе не так, как она ожидала. Он слушал, казался спокойным и даже радостным. Это было странно, учитывая, что она на него накричала – Эми показалось, что он ей даже улыбнулся. А затем, вместо того чтобы задавать вопросы, детектив начал давать ей ответы. О том, что происходило в отделении, о Чарли. Кое-что из этого она уже слышала, но многое ее удивило. Эми взглянула на Мэри Ланд, чтобы увидеть ее реакцию, но Мэри уже ушла{217}. Эми была так взвинчена, что даже не заметила ее ухода.

«Послушайте, мисс Лофрен, – сказал детектив, – не знаю *почему*, но я вам доверяю. Хорошо?» Он подвинул к ней через стол лист бумаги. Эми поняла, что это распечатка данных из «Пайксиса». Они описывали действия Чарли в ту ночь, когда умер

преподобный Гэлл.

К тому времени как Мэри Ланд зашла обратно, листа из «Пайксиса» уже не было на столе, а злая и дерзкая Эми куда-то испарилась; вместо нее сидела тихая женщина, чьи глаза были наполнены ужасом и слезами. Мэри взглянула на детектива, но Дэнни тоже больше ничего не говорил. Он напрягал каждый мускул на лице, чтобы не улыбнуться.

Эми увидела запись из «Пайксиса» Чарли и моментально все поняла. Для нее все было очевидно. Она всегда старалась защитить Чарли от издевательств окружающих и несправедливых обвинений. Бумага, которую показал ей Дэнни, отбила у нее желание это делать. Впервые она смогла себе представить, что Чарли совершал что-то странное и ужасное во время своих смен. Теперь она смогла в это поверить. Чего она не могла сделать, так это сопоставить эту бумажку с тем, как она представляла себе своего друга.

Приехав домой, Эми бросила пальто и сумку и достала большую бутылку каберне с верхней полки холодильника. Она села за стол с бокалом. Как ей с этим справиться? Для таких ситуаций не бывает пошаговых инструкций. Она видела заказы препаратов. Она знала, что произошло с Гэллом. Это не было ошибкой сестер. Это сделал медбрат. Это сделал ее друг. Возможно.

Может, такие мысли можно назвать эгоистичными, но первыми ей в голову пришли именно они. Она доверилась Чарли так, как доверялась немногим людям и еще более немногим мужчинам. Образ крутой девчонки давал ей защиту от мира. Несмотря на то что она всю жизнь имела проблемы с доверием, эта борьба сделала ее такой, какая она есть. Она не скрывала своего кошмарного детства. Ее насильник был практически членом семьи. Они ему доверяли. Но Эми знала людей, знала, на что они способны. Будучи маленькой девочкой, которая пряталась в шкафах, ящиках и за дверьми подвала, она молила Вселенную о том, чтобы сделаться невидимой. Вместо этого насильник снова и снова находил ее. В конце концов она решила, что доверять можно только себе. Она принесла свою копилку в местную психиатрическую клинику и ошарашила секретаршу вопросом: «На сколько приемов этого хватит?»{218}

На то, чтобы избавиться от чувства вины, ушли годы терапии. Она приняла осознанное решение жить и быть счастливой. Она не хотела быть сломленной, подавленной и зажатой в тиски разрушенного детства. Она решила, что слишком сильна для этого, и принялась играть выбранную роль. Вместе с психотерапевтом она приняла решение стать частью общего мира.

И без того, чтобы научиться доверять людям, это было невозможно. Отчасти это повлияло на ее решение стать медсестрой отделения интенсивной терапии. Пациенты там нуждались во всем. На фоне их немощности ее собственная выглядела ничтожно маленькой, и Эми награждала их за доверие заботой. В этом и состояла суть работы медсестры: да, хорошие деньги, но еще и отношения, от которых выигрывают обе стороны. Так, по крайней мере, она думала. Если «Пайксис» не ошибался, Эми не смогла выполнить свою часть уговора. Она не смогла обеспечить безопасность пациентов. Теперь ее собственная безопасность тоже оказалась под вопросом.

46

Тим и Дэнни выехали в предрассветной тьме 24 ноября, все еще благоухая после душа и бритья на переднем сиденье «краун-виктории» с коробкой пончиков из «Данкин донатс» и свежей пачкой газет. Они поехали на север Нью-Джерси, по проселочным дорогам и мимо ферм и торговцев овощами, в ту часть, которую Тим назвал «глубокой жопой» Нью-Йорка, заезжая все дальше с каждым поворотом в горы. План состоял в том, чтобы закрепить договоренность лично – вне стен больницы и до того, как девушка передумает. На тот момент они еще не понимали, что Эми живет в нескольких часах от работы.

Дэнни рассказал Тиму о ней – сестре с четырнадцатилетним стажем, за тридцать, с детьми, красивой блондинке с крутым характером. В отделении ее знали как лучшую подругу Чарли. Рассказать Эми детали расследования было риском – она могла их поведать своему приятелю Чарли. Дэнни все еще не был до конца уверен, почему он на него пошел. Отчасти дело было в интуиции, которая подсказала ему, что с отмененными заказами в записях «Пайксиса» что-то не так и что этой девушке можно довериться, в отличие от всех остальных. Покинувшая кабинет Мэри Ланд дала ему возможность проверить свое предчувствие.

– Почему Ланд вышла?

– Без понятия, – сказал Дэнни. – Может, ей нужно было в туалет. В любом случае она ушла, а я показал этой сестре распечатки из «Пайксиса», и тут – бум! – ее это ошарашило.

– Она сказала почему?

– Да, ну… сначала она была просто… в шоке, – сказал Дэнни, – а потом такая: «О боже, черт», и так снова и снова. Будто замедлила разговор как свидетель. Понял, о чем я?

– Вау, – ответил Тим, – она думает, что Каллен виновен.

– Я думаю, она пытается все это осмыслить, – сказал Дэнни, – она как будто пропала. Я имею в виду, что… Словно информации было слишком много, словно у нее мозг перегрелся.

– Она сказала еще что-нибудь про то, что увидела на записях в «Пайксисе»?

– В основном она повторяла «черт возьми», – ответил Дэнни. – Она еще сказала что-то вроде «Мы с Чарли вместе завернули столько тел».

Дэннни рассказал, что ему показалось, будто она сейчас заплачет. Он не знал, когда Ланд вернется, и не хотел раскрывать при ней все карты, поэтому сменил тему.

– Эта сестра разговаривала с Чарли после того, как его

уволили, позвонила ему. Он сказал, что кто-то увидел его фотографию, возможно, кто-то из Сомерсета.

– О какой фотографии речь?

– На штуке, которую они рассылают по почте? – ответил Дэнни. Он достал свою папку из-под стопки газет. – Погляди. Наш парень на рекламном флаере.

Тим отвернулся от дороги. Это был флаер для привлечения новых сотрудников, который больница рассылает потенциальным кандидатам. Чарли на нем улыбался, как на фотографии в школьном альбоме.

– Ты шутишь, – сказал Тим.

– Похож на убийцу, как считаешь? – спросил Дэнни.

– Да ну, – ответил Тим, – а кто похож?

Детективы приехали к белому колониального типа дому Лофрен немногим позже десяти утра и увидели, что девушка стоит в окне, скрестив руки. Она наблюдала, как двое мужчин с трудом выбрались из того, что она посчитала полицейской машиной без опознавательных знаков, и двинулись к ее парадной двери: черный и незнакомый ей белый детектив, оба большие парни в костюмах и с одинаковыми усами, подходящие друг другу, словно солонки с солью и перцем, с коробкой пончиков и лотком с кофе.

Эми привела их в гостиную. Мужчины сели, оказавшись слишком большими для кофейного столика. Эми села на диван, подогнув под себя ноги, а Тим начал первым, рассказывая ей о деле Сомерсета, на этот раз в подробностях и простым языком. Дэнни бросил взгляд на своего напарника. Сам Дэнни дал Эми немного информации, чтобы она заглотила наживку, но план состоял в том, чтобы дальше особо не распространяться. Тим же теперь рассказывал ей все. Он пожал плечами в ответ на взгляд Дэнни: ну а что? Он уже начал. Если они собирались раскрыть дело, нужно было кому-то довериться.

Листок с данными из «Пайксиса», который Дэнни показал Эми, был лишь одним из многих. Детективы наблюдали, как девушка просматривала страницы, постепенно становясь взволнованнее. Дело было не в каком-то конкретном заказе препаратов, сказала она. Дело было во всех заказах вместе.

– Во-первых, если бы вы распечатали мои заказы, то набралось бы страниц на десять, – сказала Эми, – а может, и меньше. Никто столько не заказывает.

– Так о чем это вам говорит?

– Ни о чем конкретном, – ответила она, – но это странно. – Чарли отдельно заказывал каждый препарат. – Это как будто покупать десяток яиц по одному яйцу за раз, – сказала она. И

разница между многими из них была в несколько секунд – даже если Чарли заказывал одно и то же лекарство для одного и того же пациента. Эми не могла придумать для этого никакой разумной причины.

– Что насчет «дига»? – спросил Дэнни. – Нас интересует он.

Эми пролистала все листы и вернулась к заказам, которые Чарли делал в начале года.

– Видите? – сказала она, проводя пальцем по колонке. – И вот еще. И еще.

Детективы наклонились ближе.

– Да, это «диг», – сказал Дэнни. Он и раньше это замечал. – Это необычно?

– Э-э, *да*, – ответила Эми. – Чарли заказывал «диг» около… не знаю, десяти раз в месяц.

– Это много?

– Это, наверное, больше, чем я заказывала за все время работы в Сомерсете.

– Окей, – сказал Тим, – вау.

– И это в отделении интенсивной терапии, – сказала Эми. – «Диг» там не такой уж популярный препарат.

– Эми, – сказал Дэнни, – мы хотим у вас кое-что попросить. Мы вам с этим доверяем. Больше никто об этом не знает, ни другие сестры, ни больница.

– На данный момент мы не можем, э-э… *свободно* делиться своими находками с больницей, – добавил Тим.

– Мы не хотим, чтобы они приняли защитную позу с юридической точки зрения, – объяснил Дэнни.

– Дэнни имеет в виду, что Сомерсет только и делает, что прикрывает свою задницу с самого начала, – сказал Тим. Дэнни бросил на него свирепый взгляд. Тим его проигнорировал. – Они не сказали нам, что мы можем получить данные из «Пайксиса». Они не сказали нам о… в общем, мы не уверены, что мы в этой ситуации с ними на одной стороне, скажем так.

– Они не рассказали вам про «Пайксис»? – спросила Эми. – Но вы ведь…

– Мы о нем знали. Просто у нас некоторое время были проблемы с тем, чтобы получить записи.

– А что насчет «Сёрнера»?

Тим бросил взгляд на Дэнни.

– Я не уверен, что мы… Кто такой «Сёрнер»?

Эми не могла в это поверить. У них не было данных из программы «Сёрнер»? Ни Тим, ни Дэнни никогда о ней не слышали. Ни Ланд, ни кто-либо другой из сотрудников ни разу не упоминал эту программу. Эми не могла не задать себе вопрос: *на*

чем же тогда вообще основывалось их расследование?

Эми объяснила, что если хочешь больше узнать о пациентах, то стоит воспользоваться «Сёрнером». Это компьютерная система, в которой хранятся истории болезней пациентов, точно так же, как в «Пайксисе» хранятся заказы препаратов. Если они извлекут данные из «Сёрнера», то получат полную хронологию пребывания каждого пациента в кардиологическом отделении и время, в которое Чарли смотрел на его карту. Они об этом не знали?

– Видите, вот поэтому, – сказал Дэнни, записывая, – мы вам и доверились. Но если у нас с вами все получится, то вам придется сохранять наши отношения в тайне от больницы.

– Ни хрена им не говорить, – сказал Тим, – таков план.

– Ладно, – ответила Эми, – я ничего не скажу.

– Хорошо, – сказал Дэнни, – мы знаем, что ставим вас в неудобное положение…

– Я ничего не скажу, правда, – заверила их Эми, – клянусь.

– Эми, слушайте… я скажу вам так, – продолжил Тим, – мы бы не стали рисковать и показывать вам все это, если бы не считали это важным.

– Нам ясно… И я думаю, что вам тоже ясно, что Чарльз Каллен совершил в больнице что-то плохое, – добавил Дэнни.

– Мы думаем, что он убил пациента. Возможно, не одного. И мы думаем, что он убивает пациентов уже очень давно.

– О боже, – сказала Эми.

– И понимаете, Эми, дело в следующем: если мы его не остановим, он продолжит их убивать где-нибудь еще.

– Господи, – сказала Эми, – я облажалась! Я сказала ему, что помогу устроиться на новую работу… Я пообещала ему рекомендации…

– Все в порядке, – ответил Тим, – это значит, что у вас есть причина еще раз с ним поговорить. И вот почему.

– Нам нужна ваша помощь, – сказал Дэнни.

– Вы можете помочь нам остановить Каллена. Мы хотим, чтобы вы с нами поработали.

– Оставайтесь с Чарли на связи, узнавайте, как у него дела.

– Будьте нашими глазами и ушами.

– Подождите… что? – спросила Эми. Она отодвинулась от столика. – Вы говорите, что он убивает людей, но хотите, чтобы я продолжила с ним дружить?

– Я знаю, знаю, – сказал Дэнни, – но вам не нужно с ним дружить. Просто… оставайтесь на связи.

– Как под прикрытием.

– Но вы не должны говорить никому на работе об этом, Эми.

– Даже друзьям.

– Никому.

– Да, я… – Эми не говорила «нет», но начала качать головой в соответствующей манере.

– Я знаю, это непросто.

– Ну да, – сказала Эми, – мне надо… подумать об этом…

– Подумайте.

– Подумаю, я…

Дзинь! Телефон ее напугал. Эми инстинктивно положила руку на сердце.

– Пожалуйста, – сказал Тим, – если вам нужно ответить, то…

– Да, подождите, секундочку, – сказала Эми, – это, может быть, моя дочь звонит из школы.

Эми наклонилась, чтобы прочитать определитель номера. «О боже!» Она нажала «ответить» на беспроводном телефоне, бросила на детективов выразительный взгляд и жестом руки подозвала их придвинуться ближе. Тим и Дэнни приблизились к ней.

– Привет, Мэри… – сказала Эми легким будничным голосом. Это была Мэри Ланд{219}. Тим посмотрел на Дэнни. Попались.

Эми держала трубку на небольшом расстоянии от уха, чтобы все остальные тоже могли услышать. Мэри поздоровалась и сказала, что звонит по поводу вчерашнего допроса. Мэри хотела узнать, как он прошел по мнению Эми.

– Нормально, – сказала Эми, – нормально прошло.

– Нормально, – повторила Мэри. Она говорила быстро и нервно. Эми вытаращила глаза на детективов, покачала головой и одними губами произнесла: *Какого хрена?*

– Ну, думаю, ты рада, что всё позади, – сказала Мэри. – Если полиция попросит у тебя что-нибудь еще или если ты решишь дать какие-либо показания, то, может быть, лучше, чтобы ты сделала это в присутствии нашего адвоката. Для твоей же собственной безопасности.

– Э-э, правда? – сказала Эми. – Мне кажется, в этом нет необходимости, Мэри. Думаете, есть? Я же не цель их расследования.

– Эми, это не очень хорошая идея, – сказала Мэри. – Если полиция снова выйдет с тобой на связь, тебе стоит направить их к одному из наших юристов. У нас есть…

– Спасибо за звонок, Мэри, но правда, все в порядке. Я тут ни при чем. Они сказали, что я не подозреваемый.

– Эми, – сказала Мэри, – я настоятельно рекомендую тебе говорить с полицией только в присутствии адвоката Сомерсета. Их расследование… вышло на новый уровень.

Эми закончила вызов и положила трубку. Что за чертовщина

творилась вокруг? Как будто кто-то переключил канал в середине ее жизни и попал на детективный сериал.

– Видите, вот об этом мы вам говорили, – сказал Дэнни.

– Они прикрывают свои задницы, – сказал Тим, – а мы пытаемся поймать убийцу.

Эми потянулась за сигаретой и снова упала в скрипучее плетеное кресло. Как же это было странно. Слишком много всего нужно было обдумать, но звонок Ланд кое-что разъяснил{220}: больница защищала только собственные интересы. Заботиться о себе Эми придется самой. В тот момент два больших копа из отдела убийств в ее гостиной заставляли ее чувствовать себя в безопасности.

– Ладно, – сказала Эми, потушив сигарету, – включайте диктофон, мальчики, и задавайте свои вопросы.

47

Эми пришлось пересмотреть все странности Чарли Каллена в этом новом свете. Почему он так скрытно вел себя с пациентами? Почему приходил на работу рано? Почему носил очки лишь иногда и почему всегда что-то делал на своем «Сёрнере»? Связывать каждую черту его характера с каким-то зловещим умыслом казалось паранойей, но не допускать подобную возможность было бы наивно.

С таким большим количеством вопросов помогал разговор с детективами. Она не боялась и не была осторожной. За свои подростковые сессии терапии Эми научилась не быть парализованной правдой. Когда она пришла к семье и рассказала им правду о своем насильнике, они повели себя так, словно проблема была в Эми. Лишь годы терапии помогли ей увидеть эту ситуацию с другой стороны.

Она говорила на протяжении часа, выкуривая сигареты одну за другой и туша бычки в маленькой стеклянной пепельнице, прогоняя дым рукой в сторону экранированного окна на крыльце. Это было ее запретное удовольствие, за которое она чувствовала себя виноватой; она поняла, как глупо было курить и тусоваться со своей сердечной болезнью. Иногда он чувствовала, как сердце перестает биться, пока не включается кардиостимулятор. Смерть почему-то не пугала ее так, как должна была.

Но сможет ли она рискнуть своей работой в статусе агента под прикрытием, врать Чарли, работодателю и всем остальным? В этом был серьезный риск. Эти детективы могут ошибаться или обманывать ее. Она же их не знает. А Чарли – ее друг. Разве не должна она вставать на его сторону в любой ситуации?

Эми откинулась на диван и сложила руки. Может, ввязываться во все это – плохая идея.

– Что именно вы хотите, чтобы я сделала? – спросила она. – Чем мне придется заниматься?

– Несложные вещи, – сказал Тим, – ничего опасного.

– В основном звонить по телефону, – сказал Дэнни, – сделать для нас несколько звонков.

– Может, потом надеть прослушку.

– Вы хотите сказать, что мне придется с ним встретиться? – сказала Эми. – Лично?

– Может быть, просто… сейчас забудьте об этом, – сказал Тим. – Каллен когда-нибудь говорил об эвтаназии или о чем-то вроде того?

– А? Нет, нет. Я так не думаю. Нет, я…

– Хорошо-хорошо, – сказал Тим, – ну, в общем, мы просим вас нам помочь.

– Да, – сказал Дэнни, – все именно так.

Эми сказала, что подумает об этом.

– Я позвоню вам вечером, – сказала она, – мне нужно кое с кем поговорить, прежде чем я дам вам согласие.

В старом доме после ухода детективов наступила пугающая тишина. Эми{221} сидела на кухне и размышляла, слушая, как шумит холодильник, пока не приехал школьный автобус. Она услышала, как заскрипели доски крыльца, как дверь ударилась о металл, а ее дочь побежала вверх по лестнице с ее огромным портфелем, а затем протопала вниз. Алекс зашла на кухню за пакетом сока и увидела маму, сидящую за столом и старающуюся не выглядеть серьезно.

Алекс заметила, что что-то не так. Она подумала, что дело в школьной пьесе. Ее мама в этом году занималась ее постановкой – это была история, как в маленьком городе высаживаются пришельцы и приносят туда веселье. *Вторжение с планеты Зоргон*. Алекс казалось, что пьеса хорошая, потому что дети, которые не хотели говорить на сцене, могли просто сыграть жителей Хамдрам-Фоллс. Все, что требовалось, – выглядеть удивленным, то есть просто показывать куда-то пальцем с открытым ртом.

Но Эми сказала Алекс, что все гораздо хуже, чем вторжение пришельцев. Кое-кто из ее коллег в больнице, возможно, убил пациента. И, возможно, нарочно. И, возможно, сделал это не один раз. Хоть ее дочери и было одиннадцать лет, она, разумеется, знала, что такое серийный убийца. Домой приходили полицейские. Они хотят, чтобы ее мама помогла им поймать плохого медбрата. Алекс сидела напротив матери, не отрывая от нее глаз и не вынимая изо рта трубочку от сока.

Эми хотела дать Алекс понять, что это решение может поменять их жизнь. Детективы просили ее общаться с человеком, которого обвиняли в убийстве. Люди могут пустить слухи. Это даже может быть опасно – Эми так не думала, но и не отказывалась от этой мысли совсем. Эми хорошо знала, как некоторые события в таком возрасте могут навсегда изменить жизнь человека. Ее дочь с каждым днем приближалась к подростковому возрасту. «*Вау*, – подумала Эми, – *вот тебе и социальное самоубийство*».

– Это семейное решение, – сказала она Алекс. – Нам нужно придумать, что мы как семья сможем, ну… как мы с этим справимся.

– Это произойдет? То, про что ты говорила?

– Я не знаю, милая. В этом все дело… я не знаю.

– Но это может случиться.

– Да.

Алекс обернула трубочку вокруг пальца, как кольцо.

– В лучшем случае что произойдет? – спросила дочь.

– Ну, если все сработает, то его посадят в тюрьму.

– Навсегда, да?

– Я не знаю, что будет, – сказала Эми. – Если улик будет недостаточно, чтобы он сел в тюрьму, или если он выйдет… Я не знаю, окажемся ли мы в опасности.

Эми наблюдала, как ее дочь все это обдумывает. Серийный убийца, ее мама – шпион под прикрытием, «Планету Зоргон» придется отложить. Эми знала, каким странным все это кажется для Алекс. Для нее это тоже казалось странным.

– Мам, так это человек правда убивает людей?

– Возможно, милая. Да.

– Ну, – сказала Алекс, – тогда надо узнать это наверняка, так?

48

Дэнни переоделся в свитер и джинсы, прежде чем устроиться на полу своей гостиной с огромной стопкой бумаг, включая новую информацию, полученную от Ланд. Одна стопка состояла из записей о смертях в отделении кардиологии Сомерсета, произошедших в период работы там Чарльза Каллена. Другая перечисляла смены Каллена за это время. Дэнни сравнивал их между собой в поиске совпадений.

На самом деле после всех слухов и визита полиции Кэти поверила, что Чарли собирается сбежать с Эми в Мексику.

Он попытался сопоставить смерти пациентов с днем рождения Каллена, его детей, бывшей жены и подружек, его родителей и родственников. Попытался сопоставить их с годовщинами свадеб, годовщинами разводов и праздников – со всем, что могло быть связано со смертями и определяло бы их логику. Чем больше пунктов он добавлял, тем больше разных идей приходило в голову. Вскоре он сравнивал имена умерших с именами членов семьи Каллена, а затем их инициалы и слова, которые можно из них составить… Дэнни отложил блокнот и протер глаза. Было уже четыре часа утра. В чем смысл? Если добавить достаточно пунктов, логику можно найти во всем. Для параноика все в мире представляло собой код, но смысла это не прибавляло.

Уже почти наступил рассвет, когда Дэнни наконец лег в кровать. Он полежал несколько часов с закрытыми глазами, но без сна, все еще пытаясь найти смысл во всех этих буквах и цифрах, как будто это действительно имело значение.

Тим был избавлен от обязанности разбираться во всех этих препаратах, датах и деталях, какая лежала на Дэнни, ведущем дело, но его голова тоже была занята: он думал об убийствах и о шансах поймать этого парня. Они вкалывали уже несколько месяцев, но по-прежнему пробирались сквозь тьму на ощупь. Кроме того, Чарльз Каллен занимался этим уже шестнадцать лет в десяти разных больницах. Он был ветераном в деле убийств, а детективы – всего лишь новичками.

Тим Брон почитал в интернете о медработниках-убийцах: среди них были две девушки, для которых это было связано с сексом, двое пожилых людей, стремящихся уменьшить свой объем работы, были кто-то вроде Кеворкяна, убивающие из милосердия, были психопаты – кого только не было. В ФБР были сотрудники, специализирующиеся на таких делах, агенты, психологи и агенты-психологи.

Может, у ФБР был целый файл на ребят вроде Каллена, какой-то особый рецепт с советами, как поймать такого убийцу. У Тима был знакомый работник ФБР; может быть, он сможет связать его с экспертами в Куантико. Он не знал, поможет ли это, но и вреда ведь не будет. Эта мысль позволила ему хоть немного поспать.

Однако когда на утреннем собрании он озвучил идею с ФБР, прокурор Форрест ее отверг – никого привлекать они не будут. Тим понимал, что дело в амбициях – успешным прокурором не стать, если раздавать всем подряд свои дела, – но это не значило, что он был с этим согласен. Все равно на закате своей карьеры Тим имел привилегию воспринимать приказы как предложения.

Чарли уже месяц сидел без работы, а его девушка была беременна, но хотела, чтобы он съехал, – поэтому он был не в настроении отвечать на звонки. Однако затем из автоответчика прозвучал голос Эми, сочуствующей Эми. Она его понимала, знала, что он слишком устал, чтобы брать трубку, но все равно звонила. В этот раз он ответил понимающим «привет».

– Привет, дорогой, – сказала Эми.

– Привет, – ответил Чарли.

– Ты как?

– Да нормально, – вздохнул он, – все хорошо. Ну ты знаешь, как это бывает… Я подал заявление, чтобы меня признали безработным, но мне отказали.

– Почему? Почему отказали?

– Ну, – сказал Чарли, – они говорят… э-э… потому что я… я подам на апелляцию, но…

– Да, – сказала Эми, – но если тебя уволили, ты же можешь… Это же бессмыслица.

– Ну, – ответил Чарли, – я не так давно без работы.

– Что ж, – сказал Эми, – я напишу тебе рекомендацию, ты же знаешь. Но что… знаешь, я… ну… Я звоню, потому что они задают странные вопросы. В больнице.

– Хм, – ответил Чарли.

– И они вроде как вызывают людей на интервью для какого-то внутреннего дела. И… э-э… знаешь, кто-то спрашивал у меня о тебе.

– Окей, – ответил Чарли. Он ждал, что Эми скажет дальше.

– И, ты понимаешь, я вроде как… Я вроде как хотела тебя предупредить об этом. – Эми подождала, но услышала только дыхание на другом конце провода и поэтому продолжила: – И они спрашивали у меня… спрашивали у меня какую-то хрень про каких-то пациентов, и я не могу… понимаешь… не могу никого из них вспомнить, я не помню их имен или… понимаешь? И я… я

не знала. Я не знала, допрашивали ли они тебя.

– Ну да… – сказал Чарли. – Ну, они…

– Потому что я вроде как… честно говоря, Чарльз, я немножко нервничаю, вот и все, – сказала Эми. – Они спрашивали меня какую-то дурацкую чушь про определенные препараты и про «диг»…

– Ну, – сказал Чарли, – был один пациент, которого я помню, преподобный кто-то там.

– Точно.

– Они и у меня спрашивали про этого пациента. Э-э… но опять же, я… Я не знал о нем ничего. Я слышал… э-э… ну как Джоан говорила об этом спустя день или два…

Эми его перебила:

– Я думала, стоит ли мне из-за этого волноваться или…

– Я… я не… я так не думаю, – сказал Чарли, – понимаешь, я думаю, что они говорят с другими людьми. Ну… я знаю, про историю с инсулином, она продолжается, так что… не знаю, в чем там дело.

– Они и правда много об этом говорят, – сказала Эми, – я знаю что они спрашивали о тебе. Я хотела, чтобы ты об этом знал, потому что… Я знаю, что они допрашивали других людей и всплыло твое имя. И я, и… э-э… понимаешь… я разозлилась. Тогда они… они позвали меня.

– Ага, – ответил Чарли.

– Но ты же знаешь, я чертовски нервная! Я же паникер. И рядом нет тебя, чтоб мне стало полегче.

– Ну да. Ну… э-э… я не знаю, сосредоточено ли расследование на мне, – сказал Чарли, – я имею в виду, что… ну как я сказал, я же уволен.

Эми засмеялась:

– Да уж, ты свалил, дурачок!

Слушая разговор в наушниках в соседнем кабинете офиса прокурора, Дэнни ничего не оставалось, кроме как признать, что у девушки был настоящий талант к прослушке.

49

Тим переживал, что Ланд может заподозрить Эми в сотрудничестве с полицией и попытается ее заткнуть, поэтому они с Дэнни разработали стратегию защиты своего источника. В тот декабрь Дэнни сказал Колуччи и Пёрселлу продолжать их интервью в Сомерсете, продолжать добывать как можно больше информации. А также задавать каждому сотруднику отделения кардиологии точные и инкриминирующие вопросы о сестре Эми Лофрен.

Вопросы сместили бы фокус внимания с Чарли Каллена и помогли бы сохранить анонимность информатора. Однако они также усложнили бы жизнь Эми. Насколько ее коллеги могли судить, теперь она стала целью расследования об убийстве.

Эми узнала об этом практически сразу, но не от самих детективов, а от позвонившей ей подруги Энни, медработницы с Ямайки, определив, что это она, по акценту, с которым та произнесла слово «привет».

– Эйми-и, – сказала Энни, – я просто хотела тебе сообщить. Они задают всевозможные вопросы про тебя, снова и снова, они…

– Кто «они», милая?

– Детективы. Следователи, они здесь. Они допрашивают всех.

– Я знаю об этом.

– Каждого, снова, и снова, и снова. «Эми, Эми, а что насчет Эми?»

– Я знаю, – ответила ей Эми, – не переживай. Все будет хорошо. – В этом она сама была не слишком уверена.

Детективы зарегистрировали Эми как «согласованного конфиденциального информанта, одобренного для аудиоперехвата, как телефонного, так и живой речи», и предоставили Эми комнату в офисе прокурора. Однако после первых ее записанных звонков Эми решила, что ей удобнее разговаривать, сидя на диване в своей гостиной. Между работой и сном она сидела со стопками распечаток, пролистывая их и делая заметки. Распечатки рассказывали целую историю. И история была гораздо более страшной, чем она могла себе представить.

Тим и Дэнни попросили ее сосредоточиться на преподобном Гэлле – на нем можно было построить дело. Эми увидела лабораторные отчеты судмедэксперта, указывающие, что причиной смерти Гэлла была передозировка дигоксином. «Пайксис» показал, что Чарли получил дигоксин за день до остановки сердца и смерти Гэлла. Это могло быть совпадением, но дело было не только в этом. Странности были регулярными. У

Эми ушли недели пролистывания бумаг, чтобы во всем разобраться.

Записи из «Пайксиса» немного говорили Тиму и Дэнни. Дэнни видел определенные последовательности, но латинские слова были для него по большей части просто набором букв. Детективы искали названия препаратов, которые знали, и даты, о которых ранее уже шла речь. Все остальное было для них белым шумом. Но Эми знала препараты, знала работу отделения интенсивной терапии. И с точки зрения медсестры заказы Чарли выглядели абсолютно бессмысленными.

На каждой странице было видно, что каждую ночь Чарли Каллен заказывал лекарства, которые его пациентам никак не могли потребоваться. Он получал редко используемые препараты в абсурдных количествах и с тревожной частотой. И, судя по бумагам, он делал кое-что еще, в чем тоже не было никакого смысла. Снова и снова Чарли заказывал препараты и отменял заказы. В ночь смерти Гэлла, к примеру, Чарли заказал дигоксин, а затем отменил заказ. По записям в «Пайксисе» Чарли так и не получил препарат. Тем не менее Гэллу его ввели, и преподобный умер.

Сама по себе отмена ничего не означала. Каждый медработник допускает ошибки время от времени. Вот только на ошибки это не было похоже. Чарли делал одни и те же ошибки каждую ночь, иногда часами. Это выглядело как система… словно он ошибался специально.

В то же время Эми совершала все больше собственных ошибок. Она так устала от совмещения работы в отделении кардиологии с работой информатора, что ближе к концу воскресной ночной смены поняла, что вбила в «Пайксис» неправильный заказ. *Отлично*, подумала она. После подозрений, которые детективы внушили сотрудникам больницы, ее могут уволить даже после невинной ошибки. Эми нажала на отмену заказа как раз в тот момент, когда ящик открылся.

Эми посмотрела на экран – на нем было написано, что заказ отменен. Запись показала бы, что она не доставала препарат. Она сделала это еще пару раз, чтобы удостовериться. А затем позвонила Тиму. На следующий день она пришла и разложила на столе бумаги, чтобы объяснить им, как это работает.

Эми снова показала Тиму и Дэнни записи, где видно, что Чарли заказывал препарат и отменял заказ, снова и снова. Теоретически ящик открывался при каждой отмене. Каллен мог взять препарат, и в записях бы это не отразилось. Эми показала, как Чарли заказал «диг», а затем его отменил как минимум двадцать семь раз между днем, когда он впервые вышел на работу

в Сомерсете, и 27 июня – восемь раз в одном феврале. Никто из других работников отделения не заказывал хотя бы одной пятой этого количества.

Теория была хорошая, впечатляющая, но являлась лишь косвенной уликой. Могли ли Тим и Дэнни доказать, что Каллен ворует препараты с помощью отмены заказа?{222} Они не могли доказать, что он делал это раньше. Можно было бы поставить камеру на «Пайксис» и попытаться поймать Каллена с поличным, но, судя по записям, смысла в этом не было. После 27-го числа – четыре дня со смерти Гэлла – заказы Чарли «дига» полностью прекратились, включая отмененные. Однако необъяснимые лабораторные анализы продолжали появляться.

Может быть, Каллен придумал новый способ получать препараты. А может, друг Эми вовсе не был ответственен за странные инциденты в Сомерсете. Ни одна из этих опций не была простой. Эми либо не могла разгадать загадку, либо подставляла своего лучшего друга, превращая его ошибки в улики по делу об убийстве.

«Так что это значит? – спросил Дэнни. – Он перестал это делать? Или просто начал делать это по-новому?»

Эми собрала бумаги и сложила обратно в сумку перед долгой поездкой домой. «Я не знаю, – сказала она. На самом деле она перестала быть в этом уверенной. – Я дам вам знать, если разберусь».

50

Эми приняла ванну и надела свою самую старую и мягкую пижаму. Она улеглась рядом с камином, притворяясь, что отдыхает, читая книжку. Когда это не сработало, она поставила стакан с вином на стол и взяла телефонную трубку. Чарли ответил после второго гудка.

– Привет, Чарли! – сказала Эми. Она сама не могла поверить в то, что искренне рада слышать его голос. – Как дела?

– Нормально… – сказал Чарли.

– Нормально?

– Нормально. Ну знаешь, не… в общем, я все больше волнуюсь, – сказал Чарли, – ведь, понимаешь, опять же… я говорил, уже пару недель это продолжается. И все как будто бы… приближается к финалу. – Его девушка, Кэти, сказала ему не беспокоиться, что все случается не просто так, что Бог во всем разберется. Но Чарли знал, что иногда нужно разбираться самому. Однако Эми не была похожа на Кэти. – Знаешь, – сказал он, – ты меня понимаешь.

– Она тебя хотя бы поддерживает? – спросила Эми. – Неужели она и правда говорит: «Не беспокойся»? Она же вела себя просто ужасно раньше.

– Я думаю, она понимает, что, ну, у меня сейчас не самая лучшая полоса в жизни, – ответил Чарли, – но опять же пару дней спустя мы сильно поссорились. И речь шла о… о парне с ее работы, который написал ей что-то вроде любовного письма. И…

Чарли уже рассказывал про этого «друга» своей девушки.

– Это тот же парень, который принес ее обед или что-то такое? – спросила Эми.

– Они ужинали вместе, – сказал Чарли, – и… э-э… она поднялась на его этаж, чтобы поужинать и все такое. А он, он написал ей какие-то странные письма, в которых жаловался, как ему не хватает ее по ночам на работе. А затем написал… что-то вроде «ты должна восстановить мою душу, ты должна…».

– *Что?!* – взвизгнула Эми.

– Ну, там, «ты должна», ну, «осветить мое сердце»… Вся вот эта странная чепуха, – сказал Чарли.

– О боже, – сказала Эми. – Тебя не стошнило?

– Ну, она хранила его со всеми своими личными бумагами и прочим, – сказал Чарли.

Чарли наткнулся на письмо, когда собирал ей обед. Он предъявил Кэти претензии, но она была возмущена тем, что он рылся в ее вещах. Она сказала, что это шутка. А после этого

Чарли нашел еще одно письмо в ее сумочке. Их ссоры теперь происходили одна за другой.

– С этим мы вроде справились, и с тех пор все было нормально, насколько я знаю, – сказал Чарли. – Я вообще-то ходил к нему домой, чтобы поговорить об этом с ним и…

– Ты ходил к нему домой?! – этого от Чарли она не ожидала. Он преследовал дружка своей беременной девушки.

– Ну да, – сказал Чарли. Он как будто наслаждался этой историей. – Понимаешь… странность в том, что… и это часть всей этой странной истории… э-э… он…

– Подожди… ты с ним знаком?

– Нет, – сказал Чарли, – но… э-э… вообще-то он живет в доме, где раньше жила она – еще одно странное совпадение. Тот самый дом на той же улице – не квартал, а именно дом, где она раньше жила.

– Так, Чарльз. Это уже за гранью.

– Ну, – Чарли ответил, – вот так. Она говорит, что это просто странное совпадение.

– Нет, это не совпадение, – сказала Эми, – ты сам это знаешь.

– Ну так и я подумал, – сказал Чарли. – Но она все еще продолжает это утверждать. Ну я… я не знаю как, это просто… просто странно. Но учитывая, что моя жизнь в последнее время – череда странных происшествий, я к этому уже привыкаю.

– Угу, – ответила Эми.

– Потому что, – напомнил он ей, – ты знаешь, у меня случались небольшие депрессии и… э-э…

– *Небольшие?*

– Ну… – Чарли замялся, растягивая момент.

– Да брось, Чар.

– Понимаешь, у меня, ну, были суицидальные мысли. Но я работал над этим… до этого времени. Но…

– Милый! – сказала Эми. – Ты серьезно?

– Я сейчас очень боюсь, – сказал он, – я не понимаю, как это все может разрешиться. И особенно если они думают, что я замешан в смертях пациентов. Ведь у меня… У меня уже двое детей, еще один скоро родится…

– Еще больше причин держать себя в руках, – сказала Эми. – Не хочешь сходить к специалисту, получить антидепрессанты?

Чарли вздохнул. Такой разговор его не интересовал.

– Ну, знаешь… я об этом думал, – сказал он, – но понимаешь… Я не знаю, почему все это сейчас происходит. Я надеюсь, что все разрешится. Но я… э-э… боюсь того, что меня ждет. Понимаешь, мне кажется… что дело еще в приближающихся праздниках, ведь я еще не говорил своей

бывшей жене.

Чарли задолжал алименты. Единственным светлым пятном на этой неделе был звонок от социальных служб, которые сказали ему, что предоставят отсрочку. Чарли не подозревал, что все это – дело рук детективов из отдела убийств. Они не хотели, чтобы Чарли слишком активно искал новую работу и нашел ее в другой больнице.

– Понимаешь, они говорят: «Ладно, вы пытаетесь, так что мы не собираемся выписывать ордер за неуплату». Что, конечно, мило с их стороны. Но в последнее время я не очень уверен в себе, – объяснил Чарли. – Знаешь, может, если бы я был поувереннее, то, может, я бы больше наслаждался отношениями, меня бы это не так расстраивало, но…

Чарли снова перешел на тему своих проблем с Кэти и начал рассуждать о ее новом друге, который, как хищник, поджидал за углом. Что она в нем нашла?

– Ну, я встретился с ним, и он не показался мне кем-то выдающимся.

– Ну, – сказала Эми, – он не такой умный, как мой Чарли.

– Ага, – сказал Чарли. Эми всегда знала, что сказать.

В ту ночь Эми приснился сон. Чарли вернулся на работу. Она наблюдала, как он заполняет шприц, вводит его в капельницу, и, когда поршень доходит до конца, Эми чувствует прилив адреналина. Это *она* нажимала на шприц. *Она* была убийцей. И ей это нравилось.

Но затем Эми стала пациентом. Она лежала в больничной кровати. Чарли был там. Он стоял в конце коридора, там, где она так часто его видела, за своей тележкой с «Сёрнером», как за кафедрой. Чарли говорил, но Эми не могла разобрать слов и не могла ответить. В панике она обнаружила, что не может пошевелиться. Это все инъекция. Она была парализована. Она все еще была парализована, когда проснулась. Она проверила сердце, почувствовала, как оно бьется в ее руке, словно живая птица. Ей не нужно было искать значение этого кошмара в своих сонниках с загнутыми страницами. Не требовалось большой работы ума, чтобы его интерпретировать. Она чувствовала себя в опасности и беззащитной, она это понимала. Но там было кое-что еще. Ей не удавалось решить эту загадку до того момента, как она позавтракала и осталась дома в одиночестве.

Ее беспокоило место, в котором стоял Чарли, – его обычное место в конце коридора в форме буквы L. Это место было уединенным, рядом с дверями лифта и дальше всего от сестринского поста. Раньше она об этом не думала. Теперь же стала размышлять, почему он там стоял.

Она легла на диван и закрыла глаза. Она уже сотни раз пользовалась этим методом, своего рода самогипнозом, которому научилась, чтобы встречать болезненные воспоминания из детства лицом к лицу. Она вдыхала и исчезала. Это была не попытка вспомнить, а попытка заново это пережить.

Она снова была на смене с Чарли. Она увидела его в углу отделения кардиологии. Он был милым, в своей скромной жалкой манере и прятался за компьютером. Каждый день после отчета он катил свой портативный «Сёрнер» в другой конец коридора. Он напоминал Эми маленького грустного почтальона в кардигане, катящего свою тележку. Ей всегда казалось, что Чарли нравилось работать в тишине. Она не думала о том, что он хотел быть поближе к дверям в коридор. Но именно оттуда приходили препараты.

Стоя около двери, Чарли был первым и единственным человеком, который встречал доставщика из фармацевтического отдела. Он всегда его перехватывал: так он всем помогал. Он всегда освобождал доставщика от его груза с препаратами. В то время казалось, что Чарли – просто милый парень, который избавлял доставщика от ненужных усилий, пополнял запасы, делал свою работу. Теперь она поняла, зачем это было нужно на самом деле.

Боже, поняла Эми, *ему вообще не нужно было прикасаться к «Пайксису»*.

51

Эми листала бумаги в ту ночь, пока у нее не заболели глаза. Она принесла документы в постель, заснула с ними и читала их с утра, перед тем как отправиться в свой долгий путь на юг, чтобы самостоятельно воспользоваться «Пайксисом» и провести еще одни долгие выходные за ночными сменами.

Эми попыталась не думать о себе как предателе, но с каждым днем это становилось все сложнее. Она нарушила полномочия и чувствовала себя под угрозой увольнения из того самого учреждения, которое она старалась улучшить, и потому ей было очень одиноко. Она оставалась медсестрой, но полную картину ее личности представляли себе только детективы. Тим и Дэнни почти всегда теперь работали допоздна. Эми заходила после своей смены, выпивала с ними кофе, пока отдавала очередную пачку бумаг. Видеть детективов за работой помогало Эми почувствовать себя чуть менее одинокой и чуть более храброй.

Именно Эми впервые рассказала детективам о записях пациентов в «Сёрнере». Следователи из офиса окружного прокурора захотели получить эти записи, неизмененные и в полном виде. Детектив Даглас Браунлай начал собирать документы для повестки. У Эми же были свои методы.

Она чувствовала себя, как тот парень из песни Джонни Кэша – автомеханик, который каждый день на протяжении двадцати лет приносит домой деталь машины в коробке для ланча и в конце концов собирает целый кадиллак. Разница лишь в том, что у Эми нет в запасе двадцати лет, чтобы незаметно выносить записи Чарльза из «Сёрнера». Вместо этого она пришла на работу с сумочкой побольше.

Похоже, никто из коллег не заметил, какими длинными стали ее распечатки из «Сёрнера» – приватность ночной смены позволяла ей такие вольности. Эми быстро читала их на экране во время собственной смены, затем в машине просматривала страницы медленнее. Она убеждала себя, что это не выглядит подозрительно – сестра в форме, остановившаяся на обочине и читающая карты пациентов – но знала, что это, конечно, смотрится странно. В последнее время она казалась подозрительной даже самой себе. Она пыталась отследить действия Чарли, изучить его метод убийства, понять, был ли он на самом деле убийцей. Но в процессе этого она сама вела себя как Чарли.

Переход с пятничной смены на субботнюю был легким: она выходила в 11:00, приезжала домой в 13:30 или в 14:00 и всю

субботу проводила с детьми, прежде чем отправиться на ночную смену. Однако к воскресенью она всегда уставала, а в это воскресенье больше, чем обычно. Эми села на сестринском посту, чтобы заполнить отчет, и почувствовала себя мошенницей. В эту ночь она не доверяла сама себе. Она работала сестрой на месте преступления, но слишком устала для того, чтобы выполнять свои обязанности или расследовать. Работа со следствием сделала Эми пугливой. Теперь она боялась всех подряд, включая своих пациентов и себя саму. Стресс вскоре вылился в ужасную головную боль.

Эми подошла к «Пайксису», чтобы заказать тайленол, но затем быстро себя остановила. Все казалось теперь таким неправильным, даже самые обычные вещи. Даже заказ тайленола в больнице.

Сестры называли это самовыдачей. Это не было секретом, но и по правилам этого делать не полагалось. Когда сестре нужен был аспирин или тайленол для себя, они часто брали их из «Пайксиса». Это было мелким проступком, как в том случае, когда официантка съедает пару ломтиков картофеля фри из тарелки. Эми часто беспокоилась за свою совесть в последнее время, но это ее никогда раньше не беспокоило. Так почему она вдруг почувствовала себя виноватой? Теперь она начала на себя злиться – это был всего лишь тайленол, черт возьми, он нужен ей, чтобы голова не отвалилась, пока она вкалывает в ночную смену. Эми решила: черт с ним, она поработает, стиснув зубы.

Она отменила свой заказ на ацетаминофрен. Разумеется, ящик снова открылся, и она тут же подумала о Чарли, когда наклонилась, чтобы закрыть его. Ее захлестнул очередной прилив чувства вины. А затем она остановилась и посмотрела на ящик. Вот лежал тайленол в своей маленькой коробочке. «Диг» лежал в том же самом ящике, рядом с ним.

Это было так просто. Как только она вернулась к просмотру заказов Чарли в «Пайксисе», ей все стало ясно. Нужная информация все это время хранилась в компьютере. Он не заказывал «диг», ему это и не требовалось. Он мог просто заказать тайленол. «Диг» лежал в том же ящике.

После смены Эми вернулась к началу записей из «Пайксиса». Детективы пытались предъявить Каллену обвинения в убийстве Флориана Гэлла, сосредоточившись на нем и на «диге». Проблема состояла в том, что заказы «дига» не соотносились с датами смертей. Зато тайленол соотносился. Может, и невозможно было доказать, что он заказывал одно, а брал другое, но никому из сестер не показалась бы такая последовательность заказов тайленола нормальной. Эми не могла не задуматься, первой ли

ей пришло это в голову в Сомерсете.

Заказы на тайленол были не единственной странностью. Изучая заказы по «Пайксису», Эми снова обнаружила странные комбинации препаратов, которые Чарли постоянно получал. Нитропруссид. Норэпинефрин. Нитроглицерин. Павулон. Список все не заканчивался, иногда заказов было по шесть штук за ночь. Эми знала, что эти препараты часто используют при сердечных заболеваниях. Чарли работал в отделении интенсивной терапии. Его заказы опустошали ящики. А затем снова и снова он заказывал пополнение запасов из фармацевтики. Его место в коридоре за своим «Сёрнером» позволяло Чарли первому получить заказ. На тот момент казалось, что он приносит пользу. Теперь Эми так не думала. Заказы на пополнение запасов казались необычными и отражались в его записях в «Пайксисе». Адвокат Сомерсета, Флеминг, спрашивал Чарли об этом, так же как и об отмененных заказах. Но хоть кто-нибудь спросил у него, зачем ему нужны были все эти сердечные лекарства?

Перед сном Эми взяла телефон, чтобы позвонить Тиму. Они с Дэнни пытались найти одно орудие. Она считала, что заказы в «Пайксисе» указывали на наличие целого арсенала. Она все еще не понимала, что именно он с ними делал.

Эми вернулась в спальню, зачерпнула руками холодной воды из колодца, но ее сердце билось неспроста. Она искала ответ на вопрос о том, кем на самом деле являлся ее друг. Ответы содержались в этих листах с данными из его «Пайксиса» и в странных комбинациях препаратов, которые он заказывал.

Это были комбинации, которые с физиологической точки зрения дополняли друг друга, как ноты, составляющие аккорд, или не сочетающиеся на первый взгляд напитки, которые составляют коктейль. Все это складывалось в кошмарную картину. Эми нужно было поспать, но она боялась своих снов.

52

На следующий день Эми разложила на столе перед Тимом и Дэнни свои новые находки. Чарли выполнял роль бармена, говорила она им, титровал фармацевтический раствор из тех препаратов, которые получил из «Пайксиса», и тех, которые формально не получал[223]. Каждый препарат в коктейле обладал особым биохимическим эффектом. Вместе они составляли биохимическую симфонию. В сочетании не требовалось какого-то огромного количества одного вещества, чтобы столкнуть больного пациента в пропасть. Каждый препарат выполнял свою функцию.

Важна была только реакция пациента. Промежуток времени между подачей коктейля и реакцией пациента – время напряженного ожидания. Пациенту может стать плохо, у него может остановиться сердце, а может и наступить чудесное излечение. Коктейль – загадка, а ответы содержатся в лабораторных отчетах.

Эми хватило воображения, чтобы понять эту логику, но не хватало для того, чтобы представить, каким нужно быть монстром, чтобы получать от этого удовольствие. Она была уверена лишь в том, что это был не тот нежный и чувствивтельный Чарли, которого она знала. Эмоциональный диссонанс волновал ее так же сильно, как сами убийства.

Эми считала себя восприимчивым человеком – знатоком духовной сферы, умеющим слушать и улавливать тонкие вибрации. С таким детством, как у нее, она думала, что, оказавшись рядом еще с одним монстром, она его почувствует. Но, стоя рядом с Чарли, она не уловила ничего злого. Может быть, она его неправильно оценила, может быть, ее «приёмник» сломался. А может, Эми просто видела в людях только хорошее.

Распечатки из «Сёрнера» Чарли включали все манипуляции с картами, которые он совершал за время работы в Сомерсете. Каждая страница доказывала, что Эми в нем ошибалась. Чарли на самом деле не был самым чудесным медбратом на свете и не вел карты лучше всех, кого знала Эми. Он вписывал туда по паре строчек.

На самом деле он вел карты *хуже* всех, кого Эми знала. Кое-где были короткие обрывки слов, отрыжки, спазмы и наблюдения, записанные с орфографическими ошибками. Для этой работы хватило бы и минуты. Что бы он ни делал на этом компьютере, он точно не вводил туда данные. Это означало, что Чарли их получал.

Эми пришлось ждать своей следующей смены, чтобы распечатать остаток записей. В этот раз она не могла дождаться момента, когда приедет домой. Тем утром она заранее позвонила, а затем привезла свои бумаги на второй этаж офиса окружного прокурора, чтобы поделиться открытием с детективами.

«Сёрнер» автоматически отслеживал все, что медработник делал в системе, и предоставлял время и дату просмотра каждой страницы. Всю ночь Чарли листал карты пациентов. Но не просто читал – он *охотился*.

От этого слова Эми передернуло.

В ту ночь ей снилось, что Чарли стоял около «Пайксиса» и выкладывал сумки для капельниц. Помогал. Делал он это в одиночку.

На доске в отделении были записаны пациенты. Стренко, Симко, Стриклэнд – у каждого свой номер. Номера палат были чем-то вроде лотереи. Каждый день сестрам доставались разные номера. Некоторые из них думали, что какие-то номера счастливые, и разыгрывали их в лотерею. Некоторые номера можно было одинаково прочитать с начала и с конца, как 212. Некоторые совпадали с днями рождения тех, кто родился в феврале.

Теперь Чарли стоит за «Сёрнером». На экране страница не его пациента. Затем еще одного. И еще.

Сестры в палатах ухаживают за пациентами. Чарли в своей палате. Он опускает жалюзи и закрывает дверь, а затем задергивает шторы вокруг пациента. Зачем вся эта тайна? Есть ли Чарли в палате? В какой? У него три пациента в трех палатах. Все три шторки закрыты. Он может быть в любой из них. Это как фокус с тремя картами Монте. Где Чарли? Но его нет в палатах. Чарли на сестринском посту, получает препараты. Зачем так много? Он один за «Пайксисом», но не использует его. Зачем он ему так часто? Другая сестра хочет получить лекарство, и Чарли предлагает сделать это за нее. Зачем всем так помогать?

Сверху на «Пайксисе» Эми видит сумки для внутривенного вливания, чистые и маленькие, лежащие в ряд. На каждой наклейка с номером и буквами, десять пунктов. Чтобы их рассмотреть, нужны очки. Есть ли на нем очки? Нет. Чарли тщеславен. Он симпатичный. И он не видит без очков.

Необходимо остановиться, изучить сумки, чтобы понять, какому пациенту каждая предназначена. Делает ли он это? В его руках смеси, и он вешает их на капельницы. Знает ли он имя или номер? Знает ли он, кому что дает?

Он снова за своим «Сёрнером», на экране новый пациент. И еще один. И еще. Зачем так много, Чарли? На что ты там

смотришь, дорогой?

Чарли, что ты там ищешь?

Чарли не знает сам. Поэтому и ищет. Это лотерея.

Эми проснулась.

Вместе с отчетами из «Пайксиса» записи «Сёрнера» были самой сильной уликой против Чарльза Каллена, которой располагал офис окружного прокурора. Но чтобы детективы это поняли, Эми нужно было коротко им объяснить.

«Сёрнер» появился в медицине всего несколько лет назад и стал компактным и эффективным способом, чтобы делать заметки о пациенте, узнать, на что у него аллергия, каков его статус кода{224}, анализы и так далее. Однако медработники должны были смотреть всю эту информацию только про тех пациентов, за которыми ухаживали во время смены.

Чего медработники никогда не делали (по крайней мере те, кого Эми знала), так это не использовали «Сёрнер», чтобы узнать статус пациентов других медсестер или медбратьев. Но этим, очевидно, и занимался Чарли Каллен.

Эми начала с июньских подглядываний Чарли в карту пациента по имени Флориан Гэлл. Больничные записи показывают, что сердце Гэлла остановилось в 9:32 утра 29 июня, а умер он через сорок пять минут.

Гэлл не был пациентом Каллена в ночь своей смерти. Тем не менее записи показывают, что Каллен смотрел медицинскую карту Гэлла в 6:28, а затем еще раз в 6:29 28 июня. Он проверял их с разницей в минуту, искал что-то через полчаса после того, как передозировка «дигом» была отмечена в лабораторных анализах пациента и за три часа до того, как уровень «дига» в организме остановил сердце Гэлла.

«И это только Гэлл», – сказала Эми. Данные из «Сёрнера» содержали множество записей о входах Чарли Каллена в систему; тысячи входов, иногда по несколько сотен за ночь.

«Он их изучал, – сказал Дэнни. – На хрена он это делал?»

Эми думала, что знает зачем. Медработники готовили для них сумки для капельниц. Но если Чарли делал смеси из препаратов и вводил их в одну или несколько этих сумок, сидя за «Пайксисом»? Ему не нужно было нести их в палату к пациенту, ему вообще не нужно было там присутствовать. Другие сестры – даже Эми – делали всю работу за него. Чарли мог просто вернуться в свой уголок и изучать «Сёрнер» в поисках лабораторных отчетов и прогресса пациентов. «Сёрнер» бы сказал ему, когда отравленная капельница достигнет цели. Ему не нужно было присутствовать при смерти, чтобы ощутить ее дыхание, нужно было лишь проверять «Сёрнер» и следить за тем, что

происходит. Это могло произойти в ту же ночь или на следующий день, но какое это имело значение? Событие можно было увидеть на экране и переживать его снова и снова. Не этим ли он занимался? Эми почувствовала, как ей стало нехорошо. Она приносила им эти смеси из препаратов. А ее друг Чарли на другом конце отделения следил за развитием событий, словно за результатами матчей по боксу на спортивной странице газеты.

53

29 ноября 2003 года

Токсикологический отчет по Гэллу пришел в 10:38 утра в воскресенье. Большая часть страниц была посвящена тому, что в его организме *не* нашли: девяносто шесть различных препаратов, от ацетаминофрена до золпидема. Что анализы обнаружили, так это дигоксин, и много: 23,4 микрограмма на литр в стекловидном теле, 32 микрограмма на килограмм в селезенке, 40,8 микрограмма на килограмм в сердце и 104 микрограмма на килограмм в почке. Теперь Мамбо мог изменить свой отчет. Причина смерти: *отравление дигоксином*. Тип смерти: *убийство*. У них была жертва убийства и орудие убийства. Но все еще не было стопроцентного способа предъявить обвинение убийце.

Команда офиса окружного прокурора встречалась теперь дважды в день. Отчет из «Пайксиса» и распечатки из «Сёрнера» были единственной серьезной уликой, связывающей Каллена с препаратом, убившим Гэлла. Однако «Пайксис» лишь давал понять, что у Чарльза Каллена была возможность получить лекарства и с их помощью совершить убийство. Прокурор Форрест понимал, что это с трудом можно назвать доказательством.

Чарльз Каллен легко мог заявить, что заказы тайленола были настоящими{225}. Интерпретация Эми записей из «Пайксиса» предполагала, что Каллен играл с пациентами в смертельную игру, сидя в другом конце отделения; слишком сложное предположение, чтобы его доказать. Не могли они доказать и то, что многочисленные отмены заказов были чем-то, кроме ошибки, или что его наблюдение за «Сёрнером» было чем-то, кроме неприятной, но безвредной странности. Учитывая, что Каллен не работал, было слишком поздно ловить его с поличным без риска получить еще одно убийство. Существовал только один надежный способ посадить Каллена: заставить его признаться в убийствах или хотя бы одном тому, кому он доверял. Чтобы преподобный Гэлл не оказался таким же «висяком», как Этель Дюрьеа, Тим должен был попросить Эми еще об одном одолжении.

Детективы предоставили Эми телефон в одном из старых кабинетов отделения наркотиков, где исходящие звонки отражались на определителе как частные номера. Она застала Чарли дома незадолго до 11:00, начав с солнечного «Привет, милый!».

Как только темой их разговора стало дело, она сказала: «Я думаю, меня очень беспокоит тот факт, Чар, что мне кажется,

будто ты был одной из причин для меня ходить на работу. Без тебя все не то. И знаешь, это отстой. Без тебя тут *отстой*».

Чарли теперь был уверен, что его уволили из-за фото в рекламе для сотрудников. Кто-то его увидел, доложил о нем, проверил даты в резюме. Чарли нравилась такая версия. Это было напоминанием о том, что он оказывает на мир влияние, его фотография вызвала эти последствия. Он был жертвой, но знаменитой. Они выслали его фото, улыбающееся и красивое. *Чарльз*. Кроме того, оно появилось еще в двух журналах.

– Ты звезда, Чарли! – воскликнула Эми. Она сказала, что ужасно по нему скучает. Не может ли он вернуться к ней – обратно за линию штата, в Сомервилль? – Я хочу… хочу тебя увидеть, ладно?

– Ладно, – сказал Чарли.

– Я, конечно, не знаю, – сказала Эми игривым голосом, – честно говоря, не знаю, как на это посмотрит Кэти, но…

– Она сказала мне, что нормально отнесется, если у меня кто-то появится, и что я должен нормально относиться к тому, что она с кем-то встречается, – сказал Чарли.

– Точно, – быстро сказала Эми, делая шаг назад. Ей казалось безопасным ходить по краю, использовать свое обаяние, которое обращено к нему как к мужчине, но она предполагала, что он не рискнет перейти черту платонической дружбы. Раньше он этого никогда не делал. Но встречаться с другими людьми? – Ну, может быть, знаешь… может, ты, я и Донна можем собраться вместе, – сказала она. Не свидание, просто встреча работников отделения.

– Хорошо, – сказал Чарли. В его голосе чувствовалось угасание интереса. – Ну да… э-э… да. Мы можем что-нибудь придумать.

– У тебя есть мой номер?

– Э-э… да, есть, – сказал Чарли, – где-то…

– Я знаю, что ты не позвонишь, – поддразнила его Эми. Ей нужно было вернуть его интерес без того, чтобы давать ему надежду на секс. – Я знаю, что ты, засранец, не позвонишь, хотя сам знаешь, как это тяжело. Просто отстой.

Чарли подхватил ее жалость и стал выпрашивать еще.

– Просто я чувствую себя сейчас… чувствую себя абсолютно бесполезным, вот так.

– Но ты не бесполезный, понял? Не бесполезный.

– Потому что хоть я и ненавижу это признавать, но работа – это важная часть меня… моей личности. Того, кто я есть.

– Я знаю, Чарли.

Чарли начал объяснять, как он был уволен, несколько минут невразумительно мямля про даты в резюме, как он их перепутал

и как они не поняли *его*…

– Как насчет золофта? – предложила Эми. – Или как насчет прозака?

Чарли замолчал.

– Ну, я не знаю.

– Они выпустили новый, слышал? – сказала Эми. – Зу-про, знаешь про него?

– Каждого по одной.

– Нет, ну а если *серьезно*…

– Ну да, – такая помощь Чарли не интересовала.

– Это… это правда хреновое время для тебя.

– Я был в такой депрессии. Мне было наплевать на все.

– Чарли, – сказала Эми, – как я могу тебе помочь?

Он уже разослал резюме на пару сайтов по поиску работы. Эми слышала, что они хорошо работают для больничного персонала, но приближались праздники и необходимость платить алименты, поэтому ему не очень удавалось оставаться веселым.

– Мне кажется, что у меня где-то месяц, прежде чем я снова начну слетать с катушек.

– И поэтому я тебе нужна в качестве поддержки, дурачок!

– Ага.

– Ты знаешь, что должен звонить мне, – сказала Эми, – а я точно буду звонить. И вообще… мне кажется, я не очень хорошо поступаю, я взяла телефон подруги, потому что мой не работает, поэтому мне, наверное, стоит отключиться, ведь это междугородний звонок.

– Да, наверное, – сказал Чарли.

– Так что я тебе напишу, а ты мне точно позвонишь. Обещаешь?

– Позвоню.

– Нет, пообещай!

– Я… я обещаю.

Тим подождал, пока прозвучат оба щелчка, и только затем отметил на записи время. Эми великолепно держалась по телефону, завлекала его, предлагала контакт в будущем и предоставляла информацию, которую детективы больше нигде не могли получить. Проблема была в самой информации. Чарли Каллен активно искал работу.

Тим не знал, что от него ждут дальше. Он хотел пригласить экспертов из ФБР, но Форрест запретил связываться с Куантико. Офис окружного прокурора должен был работать по делу самостоятельно; в то же время каждый день, который они проводили на работе, Каллен проводил на воле и мог спокойно продолжать убивать. Быть может, всего несколько дней осталось

до того, как его снова возьмут в отделение интенсивной терапии. Отчеты от группы наблюдения подтверждали эту информацию. Он ездил на собеседование и кто знает куда еще. Медленный подход, позволяющий построить дело, занимал слишком много времени. Все, что оставалось, – использовать более прямой подход.

54

Детективы набюдали, как Чарли Каллен выносит мусор из дома.

– Это либо сработает, либо нет, – сказал Тим.

– С этим не поспоришь, – сказал Дэнни. – Как хочешь поступить?

– Давай задобрим говнюка, – сказал Тим. – Если он будет сопротивляться, давай его прикончим.

Он опустил автоматическое окно и свистнул. Чарли повернулся и увидел машину, от которой шел декабрьский пар. Официальная машина, большая и новая, номера Нью-Джерси. Водитель опустил окна, махнул рукой, словно подзывал официанта.

– Эй, Чарли, – крикнул парень, – иди сюда.

Чарли остановился, не зная, как поступить с мусором. У него было два ведра, которые он пытался вытащить одновременно, что трудно было сделать, если не тянуть их назад.

Детективы вышли из машины.

– Знаешь, кто мы? – спросил Брон. Улыбнулся. Дружелюбно.

Чарли замер и моргнул, глядя под ноги. Двое, оба с усами, белый – в кожаной куртке, черный – в костюме. Чарли показалось, что он уже видел, как другой парень стоял снаружи его дома{226}.

– Вы полицейские.

– Правильно, Чарли, мы полицейские, – сказал Брон. – Вообще-то мы детективы, Чарли. Знаешь, почему мы здесь?

– Предполагаю, что это связано с Медицинским центром Сомерсета, – ответил Чарли.

– И ты так предполагаешь, потому что…

– Ну потому что у вас номера Нью-Джерси.

– Знаешь, это очень хорошее наблюдение, ты прав.

– Я арестован?

– Ты цель нашего расследования, Чарли. Мы расследуем смерти в Сомерсете, и нам нужно задать тебе пару вопросов.

– Да, мне… мне уже задавали вопросы в больнице, дважды, – сказал Чарли, – о необычных происшествиях. Они недавно меня опрашивали про эти инциденты.

– Ага, отлично. Теперь мы тоже хотим с тобой поговорить. – Тим открыл заднюю дверь и указал рукой так, словно приказывал собаке, надеясь, что Чарли послушается. – Давай прокатимся. Поговорим в офисе.

– Э-э… я не… у меня нет с собой куртки, – сказал Чарли.

Голова Чарли была опущена, но глазами он бросал взгляды

на улицу, мужчин и машину.

– Тебе не понадобится куртка, – сказал Тим, – тут тепло. – Он снова похлопал по заднему сиденью. – Поехали.

Они не говорили ему, что он обязан ехать, но и не дали особого выбора.

Эта машина отличалась от тех, в которых Чарли до этого возили полицейские: она была просторнее, удобнее и в ней не было разделителя между передними и задними сиденьями. Детективы болтали на протяжении всего пути, вели себя свободно. Они говорили о работе, о спорте, даже о погоде. Тим знал пиццерию рядом с перекрестком в Уэст-Ориндже, где вырос Чарли, помнил талисман школьной команды Чарли. Они провезли Каллена через линию штата и неофициально показали ему комнату для допросов в отделе полиции округа Сомерсет. И, когда Чарли немного расслабился, они взялись за дело.

Еще в Ньарке Тим приковывал подозреваемых наручниками к болту, вкрученному в его стол. Он печатал их показания, а когда поднимал голову, то видел, что они засыпали. Задержанные за убийство, с двадцатью годами тюрьмы впереди, они все равно спали. Тиму потребовалось какое-то время, чтобы понять, что для некоторых парней сложнее всего было оставаться на свободе, день за днем. Попасться для них было облегчением. По крайней мере, для некоторых это значило, что больше уже не о чем беспокоиться. Но, как понял Тим, не для таких, как Чарли.

Было два часа ночи, когда «краун-виктория» Брона остановилась перед домом Каллена. У них ничего не было. Каллен проскользнул по заднему сиденью и направился к своей двери. Брон опустил окно.

– Эй, Чарли, – сказал он, – посмотри на меня.

Чарли прищурился, глядя на машину с горящими фарами.

– В следующий раз, когда ты меня увидишь, – сказал Брон, – на тебе будут наручники.

А потом Тим Брон выставил из окна руку в кожаном рукаве, сжатую в кулак. Он знал, что это было смешно, но все равно это сделал – не смог устоять. Он был так зол. Кулак, показанный в окно, был единственным доступным ему средством выразить угрозу.

Тим ожидал остроумного ответа, «*пошел ты*» или чего-то вроде. Так бы сделал сам Тим, если бы кто-то выставил кулак и сказал ему такое. Чарли просто кивнул, повернулся и медленно пошел к дому. Как будто его это не касалось. Ему даже не потребовалось говорить «*пошел ты*». Он был на свободе, и у них не было оснований его арестовывать. Тим подумал, что это не хуже, чем «*пошел ты*».

55

Пока Брон, Болдуин и капитан Энди Хиссим обрабатывали Чарли в Сомерсете, другая команда подъехала к его дому в Бетлехеме. Детективы офиса окружного прокурора Лу де Мео, Эндрю Липпитт, Эдвард Пёрселл и Даглас Браунлай в сопровождении помощника прокурора Тима ван Хайза, заместителя начальника Нормана Каллена и лейтенанта Стюарта Бакмена пригласили детектива Делмара Уиллса, знакомого из офиса прокурора округа Нортгемптон. Они предъявили ордер на обыск девушке Чарли, Кэтрин Уэстерфер, в дверях, а затем провели три часа, прочесывая дом Каллена и машину в поисках веществ, которые Чарльз Каллен мог украсть из больницы.

Они нашли одну пластинку таблеток, один пузырек лекарства от аллергии от CVS и один пузырек ибупрофена. Все они были опустошены, капсулы и таблетки пересчитаны, сфотографированы и конфискованы для хранения в отделе улик офиса прокурора округа Нортгемптон. Анализ этих препаратов покажет, что среди них не было ничего крепче лекарства от простуды{227}.

Брон и Болдуин ехали домой от дома Каллена в неловком молчании. Дэнни Болдуин отлично знал, что последствия того, что они только что сделали, расхлебывать придется прежде всего ему как ведущему детективу. Это Дэнни пошел к помощнику окружного прокурора Тиму ван Хайзу и попросил его довериться, когда заявил о возможной причине для выдачи ордера на обыск, и работал с ним часами, чтобы все правильно оформить. Это был рискованный шаг, и Тим ван Хайз подошел к нему в приемной судьи и сказал: «Болдуин, ты своей головой рискуешь… Уверен, что стоит?» Дэнни сказал, что да, абсолютно уверен. Теперь он уже так не думал. Он не хотел пока это обсуждать, по крайней мере в машине. От его напарника чувствовалась злость, как тепло от животного.

Они мучили Каллена шесть часов, пустив в ход все, что у них было. Чарли с радостью был готов обсудить историю своей жизни. Он не удивился, что детективы знали о подозрениях в медцентре святого Варнавы, больнице святого Луки и в Уоррене. Чарли не отрицал подозрения. Он лишь сказал, что ему ни разу не были предъявлены обвинения, а больницы не имели к нему претензий. После этого он не видел смысла говорить что-то еще. Поэтому детективы попытались впечатлить его своими знаниями его методов добычи дигоксина.

Они сказали, что у них есть его записи из «Пайксиса». Они

видели его заказы и отмены заказов «дига» 15 и 27 июня. На самом деле Дэнни первый заметил, что Каллен все время отменял заказы в «Пайксисе». Что Чарли об этом думает? Может ли он это объяснить? Чарли ответил, что не может. Ему это и не требовалось.

«Может, я нажал не на ту кнопку, – сказал им Чарли. Затем добавил: – Может, я не надел очки».

Это было бессмыслицей, о чем детективы ему и сказали. Если бы он ошибся и нажал не ту кнопку, разве не последовал бы потом правильный заказ? Чарли не знал. Они задали ему этот вопрос еще раз, на что он просто пожал плечами и уставился в пол. Он знал, что не арестован. Он останется на свободе. Брон хотел его остановить, даже физически, если это возможно, прикончить его до того, как он снова убьет. Но сильно прижать того, кто может уйти в любой момент, не так уж просто.

В итоге их давление ни к чему не привело. Детективы продолжали задавать вопросы, а Каллен продолжал повторять один и тот же ответ: «Не могу ничего про это сказать». Эти слова – *не могу*. Он ничего не отрицал, но и не признавался. Поэтому детективы давили сильнее.

После шести часов Чарли был в слезах. Прокурор наконец сказал им прекратить. И теперь они оказались в еще худшей ситуации, чем в начале. На обратном пути это было первым, что Дэнни сказал вслух. Они всё испортили. Испортили тем, что взяли парня, не имея на руках достаточно улик, чтобы его арестовать. Теперь он испугался. Теперь он знает, что за ним наблюдают, что ведут расследование.

«Ты знаешь, кто нам позвонит следующим», – сказал наконец Дэнни.

Тим подумал, что Каллен наймет адвоката к утру и на этом все закончится. Они рискнули и попытались добиться признания. Но теперь их шансы вытянуть из Каллена хоть что-то стремились к нулю.

Чарли подождал, пока Кэти уйдет на работу, и позвонил Эми. Ему так много надо было ей рассказать, неделя была такой интересной, просто сумасшедшей. Он с трудом мог дождаться момента, чтобы всем поделиться. Поэтому, когда включился автоответчик Эми, Чарли все рассказал ему.

«В четверг… случилось тако-о-ое! – сказал Чарли на одном дыхании. – Меня отвезли на допрос, и Кэти тоже допрашивали пару часов и… пять часов. Огромное, *огромное* испытание… э-э… и похоже… э-э… ну, что вся эта история в Сомерсете становится немного… серьезнее. Э-э… но да… э-э… в пятницу можно встретиться. Я не знал даже, попаду ли я домой в четверг, –

продолжал Чарли, – но… э-э… пока ничего нового, чтобы… *ладно*, – сказала он, – я слишком много болтаю!»

Чарли повесил трубку, прежде чем понял, что в своем возбуждении забыл сообщить Эми другую важную новость. Она была права, эти новые сайты по поиску работы и правда очень даже ничего. Чарли снова будет медбратом.

56

Тим покинул офис, вынырнув с парковки в грязные следы первой зимней метели. На радио говорили только об этом, и он мог представить почему: куча детей в сотне округов проклинала все на свете, потому что снег решил выпасть в пятницу вечером. Погода предоставила Тиму хорошую причину пораньше свернуться; у него было запланировано телефонное совещание с ребятами из ФБР, то самое, которое прокурор Форрест приказал ему не организовывать. Тим подумал, что, может, стоит взять себе кофе, остановиться у обочины и поговорить из машины, в тепле обогревателя.

Тим знал, что Дэнни бы с удовольствием поучаствовал в этом разговоре, но знал и то, что его лучше не привлекать. Дэнни был на десять лет моложе и все еще имел виды на свою карьеру. Раздражать прокуроров – не самый эффективный способ продвинуться по службе.

Тим был полностью уверен, что прокурор ошибается. Так что, вместо того чтобы спорить, Тим просто проигнорировал приказ и все равно это сделал, связавшись с ФБР за спиной Форреста. Ему казалось, что риск того стоит. Это может помочь раскрыть дело и, вероятно, не послужит причиной для его увольнения. Вероятно. Это было семь дней назад. За это время они уже попытались прижать Каллена и упустили свой шанс.

Соблазнительно было, говоря с серьезными ребятами, приукрасить детали, умолчать об ошибках – например, о том, что они довели Каллена до слез, или о том, как он ему угрожал. Но приукрашивать в разговоре с Куантико было бы контрпродуктивно. Трудно ожидать серьезной помощи, если не выкладываешь все начистоту. Тем не менее Тим не был в восторге от перспективы этого разговора.

Брон сначала связался с контактом в филиале ФБР в Ньюарке. Тот, в свою очередь, связал Тима с агентом штата, который связался с людьми в Куантико, которые, насколько мог судить Брон, ели такие дела на завтрак. Для них серийные убийцы – это не «горячие» дела, а рутинная обязанность. Профайлеры из Куантико уже имели дело с медработниками-убийцами. Но они не имели дела ни с чем, похожим на дело Чарльза Каллена.

По телефону{228} агент ФБР объяснил Тиму, что 99 процентов серийных убийц в медицинской сфере – женщины. А с женщинами это было одно из двух. Либо *я стану героиней*, либо *это милосердие – не могу видеть, как они страдают*. Медбрат-

убийца – редкая история, но и такое случалось. Их мотивы обычно были сексуальными либо основанными на власти и контроле. Насколько профайлеры из Куантико могли судить, Каллен не подходил ни под один из этих типов. Он казался им «актором мужского пола со склонностью к женственности». Для них это был неизученный подвид убийц, не попадающий в их классификацию. Профайлеры прислали Тиму опросник о его серийном убийце, разработанный, чтобы помочь им описать тип личности Каллена. Тим надеялся, что они смогут сделать предположения насчет того, каким будет его следующий шаг, и дать ему совет, как с ним лучше себя вести.

Однако Тим уже выбрал модель поведения{229}, когда они практически похитили Каллена. Он облажался. Теперь Тим находился в неловком положении, потому что вынужден был сидеть в машине на обочине и слушать, как ему следовало бы поступить.

– Обычно, – сказали в Куантико, – мы описываем стратегию *до* того, как был проведен допрос…

– Ага, – сказал Тим.

– Я к тому, что времени мало, информации у нас тоже немного, да и вы уже с ним пообщались.

– Ага, – повторил Тим. Он не ожидал, что будет *настолько* неловко. – В случае, если у нас появится еще одна возможность его расколоть, когда придет время предъявить ему обвинения… тогда мы и хотим его прижать, – сказал Тим. Он объяснил, что у них был новый прорыв в расследовании, конфиденциальный информатор. Приятно было доложить о чем-то положительном.

– И кто она?

– Она его коллега и…

– Окей… Медсестра?

– Медсестра, – подтвердил Тим. – Они подружились… Возможно, она единственный человек, с которым он подружился за время работы там.

– Здесь говорится, что он одиночка, – сказали в Куантико.

– Ага, это подтвердила вчера вечером его девушка, которая на шестом месяце беременности.

– От *него*? – спросили в Куантико.

– Похоже, что от него, да.

– Так, позвольте спросить, Тим. Какие у вас есть серьезные улики, которые ваш прокурор сможет использовать?

Тим не ответил.

– И есть ли они вообще?

– Ну, – сказал Тим, – мы собрали только косвенные улики. – Он подождал, пока Куантико как-то это прокомментирует. Но

агент ничего не сказал, поэтому он продолжил. – Э-э… серьезные улики? Свидетели? Этого у нас *нет*. – Он снова сделал паузу. Тишина. – Большинство наших улик – косвенные, такие как… э-э… записи. Входы в компьютерную систему… э-э… – Тим в задумчивости пощелкал языком. – И… биография, похожее поведение в прошлом на других местах работы. Такие вот вещи.

– Окей, просто все эти дела очень похожи, и с ними сложно работать.

– *Да*, – сказал Тим, – *да*, это точно.

– Это все равно что ворующий деньги кассир в банке, которого уволили. Банк не хочет, чтобы люди узнали, что его сотрудники воруют, поэтому они успевают поработать во всех банках штата. Такие же люди кочуют из больницы в больницу.

– Ну да, – сказал Тим, – это так.

– Понимаете, в большинстве случаев они не признаются – дело в самой сути преступления и в отсутствии серьезных улик. Не расстраивайтесь, что у вас нет доказательств против этого парня, для таких дел это нормально…

– Погодите… вы сказали, что большинство *не* признаются?

– Такие парни… Во-первых, для отдела убийств это редкое дело, – сказали в Куантико, – большинство из этих убийц не признаются. Они *знают* свое дело, и серьезных улик против них нет, так что… Я говорю это не для того, чтобы отговорить вас работать. Просто не хочу, чтобы вы думали, будто чего-то не сделали. Это сложное дело.

– Что ж, это успокаивает! – сказал Тим. Он выдавил что-то вроде смешка: *ха-ха-ха*.

– Ну да, – сказали в Куантико, – в отрицательном смысле это успокаивает. Так, слушайте, – обратились в Куантико, очевидно, ко второму агенту на линии, удивив Тима. Тим не знал, что это конференц-связь. В ФБР умели заставить чувствовать себя на два шага позади. – Не рановато спросить Тима про то, как все прошло вчера вечером?

– Нет, это был второй вопрос, – ответили в Куантико-2, – я собирался сначала спросить про серьезные улики, а потом хотел услышать, как прошел вчерашний вечер.

Теперь на Тима насели с двух сторон. Он начинал жалеть о том, что позвонил. Он как будто слушал, как высокоразвитая раса пришельцев обсуждает планы на ужин.

Он глубоко вздохнул и погрузился в рассказ об уликах, описывая отмены заказов дигоксина и о том, как они ему это предъявили вчера вечером. Тим рассказал агентам, как каждый раз Каллен говорил, что это ошибка, или что «у него не было очков», или «он не помнил, что тогда было».

Куантико-1 его перебил.

– Так. В общем, вы, парни, показали ему пару таких улик, и он придумал слабенькие отмазки?

– Ну да, – сказал Тим, – так и было. – Он объяснил, что, после того как они его взяли, первые несколько часов провели в машине, где Тим пытался наладить контакт. Только в офисе они начали на него давить. – Мы пытались, ну, *прижать* его, но…

– Тим?

– Да?

– Вы оставались хорошим копом на протяжении всего этого процесса?

Тим уже размышлял над этим вопросом.

– Э-э… да, – ответил он.

– Так вам кажется, что у вас с ним сложился более успешный контакт, потому что вы играли такую роль? Или хотя бы… потому что не так сильно давили на него?

– Нет, – сказал Тим. Ему не казалось, что он давил на парня так же сильно, как Дэнни. Дэнни обрушивался на него по полной. Затем зашел их капитан и попытался применить какой-то психологический курс, на который ходил, и потрогал Чарли за ноги, что, как показалось Тиму, создало некоторую неловкость.

– На чем вы разошлись? После всего этого.

«На том, что я открыл окно, – подумал Тим, – *показал ему кулак и сказал Каллену, что в следующий раз, когда я его увижу, я его, черт возьми, арестую»*.

– Э-э… ну… мы сказали что-то вроде: «Позвоните, если что-нибудь вспомните». Что-то такое.

– Так вы не сказали ничего вроде: «Мы знаем, что ты виновен, мелкий ублюдок, и мы тебя поймаем»?

– Ну… хе-хе, – Тим снова попробовал выдавить этот смешок, думая о том, как этим парням из Куантико удается читать его мысли. – Да, ну он был… уведомлен об этом, – сказал Тим, – мы это упомянули.

На другом конце провода наступило долгое молчание.

– Ладно, – сказал наконец Куантико-1, – без добытого признания прокурор готов идти в суд?

– Нет.

– Получается, что признание – ключ ко всему этому делу.

– На данном этапе – да.

Тишина затянулась настолько, что Брон даже подумал, что случайно сбросил звонок.

Это было плохо. Тиму казалось, что тишина означает провал. Они испытали судьбу с Чарли, использовали, возможно, единственный шанс его разговорить и облажались. Теперь он был

на свободе, а у них не осталось ничего, кроме информатора. Телефонные разговоры Эми и Чарли заполняли кассеты пленкой, но к признанию их не приближали. Последний звонок Эми закончился автоответчиком. Чарли ей больше не перезванивал. Даже ФБР не могли помочь. Они его упустили{230}.

– Мы пытаемся что-нибудь придумать, – сказал наконец один из представителей Куантико.

– Ага, – сказал Тим, – я тут занимаюсь тем же самым.

Эми припарковалась на своей подъездной аллее, сбросила ботинки, включила на кухне свет и достала бутылку вина из холодильника. Она дома. Дорога заняла в два раза больше времени, чем обычно, из-за снега. На сегодня она закончила с работой, с отделением, с чертовым Чарли Калленом. По крайней мере на сегодня.

Она сняла свою больничную форму, смыла с волос запах больницы и обернула голову полотенцем. Снова взяла вино и плюхнулась на диван в гостиной, но вдруг заметила, что на автоответчике красным горит непрослушанное сообщение. Она не очень стремилась узнать, что это за сообщение.

План состоял в том, чтобы Эми наладила контакт с Чарли, а затем позвала его приехать в округ Сомерсет. Они надеялись, что он скажет хоть что-нибудь, что можно будет ему инкриминировать. Тогда они его арестуют. Эми наладила контакт, предложила встретиться, пофлиртовала с ним – и ради чего? Чарли все еще был на свободе и думал о ней. У него была машина, а адрес Эми можно найти в справочнике. Что могло помешать ему приехать к ней домой? Он уже делал так с другими женщинами, например с той, которую он преследовал в больнице Уоррена. Чарли однажды рассказал ей эту историю на работе, и тогда она над этим смеялась. Теперь, когда ее дети спали этажом выше, это не казалось таким уж смешным. Никто не мог гарантировать, что прямо сейчас Чарли не стоит за черными окнами и не наблюдает за домом. Увидеть что-то снаружи было невозможно, не выключив свет, – а свет она ни в коем случае не стала бы выключать.

Эми заперла парадный вход на щеколду, закрыла задние стеклянные двери и задернула шторы. Почему-то она все еще не чувствовала себя в безопасности. Ей необходимо было знать, где он сейчас находится. Эми села рядом с автоотвечиком и нажала на мигающую кнопку, готовясь встретиться со своим страхом лицом к лицу.

Это был Чарли. Он ничего не говорил про то, что собирается найти ее, что уже было неплохо. Но у него были другие пугающие новости. Он нашел объявление больницы под названием

Монтгомери, которая искала опытных медработников для отделения интенсивной терапии. Он съездил и заполнил анкету. В качестве рекомендателей Чарли указал Лихай-Вэлли, «Святого Луку» и Медицинский центр Сомерсета{231}. Он написал в анкете номер Сомерсета и имя своего менеджера – Вэл. Чарли указал, что был уволен из Сомерсета за то, что «указал неверные даты в анкете». Чарли сказал в Монтгомери о том, что у него неистекшая лицензия зарегистрированного медбрата в двух штатах и сертификат ACLS, а также шестнадцатилетний стаж работы практическим в любом отделении и с любым препаратом{232}. Он хотел выйти на полную ставку, предпочитал ночные смены и готов был работать в выходные и праздники. Ему подходила ставка в 25 долларов в час. Выйти на работу он был готов сразу же. И 8 декабря Чарльз Каллен был добавлен в расписание для выхода на обучающую смену в четверг с 19:00.

Сотрудник отдела кадров сказал, что быть нужно *ровно* в 19:00. Чарли сказал ему, что это не проблема. Он был хорошим медбратом и всегда приезжал пораньше.

57

Даже посреди ночи Тим отвечал на телефонные звонки – сила привычки, как у врачей или сантехников. Правильно говорят о том, что хорошие новости всегда ждут до утра, но такова работа. Врачам и сантехникам тоже не звонят с хорошими новостями.

Тим попытался поспать еще несколько часов после звонка Эми, но в конце концов перестал притворяться и достал свой костюм и пистолет. Сейчас надо было поехать в офис. Там он мог побыть в одиночестве и подумать.

Тим сидел в темноте и перечислял то, в чем он был уверен. Чарли Каллен виновен. И они его поймают, Тиму приходилось в это верить. Рано или поздно поймают. Но как он понял по делу Дюрьеа, поздно – это слишком поздно. А в деле Чарли Каллена «слишком поздно» наступило уже довольно давно.

Тим смотрел, как солнце встает за окнами кабинета, как первые дети тащат свои санки на холм, где находилось здание суда. Затем он закрыл дверь и сделал личный звонок.

Тим набрал номер 411 города Норристаун, Пенсильвания, и попал на диспечтеров больницы Монтгомери. Они отправляли его от одного члена администрации к другому, пока он не связался с вице-президентом Барбарой Хэннон.

Тим звонил в статусе простого гражданина, но все равно представился как сержант Брон из отдела убийств округа Сомерсет, зная, какой это произведет эффект. Тим сказал Хэннон, что если она хочет сохранить жизнь своим пациентам, то ей стоит убрать нового медбрата из расписания ночных смен сразу же. Эти слова обратили на себя внимание женщины. Она пообещала сделать это не откладывая.

Тим не мог сказать ей, кем был Каллен, или даже рассказать о его профессиональной репутации. Он не мог рассказать ей, что она наняла серийного убийцу, по крайней мере не в таких выражениях: это было незаконно. Возможно, делать такой звонок в принципе было незаконно. Но Тим подумал, что ничего страшного, Каллен может засудить его попозже.

На утреннюю встречу все пришли недовольными и уставшими от работы и зимней погоды, но стали еще недовольнее, когда выяснилось, что подозрительные смерти в Сомерсете вскоре начнут освещать газеты. Каким-то образом произошла утечка информации. В департамент здравоохранения, Медицинский центр Сомерсета и офис прокурора уже звонили репортеры. Тим подумал, что эти звонки могли быть взаимным мероприятием. Иногда казалось, что у офиса прокурора есть свои

люди в прессе.

Собирать информацию в тишине больше не представлялось возможным. Имя Чарли еще не появилось в газете, но это было лишь вопросом времени. Как только в медиа узнают его имя, включится свет софитов. Все обзаведутся адвокатами, а события будут развиваться только в зале суда. Дело из косвенных улик, которое они строили почти два с половиной месяца, так и не стало крепким, но ему подошел конец. В ФБР были правы – с ним действительно было тяжело работать.

Когда строишь дело на косвенных уликах, всегда лучше привлечь подозреваемого, разговорить его, попросить помочь понять детали дела и надеяться, что он запутается в собственной лжи. А затем позже в суде присяжных обличить эту ложь и разрушить все разумные сомнения. Так и строятся подобные дела – на лжи. Но если подозреваемый нанимает адвоката – конец. Ни один адвокат в мире не позволит клиенту говорить в подобной ситуации. И уж тем более признаваться.

Каллен не станет говорить с детективами, но все еще может поговорить с другом. Тим и Дэнни это обсудили, а затем позвонили Эми домой и сказали, что им нужно кое-что еще.

Это был ход, который они не планировали делать еще несколько месяцев, но выбора больше не оставалось. Эми нужно было заставить Каллена говорить – и быстро. И она должна была сделать это лицом к лицу.

58

Микрофон представлял собой маленькую петличку, как в кино. Техник помог его прикрепить. Профессиональный процесс прерывался шутками Эми, потому что микрофон нужно было установить высоко, между грудями. Впервые детективы увидели ее шрам от операции по установке кардиостимулятора.

Это поменяло их настрой. Они предложили ей забыть всю эту сделку прямо сейчас, чтобы она не умерла там от стресса или чего-то еще. Эми заверила, что все в порядке, и, несмотря на то что ее сердце стучало как сумасшедшее, сделала это спокойно. Следующий вопрос она задала технику: не помешает ли кардиостимулятор микрофону?

После всего этого Эми удалилась в ванную и закрыла дверь. Тишина. Она поставила сумку на раковину и посмотрела на себя в зеркало. Она выглядела как обычно. Но разве ничего в ней не выдавало того, что она – секретный агент?

Эми бросила на себя свирепый взгляд, такой, которым награждала дочь, чтобы та себя хорошо вела. Поправила прическу, решила, что это глупо, и снова ее растрепала. Затем она выключила свет и вышла в коридор отдела убийств, готовая к записи.

Эми предложила Чарли пообедать и постаралась как можно быстрее закончить разговор. Чарли все равно хотел поговорить лично. Он сказал, что телефон, вероятно, подслушивают. Ему казалось, что так их встречи станут романтичнее. На самом деле прослушивался только телефон Эми.

После этого Эми позвонила Тиму, чтобы сообщить ему детали встречи, которая должна была состояться в итальянском ресторане «Каррабас». Тим был впечатлен: девушка выбрала еду, которую действительно хотела поесть, думая не только о том, как бы посадить своего друга – серийного убийцу, но еще и о цене домашних сосисок. Черт, Эми была не только самым забавным информатором на его памяти, она была, вероятно, самым лучшим. Если бы она захотела уйти из медицины, из нее вышел бы отличный коп.

Детективы разработали план в комнате для собраний ранее тем же днем. Цель была заманить Каллена за линию штата, чтобы поймать его в Нью-Джерси и избежать проблем с экстрадицией. В то же время они нацепили на Эми микрофон, надеясь, что она разговорит Каллена. Но когда Тим и Дэнни съездили, чтобы проверить место, они обнаружили, что «Каррабас» закрыт. Это была случайность, но счастливая. Встреча у закрытого ресторана,

видимая смена плана на ходу – если Каллен параноик, то это поможет заставить все выглядеть незапланированно.

Тим и Дэнни засели в «краун-виктории» без опознавательных знаков, припарковавшись в хорошем месте. Они наблюдали, как Эми вышла из машины, как Чарли вылез из своего голубого «эскорта» и как они оба поздоровались и пожаловались на закрытие ресторана. К тому времени как Дэнни настроил приемник, Эми уже ехала в машине, а Чарли ехал за ней. Детективы решили не отставать.

Эми тряслась от нервов. Она могла ехать, поворачивать ключ зажигания, нажимать на газ и использовать клаксон, но она не слышала ничего, кроме стука крови в собственных ушах. Она произнесла несколько предложений вслух – для себя, для богов, для детективов – и сказала, что едет в новое место, которое называется «Зэ офис», пытаясь звучать серьезно. А через пару секунд она решила: *черт с ним* – и выкрутила на полную радио, чтобы звуковая волна пауэр-метала смыла это все.

Эми увидела, что маленькая машина Чарли все еще маячит в ее зеркале заднего вида, когда завернула на парковку «Зэ офиса», и почувствовала новую волну паники перед необходимостью припарковаться между желтых линий. Она заглушила двигатель, чтобы поймать хоть полсекунды тишины.

Затем она взглянула в зеркало заднего вида, бросила на себя взгляд, который говорил: *веди себя спокойно*, и выскочила из машины со словами «Привет, милый!».

59

Беспроводной микрофон был взят у отделения по борьбе с наркотиками. Оба детектива понимали, что микрофон никудышный и его нечасто используют на суровых улицах округа Сомерсет, но надеялись, что его будет достаточно. Они услышали шум закрывающихся дверей машины, приветствия, легкую болтовню, как открываются двери в ресторан, затем последовал шум голосов, смех, звон вилок и тарелок. Они услышали, что Эми попросила тихую кабинку – *молодец*. Тим и Дэнни рефлексивно нагнулись в своих кожаных сиденьях, чтобы лучше слышать.

– Привет, милый. Ну как ты?

Чарли сощурился на декабрьское солнце.

– Да ничего, – сказал он.

– Да?

– Ну да, – сказал он, – в порядке.

Эми кивнула на царапины между носом и губой.

– Ты побрился.

Чарли закатил глаза.

– Ну да, я бреюсь слишком гладко. – Он потрогал подбородок, нащупывая засохшую кровь. – Я побрился, а затем взглянул на себя в зеркало в очках и сказал: «О боже!»[233].

Они прошли сквозь двойную дверь в хорошо декорированную пивную с висящими на стенах кружками для постоянных клиентов и столиками в дальнем конце зала. Эми снова взглянула на Чарли. Гладкое бритье, новая прическа и… ну да, он выглядел так, словно оделся на свидание.

– Поглядите на него, – сказала Эми, – в красивой рубашке.

– Знаю, – сказал Чарли. Несмотря на декабрьскую погоду, он был в летней одежде – белой свободной рубашке с такими же белыми штанами и ботинками. – Я весь в белом. – Если бы не узор из листов дерева на одной стороне рубашки, это выглядело бы как форма медбрата.

Эми сказала хостес, что они прогуливают работу, улыбаясь Чарли и стараясь выглядеть веселее по пути в дальнюю часть бара за официанткой.

– Так вот, – сказал Чарли, начав с места в карьер, – они говорили обо мне по радио.

– Подожди… *когда*?

– Ну, когда я сюда ехал, – сказал Чарли. Он пристально следил за новостями на протяжении нескольких дней. У репортера из ньюаркской газеты *The Star-Ledger* по имени Рик Хепп был неназванный источник, который подтвердил, что офис

прокурора округа Сомерсет расследовал серию возможных убийств в Медицинском центре Сомерсета с неизвестным медбратом в качестве подозреваемого. С этого момента утечка информации вызвала огромный скандал, обрастая масштабом и яркими подробностями. – Я слушал станцию, где играет классика, местная станция, 99-я вроде, местная стариковская станция. Или…

– И там сказали…

– Мое имя, – сказал Чарли, – Чарльз Каллен. И знаешь, на другой станции, 1015, сказали, что это медбрат. Я и читал об этом еще до… расследования, они это упоминали.

– И это…

Чарли следил за своей славой в газетах.

– The Newark Star{234}. И еще я читал в Morning Call – местной газете, – что они связались с работодателем… предполагаемым работодателем и… что они подумали… это Монтгомери, так что…

– Ого, Монтгомери, – сказала Эми, – это же…

– Как у нас сегодня дела? – спросил Джоэл, официант. – Могу я предложить вам пару напитков для начала?

Чарли в неуверенности посмотрел на Эми. Эми будет «Корону». Но Чарли уже несколько недель не пил. Он пообещал дочери, что не будет.

– Э-э… да, – сказал Чарли, – э-э… «Миллер»? Или Michelob?

– У нас есть Michelob Ultra.

– Да, – сказал Чарли, – хорошо, хорошо…

– Оно же низкоуглеводное, дружище, – сказала Эми.

– Да? – сказал Чарли. – Ха-ха. Нет-нет, тогда не его. Давайте «Корону».

Чарли подождал, пока официант уйдет, и тогда продолжил.

– Ну да, а моей старшей – тринадцать, – сказал он, – так что я просто сказал ей, позаботился об этом.

– Так ты сказал ей… потому что боялся, что это появится в газетах?

– Ну, я поговорил с ней пару дней назад, – сказал Чарли, – когда они вызвали меня на допрос. Потому что они мне сказали, что, ну… в следующий раз, когда они меня увидят, они наденут на меня наручники и арестуют, так что я захотел ей позвонить и дать об этом знать.

Чарли сказал Эми, что он просыпался и засыпал с одной мыслью: «Успею ли я поспать или они уже на пороге?» Однако звонок поступил вовсе не от полиции, а от репортера из газеты. Чарли стал знаменитым. Он хотел дать Эми знать, что это гораздо серьезнее, чем рекламный флаер.

– И ну… это опубликовали в *Нью-Йорк таймс*, так что…

– Вы уже посмотрели меню или… – опять официант.

Чарли опустил голову и принялся изучать коврик под столом, пока официант не удалился, а Эми снова не обратила на него внимание.

– Итак, – сказал он, – ты… хочешь, чтобы я начал с начала?

Шум вокруг микрофона очень быстро увеличивался: люди, рано закончившие работать, с каждой кружкой становились все громче, к тому же что-то электрическое создавало помехи в частоте микрофона – то ли управление воздушными полетами, то ли пейджер, то ли кардиостимулятор Эми, – они не знали. Знали только, что слушать непросто.

Мужчины наклонились, заставив провода повиснуть, словно приближение к приемнику поможет улучшить сигнал. Они услышали, как Эми говорит Чарли: «Давай начнем сначала», что заставило их придвинуться еще ближе.

– Когда… когда все случилось в Сомерсете, они сказали лишь, что…

– Что там какая-то проблема с моим резюме, – сказал Чарли, – ну, что-то вроде того. Я сходил на первое интервью, и все прошло нормально, а затем на второе, когда меня вызвали со смены… впервые в присутствии руководства, по делу преподобного…

– Что случилось? Я… я честно не знаю, что там произошло.

– Не знаю, – сказал Чарли, – ну, он выглядел нормально на тот момент.

– Он выглядел… он был твоим пациентом? – Эми все это, конечно, знала; она знала больше, чем Чарли мог себе представить. Ее задача заключалась в том, чтобы заставить Чарли произнести это. – Что у него было? – спросила Эми. – Чем он болел?

– По-моему, у него отказали печень и почка, – сказал Чарли, – нам пришлось диализировать.

– По-моему, он был моим, – сказала Эми.

– Да, ну, один раз он был у меня. Или два раза, – сказал Чарли. – Когда он был в отделении интенсивной терапии.

– То есть у тебя… он был в отделении интенсивной терапии, а затем его перевезли?

– Ага, перевезли его, а потом они… все говорили о том, как он умер и что уровень дигоксина был высоким… я не был уверен, что слышал… я помню, что видел его, но не помню…

– А когда это произошло, чьим он был пациентом?

– По-моему, моим, – сказал Чарли. Он объяснил Эми, как они показывали ему подписи. Он сказал, что не помнил каждый

раз, когда заказывал лекарства для необычного случая, но что иногда ошибался и иногда забывал очки… и все равно, вообще, кто все это помнит?

– И когда позвонили руководству?

– Когда-то после этого, – сказал Чарли.

– Так что, риск-менеджмент опросил тебя и показал карту?

– Да, показали карту, – сказал Чарли, – и показали мою подпись. И я не помню, чтобы я это делал, но я выписал «диг». И они показали мне записи «Пайксиса», у них были записи, и они показали мне, как, кажется, я заказал «диг» на другого пациента и отменил заказ. Я заказал его для кого-то другого и затем отменил заказ.

– Ты это *сделал*?

– Ну да, – сказал Чарли. Он глянул на Эми невинным взглядом. – Я это сделал.

– Чарли, ты идиот, – сказала Эми.

– Знаю, знаю, – ответил он.

– Слышал? – сказал Дэнни.

– У Ланд были записи из «Пайксиса» по Гэллу.

– И отмены заказов.

– Ага.

– Уроды.

Юго-западные блинчики с начинкой разложены словно лепестки ромашки вокруг соуса.

– Подожди, – сказала Эми, – у тебя газеты с *собой*?

– Да, – сказал Чарли, – ну, только одна. – Он бросил газету на стол, словно выигрышную комбинацию в покере, и стал наблюдать реакцию Эми.

– Нью… *Нью-Йорк таймс*? – ее шок был искренним.

Такова была ее реакция.

– Да, – сказал Чарли.

Эми покачала головой, не зная, какой должна быть правильная реакция.

– Э-э, вау, – сказала она, – долбаная *Нью-Йорк таймс*.

– Да, – Чарли кивнул на газету, – секция местных новостей.

Эми прочитала. Он следил за удивлением, которое отразилось на ее лице, движением губ, формирующим слова, которые она увидела на странице, белыми локонами, которые падают на ее лицо, пока она читает его описание.

– Тут просто говорится «медбрат», – сказал он.

– И… о боже, – сказала Эми странным голосом. – Интересно, кто это «…был уволен в конце октября».

– Да, – сказал Чарли.

– Бла-бла-бла… в пяти других больницах, – Эми посмотрела

на него, серьезно сощурившись. – Чарли, это правда?

– Да, смотри, дело в том, что… я работал в пяти других больницах…

– Это *правда*?

Чарли потянулся за своим пивом.

– У меня… были проблемы, когда я только начал… сначала я работал в центре святого Варнавы, и там был пациент, у которого произошел резкий спад уровня сахара, поэтому появились вопросы. – Он сделал глоток. – Но это ничем не закончилось. В «Святом Варнаве» были и другие проблемы. Кто-то вводил в сумки для внутривенного вливания инсулин и…

– *Что?* – сказала Эми.

– Да-а-а… – сказал Чарли.

– Но… зная, что ты в отделении интенсивной терапии, как они…

Чарли объяснил суть дела и как после передозировок и всех вопросов кто-то наконец проверил капельницы, и…

– Все капельницы или…

– О нет. Нет-нет, – сказал Чарли, словно это была самая странная вещь, которую он слышал в своей жизни. Он спокойно взял блинчик и подержал его в руке, ожидая реакции.

– Так… почему они… почему они повесили это на *тебя*? – спросила Эми, словно впервые нащупывая связь. – Они *пытались*…

– Да, но…

– Эти пациенты были пожилыми?

– Нет, – сказал Чарли, пережевывая блинчик, – один из них был помоложе{235}. Но другие… они меня допрашивали.

История в медцентре святого Варнавы была громкой. Чарли хочет, чтобы это стало ясно. Загадка. Капельницы ставили разные медработники. Даже умный человек не смог бы разгадать эту логику.

– Но что думал по этому поводу *ты*? Когда все это с тобой происходило, что, ты думал, *могло* случиться на самом деле?

Чарли пожевал блинчик, раздумывая над этим.

– Я точно не знал. Не знал… – сказал он. – Была одна пациентка с ВИЧ, у нее был смертельный случай СПИДа, и матери у нее не было, но *отец* хотел, чтобы пациентку… э-э… и он думал, что, возможно, это сделал я. Но я не был ни в чем уверен. – Затем Чарли быстро добавил: – Ну, меня так ни в чем и не обвинили. Но я оттуда ушел{236}.

– Но когда это было? Наверное, много *лет* назад.

– Ну да.

– Так и что ты думаешь? Потому что *выглядит это плохо*.

– Знаю, знаю.

– Я хочу сказать, что… Чарли, это выглядит *плохо*.

– Ну, я был целью расследования. В округе Уоррен за мной наблюдали. В больнице меня допрашивали. Они сказали: «Мы хотим с тобой поговорить». А потом: «Это будет долгое расследование, у нас недостаточно улик против тебя».

– Да, но *способен* ли ты на такое?

Чарли опустил голову. Долгое время он просидел без движения.

Когда он снова заговорил, его голос звучал неестественно медленно.

– Ну, аномальные лабораторные анализы, я… в другой раз это был «диг». Это было в больнице Уоррена. Пациентка умерла черед сутки после того, как я за ней ухаживал. Кто-то сказал… ее сын сказал, что я что-то ввел ей.

– Сын?

– Маленькая. Маленькая женщина. Мать… мать сказала… она сказала… да, я не очень хорошо помню, э-э… это, – с трудом выговорил Чарли, – а кроме этого, понимаешь, врач… он думал, что это укус насекомого, и они провели расследование. – Чарли рассказал, как настоял на том, что готов пройти детектор лжи по поводу смерти этой женщины. И да – он его прошел.

– Круто! – сказала Эми.

Чарли расцвел.

– А потом я подал на них в суд за дискриминацию, – сказал он. На самом деле это был оплачиваемый отпуск от Уоррена, который помог держать Чарли на расстоянии от больницы на протяжении трех месяцев, но выплата по решению суда – это примерно то же самое, а звучит гораздо лучше. – Они предложили договориться вне суда, и я получил около 20 000 долларов{237}, так что…

– *Круто!* – повторила Эми.

– Да-да-да, – сказал Чарли, – и тогда меня отправили в эту больницу после попытки суицида… так что вот еще один поворот в истории. – В газетной статье упоминалось его пребывание в психиатрическом отделении Мюленберга. Эту историю он любил рассказывать. – У меня тогда тянулся развод. Я был в Уоррене. А потом я начал… кое с кем говорить.

Пип-пип-пип. Эми нащупала в сумочке будильник. Он сигнализировал о том, что детективы должны перевернуть кассету. Чарли подождал, пока она вернулась в позицию слушателя, чтобы продолжить историю.

– Так вот, я начал… встречаться с кем-то… в романтическом смысле. Технически я разводился и… думала она или нет…

Эми взвизгнула:

– Ты изменял жене?

– Да… ну я же разводился.

– Так ты *изменял* жене!

– Ну, – сказал Чарли, – технически это было *до* развода.

– Технически, – передразнила Эми.

– Технически, – сказал Чарли. Точно так же, как сейчас он *технически* все еще жил с Кэти[238].

Однако после визита копов, обыскавших дом, и игривых сообщений от Эми на автоответчике Кэти была убеждена, что Чарли с Эми собираются сбежать в Мексику, как отчаянные. Не самая худшая идея: Чарли даже одет был соответствующим образом.

Чарли снова рассказал Эми историю про преследование Мишель, превращая ее в дешевый любовный роман. Она ему нравилась, но возникло недопонимание, которое привело к этой дурацкой ситуации, когда он… э-э… *вломился к ней домой одной ночью* и…

– Вам что-нибудь принести? – Эми повернулась. Это снова был надоедливый официант.

– Знаешь что… как там тебя? Джефф? Джоэл. Джоэл, давай мы тебя позовем, когда будем готовы, хорошо?

Эми проследила, как он ушел. Из-за него и свободного полета мысли Чарли она никак не могла добиться своего. Ее храбость заканчивалась быстрее, чем пиво могло ее подпитать. Она представила, как разрывается ее сердце и в микрофон слышится этот всплеск.

– Хочется просто глаза ему выколоть, – сказала она и заговорщицки взглянула на Чарли. Долго она этого не выдержит.

В наушниках послышался скрип двери, затем еще раз. Шум ресторана стал далеким и тихим. Затем еще один скрип, удар каблуком о плитку и металлический звук общественной кабинки.

– Так, вы бы лучше сделали потише, – сказала Эми.

Она не понимала, какой публичной стала ее жизнь, до того момента, как ей потребовалось сходить в туалет. Кто знает, сколько людей слушает. Эми закрыла глаза, чтобы не обращать внимания на звук шелеста жидкости о фарфор. К ее сердцу прикреплен микрофон. Они всё слышат.

Она включила раковину, звук которой наконец дал ей почувствовать себя в одиночестве, и осмотрела в зеркало девушку, которой доверяли и Чарли, и детективы.

Кто она? Друг? Шпион? Эми провела пальцем по шраму на груди, размышляя о своем больном сердце, рядом с которым висит микрофон. Теперь это ее жизнь; кто-то слушает по радио,

как она мочится. Она абсолютно прозрачна, как пластиковая женщина, которая хранится в кабинете биологии, а противоречивые сферы ее внутренней жизни выражались в разноцветных кусочках: травмы и комплексы, эндокринные выделения страха и надежды. Она не могла так же разглядеть, что находится внутри Чарли. За экранами компьютера и бумагами, отменами и формой был человек, которого она не знала. Но, может, теперь, сидя напротив него в ресторане, у нее получится его узнать. «Ты сможешь», – сказала она себе. Послушала собственный голос и осталась довольной. Она проверила свой внешний вид и вышла из туалета.

Эми подумала, что Чарли мог сбежать из ресторана. Она вдруг представила его на трассе, едущего на север к ее дому, ждущего на подъездной аллее возвращения из школы ее дочерей и… но он был на месте, сидел сгорбившись, словно отключенный робот. Эми села на свое место и увидела, как его глаза загорелись и заметили ее. Вдруг он снова был здесь и начал рассказывать историю с того места, на котором остановился.

Чарли свободно говорил об обвинениях и обстоятельствах дела, рассказывая подробности загадочных смертей пациентов. Ему это давалось легко. *Они* думали, что он это сделал, говорил Чарли. Больницы. Следователи. Про *них* он мог говорить.

– Чарли? – сказала Эми. – Я должна у тебя кое-что спросить. *Ты* способен на такие вещи? – Чарли резко замер. – Потому что я хочу это знать. *Способен?*

Чарли сидел молча. Наконец он заговорил монотонным голосом, глядя на стол.

– То, что они говорили… эти люди умирали… умирающие люди… они были в плохом состоянии, но…

– Чарли?

– Я не очень хочу говорить об этом с тобой, – сказал он. Он посидел, уставившись вперед, еще несколько секунд. – Зная, что, ну… я… они даже спросили, привлекают ли меня смерти пациентов, понимаешь… – заговорил он наконец. – Они… они сказали, что да.

– Чарли, – сказала Эми.

Он снова посмотрел на нее.

– Послушай меня.

Он ждал.

– Ты… *замечательный*.

Чарли слушал.

– Ты… – Эми искала подходящее слово, – *феноменальный* медбрат. И ты мой… мой лучший… *напарник*. С которым я *когда-либо* работала. И я… понимаешь, я *вижу* это, *слышу* это и думаю,

Чарли, что… понимаешь… я не могу представить, чтобы я стала целью расследования *один* раз. А ты становишься ею *снова* и *снова*…

Чарли вновь уставился в свое пиво.

– Чарли?

Он поднял глаза.

– Что ты думаешь… о *себе*?

Эми загоняла Чарли в угол.

– Но я не… я не…

– Ты знаешь, как я за тебя беспокоюсь…

– Я знаю. Я знаю, это не… – он покачал головой. – Сейчас уже, если мне *предъявят* обвинения…

– Чарли, – сказала Эми, – Чарли. Посмотри на меня.

Он посмотрел.

– Это происходит *снова* и *снова*.

– Хочу ли я, чтобы это кончилось? – сказал он.

– Хочешь ли ты, чтобы тебя поймали? – осторожно спросила Эми. – Хочешь, чтобы это закончилось навсегда?

– Я… правда… обвинения… – начал Чарли.

– Чарли, – сказала Эми, – посмотри на меня. – Она почувствовала, что теряет его, и наклонилась ближе. – Посмотри на меня.

Он посмотрел.

– Ты не глупый.

Он наблюдает за ней.

– Ну да.

– И ты знаешь, что я не дура.

– Да, знаю, знаю.

– И как я о тебе беспокоюсь.

– Да, я знаю, знаю, знаю…

– И я боюсь за тебя, – сказала Эми. Она ничего не могла с собой поделать – ей становилось грустно. – Ты хочешь, чтобы тебя поймали?

– Сейчас это… если они предъявят обвинения и… я просто чувствую себя немного… э-э… утомленным, – сказал Чарли, – и мне кажется, ну, что больница… обвинения, если они… когда… э-э… меня заберут, а у меня обязательства и…

Она взяла его руку, неподвижно лежащую на столе.

– *Пожалуйста*. – Она начала плакать. – *Пожалуйста*, позволь тебе помочь.

– Я не… Я… Я не могу.

– Позволь тебе помочь.

– Я не могу. Я не могу…

– *Позволь тебе помочь*.

Чарли замер.

– Я вижу тебя, Чарли, и я *не* дура. *Никто* не становится объектом расследования *просто так* снова и снова, Чарли. Ты *знаешь*, что я это знаю.

Он уставился на дырку в столешнице.

– Я…

– Чего ты хочешь? – спросила Эми. – Что ты будешь делать дальше?

– Я не знаю. Я не знаю. Я…

– Будет проще, если тебя поймают?

– Нет, – сказал Чарли, – не будет. Я…

– Как же тебе остановиться? – спросила Эми. – Почему? *Почему?* Ты же *такой хороший*. Ты *сам* знаешь почему.

Чарли покачал головой, глядя в пол.

– Чарли, что с преподобным Гэллом? Что случилось? *Что случилось*?

– Я просто… не могу… Я не могу… Я… Я не могу… Я…

– Я *знаю*, что можешь. Что случилось? Я знаю, что ты боишься, но *что случилось*?

– Я… я справлюсь с…

– Чарли, я рядом, – сказала Эми, – *сейчас*. Ты знаешь?

– Это… у всех на виду, – сказал Чарли, – я не хочу… Я не… Я не хочу, чтобы моя жизнь… Она… Моя жизнь… развалится.

– Твоя жизнь *уже* развалилась, – ответила Эми. Она дала ему время над этим подумать. – Уже развалилась. *Уже развалилась*.

– Надеюсь, что нет. Надеюсь, что нет. Надеюсь, что нет.

– Да, – сказала она, – *твоя жизнь развалилась*. И *продолжает разваливаться*. И она уже не наладится. Мне так кажется. – Она потрясла перед ним газетой. – И я читаю это…

– Люди… верят… – его глаза забегали по столу, – это… зависит от того, на что, ты думаешь, люди способны.

– Пожалуйста. Скажи, как мне помочь тебе, – сказала Эми, – *пожалуйста*, скажи мне. Что я могу сделать?

– Ты. И. Так. Помогаешь. То, что происходит… неприемлемо. Ты знаешь… Я…

– А *что* происходит? Чарли?

– Обвинения. Тюрьма, – сказал Чарли. Он словно находился где-то глубоко на дне, а слова всплывали на поверхность, как пузырьки. – Я потеряю. Моих детей…

– Ты *уже* их теряешь, – сказала Эми, – ты уже теряешь их. И… я никогда не уважала коллегу так, как уважаю тебя. И мое *сердце разрывается*, когда я на тебя смотрю. Потому что я понимаю *тебя*. Из всех, кого я знаю, понимаю я только тебя. И я *знала* тебя и *чувствовала* тебя.

Чарли тихо покачивался на своем месте, как ребенок, мямля:

– Я не знаю о… о, ну, твоей идее, чтобы я… ну, чтобы все закончилось…

– Как нам это сделать? Как нам это сделать?

– Я… Я… Я… Я, все, что я могу… – сказал Чарли. Его голос звучал монотонно и очень тихо. – Я говорил им правду. Правду. Правду.

– *Недостаточно* правды, – сказала Эми. – Что, если ты признаешься?

Чарли взглянул на нее.

– Я не могу.

– Есть другие варианты?

– Я… встречу их лицом к лицу, – сказал Чарли, – встречу обвинения… они… я… они не знают, что… я не смогу пережить суд…

– Чарли, – вскрикнула Эми, – это же я. Почему? Просто… почему? Почему это началось? Чарли! Почему? Ты когда-нибудь остановишься? Ты можешь врать копам, но не мне. *Не* мне.

Чарли бормотал что-то, повторяя одни и те же слова по кругу.

– Я *не* дура, – сказал она, – я не боюсь быть твоим другом. Я твой друг.

Эми казалось, словно виниловая будка растет и поглощает ее.

– Мне… нравится. Быть с тобой. Я любила… когда мы вместе работали на остановках сердца. Я *обожала* быть с тобой в одной смене. И ты ушел… бросил меня.

Она подвинула газету к точке на столе, в которую уставился Чарли.

– Милый. Я читаю это – и знаешь что? Я была сестрой все эти годы. И *никто* не обвинял меня в убийстве. А тебя обвиняли уже пять раз… может, даже больше; ты говорил, что больше. И люди на самом деле верят, что ты убил этих пациентов.

– Нет, я не могу… это не… я не могу…

– Я здесь, Чарли, – сказала Эми, – я здесь, потому что… я тебя люблю. И я здесь, потому что… я *знаю*, что ты убил этих людей.

Чарли сидел без движения.

– Я это *знаю*, – сказала она.

Мир замер. Его губы задвигались.

– Это ради… адреналина? – спросила Эми. Она потянулась через стол. Его рука была холодной. – Ты делал это для того, чтобы ощутить то, что мы ощущаем при работе с остановкой сердца?

Глаза Чарли уставились на край стола.

– Я не знаю почему, – сказала Эми, – я… Я не знаю, что тобой двигало. Но я знаю, что ты умный. Я *знаю*, что ты это сделал.

– Я не могу…

– Я знаю, что ты это сделал. Пойдем в отделение. Мы вместе им расскажем.

– Я не могу, я не могу, я не могу…

– Потому что я *знаю*, что ты их убил, Чарли.

Чарли посмотрел на нее.

В этот раз она почувствовала волну холодного воздуха. А затем она увидела, как он поменялся.

Его кожа стала гладкой и блестящей. Его челюсть поменяла форму и позвоночник поменял положение. Затем его глаза разошлись в разные стороны.

Правый глаз уставился на край стола, в его темноту, проделывая кинестетический путь туда и обратно. Левый глаз смотрел на нее. Восковая голова поворачивается и говорит. Его голос звучит низко и холодно. Эми никогда раньше не слышала этот голос. Он не похож на человеческий.

Рядом за этим наблюдают детективы под прикрытием, мужчины с пистолетами… но ей даже не страшно. Она не чувствует зло от человека напротив. Это не ярость и не жажда убийства. Это пустота, кошмарное ничто. Занавес упал. И за ним ничего нет. В ту секунду она поняла: Чарли – это не Чарли. Она не знала его только потому, что знать было просто нечего.

Тим поворачивал приемник и так и сяк, но ничего не было слышно. Голоса были искаженными и тихими. Детективы немного послушали, морщась от шумов из динамика. Дэнни попробовал покрутить ручки. Спустя пару минут они просто уставились на вход в ресторан.

Первым вышел Чарли, один, из боковой двери. Они посмотрели, как он открыл машину и выехал на 22-ю трассу.

– Где она? – спросил Тим.

– Не знаю.

– Мне это не нравится, – сказал Тим, – я иду внутрь.

Затем Эми вышла из главного входа. Она повисла на ручке двери и остановилась в шоке. Детективы выскочили из машины, помахали ей и закричали. Эми посмотрела в направлении звука, затерянного в море парковки.

Она дошла до машины и в слезах свалилась в руки Дэнни. Тим открыл дверь, и они посадили Эми, чтобы она пришла в себя в тепле обогревателя «краун-виктории». Диктофон стоял между сиденьями, лента все еще крутилась. Его вид привел Эми в чувство.

– Ну, – сказала она, – вы всё слышали?

Тим посмотрел на Дэнни.

– Мы его возьмем, – сказал он, – но… нам не все, что он

говорил, было слышно.

– Я сказала ему, – ответила Эми, – сказала, что знаю. И с ним произошло что-то странное. Его лицо. Оно стало… ужасным. И он повторял одно и то же, снова и снова.

– Что он говорил?

– Он говорил очень странно, – сказал Эми, – низко, как будто рычал, и делал паузу после каждого слова. Но, кажется, он сказал: «Я. Буду. Бороться. До. Конца».

60

Эми нужно было подписать показания в офисе прокурора, прежде чем ее отпустили на рождественскую вечеринку на работе. Не важно, что у нее был за день, посетить вечеринку было *надо*. Это было главное событие года на работе, ради которого сестры подстраивали свое расписание. Обычно эта вечеринка была хорошей по сравнению с обычными корпоративами: врачи, сестры, фармацевты, администрация, секретари и другой персонал собирались под диско-шаром в танцевальном зале отеля «Бриджуотер Марриотт». Коллеги Эми рассчитывали на появление завзятой тусовщицы, которая не стеснялась соблазнять врачей, трясти задницей на танцполе или заставлять всех пить шоты с неприличными названиями. Рождественская вечеринка без Эми – все равно что без Санта-Клауса. Эми не привыкла подводить никого, кроме себя. Она позвонила Донне из кабинета Дэнни и сказала, что опаздывает, но не может объяснить почему.

В Эми бушевало множество неосознанных эмоций. Сначала она чувствовала отвращение от признания Чарли, затем вину, что не поняла, какой он человек раньше, а затем страх перед тьмой внутри него. Она боялась, что ее участие в деле могло стоить ей работы. Потом, спустя секунду, она чувствовала прилив гордости. Она надела микрофон, работала под прикрытием на отдел убийств, ловила серийного убийцу. Она такая крутая! Она чувствовала себя особенной и ощутила, как ее захлестнуло такое тщеславие, которого она не испытывала с тех времен, когда играла на басу в рок-группе. Затем она осознала, что подпитывает свое эго близостью к убийству и подлости, так же как и Чарли за обедом, когда показывал газеты, сделавшие его знаменитым «ангелом смерти». Тогда Эми снова начала себя ненавидеть, а потом почувствовала вину и злость. Эмоции сменяли одна другую. Ни одна из них не задерживалась, казалось гораздо проще не чувствовать ничего. Она жаждала безразличия. Алкоголь для этого был универсальным решением. Он может помочь ей очистить голову.

В отеле она сперва зашла в комнату, которую они сняли с подружками, и немного выпила до вечеринки. Она осмотрела себя в зеркало в лифте и убедилась, что выглядит сексуально: волосы, завитые в золотистые локоны, макияж безупречен, как на выпускном, и платье, которое она выбрала за несколько недель до вечеринки. Оно было узким, без бретелек и приподнимало грудь почти до подбородка, сделанное из кроваво-красного атласа. Эми подумала, что она выглядит по-сказочному, как злая Золушка.

Когда двери лифта открылись, она добавила развязности в походку и направилась к танцевальному залу. Может, она и не знала, кем являлась на тот момент или как себя чувствовала, но она точно была уверена в том, что обратит на себя внимание мужчин. При взгляде на такое платье лицо каждого парня превращалось в зеркало. Она знала, что это поверхностное чувство, но оно наполняло ее уверенностью.

Исполнительный директор Сомерсета Деннис Миллер произносил перед сотрудниками речь, когда она зашла в зал. Эми направилась прямиком к бару, заказав два «Хайнекена» достаточно громко, чтобы некоторые обратили на нее внимание. Миллер все еще говорил. Эми взяла пиво, допила одно, заказала еще и понесла его в направлении того места, где сидели сестры. Она драматично опустилась в свое кресло, сделав восторженное лицо всем знакомым, поднимала бокал и вообще создавала слишком много суеты. Мужчина у микрофона продолжал говорить. Миллер. Эми сфокусировалась на его красном лице и красном галстуке. Он говорил о Чарли. Миллер не упоминал его имя, но речь шла о нем. Он поздравил Сомерсет с тем, что они не испугались и заявили о нарушениях. «Бла-бла-бла», – сказала Эми. Вот что это было. Мотивационная речь. Он присваивал себе все заслуги. *Я заявил об этом, я заявил о том*. Эми стало противно. *Она* заявила об этом. *Она* рисковала своей работой. Разве никто больше не понимал, какая это чушь? Эми осмотрела лица сидящих за столом в поисках поддержки, но все остальные просто слушали Миллера и ждали, пока он закончит, чтобы съесть десерт. Эми от этого тошнило. Она подозвала официанта и заказала два бокала белого вина.

Миллер говорил: *другие больницы смотрели на это сквозь пальцы, но мы вышли с открытым забралом, как команда.*

«Бред», – сказала Эми, может быть, слишком громко.

Он говорил, что *гордился Сомерсетом за то, что они обеспечили безопасность пациентов.*

«Ложь, ложь, ложь, – сказала Эми, – бла-бла-бла».

Теперь все за столом смотрели на нее. Некоторые улыбались: *типичная Эми.*

Эми знала, что выглядела сногсшибательно, но задумалась, не смотрят ли на нее отчасти из-за Чарли. Разумеется, никто из ее коллег не знал, что она была тайным информатором и работала с офисом прокурора, что сегодня днем она обедала с убийцей или что в последние несколько недель тайно выносила улики из больницы. Она видела, как за другими столиками все наклоняются и шепчут что-то друг другу, смотрят на нее. Ходили слухи, и поэтому во взглядах читалось: *она одна из нас или одна из*

них? На тот момент она и сама не знала. Она похлопала чуть громче, чем нужно, когда Миллер сошел со сцены, и выпила раунд шотов. Свет потух, заиграла музыка, несколько ее случайных коллег похлопали в ладоши, встали на одно колено и выстрелили в воздух из воображаемых пистолетов.

Эми увидела, как Миллер ходит от столика к столику с напитком в руке. Она встала и подкралась к нему, подождала, пока он заметит. Он заметил. Ему понравилось платье. Он наклонился, прокричал ей что-то в ухо. Эми не могла не услышать и все равно ответила: «Что?»

Миллер подозвал официантку с напитками, взмахнув двумя пальцами. Он выглядел самоуверенно. Один из этих людей у власти с аккуратной бородкой и кучей седины в волосах. Она его ненавидела. Он наклонился к ее груди. «Я должен узнать твое имя! – сказал он. – Кто ты?»

Эми допила вино, оставив немного на губах, и прислонилась ими к его уху. «Я лучшая подруга Чарли Каллена!» – ответила она.

Миллер выпрямился. Эми показалось, что у него изменился цвет лица, хотя она не была уверена, что дело не в освещении. Она подумала, что он уйдет, сбежит к бару, но он остался на месте. «Я тебя знаю», – сказала она. Она снова наклонилась, взглянув ему в глаза.

«Знаешь, да?»

Эми поняла, что ему нравится, то, что музыка заставляет их наклоняться и дышать друг другу в лицо. «Да, – сказала она. – А ты меня знаешь?»

«Теперь – да», – ответил Миллер. Он взял ее за руку. Она позволила ему отвести себя на танцпол.

«Я кое-что знаю, – сказала Эми сквозь музыку, – я знаю, что произошло. У вас есть секреты, мистер… закулисные тайны». Миллер ей усмехнулся. Кажется, он думал, что она с ним флиртует. Она понаблюдала за тем, как он сделал легкий разворот, словно на школьных танцах, со своей самоуверенной улыбкой на лице. Эми хотелось изрыгнуть на него все, что она о нем знала. Просто выместить на нем весь свой день, каждую эмоцию, каждый страх, все тайны и всю злость. Она хотела, чтобы он боялся так же, как она. Чтобы он был хотя бы скромным. Они танцевали не друг с другом, а скорее напротив друг друга, каждый в своем ритме. Эми исполняла танец, в котором указывала на него так, словно хотела его пристыдить. «Я кое-что знаю, – прокричала она, – важные новости. Важные-преважные новости».

Миллер прислонил руку к уху, даже не пытаясь ее услышать,

и взял ее за руку, чтобы она покрутилась. Но теперь ее подруги их фотографировали. Типичная Эми! Вспышки фотоаппаратов напоминали стробоскопы. Эми посмотрела на свою руку, на мужчину в галстуке, на фотографов. Кто она такая? Она наслаждалась вниманием, злилась на этого мужчину, танцевала… Она была пьяной. Пьяной, запутавшейся и на рабочей вечеринке. «Ты – лжец», – сказала Эми, развернулась и пошла к столику своих подруг. «Дэннис Миллер – лжец, – объявила она, – он лжет».

Эми не знала, что делать дальше, и поэтому пошла к бару. Она попробовала выпить еще, пофлиртовать с симпатичным доктором. Наконец она вышла на парковку. Отдаленные звуки шоссе сливались с музыкой. Она посмотрела наверх, но не увидела ни звезд, ни неба.

61

Чарли выехал на своем «форде-эскорте» с парковки ресторана «Зэ Офис» в поток движения на западной части 22-го шоссе в 16:40. Дэнни дал сигнал офицерам Тимоти Масто, Майклу Вануверу и детективу Дагласу Браунлаю, которые располагались дальше по улице в машине департамента шерифа округа Сомерсет без опознавательных знаков. Они с Тимом хотели сделать это сами, но офицером, который арестует Каллена и зачитает ему права, не мог быть тот, кто впоследствии будет его допрашивать. Тим понял, что, если арестовать парня и сказать: «У вас есть право хранить молчание», а затем пытаться его разговорить, он подумает, что ты издеваешься. Лучше пускай его остановит полицейский в форме на обычной служебной машине, чтобы это выглядело как рутинная дорожная проверка. Затем, если повезет, Каллен будет готов разговаривать с парнями в костюмах.

Спустя пятнадцать минут машина с сиреной выехала за Чарли и остановила его. Чарли вырулил на заасфальтированную обочину перед поворотом на Фронтир-роуд. Офицеры приказали ему выйти из машины и лечь на землю, затем заковали Чарли в наручники и посадили на заднее сиденье полицейской машины. Его отвезли в офис окружного прокурора на Норт-Бридж-стрит и пристегнули наручники к цепи, привинченной к полу в комнате для допросов. Затем появились Тим и Дэнни.

Чарли посмотрел на мужчин в костюмах, больших парней в маленьком помещении. Оба стояли над ним, прикованным к полу.

«Приветик, – сказал Тим. Он показал большим пальцем на себя и Дэнни. – Помнишь нас?»

Чарли опустил взгляд.

«Ну и где ты теперь, урод?»

Чарли попытался отвернуться, но был пристегнут на слишком короткую цепь. Мужчина продолжал говорить.

«Ага, вот так, большой сукин сын, – сказал Тим, – я же тебе говорил. Говорил ведь?»

Тим был острым на язык и признавал, что наслаждался этим. Но издевательства над Калленом были призваны не только удовлетворить его словесный зуд. Тим знал, что Чарли Каллен много раз был объектом расследования, но никогда не ощущал на себе последствий. Он принимал решения, а платили за них своими жизнями другие люди. И не важно, как он выглядел в тот момент, этот факт означал, что Каллен – самовлюбленный тип.

Нет более окончательной формы контроля над другим человеком, чем убийство.

Детективы хотели, чтобы Каллен понял: он больше не контролирует ситуацию. Это не ночная смена в больнице, где Чарли был главным, это комната для допросов. Он должен был понять, чем грозит ему новая реальность. Он должен был осознать последствия. Его необходимо было разорвать на части и сломать. В это время остальные сотрудники офиса прокурора стояли за стеклом и думали, сколько он там просидит, прежде чем одумается и попросит адвоката.

По правде говоря, они не могли *заставить* Чарли говорить, никто не мог. Все, что детективы могли сделать, – создать обстановку, в которой он *захочет* говорить.

Они просили Каллена рассказать то, что, по его мнению, он не мог им рассказать. Работа детективов заключалась в том, чтобы разрешить для него этот парадокс. Они должны были поставить под сомнение все, во что он верил, чтобы вся его вселенная рухнула. Им нужно было построить вокруг него мир, в котором признание в убийстве было бы хорошим вариантом. И единственный способ это сделать заключался в том, чтобы создать ситуацию, в которой не говорить было бы еще хуже.

«Я скажу тебе, что я думаю, Чарли, – сказал Тим, – я думаю, что ты дрочил на мертвых людей. Мы видели твой “Сёрнер”. Мы видели твои заказы препаратов и их отмены. Ты у нас на крючке, урод. Мы просто хотим, чтобы ты это признал, вот и все. Ты этим занимался? Дрочил до или после того, как убивал этих людей, Чарли?»

Чарли на него не смотрел. Он изучал угол комнаты.

«Ты знаешь, что о тебе услышит мир? – сказал Дэнни. Он подошел так, чтобы Чарли мог его увидеть. – Что ты больной сраный монстр. Чарли Каллен, да… медбрат, которого возбуждали мертвые старики. Так ведь все было с Гэллом».

«Я не могу, – тихо сказал Чарли, – не могу. Я…»

«Почему бы тебе об этом не рассказать нам, ублюдок? – сказал Тим. – Потому что иначе тебя будут знать именно так. Больной извращенец, который убивал, потому что его это возбуждало. Классно будет твоим детям. Разве ты можешь так с ними поступить? Ты вообще думал о своих детях, Чарли?»

После нескольких часов такого разговора Чарли свернулся в позе эмбриона и рыдал, закрыв лицо руками. Тим видел, чтобы так делали, два, может, три раза за всю карьеру. Это была последняя остановка, перед тем чтобы сломать. Любой другой уже во всем бы признался. Но Чарли оставался на краю. Казалось, что он по какой-то причине не может пересечь эту черту. Дэнни и

Тим решили попробовать другой подход.

Они по очереди стали говорить Чарли. «Эй, где там твоя подружка? Она звонила в тюрьму. Эта Эми. Вы частенько оказывались рядом, когда кто-то умирал. Может, нам и ее сюда посадить?»

«Я не могу. Я не могу. Я не могу…»

«Вы это делали по очереди или вместе вводили шприц?» Они пробовали побудить его защитить Эми.

Потом они давали Чарли перерыв, выходили, чтобы он ненадолго заснул, а затем возвращались. Перерывы не носили регулярный характер. Они входили, когда хотели, выходили, затем возвращались, иногда вместе с капитаном Николасом Магосом, удивляя Чарли, показывая, что он не контролирует ситуацию. Показывая, что они могут делать это всю ночь.

«Ты либо больной ублюдок, либо “ангел милосердия” – тебе решать. Извращенец или убивающий из сострадания – что больше понравится твоим детям?»

Они повторяли это час, выходили, приносили кофе, смотрели на мониторах, как он катается по полу, возвращались в комнату и снова давили на него: «Что, если я скажу тебе, что у нас есть твои отпечатки на одной из сумок для внутривенного вливания?» Блефуя, но оставляя пространство для маневра с помощью формулировки «что, если» – на случай, если он надевал перчатки.

Прошло шесть часов, но Чарли по-прежнему лежал, свернувшись, и трясся, издавая утробные животные звуки. Детективы встали над ним и слушали. Звуки нервного срыва. Невербальная коммуникация. Все еще не признание. Иногда Чарли останавливался и, казалось, брал себя в руки, но затем снова рыдал, закрыв лицо руками. Иногда он пялился на пол, словно там была карта, а он потерялся. Иногда он просто говорил: «Я не могу», повторяя это полчаса подряд, словно мантру отречения. Он устал. Каллен был ночным медбратом, привыкшим к поздним сменам, но сейчас он уже должен был вымотаться. Это было хорошо. Детективы вышли из комнаты, чтобы дать ему повторять свое *я не могу* стенам. Они взяли свежий кофе, обсуждая, с какого угла зайти в следующий раз: истории с Эми или рассказов об извращенце, когда Форрест сказал: «Отправляйте его обратно». Это означало, что допросу конец и Каллен вернется в тюрьму.

Тим и Дэнни еще не закончили и не думали, что Чарли Каллен тоже закончил. Иногда человек доходит до финальной точки, до самого конца, но Чарли пока не дошел. Он был в пути. Они были так близко, что еще одна попытка могла увенчаться успехом. Чуть-чуть подтолкнуть его, и он дойдет до края. Уйти

сейчас – и в суд он точно не отправится.

Но прокурор Форрест беспокоился, что это может выглядеть плохо. Было три часа утра, парень хрипел на полу, практически исходя пеной. Они давили на него уже девять часов{239}. Форрест не думал, что все это куда-то приведет. С них хватит. Тим и Дэнни знали, что к утру у него появится адвокат.

Тим приехал домой и лег спать в четыре утра. Он надеялся, что внутренний будильник позволит ему поспать следующим утром, но нет, солнце встало, и Тим встал вместе с ним. Он ненавидел терять большое дело, оставлять его незаконченным. Он даже не был ведущим детективом, а чувствовал себя так паршиво. Дэнни должно быть еще хуже. Это сбивало с толку и никогда не казалось правильным. Его мозг оставался в режиме тревоги, пытался расколоть парня, когда вместо этого Тим должен был расслабляться и отдыхать, отпустить ситуацию. Он выполнил свою работу. Наступили выходные. Куча мелочей, которые надо сделать по дому. Время для этого как раз наступило. Съездить в загородный дом, проверить трубы. Хлопоты. К началу дня Тим обнаружил, что сидит в автомобиле на парковке торгового центра, стуча пальцем по рулю, пока его жена покупает что-то в магазине для рукоделия.

Тима мучило то, что они не закончили с Чарли. Он бы зашел туда еще раз, попробовал бы еще несколько часов. У Каллена был тот самый вид. Теперь с адвокатом этот парень больше не откроет рта. Это затянется на пару лет, попадет в суд присяжных по делу об одном убийстве и одном покушении на убийство – и это *если* у Сомерсета не хватит связей, чтобы тихо обставить всю историю с присяжными, а Тим думал, что у них еще как хватит.

Выдержит ли суд обвинение в убийстве преподобного Гэлла? Есть ли у них достаточно, чтобы его осудить, или придется идти на сделку? Тим вспомнил убийцу Дюрьеа, обвиненного в одном покушении и вышедшего на свободу через семь лет. Тим мог его себе представить. Он, вероятно, шел по улице и насвистывал веселую мелодию в этот самый момент. Может, он был в этом же торговом центре, покупал подарки на Рождество.

Почему нет – казалось, что все остальные сюда приехали. В конце концов, это же долбаные выходные.

Тим подумал об этом, барабаня по рулю. Подумал об этом снова. А затем подумал: *а что, если?..*

Тим набрал номер телефона и дозвонился домой помощнику прокурора Тиму ван Хайзу, который сказал ему, что, разумеется, это все еще легально и он с радостью его поддержит. Каллен подписал форму Миранды. Он указал, что знал свои права. Он согласился на допрос без адвоката. Это было вчера, но форма

пока действовала.

Каллена арестовали в пятницу после рабочего дня. Он сразу отправился на допрос и в окружной тюрьме оказался только рано утром. Были выходные. Судья наверняка отправился с женой за рождественскими покупками. Чарли еще не предъявлены обвинения. Он не виделся с судьей. Тим позвонил сотруднику тюрьмы. Дело Чарли все еще было у него. Ни один адвокат его пока не взял. Тогда Тим позвонил Дэнни. Этого-то звонка Дэнни и ждал.

У них оставался шанс с этим парнем. Они не закончили. Им просто надо было еще один раз привезти Эми в Сомервилль.

62

Новости об аресте убийцы пациентов в Медицинском центре Сомерсета появились в пятницу днем. Звонки стали раздаваться меньше чем через минуту и загрузили диспетчерскую офиса окружного прокурора 175 запросами, рассказами о потенциальных жертвах и обеспокоенными членами семей. Во второй половине дня Тим и Дэнни оставили детективов Браунлая и Магоса разбираться с общественностью, а сами отправились в окружную тюрьму.

Сержант провел их мимо пропищавшего металлического детектора и двустороннего зеркала через несколько жужжащих электронных дверей к камерам. Тим и Дэнни обнаружили Каллена свернувшимся на кровати и пялящимся в стену.

– А вот и *он*, – сказал Тим.

Каллен повернулся. Он посмотрел на них, а затем опустил глаза.

– С тобой тут хорошо обращаются, Чарли? – спросил Дэнни.

Чарли взглянул на свои тюремные кроссовки.

– Да, ничего. Эти ботинки не моего размера, но… ладно. Холодно…

– Ну да. Посмотрим, что мы сможем с этим сделать, – сказал Дэнни, – а пока я тебе вот что скажу. Я не знаю, ты… ну, в общем, дело такое. Твоя подруга опять звонила.

– Эми?

– Да, – сказал Дэнни, – Эми. Все звонит и звонит.

– Никак от нас не отстанет, – добавил Тим.

– Она очень переживает, – продолжил Дэнни. – Сказала, что ей нужно с тобой поговорить. Она расстроена.

История, которую придумали Тим и Дэнни, гласила, что Эми – истеричная, но верная подруга с влиятельными связями в местном правительстве.

– Нам-то все равно, – сказал Дэнни, – но теперь босс на нас давит. Так что вот как мы поступим. Мы с Тимом хотим привести тебя в комнату для допросов, продолжить нашу беседу.

– А ты сможешь поболтать со своей подружкой.

– Эми.

– Да, с Эми. Вы поговорите, и она от нас отстанет. А после мы поговорим с тобой. Идет?

– Конечно, – сказал Чарли. Это его устраивало.

Сержант открыд дверь Каллена и провел его к металлическому столу, где Дэнни дал ему форму Миранды, чтобы он прочитал ее вслух. Это был второй раз с момента его ареста,

но помощник прокурора Тим ван Хайз посоветовал подстраховаться. Дэнни посмотрел, как Чарли отмечает ДА и ставит инициалы около каждой строчки, подписывает страницы внизу, а затем отдал документ сержанту, чтобы тот поставил печать со временем. Дэнни забрал ручку на случай, если у Каллена возникнут какие-нибудь неправильные мысли, и повел его к машине, чтобы довезти до офиса прокурора.

Эми ждала в одной из комнат{240} офиса прокурора, уставившись в мониторы, на которые выводилось изображение с камер. Там можно было увидеть комнату для допросов: маленькая бетонная каморка со столом и пластиковыми стульями, ставшая на экране размытой и зеленоватой, напомнила Эми отрывки репортажей с войны в Ираке. На эту комнату нелегко было смотреть, по крайней мере через монитор, а еще тяжелее, когда там появился Чарли. Он выглядел поникшим и безразличным. Его руки и ноги были закованы в цепи. Он проковылял вперед в бежевой тюремной робе и ботинках без шнурков. Эми затошнило. Она сделала это с Чарли. Ее переполнила вина, и она разрыдалась. Что же она натворила?

С ней в помещении были и разные детективы: капитан Ник Магос, адвокат офиса прокурора, Тим и Дэнни и, возможно, кто-то еще, кто приходил и уходил, – но теперь она знала их в лицо. Они точно знали ее. Это же Эми, тайный информатор. Чтобы подбодрить ее, они сказали, что у нее получалось отлично, что у нее талант. Слова. Она слышала и другие слова, такие как *смертная казнь, пожизненное заключение*. На экране Эми наблюдала за своим другом, которого они хотели убить, жалкого маленького человечка, съежившегося на пластиковом стуле в военном бункере. Убийцы, о котором они говорили, там не было. Она видела только маленького мальчика, напуганного и одинокого. Она отправила его в тюрьму, а он все равно сидел там и ждал ее, наивно веря, что она приехала в качестве его друга. И на тот момент он был прав. Она все еще каким-то образом оставалась его другом. Чарли осмотрел комнату, увидел камеру, прикрепленную к стене, и стал смотреть на нее. Эми почувствовала. Он не мог ее увидеть, она об этом знала. Но это ничего не меняло в том, как она себя чувствовала.

Детективы начали разговор с Чарли с того же места, где остановились в прошлый раз, пытаясь работать в команде.

«Слушай, Чарли, ты знаешь, что все будут думать, что ты сексуально возбуждался от убийства этих людей. Ну или мы можем рассказать о том, что ты убивал из милосердия. Решать тебе».

Затем входил Дэнни со своей собственной версией.

Затем Тим. Затем Дэнни.

Затем пришла очередь Эми.

Детективы провели Эми по лабиринту коридоров и офисных дверей; мужчины разговаривали, но Эми не слышала ничего, кроме биения собственного сердца. Все двери казались одинаковыми. Она чувствовала себя в аду или на телевизионном шоу. Наконец они остановились около одной из дверей, открыли ее и посадили Эми в комнате с диваном. Она села сначала на один край, затем пересела на другой, тот, который дальше от входа. Наконец она позволила себе осмотреться. Это была совершенно неприметная комната с простыми стенами. Из мебели, кроме жесткого дивана с шерстяными подушками, были кофейный столик, шкафчик и камера на стене. Она предположила, что камера включена. К столику снизу был прикреплен диктофон такого типа, который она видела, еще учась в пятом классе. Шкафчик был весь уставлен куклами.

Эми присмотрелась. Все куклы были анатомически точными. Эту комнату использовали, чтобы расследовать сексуальные преступления против детей. Она взглянула на маленькие кукольные пенисы и вагины. Никому в офисе окружного прокурора она не рассказывала, что была жертвой сексуального насилия. Она не делилась этим ни с кем, но думала, не выдает ли в ней что-нибудь этот факт и не посадили ли ее сюда специально. Ад или телешоу? Эми попыталась представить, насколько иначе могла пойти ее жизнь, если бы женщина-коп привела ее в такую комнату, когда ей было семь, и ей бы не пришлось всю жизнь мучиться от этих ночных кошмаров. Но тогда ее никто не защитил, а когда она попыталась сделать это сама, ее семья ей не поверила. Они сказали Эми, что мужчина, которого она обвинила, не такой. Он же такой милый. Хороший дядя. Но Эми знала, что внутри хорошего дяди есть монстр. Он был в нем и на дни рождения, и на День благодарения, и на Рождество. Он всегда присутствовал в нем, видел его кто-нибудь или нет. Такова была правда жизни Эми. И правда жизни Чарли тоже.

Чарли зашел в комнату без наручников. Эми ему сочувственно улыбнулась. Улыбка не была фальшивой. Она больше не нервничала. Чарли сел рядом с ней на диван. Он по-прежнему казался маленьким, жалким, словно хрустальная фигурка в бежевой пижаме и синих парусиновых туфлях. Казался напуганным маленьким мальчиком. Тюремная рубашка с короткими рукавами обнажала его руки. Эми впервые их видела. Они были синевато-бледными и худыми. Ее взгляд пробежал по шраму на бицепсе.

Он говорил, что сделал это сам. Неудачная попытка суицида.

Чарли рассказывал ей, как на военных курсах им говорили: «Если собрались убить себя, девочки, то делайте это правильно!» – и показывали как. Стандартный метод – разрезать запястье поперек, словно перерезать горло, – приводил только к боли. Но если разрезать руку вдоль по всей длине, то сразу истечешь кровью. Говорили: «Первое – напоказ, а второе – для дела». Это была обычная болтовня крутых парней, которую выкрикивают сержанты в тренировочных лагерях, но Чарли запомнил и однажды днем отложил свою швабру, дошел до ванной и провел линию по руке бритвенным лезвием. Сержанты были правы. Когда он увидел густую кровь и, *о боже*, собственные мышцы с белым сухожилием, он закричал.

«Так что, похоже, я во всем облажался», – сказал Чарли. Двадцать попыток суицида, но он все еще жив. Они над этим смеялись. Но тот суицид кое-чему его научил. В состоянии кризиса, когда он чувствовал себя зажатым в угол и бессильным, Чарли инстинктивно стремился перекрыть эти чувства угрозой смерти. Однако на деле он не стремился умирать. Карьера медбрата разрешила для него этот парадокс. Доступ к уязвимым пациентам позволил провозглашать смерть без того, чтобы умирать. Он научился убивать себя опосредованно.

Чарли нельзя было указывать, что делать. Его нельзя было заставить, превратить в ребенка с руками по швам, неспособного ответить тому, кто стоит выше. Детективы не могли его принудить к чему-то подобному. Но кое-что он в состоянии был сделать. Эми не требовала правды, но Чарли мог ей ее поведать.

Эми взглянула ему в глаза и поняла, чего он хочет. Чарли не нужно было быть святым, понятно, что он им не являлся. Он мог отличить хорошее от плохого и понимал, что его поступок был плохим, в том числе с точки зрения закона. Нет, он не был святым. Но он хотел быть героем. Для нее он мог им стать.

Едва начав говорить, он понял, как это легко. Это было не столько признание, сколько история его жизни, которую ему самому хотелось услышать. Он сидел на стуле в комнате для допросов, поджав ноги и с кардиганом Эми на плечах. Он говорил. Детективы хотели, чтобы он рассказал про преподобного Гэлла. Он рассказал. А затем продолжил рассказывать. Его путь был длинным, и он не хотел ничего упускать.

Чарли не вел записи о том, чем занимался, не записывал свои преступления и никогда никому не рассказывал свою полную историю. Но все это время он рассказывал ее себе, переживая отредактированные воспоминания. Это была словно песня, которая крутилась у него в голове. Он начал говорить в 18:15 вечером в воскресенье, прерывался только на еду, кофе и походы

в туалет. Он говорил семь часов тихим спокойным голосом, терпеливо делая паузу, когда Тим переворачивал кассету, а затем продолжал с нужного места, объясняя технические детали своей профессии, последствия большого опыта работы, кратко описывая свою депрессию и суицидальность, рассказывая о смешным образом упущенных любовных шансах и нелепых ситуациях. Все это были кирпичики в единой истории о недопонятом одиночке, страдающем от беззлобной, но преступной компульсии. Пациенты могли «уйти» или «скончаться», а иногда «умереть»: он «вмешивался» или «был вынужден вмешаться» – но никогда не «убивал» и не совершал «убийство». Чарли рассказывал нежную историю, вел много раз отрепетированный и ни разу не исполненный монолог, который содержал лишь малую долю правды. Словом, это была не самая плохая история; для больных и для их семей смерть являлась милосердным актом, который мог осуществить не только Бог.

Им нужен был только один пациент, но Чарли успел рассказать про сорок, прежде чем закончилась последняя кассета. Было поздно, и детективам пора было заканчивать. В 1:31 утра в понедельник Чарли закончил рассказ, не успев поведать очень многое, и оставил детективов заниматься их бумажной работой.

Послесловие

Медиа быстро окрестили Чарли «ангелом смерти». Мы никогда не узнаем наверняка, сколько пациентов Чарли убил на самом деле. Источником большинства улик в деле против Чарльза Каллена пришлось стать самому Каллену. Он изначально признался только в сорока убийствах. В своих подсчетах Каллен пропускал целые годы и больницы, в которых работал, и не рисковал упоминать тех пациентов, которых он не был уверен, что убивал. К примеру, Каллен вспоминал, что в больнице Лихай-Вэлли убил четырех или пятерых; на данный момент точно опознать удалось лишь двух. И хотя Чарли сначала говорил, что ни у кого не вызывал передозировки в Медицинском центре Хантердона, позднее там обнаружили пять его жертв. Эксперты, хорошо знающие дело Каллена, утверждают, что реальное общее число его жертв насчитывает около четырехсот человек. Чарли слышал эту цифру, и, хотя она ему не нравится, он ее не отрицает. Он также никак не реагирует на тот факт, что если эта цифра точна, то он может обрести постыдный статус самого «плодовитого» серийного убийцы в истории Америки.

Проблема в подсчете точного числа жертв Каллена заключается в отсутствии улик. К тому времени как офис окружного прокурора был уведомлен, множество медицинских записей пропали или оказались незаконченными, большинство жертв превратились в прах, а следовательно, вскрытие не провести. Выделить из общей смертности по больнице убийства Каллена было очень сложно. В первых больницах, где он работал и где все записи уничтожены, этот подсчет практически невозможен.

Официальное признание Каллена содержало одно имя за первые пять лет работы в отделении ожогов в Медицинском центре святого Варнавы – имя Джона Йенго с датой: 6 ноября 1988 года. Но ранее Каллен вспоминал, что его первой жертвой в «Святом Варнаве» была юная девушка с ВИЧ в 1987 году. Пациентку так и не опознали. Других жертв из «Святого Варнавы» тоже. Единственная запись того времени, которую детективы смогли найти, – лежавшие в ящике стола в хранилище рукописные листы с описанием расследования Бэрри и Арнольда на предмет отравленных капельниц с инсулином и серии инсулиновых передозировок в отделении интенсивной терапии. Позднее Чарли признался, что отравлял в «Святом Варнаве» и конкретных пациентов, и случайные капельницы – иногда по три или четыре раза в неделю. Без медицинских карт и вскрытия

это число невозможно подтвердить. К моменту написания книги Каллен был осужден только за одно убийство и одно покушение на убийство за пять лет работы в этой больнице. Еще одиннадцать лет он работал в восьми других больницах. Полезно сравнить это число со списком жертв, опознанных детективами, когда у них появился доступ ко всем медицинским картам и данным о выдаче препаратов, как в Сомерсете.

Благодаря неустанной работе Дэнни Болдуина, Тима Брона и всего округа Сомерсет детективам удалось сравнить 175 наводок с расписанием Каллена, листами о назначении, записями «Пайксиса» и операциями в «Сёрнере». Результатом стал список из двадцати шести вероятных жертв за один год работы Каллена в Сомерсете. Он сказал, что некоторые имена «звучат знакомо». Для того чтобы уточнить про остальных, ему потребуется просмотреть карты.

В апреле 2004 года Чарльз Каллен признал себя виновным перед судом Нью-Джерси в тринадцати убийствах и двух покушениях на убийство – преступлениях, которые позволяли назначить ему в качестве наказания смертную казнь. Чарли изначально утверждал, что хочет быть казненным. Он сказал это Эми и детективам округа Сомерсет во время того, как давал признание. Но он так и не сказал об этом своему адвокату, старшему государственному защитнику Джонни Мэску. С другой стороны, даже попытки суицида предпринимались им не для того, чтобы умереть. Чарльз Каллен хотел жить. Они с Мэском договорились с прокурором Нью-Джерси, что смертную казнь отменят в обмен на сотрудничество. Следующие три года Дэнни Болдуин и команда офиса окружного прокурора провели в работе над расследованием.

Месяцы превращались в годы в окружной тюрьме Сомервилля, а жизнь Чарльза Каллена обрела такой регулярный характер, какого он никогда не знал, будучи на свободе. У него была камера, романы про шпионов, время на физические упражнения, душ и встречи с католическим дьяконом или главным священником, с которыми он изучал истории жизни святых. Охранники провожали его по лужайке к офису прокурора, чтобы он вместе с Дэнни и Тимом просмотрел кардиограммы с аритмией и прямой линией, а также анализы крови тысяч пациентов. Он всегда оставался в центре внимания. Лучше и быть не могло.

Почти каждую неделю появлялись новые карты, целые коробки, охватывавшие шестнадцать лет смертей в девяти больницах. Детективы и адвокаты заказывали пончики, сэндвичи и чипсы – маленькая награда за работу с бумагами о смерти, –

пока зима превращалась в весну и снова в зиму, а вокруг пояса у них накапливались фунты. Но Чарли просматривал документы с чашкой черного кофе, становясь все худее и худее, занимаясь делом. В конце концов, когда расследования были закончены и шумиха улеглась, он мог отправиться в свою камеру на остаток жизни и исчезнуть.

Затем, в августе 2005 года, в тюрьму Сомервилля пришел конверт. К тому времени Чарли уже привык к просьбам об интервью и гневным письмам, даже странным «письмам фанатов», но это было что-то новенькое. В конверте находилась вырезка из местной газеты Лонг-Айленда с несколькими абзацами о человеке по имени Эрни Пекхэм и подписью женским почерком на полях: «Сможешь помочь?»

Каллен знал Пекхэма – он примерно того же возраста, что и Чарли, с четырьмя детьми и женой; работал с металлом для оконных рам и дверей в Фармингдейле. Это брат Кэтрин Уэстерфер – бывшей девушки Чарли и матери его самого юного из детей, которого Каллен никогда не видел и, вероятно, не увидит. Может быть, они с Эрни здоровались на свадьбе несколько лет назад – Чарли не мог вспомнить точно, но они не были друзьями или приятелями и уж точно не настолько близкими, чтобы пересаживать друг другу органы. А судя по этой статье, именно в этом нуждался Эрни.

Врачи не уверены как и почему, но в 2003 году Эрни подхватил стрептококк. Возможно, это была маленькая воспалившаяся царапина, которая либо заживает, либо выбивает тебя из строя на неделю с больным горлом и кучей антибиотиков. Но Эрни не заметил инфекцию, и она распространилась. Его иммунная система атаковала бактерии, создав сложные белковые узлы, которые попали в фильтры обеих почек. Обычно они должны поглощать токсины из крови и выводить их через мочу. У Эрни эти фильтры теперь были словно раковины, забитые волосами. Тело Эрни начало раздуваться от собственных токсинов, руки и лицо распухли, а моча приобрела цвет какао. К тому моменту как он обратился к врачу, его почки отказали.

Чарли никогда не работал в нефрологическом отделении, но знал, что если фильтры почек вышли из строя, то исправить это невозможно. Самый распространенный выход – диализ, вывод жидкостей и фильтрованной крови через аппарат. Эрни считал свои три еженедельные двухчасовые процедуры диализа в больнице Стоуни-Брука «второй полноценной работой», но все эти усилия не могли остановить его угасание. Вены продолжали закупориваться. Точка доступа, которой хирурги сделали вену в шее, превратилась в рану, которая не закрывалась и тем

поставила Эрни под угрозу заражения новыми опасными инфекциями. Он был вынужден оставить свой пост начальника отряда бойскаутов и сократить время работы в местном обществе ветеранов иностранных войн. Если он хочет вернуться к жизни, диализ ему не поможет. Ему нужна новая почка.

В то время новой почки ждали около шестидесяти тысяч человек по всей стране. Большинство органов для пересадки извлекают из трупов (рейтинг пожертвований выше ранней весной, когда мотоциклисты выезжают на дороги, на которых еще сохраняются следы зимы). Но почка трупа имеет на шесть лет меньшую ожидаемую продолжительность жизни, чем почка живого донора; лист ожидания органа от трупа составляет от пяти до семи лет – для Эрни, чье состояние ухудшалось, это было смертным приговором.

Лучшим донором для почки стал бы кровный родственник, но никто в семье Эрни не подошел. Оставался единственный вариант – найти подходящего незнакомца. К сожалению, шансы того, что случайный человек идеально подойдет и согласится отдать свою почку другом случайному человеку, невероятно маленькие. У Эрни Пекхэма было больше шансов стать жертвой удара молнии. Мать Эрни, Пэт Пекхэм, уже заложила дом, чтобы помочь с медицинскими счетами сына, и связалась с местной газетой, чтобы та опубликовала объявление с группой крови и телефоном горячей линии отделения донорства в больнице. Она надеялась, что донор появится каким-то чудесным образом. Но этого не произошло. У Пэт не осталось других вариантов спасти сына. И что она потеряет, кроме марки? Поэтому она вырезала статью из газеты, положила в конверт и отправила в тюрьму Сомервилля, ожидая чуда. С чудесами так бывает: никогда не знаешь, в какой форме они придут и кто их принесет. Это может быть кто угодно, даже серийный убийца, от которого забеременела ее дочь.

Просьба Каллена стать донором органа из тюрьмы подняла общественность на дыбы, особенно семьи жертв. Медбрат, убивший десятки больных людей, теперь решил спасти одного? Это выглядело как минимум иронично, а то и манипуляцией. Теоретически штат нейтрализовал Чарльза Каллена в тюрьме. И вдруг он снова появился – он не был нейтрализован, он снова оккупировал заголовки газет, издеваясь над судом, «играя в Бога» еще с одной жизнью и используя свои органы как последнее средство. Был Чарльз Каллен мотивирован сочувствием или очередной нездоровой компульсией? Была это попытка очистить себя в глазах матери его ребенка, Иисуса Христа или в своих собственных? Узнать было невозможно. Ответы хранились лишь

внутри самого Чарльза Каллена, а он ни с кем не говорил об этом.

«Люди, глядя на Чарльза и на его поступки, видят монстра, – объясняла преподобная Кэтлин Рони, священник окружной тюрьмы Сомерсета. – Чарльз убил столько людей, сколько мы никогда не сосчитаем. Семьи жертв заслуживают что-то в ответ. Но он не монстр, – добавила она, – он не “ангел смерти”. Чарльз гораздо сложнее устроен».

Чарльз Каллен сидел на кровати в своей камере, читал и перечитывал записку Пэт Пекхэм. *Можешь помочь*? Он не был в этом уверен. Каллен понимал медицинские причины болезни Эрни – которые вскоре убьют мужчину – и преимущества живого донора, который может продлить жизнь почки на шесть лет. Но он также понимал и обратную сторону. Он был «ангелом смерти». Он не думал так о себе, но другие думали, и газеты этому вторили. Он знал: «ангел смерти» жертвует орган – это привлечет внимание. Отдавая Эрни часть себя, он отдаст ему часть «ангела смерти» и часть этого внимания. Не только ему, но и всей семье. В тюрьме Чарли часто злился из-за «страшных вещей», которые происходили с его семьей на свободе: репортеры, которые преследовали его бывшую подружку и угрожали напечатать ее адрес, если она не заговорит, мужчина, который приставал к его дочери на подъездной аллее.

«Я знаю, что боюсь того, что произойдет, когда я умру, но я больше боюсь видеть и чувствовать, что моим детям придется проходить через это на протяжении всей жизни», – сказал мне Каллен во время одной из наших встреч. Каллену не нравилось, что его дети вырастут как «дети серийного убийцы». И он не хотел этого для детей Эрни. Поэтому он задумался: может ли «ангел смерти» помочь Эрни Пекхэму?

Чарльз любил приносить пользу, особенно в медицине. Он всегда был донором-энтузиастом: сдал двенадцать галлонов крови и зарегистрировался, чтобы стать донором костного мозга, – не то чтобы он знал кого-то, кому нужен его костный мозг, а просто на случай, если вдруг это произойдет. Каллен был здоровым и относительно молодым; была высока вероятность того, что он хотя бы физически сможет стать донором почки. Подойти под случайный запрос – дело более сложное. Такой вариант, если совпадут шесть антигенов из шести, можно считать чудом. Но Чарли был в тюрьме, и, как он мне сказал, кто-то попросил у него что-то, что он мог дать. Попытаться стоило.

Пока Чарли сидел в Сомервилле, каждую неделю к нему приходил католический дьякон, и Каллен спросил его, будто из обычного любопытства: может ли заключенный пожертвовать почку? Дьякон Том Сикола захотел присесть – такому в

семинарии его не учили. После отбоя он вернулся в свой кабинет, закрыл дверь и позвонил своему супервайзеру, преподобной Кэтлин.

Кэтлин Рони носит кольца с огромными камнями и кельтский амулет на шее, а ее коричневые брови двигаются, словно пинбольные лопасти, когда она раговаривает. Она потеряла двести фунтов из-за болезни и операции в том году, но сохранила стать; она обладала громовым голосом и прямой манерой общения, благодаря которой заслужила в Сомервилле прозвище Преподобная Боец. Мы с Рони встретились за маленьким деревянным столом, на котором лежала стопка журналов Бриджуотера, Нью-Джерси, Барнса и Ноубла. Рони нравятся тамплиеры, ирландская эзотерика и друидский мистицизм; Чарли любил книги про шпионов, в которых можно было разгадывать загадки. «Но ничего про убийства, – сказала она. – Знаете, как сложно найти детектив без убийства?»

Кэтлин стала духовным наставником Чарльза, когда его посадили в тюрьму Сомерсета в 2003-м, и недавно начала учить его технике медитации отцов-пустынников. Она решила, что то, что сработало для христианских мистиков из первого века, которые сохранили свою веру, несмотря на годы аскетского существования в пустыне, пригодится человеку, которому суждено провести всю жизнь в крошечной камере. Иисусова молитва, которую Чарльз повторял во время своего заключения в Сомерсете, – результат ее наставлений. Тюрьма усиливает жажду религиозного утешения, а Чарли нужно было заполнить много пробелов. Большую часть сведений о христианстве он черпал либо из полустертых воспоминаний о католической начальной школе, либо из фильмов Сесила Б. де Милля, которые он любил.

Почти за три года Рони узнала Чарли поближе, но это не значит, что она его поняла. Она не понимала, например, почему Чарли убил так много людей. И не могла понять, почему он вдруг решил пожертвовать своим органом. «Поэтому в тот вечер я пришла в тюрьму и прижала его. Я хотела знать истинные причины этого поступка, чтобы удостовериться, что меня не используют. Я спросила его, заплатят ли ему за это. Делает ли он это ради славы? Может быть, он пытается заключить своеобразную сделку с Богом, обмен: “Я спасу эту жизнь, а ты простишь мне те, что я забрал”?»

Вопросы, казалось, причиняют ему боль. «Но это ничего, – сказала она мне, – мне нужно было знать его истинные причины, особенно если мне придется принять в этом участие». Поэтому Рони задала ему другой вопрос: не пассивная ли это попытка суицида – вдруг он думает, что может умереть на операционном

столе?

Нет, сказал он. Дело не в этом.

Тогда она спросила его в третий раз: почему, Чарльз? Почему сейчас? Сделал бы ты это десять лет назад, семнадцать лет назад, до того, как все это началось?

«Да, – ответил он. – Почему? Потому что я могу, это возможно. Кто-то попросил у меня что-то, что я могу сделать. Почему сейчас? Потому что попросили сейчас. Мне кажется, что это правильный поступок».

«Я ему поверила, – сказала она. Она отодвинула свой холодный чай и взяла мои руки в свои. – У Чарльза были кошмарное детство и куча разных проблем, но он никогда ни на кого не перекладывал вину за это и не придумывал оправданий тому, что натворил. Один и тот же человек убил всех тех людей и принял это решение. Совершенно точно».

Набор из больницы содержал несколько разноцветных трубок, в которые нужно было поместить кровь Каллена. После этого больница Стоуни-Брука сравнит его антигены с антигенами Эрни – это главный анализ, который определит, может ли Каллен пожертвовать Эрни свою почку. «Так я стала перевозчиком крови», – смеется Рони.

Шансы того, что Чарльз подойдет, были невысоки, но на кону стояла жизнь человека, и Рони уже дала обещание, хоть и не понимала всех его последствий. В тот вечер, когда она попросила друзей помолиться вместе с ней, она не сказала им, за что они молились или за кого. «Нужно было держать это в тайне, – сказала она, – к тому же не всех можно попросить помолиться за серийного убийцу».

В каждое равноденствие преподобная Рони и ее единомышленники – кельты-христиане – проводили неделю в духовном друидском приюте рядом с горами Поконо. Для нее это был важный духовный период, время танцев вокруг костра, медитации перед иконами, размышлений среди полноразмерной реконструкции Стоунхенджа и необъятных полей Пенсильвании. Каждое утро она ходила по жесткой земле между стеблей кукурузы, повторяла свои молитвы под высоким голубым небом, впитывала древнюю мудрость и искала знаки. Именно тогда она почувствовала вибрацию.

Это, разумеется, был мобильный телефон – в таких местах уважают тишину, поэтому она поставила его в режим вибрации, – и Рони сразу поняла, что произошло. Ее молитвенная группа тоже. На самом деле целый приют понял, что произошло. Она не может объяснить почему, она им никогда ничего об этом не рассказывала – но они почувствовали и заплакали, потому что

поняли. А она подумала: *этому суждено было произойти.*

Она заплакала во время нашей беседы, испортив свой макияж, потому что вспомнила, что, когда шесть антигенов Чарльза из шести идеально подошли, – это было равносильно выигрышу в лотерею. Она стерла слезы салфеткой из «Старбакса». «Честное слово, мы думали, что это чудо», – сказала она. Впереди были еще тесты, рентгены, томографии – анализы на аппаратах, которые не отправишь в тюрьму по почте. Но это было ничто по сравнению с этим лучом света во тьме, знаком божественного провидения.

«В то время я не подозревала, что это только начало, – вспоминает она, – но когда я сказала Джонни, он только покачал головой. Он знал, что мы открыли банку с червями».

Офис государственного защитника в штате Нью-Джерси – четырехэтажная шоколадная плитка с маленькими комнатами, кустарниками на территории и трехсотфунтовыми женщинами в огромных футболках с птичкой Твити, курящие ментоловые сигареты рядом со стеклянными дверьми. В кабинетах наверху – нервно ждущие под желтыми ртутными лампами и дырка в плексигласе, в которую можно просунуть рот и вежливо прокричать, объявив о себе. Кабинет Джонни Мэска находился в задней части здания – он был одним из немногих, в котором были одновременно и окна, и дверь. Со своей серой бородкой, как у Измаила, и широкими львиными чертами лица, государственный защитник округа Сомерсет напоминал ветхозаветного Джеймса Эрла Джонса[10] и говорил соответствующим властным баритоном. «Кто-то, – сказал он, – пытается испортить этот донорский акт». Спустя почти три года представления интересов самого знаменитого серийного убийцы в истории Нью-Джерси Мэск устал. Управлять юридической стороной донорства его клиента тоже было непросто. «Я пообещал попробовать обеспечить успешность предприятия, – вздохнул он, – но кажется, что нами манипулируют». Мэск сморщился и покачал головой по поводу мысли, которая уже становилась старой. «В общем, мне кажется, что никто особенно не мотивирован помочь с этим серийному убийце».

Суд округа Лихай
Аллентаун, Пенсильвания
20 марта 2006 года

Аллентаун – это бедный сталелитейный город, живущий в руинах богатого; его центр – огромное, церемониальное публичное пространство, украшенное импортным камнем, высокими колоннами и сумасшедшими, ищущими жестяные

банки; теперь к ним присоединилась небольшая толпа семей в темных официальных одеждах с маленькими синими стикерами на лацканах, гласящими, что они – жертвы «ангела смерти».

Старое здание суда выглядит пустовато – часть замороженного проекта по реновации, – и семьи ведут через пугающие комнаты, разобранные до каркаса, и комнаты с хромированными зелеными шкафами, вверх по лестнице и через коридоры, освещаемые лампочками. В конце дороги – удивительно светлый зал суда в итальянском стиле. С дорогой позолотой, великолепием рококо и мрамором, каждый фунт которого купили на деньги сталелитейной промышленности. Потолок высотой в 12 метров покрыт филигранно выполненными концентрическими кольцами и украшен люстрой в виде медузы, под которой сидит судья за огромным столом, украшенным федералистскими лампами и ограждением, таким же изысканным, как оборотная сторона двухдолларовой купюры.

Руки Чарли закованы в наручники напротив его мошонки, ноги скованы кожаными кандалами, что производит впечатление, словно он невероятно опасен физически. Разумеется, нет, уж точно не в таком контексте, но эффект таков, что, возможно, впервые в жизни Чарли Каллен выглядит так, как вроде должен выглядеть серийный убийца. Кажется, что, если бы округ Лихай мог надеть на него намордник и пристегнуть к тележке, это уж точно сделали бы. Так уж вышло, что Чарли даст такую возможность.

После всех разговоров о том, как Каллен чувствителен к чужим страданиям, можно подумать, что он будет вести себя здесь безупречно, особенно учитывая, что его единственное оставшееся действие – донорство почки – общественность принимала все еще неоднозначно. По крайней мере, не ожидалось, что он будет мучить семьи, мешать их горю и настраивать против себя. Но, как ни странно, именно это он и сделал. Каллен начал с того, что по памяти воспроизвел заявления судьи Уильяма Платта, которые тот сделал перед прессой.

«И по этой причине, Ваша честь, – сказал Каллен, – вы должны снять с себя полномочия».

«В вашем ходатайстве о самоотводе отказано», – сказал судья Платт.

«Нет-нет, Ваша честь, – прервал его Каллен, – вы должны, должны снять с себя полномочия. Ваша честь, вы должны снять с себя полномочия».

«Если вы продолжите, вам вставят кляп и ограничат движения», – предупредил его судья. Но Чарли кричит поверх его

слов: «Ваша честь, вы должны снять с себя полномочия! Ваша честь, вы должны снять с себя полномочия! Ваша честь…»

Зал суда – прекрасный зал, но для суда не очень подходит. Чарльз Каллен заполнил его целиком. Семьи ждут, держа свои бережно приготовленные заявления у груди, а Каллен выкрикивает свое – десятый раз, тридцатый, сороковой. Он не остановится, поэтому офицеры суда его хватают. Они надевают на него специальную маску, которая не позволяет задержанному плевать в тех, кто его задержал, но шум продолжается.

Они оборачивают маску полотенцем и заставляют Каллена сесть, крепко завязывая полотенце у него за головой, чтобы осталось только мычание – словно человек кричит в подушку, пока семьи жертв пытаются читать судье свои заявления. «Вы – бесполезное существо… Самый худший монстр, исчадие ада…» За приглушенным криком Каллена можно расслышать лишь фрагменты тех заявлений. Вскоре руки сержанта устают. Его хватка ослабевает, и с каждой секундой голос Каллена становится все яснее, почти как в опере. Судья хмурится, и сержант подключает свою спину, сжимая полотенце двумя руками. Несколько женщин в зоне присяжных в ужасе закрывают лицо ладонями.

«Я не позволю ему покинуть зал суда!» – заявляет судья Платт, но никакого порядка в зале нет. Каллен успевает выкрикнуть «Ваша честь» трижды в секунду, сержант делает знак судье, проведя рукой по рту. Судья кивает, сержант уходит и возвращается с клейкой лентой размером с тарелку. Каллену заклеивают рот, словно в мультфильме, буквой X, что, в общем-то, не дает никакого результата. Жертвы читают свои заявления, а Каллен кричит свою кошмарную версию песни Row Row Row Your Boat.

«Если бы моя бабушка все еще была жива, она бы сказала тебе: “Гори в аду, больной сукин сын”…»

«Ваша честь, вы должны снять с себя полномочия, Ваша честь, вы должны снять с себя полномочия…»

«…еще три пожизненных заключения, которые он должен начать отбывать вместе с теми, к которым уже приговорен…»

«…снять с себя полномочия, Ваша честь, вы должны…»

И с последним «Чтобы ты оставался до конца своей жизни в тюрьме» все закончилось. И снова офицеры суда вывели Каллена – связанного, с кляпом во рту, заклеенным клейкой лентой, – из зала суда и завели в лифт. Когда двери закрываются, он все еще кричит. Последующая тишина не менее ужасна.

После этого семьи собираются в коридоре, взволнованные и недовольные. «Я думаю, он специально хотел унизить всех, кто

был в зале, – говорит Джули Сандерс, чьего друга Каллен отравил. – Он говорит, что он сочувствующий человек. Он говорит, что хочет пожертвовать почкой, чтобы спасти чью-то жизнь, и хочет сделать это из сочувствия. Так где же оно сейчас? – Сандерс тыкает пальцем в место, где до этого стоял Каллен. – Мне нужно было сказать ему кое-что. Знает ли он, что натворил? Знает ли он, что он сделал с нашими жизнями?»

«Все эти предосторожности, чтобы я не убил других пациентов», – вздыхает Каллен и закатывает глаза. На протяжении наших встреч Каллен все больше погружался в депрессию. Последняя была вызвана задержкой в осуществлении донорства. Каллен любит помогать, но вот он – сидит в тюрьме, пока кому-то нужно то, чем он может поделиться.

«Штат боится, что раз я совершал преступления в больнице, то могу снова их здесь совершить. Почему они думают, что совершить самоубийство в больнице проще, чем где-то еще?» – размышлял он. Особенно если он прикован к кровати и находится под охраной. Это бессмыслица. Еще одно препятствие для его дела. И это еще сильнее его расстраивало. У него был подписанный ордер от судьи Сомерсета. Его адвокат Джонни Мэск корпел над бумагами, а преподобная Кэтлин служила посредником между семьей получателя и больницей. И все равно ничего не происходило.

Каллен изучал мои руки через стекло, а затем снова опустил взгляд на свою часть железного стола. «Когда прошел анализ крови, я подумал: да, все получится, – сказал он, – но теперь уже не знаю.

Но ведь мне же за это ничего не будет, я же не прошу особого отношения в тюрьме, не прошу денег или чего-то такого… Кому это навредит? – Взгляд Каллена блуждал по стеклу в поисках ответа. – Что семьи хотят, чтобы я делал? Просто сидел здесь и смотрел телевизор?

Я признаю, что совершал очень плохие поступки, я забирал жизни, – сказал он быстро, – но разве это мешает мне сделать что-то хорошее? Все, что я могу, – сидеть в камере и отнимать у налогоплательщиков 40 000 долларов в год. А я знаю, что в Нью-Джерси больше не производят автомобильные номера. – Он махнул рукой и покачал головой. – Так что хорошего может сделать человек, сидя в тюрьме?

Я знаю, что люди говорят, что я играю в Бога, но на самом деле я не могу этого делать, – сказал он. – Все, что я делаю, – отдаю свой орган. Все, что случится после, – в руках Господа. Они видели, что в качестве медбрата я лишь забирал жизни, но я не могу подарить жизнь, я не могу ее продлить. Мы можем только

отдавать свою любовь. Нашим детям. Но они нам не принадлежат и мы их не контролируем. Мы много чего делаем, но не считаем, что это игра в Бога. По какой-то причине я подошел, шесть антигенов из шести. Получатели дали объявление, чтобы добропорядочные граждане Нью-Йорка откликнулись. Но никто не откликнулся. Никто. Ни один человек».

Каллен бросил на меня взгляд, а затем отвел его, словно для того, чтобы изучить мою реакцию в одиночестве. «Это зависит от того, как ты думаешь о людях, – сказал он, – и на что, по-твоему, люди способны».

После своего последнего приговора в суде округа Лихай в Аллентауне на Чарли нацепили наручники и кандалы и посадили в фургон без окон. В его мобильной камере не было света, и, пока фургон вихлял по платной дороге Нью-Джерси, Каллена начало тошнить. Он попытался использовать технику, которой научила его преподобная Рони, и представить Иисуса с нимбом, горящим во тьме, но Иисусу в его воображении тоже стало нехорошо, поэтому он вернулся к Иисусовой молитве.

В тюрьме штата Нью-Джерси в Трентоне его встретило около десяти охранников, четверо из них в полной защитной экипировке. Чарли отвели во временную камеру, перед которой двое охранников его раздели и обыскали. Один из них сказал Каллену, что читал про него в газете. Другой сказал, что любое движение будет воспринято как проявление агрессии. Ему дали новую одежду и отвели в психиатрическое отделение, где одежду забрали и снова его обыскали. Ему дали что-то вроде тоги, сделанной из полиэтилена, которая, как ему показалось, была похожа на то, во что заворачивают телевизоры, и отправили в камеру на семьдесят два часа. Тога порвалась после первого дня, поэтому в понедельник и вторник он оставался голым и стеснялся постоянного наблюдения. Он попытался не слушать охранников, которые шутили: *прибыл твой инсулин*. Вместо этого сосредоточился на 25-м псалме: «Я хожу в моей непорочности; избавь меня, [Господи,] и помилуй меня». И постепенно он начал понимать, какой будет его жизнь в этих стенах. Его камера была меньше, чем в Сомервилле, а охранники издевались над ним в мелочах, говоря, что здесь нет библиотеки, или давая ему ботинки на два размера меньше. Это научило его ни на что не рассчитывать. Он сидел в бесконтактном крыле, находился в камере 23 часа в сутки и был огражден от других заключенных ради собственной безопасности. К тому времени как его можно было навестить, он заметно похудел и отрастил седую бороду, но пересадка почки была так же далеко, как и пять месяцев назад, а Чарли все больше расстраивался.

Для Каллена такие задержки казались бессмыслицей. Если то, что он подошел для пересадки, было актом божественной воли, если этому суждено было произойти, то почему же это не происходило? Было ли это своего рода наказанием, издевательством? Не было ли это какой-то ошибкой?

«А в это время получателю почки становится все хуже и хуже, – сказал Каллен во время одной из наших встреч. В этот раз он говорил меньше и казался усталым и подавленным. – Он снова в больнице и каждый месяц страдает от новых осложнений. Так, по крайней мере, я слышал».

Он знал, что семьи жертв оценивают его донорство как акт личной воли, свободу, которую тюрьма должна была у него забрать. «Однако на самом деле возможность сдать анализ крови – это не моя воля, а усилия большого количества людей: мистера Мэска, преподобной Рони, судьи Армстронга. Я бы упомянул окружного прокурора, но он не очень сюда вписывается, – сказал Чарли, – а семья Эрни уже слишком долго ждет. – Он подумал об этом пару секунд и слегка покачал головой. – Слишком долго».

Каллен ненадолго прервался, опустил взгляд, борясь со слезами. Наконец он восстановил дыхание и продолжил: «Тяжело знать, что, если бы я не сидел здесь, все бы уже произошло… Трудно увидеть в этом игру в Бога. У Эрни же не было выбора между хорошим и плохим человеком, – сказал он. – Если бы ему предложили почку хорошего человека, я уверен, что он бы ее взял». Каллен сложил руки на груди и принялся изучать стол. «Я все еще люблю людей и неравнодушен к ним. Может быть, людям кажется, что мне нельзя делать что-то для людей, к которым я неравноудушен. Но если бы я выбрал случайного человека – они подумали бы, что я сошел с ума. – Он поднял глаза. – Это забавно. Люди думают, что ты ненормальный, если делаешь что-то для того, кого не знаешь лично.

Я не могу отменить тот вред, который я уже причинил, но это же хороший поступок. Почему я не могу его совершить? – спросил меня Каллен. – Я знаю, что [люди] думают, что мне надо отправиться прямиком в ад вместе со своей почкой. Они думают, что знают, чего хочет Бог. Но только Бог по-настоящему понимает душу и разум человека».

Джонни Мэск давно считал, что весь процесс сошел с рельсов, а Рони поставила ужин на обратное. В конце концов, это был божественный план, так ведь?

С тех пор как Чарльз впервые появился в тюрьме, люди стали относиться к преподобной Рони как к соучастнику. Возможно, она слишком близко подошла к Чарли и слишком наслаждалась этим

ощущением; она могла это признать, искушение было сильным. Кэтлин, разумеется, не поддерживала того, что он сделал, его преступлений – никто не поддерживал, – но она все же не понимала комментариев от тех, кого считала своими друзьями, или коллег, христиан, которые спрашивали: *как можно считать серийного убийцу дитем Господа?*

Одно из первых писем, что она получила, было от евангелистов, которые предупреждали ее не наставлять монстра. «Там говорилось: “Если вы спасете его и он попадет в рай, это будет нечестно”, – вспоминала Рони. – Так думают евангелисты. Это было так глупо, что я не могла перестать смеяться еще пару дней после этого».

Вскоре последовали гневные письма, некоторые с угрозами. Это, конечно, ни к чему не привело, и она попыталась забыть о них: это нормально, даже естественно, что сообщество чувствует угрозу от человека, который использовал доверие людей, чтобы убивать их самых уязвимых членов семьи. Затем, когда началась история с почкой, Рони шла из тюрьмы и кто-то назвал ее «пастором сатаны», бросив ей пакет с кровью в лицо. Она не знала, что это была за кровь. Вероятно, свиная, которую используют протестующие против клиник абортов. Преподобная попыталась об этом не думать, пошла домой и просто смыла с себя эту коричневую массу. «Да, – посмеялась Кэтлин, – если рай существет и я там окажусь, мне точно полагается корона».

Разумеется, когда донорство стало достоянием общественности, все стало еще хуже. «У меня была подруга, которая перестала ею быть, – сказала мне Рони. – Подруга заявила, что, помогая пересадить почку Чарли, я разрушала жизнь Эрни, потому что давала ему получить почку сатаны».

Кэтлин вспомнила, что, когда только начала работать, она подумала, что если ты хороший человек и христианин, то со всеми будешь вести себя вежливо. «В этом же есть смысл? – спросила Рони. – Мои родители ненавидели Гитлера, но говорили: “Ну, он тоже дитя Господа”. Я думала, что так и положено делать христианам. Однако суд это изменил. Тогда я узнала, какими жестокими они могут быть».

Всего за день до этого Кэтлин позвонила мать Эрни Пекхэма, Пэт. «Она сказала, чтобы я больше с ними не разговаривала, – сказала Рони, – никогда. Перед тем как повесить трубку, Пэт сказала, что мы с этим проклятым адвокатом портим ей жизнь! Я не хочу хвастаться, но, если бы не мы с Джонни, у них бы не было шансов получить свою почку!»

Она лишь надеялась, что пересадка запланирована больницей, а раз Чарльз был такой угрозой, Пэт сказали не

распространяться об этом. «Я, конечно, не жду цветов с тортиком, но мы не пытаемся разрушить жизнь Эрни, мы пытаемся ее спасти».

Рони прервалась и дала себе отдышаться. Медленно ее гнев угас. Когда это произошло, она заплакала.

За Чарли Калленом ночью пришли охранники с ключами и наручниками. Ему предстояло отправиться в Медицинский центр округа Сент-Фрэнсис. Если они и знали зачем, то не говорили. Ему снова дали робу, взяли кровь, приковали к кровати. Телевизор в углу все время работал, показывал местные новости и *шоу Опры*. Прошел день, и Чарли подумал: *ну вот опять*. Это была не пересадка. Это было что-то другое.

Охранники вернулись на следующее утро. Они отвели Чарли вниз, не сказав зачем. Ему полагалось отвечать только на прямые вопросы. Ему сказали, что он больше не Чарльз Каллен. Теперь его зовут Джонни Квест. Врач назвал его мистером Квестом. Сестра назвала Джоном. Каллен подумал, что это смешно. Он не понимал, что происходит.

Они дали ему что-то, чтобы расслабиться. Валиум, кажется. Они не говорили. Чарли почувствовал себя неустойчиво. Затем ему дали формы на подпись. Он подержал ручку, не понимая, какое имя вписывать. «Впишите то, которое нужно», – сказал доктор. Чарли смотрел в детстве мультики и помнил симпатичного светлого мальчика, все умеющего и полного жизни, и его приключения. Чарли подписал бумагу как Джонни Квест. Юридически это было неправильно, поэтому ему дали другую форму, которую надо было подписать «Чарльз Каллен / Джонни Квест». Сестра посмотрела в другую сторону, пока он это писал. Это должно было остаться в тайне. Затем ему сделали еще один укол, и Чарли почувствовал, что отключается.

Спустя час почка Джонни Квеста была упакована в красный холодильник «Колман» и отправлена на вертолете «Лайфстар». Они полетели на север от Трентона и слева от Манхэттена и подлетели к Лонг-Айленд. Восемнадцатого августа была прекрасная летняя ночь, шоссе внизу заполнено отдыхающими, направляющимися в Хэмптон и проезжающими медицинский комплекс Стоуни-Брука, горящий на холме, как строящийся Бильбао.

Я припарковался в зоне С. В выходные в больницах много народу только после закрытия баров, и обычно все они находятся в реанимации. В 20:00 главное лобби было тихим, как закрытый магазин. Охранник читал вчерашнюю газету, в сувенирной лавке можно было разглядеть только майларовые шары. Хирургия находится на четвертом этаже, вместе с ожоговым и

радиационным отделениями. Почка поехала на заднем лифте, а я – на парадном.

В зале ожидания отделения хирургии телевизор работает все время, чтобы имитировать нормальность для семей, сидящих там, для женщин и их матерей с потекшей тушью, мужчин, вцепившихся в стакан «Данкин донатс». По телевизору шел фильм «Чумовая пятница» про двух людей, обменявшихся телами и личностями и, так как это Голливуд и Дисней, в конце концов ставших друг другу ближе. Но это был всего лишь фильм. Для пересадки – органы есть органы. Берешь то, что получаешь, и выживаешь.

Так что, пока Джейми Ли Кёртис и Линдси Лохан спорили между собой, чья жизнь тяжелее, Эрни Пекхэм лежал лицом вниз на столе под наркозом, окруженный незнакомыми людьми в одноразовой синей одежде. Кто-то сделал изогнутый надрез через жир левой части брюшной полости; другие отделили мышцы от брюшной стенки холодным стальным зажимом. Почка Джонни Квеста была размером с руку хирурга – словно фасолина, пятнистая и дрожащая в розовом жире, идеально поместившаяся в таз Эрни. Обрубок его почечной артерии, всего несколько часов назад отрезанный от аортального клапана его владельца, был подведен к кровеносной системе Эрни с помощью хирургической проволоки, а вены были присоединены к венам. Спустя несколько часов, когда Джейми Ли и Линдси вернулись в свои тела и улыбнулись друг другу в кульминационной сцене концерта, хирургический зажим был удален из подвздошной артерии, а почка Джонни Квеста порозовела от крови, наполненной кислородом, и снова зажила как почка Эрни.

Под ксеноновым светом медицинское чудо выглядело как рана, которую прижгли в отверстии в синей бумаге. Но он не освещал миллион крошечных трубочек, подведенных к спинному мозгу, или ответвления, бесконечные, как кристаллики льда, которые фильтруют кровь так же, как мозг фильтрует решения, отделяя хорошее от плохого настолько, насколько это может сделать человек.

Гражданские иски последовали сразу за уголовными. Семьи жертв или потенциальных жертв судились с различными больницами, в которых работал Чарльз Каллен. Все иски против больниц Нью-Джерси были улажены вне зала суда{241}. Файлы были засекречены, так же как и договоренности. Никакого уголовного преследования против руководства больниц, нанимавших Каллена, так и не случилось.

Законодательные органы штата Нью-Джерси приняли две новые меры в качестве реакции на дело Чарльза Каллена. Акт

безопасности пациентов, составленный в 2004 году, увеличил ответственность больниц за информирование о «серьезных неблагоприятных инцидентах, которые можно предотвратить»{242}, произошедших в медицинских учреждениях департамента здравоохранения. В следующем году его дополнили Усовершенствованным актом, который требует от больниц сообщать в отдел по делам потребителей (включая комиссию по делам медработников) некоторые факты о сотрудниках учреждений и вести учет всех жалоб и дисциплинарных мер, связанных с уходом за пациентами на протяжении семи лет. Эти меры были приняты в тридцати пяти других штатах. Больница, выполняющая эти требования, не может стать объектом гражданского иска, который может быть предъявлен из-за информации, которую клиника предоставила. Однако за неисполнение актов не предусмотрено наказания или иной ответственности для больниц.

В процессе написания книги я связывался со всеми больницами, в которых работал Каллен. Несколько из них не ответили, в том числе на повторные просьбы об интервью или комментарии. Несколько отказались это делать по причине гражданского процесса с семьями жертв, из-за политики отдела кадров или сказали, что не хотят «комментировать и вообще принимать в этом участие». Сомерсет продолжает быть одним из самых авторитетных медицинских учреждений в штате Нью-Джерси. Представитель клиники заявил, что «Медицинский центр Сомерсета полностью сотрудничал со всеми заинтересованными сторонами и агенствами на протяжении всего расследования дела Каллена. Сейчас мы бросаем все наши ресурсы на то, чтобы обеспечить высочайший уровень ухода за пациентами».

Тим Брон вышел на пенсию после того, как Чарльза Каллена осудили. Теперь у него собственное детективное агентство, специализирующееся на медицинских убийствах, а также он участвует на волонтерских началах в национальной поисковой группе, которая помогает местным правоохранительным органам ловить тех, кто убивает детей.

Убийство Этель Дюрьеа, которое так мучило Брона, получило частичное разрешение: в 2010 году появилась информация о том, что орудие убийства найдено в связи с другим убийством несколько лет назад. Тим уже знал об этом, но убийцу Дюрьеа так и не назвали, а дело официально считается нераскрытым.

Дэнни Болдуин ушел из округа Сомерсет и теперь работает детективом в офисе прокурора округа Монмаут. Он также стал профессором уголовного права.

И Тим, и Дэнни получили много наград и премий за свою

работу над делом «ангела смерти», как только расследование стало достоянием общественности. Их достижения включают несколько почетных упоминаний и премию Национальной ассоциации полиции «Лучшие копы».

В своей речи детективы отдельно поблагодарили конфиденциального информанта, которого назвали «агент Эми».

Эми Лофрен ушла с работы после ареста Каллена. Она теперь замужем и работает гипнотизером и психотерапевтом; это призвание было вдохновлено ее опытом с Чарли.

Ее участие в аресте Каллена и суде над ним так и не стало публичным; в этой книге впервые говорится о том, что она выполняла роль конфиденциального информатора в данном деле. Даже Чарли не знал, что сделала Эми.

В октябре 2012 года Эми съездила в тюрьму штата Нью-Джерси в Трентоне, чтобы впервые встретиться с Чарли после его признания. Эми попросила у него прощения; Чарли сказал, что это не ее вина.

Эми так и не сказала Чарли, что была информатором.

Благодарности

Я хочу поблагодарить анонимные источники и семьи жертв за то, что разрешили мне погрузиться в их горе, а также шокированную семью Чарльза Каллена, особенно Эдриэнн Баум и ее дочерей. Я также должен поблагодарить самого Чарльза Каллена за то, что согласился со мной поговорить. Он сказал, что не хотел появления этой книги – он хотел исчезнуть. Возможно, теперь он может это сделать. Я надеюсь, что правда для всех станет утешением.

Особенно я благодарен тем, кого назначили ведущими детективами в разных юрисдикциях и чьи истории и старательная работа принесли этому делу успех, в частности: главному детективу округа Сомерсет капитану Нику Магосу; детективу-сержанту Расселлу Колуччи; детективам отдела убийств Дагу Браунлаю, Лу Демео и Мэтту Колуччи; помощнику прокурора округа Сомерсет Тиму ван Хайзу и, разумеется, прокурору Уэйну Форресту; также детективу полиции Сомервилля Элу Пёрселлу; детективу из отдела убийств округа Эссекс Тому Келли и агенту Джеку Мак-Гэрри; помощнику прокурора округа Эссекс Говарду Зукерману; детективу из офиса прокурора округа Моррис Бэрри Биттенместеру; детективу из Раритан-Тауншипа (округ Хантердон) Скотту Лессигу; лейтенанту Ричарду «Дику» Дэлримплу и детективу Стивену Матусзаку из отдела по особо тяжким преступлениям округа Уоррен; детективам полиции штата Пенсильвания Рону Гарзе, Роберту Игану и рядовому Бручаку; прокурору округа Лихай Джиму Мартину; региональному судмедэксперту Нью-Джерси доктору Нобби С. Мамбо (главный эксперт) и токсикологу штата Джорджу Джексону; а также коронеру округа Нортгемптон Закари Лайсаку.

Багодарю детектива-сержанта и командира отделения Тима Брона и главного детектива Дэниела Болдуина за то, что щедро поделились своим временем и оказали этой книге честь своими честностью и терпением, а также проверкой и исправлением рукописи.

Эми Парк Лофрен пожертвовала анонимностью и нарушила свое молчание ради этой книги; ее время, энергия и храбрость изменили очень многое.

Постоянная поддержка поступала от Джима и Джоан Рихардт, Джулиана Порта, Саскии Лэйн, Майка Дидовича, Николь Дэвис, Скотта Жардина, Джеффа и Мии Кауфманн, Лизы Сантандреа, Ричарда Кетчума, Ника Голта и Кэролин Коул, сеньора Пипа Вуда, Лиз Гиллиленд, Кэтрин Фицджеральд, Кэти Трейнор, Кэри

Е. П. Найлс, Джеффри-Осборнов, Уэст-Стэйси и, конечно, моего брата, Мэттью Уотербери Грабера.

Стив Байерс из журнала *National Geographic Aventure* научил этого юного писателя правильной расстановке приоритетов. Эдем Фишер из издания *New York Magazine* увидел историю в обрывке газеты, торчащем из моего бумажника. Диана Мэйсон, доктор и зарегистрированная медсестра, профессор школы медсестер Хантер-Белвью и содиректор Хантерского колледжа медицины, медиа и политики, предоставила свое исключительное понимание профессии и обратилась к людям, которые побоялись бы говорить с кем-то еще. Мэри Дженнингс, муза Мадакета, знала, что и писателям нужно читать. Мора Иган предоставила свой совет, свой труд и свою квартиру, где я мог начать писать эту книгу; ее сестра, Кэти Иган, предоставила свою, чтобы я смог продолжить работу. Преподобная Кэтлин Рони поделилась своим духовным видением природы Чарли Каллена. Я также в долгу перед Барбарой Морган и островом Нантакет, где всегда есть работа для писателя. Благодарности заслуживают терпеливые юристы из Нью-Джерси и Пенсильвании, которые подарили мне множество часов своего времени, особенно Стив и Сэл из архива суда округа Мидлсекс. Работа была запущена благодаря поддержке легенадарного и загадочного Отто Пенцлера и его статье, из которой выросла эта книга. Центр искусств Вирджинии предоставил мне важные месяцы для того, чтобы я мог писать, так же как и персонал Комнаты писателя в Нью-Йорке, которая держит низкие цены на столы и открыта двадцать четыре часа в сутки, что равноценно чуду. Великолепные редакторские замечания невозмутимой Энн Пэтти помогли обуять безумие и превратить его в стройный нарратив – она потратила больше сил, чем должна была, и это мне очень пригодилось. Я благодарен Деверо Шатильон, эсквайру, которая никогда не теряет чувство юмора в своих юридических оценках. Спасибо прекрасным писателям и редакторам, включая Дэвида Эваньера, Блисса Бройарда, Джилл Фрэйн, Майкла Фицджеральда, Оуэна Мэттьюса, Брэда Винерса, Тома Дауни, Томаса Колмана, Джорджа Ходжмана, Джейн Кьябаттари, Томаса Петтита и талантливого Дагласа Роджерса, которые подарили мне совет, утешение и пример их собственной работы, а также иногда покупали мне выпить, как и легендарный спортивный журналист Трент Фрейн, который первым тепло поприветствовал меня в «детском» и со своей женой Джун Коллвуд благодушно отнесся ко мне со всей серьезностью. Билл Эббот и Аллены из Харпсвелла, штат Мэн, дали мне столы с видом на портрет Э. Б. Уайта[11]. Художник Карл Франк помог превратить едва слышимые записи в диалог, а

дизайнер Амер Калам щедро одарил своим талантом, в то время как знаменитый хирург и писатель доктор Джейми Кауфман держал меня на плаву. Роберт Л. Паули, эсквайр из Powley & Gibson P. C., заверил меня, что всегда поддержит, и тем самым позволил двигаться вперед. Джон Т. Шульц III, доктор медицины, член комиссии Департамента хирургии и медицинский директор отделения ожогов в Коннектикуте, помог мне неделями ходить за медработниками отделения вместе с Жаклин Лэйрд, зарегистрированной медсестрой, во время длинных и часто страшных ночных смен в больнице Бриджпорта системы здравоохранения Йельского Нью-Хейвена. Они справляются с невыносимым благодаря храбрости, сочувствию и спасительному юмору и представляют собой пример хороших медработников. Личная благодарность сестрам из «Де-Мойн дженерал», Медицинского центра университета Айовы, медцентра «Бет-Израйел» в Манхэттене, пресвитерианской больницы в Нью-Йорке и Уэйл Корнелл, больницы «Нантакет-коттедж» и отделений диализа в Ньюингтоне и больнице «Нью-Британ дженерал», а особенно сестрам в больнице центрального Коннектикута, вместе с которыми я провел свой шестнадцатый день рождения.

Я бы до сих пор не научился грамоте, если бы не моя любящая мама, Дайан Уотербери Грабер, бывшая учительница английского, которая знает врачей так, как их может знать только дочь и жена, и любит писателей так, как их должна любить только мать. Книга об убийстве оказалась интересной только благодаря моему отцу, доктору Чарльзу У. Граберу, самому доброму и трудолюбивому человеку, которого я знаю; время, проведенное с ним во время его обходов, навсегда оставило детское воспоминание о ночных сменах в больнице. Он вместе со своим отцом, доктором Карлом Уотербери, остеопатом (чье первое свидание с моей бабушкой Пэтси закончилось срочным звонком и принятием родов в юго-восточной части Де-Мойна), внушили мне уважение к искусству медицины, которое, я надеюсь, наделяет мрачные детали важным значением.

Каким-то образом мне удалось заручиться поддержкой Сьюзи Голомб из агентства Голомб, которая с момента, когда я впервые вспотел на ее офисном кресле одним жарким августовским днем, так ценила мою работу, как я сам не смог бы. Особенное уважение и благодарность я выражаю Twelve/Hachette Book Group: неутомимые усилия Либби Бёртон и Тома Форда; терпение главного редактора Grand General Publishing Боба Кастилльо; мудрость и помощь опытного помощника издателя Брайана Маклендона; поддержку временного издателя Сьюзан Леман; собственное видение и профессионализм Деб Флаттер и веру

бывшего издателя Twelve Кэри Голдстейна. Кэри боролся за эту книгу, и многим я ему обязан. Он достойный человек.

И, конечно, я не могу посчитать все спасительные замечания и искреннюю доброту моей любимой Гэбриэлль Аллен: каким-то образом она вытерпела все эти разговоры о Чарли, которые не всегда были веселыми, и ее присутствие рядом делает возможным все что угодно.

Об авторе

Чарльз Грабер в детстве провел много времени в больницах, на сестринских постах и в палатах пациентов со своим отцом-доктором. Он ушел с медицинского факультета Тулейнского университета, чтобы написать историю в Камбодже, и так туда и не вернулся. Его работы были оценены наградами Overseas Press Club of America, New York Press Club и американской академией поэтов, а также антологиями, в числе которых «Лучшие криминальные репортажи Америки», «Лучшая научная проза Америки», «Лучшие деловые истории года» и «Лучшее из журнала National Geographic Adventure». Он пишет в издания *Wired, GQ, The New Yorker, New York, Outside, Bloomberg Businessweek, The New York Times* и т. д. Он родился в Айове, но сейчас живет на острове Нантакет и в Уильямсберге (Бруклин).

notes

Примечания

1

Листерин – антибактериальный ополаскиватель для полости рта, который разрабатывали в XIX веке как хирургический антисептик. – *Примеч. ред.*

2

Комплекс QRS представляет собой комбинацию трех графических отклонений, наблюдаемых на типичной электрокардиограмме. Обычно это центральная и наиболее визуально очевидная часть отслеживания. Другими словами, это основной всплеск на линии ЭКГ.

3

Хибати – традиционная передвижная японская печь для подогрева и приготовления еды.

4

Кул-эйд – аналог «Зуко» и «Юпи», растворимый фруктовый напиток, продающийся в виде порошка.

5

Prudential Financial – американская страховая и инвестиционная компания.

6

Брук Астор (1902–2007) – американская благотворительница и наследница многомиллионного состояния.

7

Фред МакФили Роджерс (1928–2003) – американский телеведущий, наиболее известный как создатель популярной детской передачи «Соседство мистера Роджерса» (1968–2001).

8

От английского victim – жертва. – *Примеч. пер.*

9

Футбольная команда Пенсильванского университета. – *Примеч. ред.*

10

Джеймс Эрл Джонс (род. 1931) – чернокожий американский актер, наиболее известный по озвучиванию Дарта Вейдера в классических «Звездных войнах». – *Примеч. ред.*

11

Элвин Брукс Уайт (1899–1985) – американский писатель и публицист. Большую часть жизни был сотрудником еженедельника The New Yorker. Автор известных детских книг «Стюарт Литтл» и «Паутинка Шарлотты».

Комментарии

1

Чарли родился 22 февраля 1960 года.

2

Отец Чарли умер спустя семь месяцев после его рождения, а все восемь его детей выживали за счет церковной благотворительности, шитья, которым занималась его больная мать, а также выплат по инвалидности, которые получала его тетя из-за тяжелой травмы ноги.

3

Он находился на Клинг-стрит. Уэст-Ориндж – небольшой городок в Техасе.

4

Ему было двадцать четыре года.

5

На курсе, состоящем из восьмидесяти семи человек.

6

Чарли не нравился риск унижения, который всегда присутствует в выборах и прочих подобных вещах, но его подруга настояла.

7

Информация об отношениях между Эдриэнн Баум и Калленом была получена в ходе интервью с обеими сторонами; мисс Баум до этого никогда не соглашалась на интервью. Имена были изменены по ее просьбе.

8

Эдриэнн чувствовала, будто хорошо знала своего партнера, однако из семьи знала только его одного. Кроме его сестры Морин, которая какое-то время работала в «Рой Роджерс», Эдриэнн не встречала ни одного члена семьи или друга Чарли. Когда она попросила показать место, где Чарли вырос, или познакомить с братьями, молодой человек стал бормотать что-то неразборчивое и закрываться. Она помнит, что вскоре после этого умер Джеймс, один из братьев Чарли. Он умер в старой спальне Чарли от передозировки наркотиками, пытаясь, возможно, свести счеты с жизнью. Старший Каллен – Эдвард, которого все называли Бутчи, – звонил им пьяным из телефона-автомата, не в силах справиться с новостью; Чарли отвез его в квартиру Эдриэнн, чтобы дать ему отоспаться на диване. Так они впервые встретились. Помимо этого, единственный раз, когда Эдриэнн видела Бутчи, был на свадьбе.

9

Когда Чарли начал свою «карьеру» убийцы, он был в курсе всех новостей о другом убийце, только что завершившем свою. 6 апреля 1987 года Дональд Харви, находившийся в депрессии и проявлявший склонность к суициду, вылетевший из академии Военно-воздушных сил (ВВС) и ставший медбратом, был арестован за убийства, совершенные им во время работы в Огайо и Кентукки. Харви получил от своих коллег прозвище Ангел Смерти за то, что всегда был первым, кто фиксировал смерть пациента. Он был обвинен в тридцати четырех убийствах.

Такие ожоги обычно называют старушечьими, потому что чаще всего их получают пожилые люди, чья свободная одежда воспламеняется от открытого огня (например, от горящей конфорки).

Эта процедура называется эсхаротомией – от латинского слова, обозначающего «шрам».

12

Описанное в этой главе датируется ранними девяностыми. Современные отделения ожогов гораздо тише, потому что боль и шок нейтрализуются новыми классами лекарств.

13

Несмотря на то что возможны и другие даты, эта наиболее вероятна; записи Медицинского центра св. Варнавы за 1987 год были потеряны или уничтожены за некоторое время до начала расследования офисом прокурора округа Сомерсет. Кроме того, в этот день в 1992 году Чарли Каллен убил судью Джона Йенго. Хотя Каллен признавал, что как минимум одно убийство он совершил еще раньше, Йенго был первой жертвой, названной Калленом полиции по имени.

14

Варнава был левитом с Кипра, который оказал помощь церкви, увеличив количество христиан в Антиохии, осознав важность наличия христианского гарнизона в Греции и вернув апостола Павла из отставки.

15

В новоиспеченном статусе апостола Варнава проповедовал язычникам в Ликадонии. Ликадонианцы решили, что перед ними не священник, а сам Бог. Варнава говорил про Иисуса, а они называли его Юпитером. Был ли Сын утешения сбит этим с толку?

Источники: Little Pictorial Lives of the Saints, компиляция, основанная на Butler's Lives of the Saints, а также другие источники авторства Джона Гилмари Ши (Benziger Brothers: New York, 1894); Les Petits Bollandistes: Vies des Saints by Msgr. Paul Guérin (Bloud et Barral: Paris, 1882), Vol. 6.

16

Его забили до смерти камнями непокорные евреи в Саламисе на острове Кипр.

Имена детей изменены по просьбе Эдриэнн Баум.

18

Подробности этого инцидента и последующего расследования взяты из полицейских отчетов, показаний свидетелей и судебных документов, а также из интервью с Чарльзом Калленом и Томасом Арнольдом.

19

Гепарин – антикоагулянт, используемый для разжижения крови, чтобы не допустить образования тромбов, которые могут вызывать сердечные приступы и инсульты, однако мешающий остановить кровотечение во время и после операции.

Исследования проводили эндокринологическая и радиоизотопная лаборатории города Ливингстон, Нью-Джерси, а также отделение больничной продукции лаборатории Эббот-Парка, Иллинойс.

21

Арнольд сказал следователям, что расследование дела Чарльза Каллена было сфокусировано на старом кардиологическом отделении, которое находилось на шестом этаже, и отделении 5700 (тоже кардиологическом). Арнольд и Бэрри настолько сосредоточились на фигуре Каллена, что их анализ смертельных случаев был привязан только к тем отделениям, где он работал. Арнольд говорил, что не обращал внимания на отделение ожогов, учитывая, что Каллен не работал там в то время, когда проходило расследование.

22

Изначально под подозрением был Каллен и еще две медсестры. Одна из сестер оказалась «чистой», а другая была уличена в краже морфина для личного пользования.

23

Это было первое из двух интервью, которые Арнольд и Бэрри провели с Калленом в ходе расследования.

Расследование включало в себя просмотр карт пациентов, рабочих расписаний, шкафов дозирования лекарств, записей с камер видеонаблюдения, допросы, сбор улик (пакеты для внутривенного вливания и анализы патологий).

25

Протоколы полицейского расследования. Таковы воспоминания Чарльза Каллена, а также его жены Эдриэнн, что было отражено в ее свидетельских показаниях и затем, в 2010 году, во время интервью с автором этой книги. Тот факт, что Каллен был главным объектом расследования, подтверждается в прямом обращении Бетти Гиллиан (административный директор отделения реанимации, которая уволила Каллена) к прокурору округа Сомерсет; Гиллиан давала показания 14 ноября 2003 года, когда занимала должность супервайзера и вице-президента корпоративного офиса Медицинского центра св. Варнавы. Томас Арнольд тоже подтвердил, что расследование строилось вокруг фигуры Чарльза Каллена.

В ответ на запросы, сделанные в ходе гражданского судебного процесса в начале заключения Каллена, юридический консультант Медицинского центра св. Варнавы «Силл, Каммис, Эпштайн и Гросс» отрицал это. «Святой Варнава» не проводил и не вынуждал проводить никакого внутреннего расследования на основании необъяснимых результатов лабораторных тестов в связи с лекарствами, обнаруженными в крови пациентов, или необъяснимыми смертями пациентов в тот период времени, когда Чарльз Каллен являлся сотрудником Медицинского центра святого Варнавы – Центра медицинских услуг Ливингстона (медицинского центра). В феврале и октябре 1991 года внутренние расследования были проведены в «Святом Варнаве» в связи с необъяснимо низким уровнем сахара в крови нескольких пациентов… В этом отношении «Святой Варнава» отмечает, что медцентр смог восстановить лишь часть документов, имеющих отношение к этому расследованию; остальное, по всей видимости, было утрачено во время переезда офиса. В заявлении также сказано: «Внутреннее расследование 1991 года в отношении необъяснимо низкого уровня сахара в крови нескольких пациентов не фокусировалось на Чарльзе Каллене». Этот документ был подписан Нэнси Холсек, главным вице-президентом по делам пациентов в системе медицинского обслуживания «Святого Варнавы», выступающим от лица больницы. Мисс Холсек – бывший директор отделения телеметрии, была задействована в расследовании Бэрри, Арнольда и Гиллиан.

Супервайзер отделения телеметрии Нэнси Холсек затем сравнила этот процесс с поиском иголки в стоге сена.

27

Из интервью автора с Чарльзом Калленом.

28

Формально Каллен был сотрудником Центра медицинских услуг, бывшего Центра медицинских услуг Ливингстона – частной коммерческой дочерней компании Медицинской корпорации св. Варнавы, которая поставляла сотрудников для отделений. Показания сотрудников Центра медицинских услуг объясняют, что между 6 и 10 января 1992 года Каллен стал «невызываемым», так как термин «уволен» не соотносился с политикой компании. Причиной увольнения назвали неправильное заполнение документов и «ухудшившееся отношение к работе». Например, было обнаружено, что 20 июня 1990 года Каллен отменил назначенную терапевтом вентиляцию легких одному из пациентов, а затем, 21 июня, отменил и другому пациенту. Среди проблем с документацией нашлось несколько ошибок с лекарствами, в частности 14 марта 1991 года, когда вошедший медработник обнаружил, что Каллен не дал пациенту выписанное лекарство, но поставил ему капельницу, на которой была красная наклейка без какой-либо надписи. Его коллеги выразили «глубокое беспокойство в отношении реакции Чарльза на совершение двойной медицинской ошибки» и думали, что он не был «обеспокоен своей ошибкой или состоянием пациента». В числе других инцидентов, несущих потенциальную угрозу жизни пациентам, был случай 26 июля, когда Каллен вписал в карту пациента назначение четырех доз инсулина. На самом деле никакого инсулина пациенту не назначали. В показаниях Нэнси Холсек, главного вице-президента по делам пациентов в медицинской системе «Святого Варнавы», говорилось, что Каллен был уволен в связи с «проблемами в уходе за пациентами».

29

Подробности принятия на работу Каллена и событий, произошедших в больнице округа Уоррен, взяты из дела Чарльза Каллена, которое хранилось в больнице, документов полицейского расследования, показаний свидетелей и записей судебных заседаний.

30

Точная дата увольнения Каллена из «Святого Варнавы» неясна, но его собеседование в больнице Уоррена состоялось 21 января 1992 года.

31

Доступные записи тех лет содержат вписанные Чарли рекомендации и телефонные номера, но не содержат информации о том, проверял ли кто-то из сотрудников отдела кадров больницы Уоррена эти рекомендации и звонил ли в Медицинский центр св. Варнавы или Центр медицинских услуг Ливингстона.

32

Подробности взяты из судебных документов, интервью с Эдриэнн Баум и полицейских отчетов.

33

Позже Каллен узнал, что тело его матери все еще находилось там.

34

Чарли исполнилось восемнадцать лет через три месяца после смерти его матери, и он сдал экзамены на аттестат по совету вербовщика из Военно-морского флота (ВМФ). В апреле 1978 года он записался на восемь недель подготовительных курсов в Военно-морской учебный центр Грейт-Лейкс в Иллинойсе, затем на семь месяцев в Военно-морскую ракетную школу в Вирджинии-Бич (штат Вирджиния) и потом на три месяца в подводную школу в Гротоне (штат Коннектикут). В итоге Чарли служил в Чарльстоне (штат Южная Каролина).

Несколько взбучек от капитана или дисциплинарных слушаний были вызваны его отказом мочиться на глазах у другого моряка для обязательного теста на наркотики. Чарли утверждал, что, хотя курение марихуаны было распространено во флоте, лично он никогда не пробовал ни ее, ни другие запрещенные вещества и протестовал лишь против унизительной процедуры. Его неспособность мочиться на глазах у других всю жизнь доставляла ему неудобства.

Эта формулировка подразумевала в том числе случай, когда один из сослуживцев Каллена обнаружил его перед панелью запуска ядерных ракет, одетого в зеленый хирургический халат, маску и перчатки из медицинской кладовки. Эту историю рассказал репортерам один из бывших командующих офицеров Каллена после того, как в новостях сообщили о его аресте. Каллен говорит, что история смешная, но не имеющая ничего общего с реальностью.

37

В конце концов Каллена перевели с подлодки на грузовой корабль «Канопус».

38

Каллен нервничал по поводу своего увольнения со службы, которое обещало быть унизительным. Он говорил армейским психиатрам, что хотел совершить самоубийство, потому что «боялся вернуться домой неудачником». После предыдущих пьяных попыток Каллена убить себя армейские врачи нашли его психически здоровым и прописали лечение от алкоголизма и антабус. Чарли воспользовался этим лекарством, чтобы совершить очередную попытку суицида.

39

Его лечили от отравления метилсалицилатом.

«Не смотрит в глаза и говорит тихо, – отмечал врач, – отвечает кратко и уклончиво». Также терапевт написал, что Каллен не осознавал собственный алкоголизм, был пассивно-агрессивен, сопротивлялся распорядку отделения и правилам. Однако вскоре он стал более разговорчив, особенно когда речь шла о смерти его матери (с которой Каллен был «особенно близок»), а также о не названной по имени невесте. «Он всегда был стеснителен и имел мало друзей, – говорится в отчете. – Становился зависимым, особенно в отношениях с женщинам, в которых он очень быстро и сильно влюбляется».

41

Старший брат Каллена, Джеймс, умерший в 1986 году от передозировки наркотиками на 37-м году жизни, очевидно, совершил самоубийство. И хотя некоторые полицейские рассуждали о том, что Чарльз Каллен мог быть как-то связан со смертью брата, прямых доказательств этому нет.

42

31 января 1993 года.

43

Гражданский иск № FM-21–229–93, Верховный суд Нью-Джерси, округ Уоррен, 19 октября 1994 года.

Она находилась по адресу Шэфер-авеню, 263.

45

Полицейские отчеты из Филлипсберга, штат Пенсильвания.

Все цитаты взяты либо из интервью с Чарльзом Калленом, либо из его признания полиции, либо из расшифровок разговоров, сделанных полицией штата Пенсильвания.

47

«Грейстоун» была психбольницей для сумасшедших, обновленной версией приюта для душевнобольных штата Нью-Джерси в Морристауне. Название менялось в соответствии с историей общественного принятия и лечения «болезней ума» (сам термин более-менее современный). На тот момент, когда Каллен в ней оказался, она была психиатрической больницей.

Разные источники сообщают разные даты начала лечения. 24 марта Каллена поместили сначала в клинику «Керриер» в Бель-Мид, штат Нью-Джерси, а в середине апреля его перевели в психиатрическую больницу «Грейстоун».

Телеметрия может отслеживать и другие показатели жизнедеятельности: кровяное давление, содержание кислорода в крови, температуру. Однако чаще всего использует именно электрокардиограмму (ЭКГ).

По мнению Чарли, судья, который заставил его заплатить за адвоката, был виноват в том, что ему пришлось снова работать в качестве медбрата. Чарли утверждает, что, если бы ему помогли, он бы ушел с работы. Однако эта работа была для Чарли ядром самоопределения, она значила для него куда больше, чем просто способ хорошо заработать. И может быть, на другой работе ему действительно было бы сложно получать такие же деньги, но и безнаказанно убивать ему тоже было бы не так просто.

51

Слова самого Ларри Дина и полицейские отчеты.

52

Ларри Дин умер в 2001 году, все еще пытаясь доказать, что его мать была убита. Кровь и образцы тканей матери были найдены в его холодильнике.

53

Каллен ввел Хелен Дин внутримышечную инъекцию, которая должна была подействовать спустя три или четыре часа. Однако миссис Дин умерла только на следующий день, почти через сутки после инъекции и вскоре после выписки из больницы.

Детектив Ричард Клейтон и лейтенант Дж. Дандон.

55

Результаты вскрытия Хелен Дин, записанные доктором М. Л. Коуэном, судмедэкспертом округа Уоррен: «След от укола был проверен на наличие химикатов и ядовитых веществ… результат был отрицательный… медбрат, подозреваемый в том, что ввел миссис Дин неизвестное вещество в переднюю часть левого бедра, успешно прошел полиграф, утверждая, что не делал миссис Дин никаких уколов».

56

Больница Фер-Оукс (в прошлом больница города Саммита, штат Нью-Джерси).

57

Полицейские отчеты.

58

Похоже, что до отдела кадров «Святого Варнавы» никто из Хантердона не дозвонился, но несколько сотрудников Уоррена, включая супервайзера Чарли и заведующего отделением интенсивной терапии, за него поручились. Оба дали ему хорошие рекомендации, и только заведующий отделением интенсивной терапии добавила, что Каллен уволился из больницы по «личным причинам».

59

Чарльз Каллен несколько раз менял число убитых им людей. После того как в первый раз признался в совершенном, он вспоминал, что если считать все смерти, за которые он ответственен, то был еще как минимум один пациент в январе. А также один в апреле, еще один неделю спустя, а затем еще один через две недели. Каллен был не в состоянии вспомнить все детали, только то, что, пока он работал в отделении интенсивной терапии, все его жертвы были убиты с помощью инъекций.

60

Отчеты полиции и показания свидетелей, а также личное дело Каллена.

61

Одного из пациентов обнаружили в палате среди разбросанных окровавленных тряпок и пустых бутылок, голого и в состоянии кислородного голодания, уставившегося в потолок. Врачи подтвердили, что эти факторы впоследствии сыграли свою роль (возможно, даже определяющую) в том, что у этого пациента случился инсульт.

Сохранены авторские написание и пунктуация.

63

Исследовательская компания КАРКО.

Полицейские отчеты. Отделы кадров Хантердона и Уоррена подтвердили, что нанимали Каллена на работу; медицинский центр здравоохранения, компания, занимающаяся персоналом и принадлежащая медицинской корпорации св. Варнавы, указала, что у них есть сведения о том, что Каллен работал там с 1990 года, но дело Чарльза Каллена они найти не могут.

65

Из личного дела Каллена в Морристауне и судебных документов.

66

Быстродействующий седативный препарат, обычно используемый для анестезии.

Так вспоминал Каллен в разговоре с детективами 14 декабря 2003 года. Он был убежден, что «в Морристауне, возможно, были один-два пациента» и что, хотя он «не помнит деталей», он «мог там что-то натворить». Каллен не предоставил никаких других деталей на тот момент, а в ходе последующего расследования не смог вспомнить жертв среди пациентов мемориальной больницы Морристауна.

68

7 апреля 1997 года: «Тэмми, я, конечно, не очень хочу это писать, но делаю это ради пациентов, их безопасности и репутации отделения. Это всего один из множества пациентов, которые говорят об одном и том же. Позвони мне». Это лишь один пример рукописных обращений, предположительно от супервайзера Каллена или коллег. Найдены среди бумаг, связанных с работой Каллена в Морристауне.

Эти и все последующие детали взяты из полицейских отчетов.

70

Судя по показаниям Каллена и отчетам полиции, сумма составила 500 долларов США.

Пересмотр должен был стать серьезным, и юристы Морристауна обменивались письмами с Американской арбитражной ассоциацией в процессе подготовки к нему.

72

В 2000 году компания «Медикал стаффинг нетворк» заняла место «Хелс форс», и все старые записи о сотрудниках были удалены из их системы.

73

Невозможно определить, когда именно начались проблемы в «Либерти», но мистер Хенри был самым ранним пациентом, в «нехороших манипуляциях» с которым Чарльз Каллен признался.

74

Полицейские отчеты и отчеты комиссии по делам медработников штата Пенсильвания.

Согласно обращению, составленному Кимберли Пепе для судебного дела против «Либерти», Хенри отвезли в ближайшую больницу Лихай-Вэлли, после того как утром ему стало тяжело дышать. Руководство больницы обнаружило у него передозировку инсулина. После этого Хенри вернулся в «Либерти», ему поставили капельницу с морфием, и впоследствии он скончался. В записях «Либерти» нет информации о том, что его смерть была вызвана передозировкой инсулина. В конце концов Чарльз Каллен признался, что несет ответственность за смерть Хенри.

В иске Пепе предполагалось, что руководство «Либерти» «намеренно решило проигнорировать и не заметить любые улики, указывающие на то, что именно Каллен дал пациенту инсулин», несмотря на то что из-за неоднократных ошибок Каллена, связанных с лекарствами, он уже находился «под подозрением». Чарльз Каллен не был приставлен к Хенри в ту ночь, но неоднократно входил и выходил из палаты, потому что работал с другим пациентом. Пепе также написала жалобу в комиссию по равным возможностям в сфере занятости.

77

Согласно статье в «Нью-Йорк таймс» от 29 февраля 2004 года («Смерть в ночную смену: 16 лет, десятки трупов. Сквозь лазейки в системе медбрат оставил за собой скорбный след», авторы Ричард Перез-Пеньи, Дэвид Кочинивски и Джейсон Джордж), Джули Бекерт, представитель компании «Мэйнор Кэйр» (которой принадлежит «Либерти»), не стала обсуждать дело мистера Хенри, но отрицала, что мистер Каллен находился под подозрением в связи с кражей препаратов. «Либерти» договорилась с адвокатом мисс Пепе о том, что обе стороны будут держать обстоятельства в тайне.

Четыре года спустя, в январе 2002 года, комиссия по делам медработников штата Пенсильвания инициировала расследование дела Чарльза Каллена в ответ на жалобы по поводу другого инцидента. Директора по уходу центра «Либерти» Доун Костелло в ходе допроса спросили: «Не случалось ли в период работы Каллена инцидентов, связанных с лекарствами или смертью пациентов?» Мисс Костелло ответила: «Нет».

«Либерти» признала, что внутреннее расследование смерти пациента было неудачным, согласно иску Пепе от 1998 года.

Представитель «Либерти» утверждал, что о нарушениях со стороны Чарльза Каллена было доложено в Департамент здравоохранения штата Пенсильвания, который осуществляет надзор за больницами, но не за их сотрудниками.

Внутри компании «Либерти» назвали причиной «несоблюдение протокола выдачи лекарственных препаратов». В 2003 году газета «Экспресс-таймс» из Истона, штат Пенсильвания, процитировала представителя «Либерти» Джули Бекерт, которая сказала, что Каллена уволили в 1998 году после обвинения в том, что он дал пациенту лекарство в неправильное время. Одновременно нет никаких доказательств того, что Каллен, проработавший в центре восемь месяцев, давал пациентам неназначенные препараты.

И хотя выдача пациентам лекарств в неправильное время может привести к серьезному вреду здоровью, Бекерт сказала, что администрация «Либерти» не может назвать случаи, в которых состояние пациента от этого ухудшилось. В компании заявили, что доложили о действиях Каллена в Департамент здравоохранения штата Пенсильвания, который осуществляет контроль за домами престарелых, но не имеет никакой власти наказывать конкретных медработников.

В статье «Нью-Йорк таймс» от 18 декабря 2003 года говорится: «Спустя год после увольнения мисс Пепе она подала в суд на дом престарелых и подала жалобу в комиссию по равным возможностям в сфере занятости. Они уладили свое дело с больницей в 2001 году, а детали договоренности оставили в тайне. Вчера мисс Пепе ответила отказом на предложение об интервью через своего адвоката, Дональда Руссо, а мистер Руссо сказал, что не может раскрыть деталей дела. Однако рассказ мисс Пепе подробно изложен в ее первоначальном иске и жалобе, которую она подала в комиссию по равным возможностям в сфере занятости. 8 мая 1998 года, утверждает она, после того как мистера Хенри забрали в больницу Лихай-Вэлли, сотрудники трижды звонили ей, чтобы спросить, не давала ли она ему инсулин, а также сказали, что уровень сахара в его организме упал до 25 (мг, то есть около 1,3 ммоль/л. – *Примеч. ред.*) – так низко, что пациенту грозила потеря сознания и повреждение мозга. Не считая исключительных случаев, уровень сахара у человека сам по себе не падает ниже семидесяти. Однако инсулин – гормон, который используют диабетики, чтобы бороться с высоким уровнем сахара в крови, – может вызвать подобное падение, пик которого происходит обычно через час-два после инъекции. Мисс Пепе сказала, что мистер Хенри не был диабетиком. Мисс Пепе заявила также, что через несколько дней после инцидента супервайзер сказала ей, что «на данный момент

она вне подозрений, что они присматриваются к моему коллеге, Чарльзу Каллену». В своем вчерашнем заявлении материнская компания «Либерти» «Мэйнор Кэйр» заявила, что, «по их сведениям и судя по записям о сотрудниках, Чарльз Каллен не был объектом расследования центра или внешней организации до мая 1998 года».

82

Чарльз Каллен был нанят через «Хелс форс» – агентство, которое больница Истона использовала для набора персонала.

83

Детали инцидента подтверждены показаниями свидетелей и отчетами полиции.

84

Оттомара Шрамма с едой в легких привезла из дома престарелых скорая.

Эти разговоры восстановлены по записям допросов Кристины Тот полицией Истона.

86

Коронер округа Нортгемптон Закари Лайсек не понимал, как Шрамму могли случайно дать смертельную дозу лекарства, поэтому провел тщательное восьмимесячное расследование смерти пациента. Он допросил десятки сотрудников, которые имели какое-то отношение к уходу за Шраммом как в доме престарелых, откуда его перевели, так и в больнице, где он получил передозировку и умер. Коронер знал, что Тот упоминала мужчину, который, вероятно, был медбратом, но не знала его имени. Судебно-медицинский патологоанатом обнаружил, что мистер Шрамм умер от пневмонии, а передозировка дигоксина была лишь дополнительным фактором, и в конце концов указал, что «смерть Шрамма должна считаться несчастным случаем». Лайсек все еще сомневался в этом, но кроме собственной интуиции не имел никаких доказательств, которые могли бы дать делу ход.

В судебных документах и полицейских отчетах говорится, что спустя три года Лайсек получил сообщение от неназванного источника, что загадочный медбрат, которого упомянула Тот, – это Чарльз Каллен и что он мог иметь отношение к смерти мистера Шрамма. После этого Лайсек связался с полицией штата.

Мистер Лайсек утверждает, что звонил в Истон, чтобы получить сведения о записях, связанных с Чарльзом Калленом. Администратор просмотрела дела сотрудников и ответила, что у них нет никаких данных о том, что Чарльз Каллен там когда-либо работал. Хоть Лайсеку это не очень-то помогло, но формально так и было. Для работы в Истоне мистер Каллен был нанят через агентство «Хелс Мед Ван», которое базировалось в городе Гаррисберг, штат Пенсильвания. Проблема с тем, чтобы отследить смену мест работы Чарльза Каллена, существовала все время и научила Лайсека тому, как важно для судебных следователей умение задавать правильные вопросы и составлять полный и точный список тех сотрудников, которые могли контактировать с потенциальной жертвой.

87

Оксиконтин поступил на рынок в 1996 году.

Такое восприятие ситуации было изложено Чарльзом Калленом во время разговоров со мной и с детективами; факты, сопровождавшие его дальнейшие действия и реакцию больницы, взяты напрямую из полицейских отчетов и показаний свидетелей.

89

Хотя Каллен и сказал полицейским, что убил четверых или пятерых пациентов в Лихай-Вэлли, точно им удалось установить личности лишь двоих: двадцатидвухлетнего Мэттью Мэттерна (31 августа 1999 года) и семидесятитрехлетней Стеллы Дэниельчик (26 февраля 2000 года). Женщина получила ожоги шестидесяти процентов тела – согласно «правилу девяти», это означало неизбежную смерть.

Хирурги вскрыли мышечную ткань, чтобы выложить сетку сосудов, на которую впоследствии можно было бы пересадить кожу. Препараты в крови помогали пересаженным тканям прижиться, несмотря на то что из-за этого организм пациента не способен был сопротивляться инфекциям. Каждая инфекция отправляла Мэттерна обратно в операционную.

91

Эта информация взята из интервью и копий отчета Дадди. Диалог взят из этих источников и помещен в кавычки автором.

92

Чарли обследовали и отправили домой. Физически он был здоров и казался вполне здравомыслящим.

93

В апреле 2000 года Каллен использовал компьютер в отделении, чтобы отправить электронное письмо двум уволенным работникам отделения ожогов и выразить свою поддержку и солидарность. Каллен тоже уходит из отделения, как он говорил, – он уже попросил о переводе в кардиологию. Он называл себя одним из них, настроенным против «старших сотрудников» – ветеранов отделения с 15-летним стажем. Чарли называл их «СС» в качестве сокращения и ради отсылки к нацистской организации. На тот момент он не осознавал, что его письмо получат не только двое уволенных сотрудников, но и все прочие работники отделения, включая самих «старших сотрудников». После этого работать там не представлялось возможным, а в отделении кардиологии не осталось свободных мест для перевода.

94

Каллен признавался, что помнит, как убил около четырех или пяти пациентов во время своей работы в Лихае. Только две жертвы были опознаны: Мэттью Мэттерн (31 августа 1999 года) и Стелла Дэниельчик (26 февраля 2000 года).

95

Согласно полицейским отчетам, отдел кадров больницы св. Луки обращался за рекомендациями от коллег Каллена в центр по уходу и реабилитации «Либерти», а также в отделение ожогов больницы Лихай-Вэлли; цитаты в абзаце взяты из этих рекомендаций.

Согласно статье в журнале Morning Call, доля рынка, которую занимал «Святой Лука», выросла до двадцати пяти процентов между 1990-м и 2007 годом, опережая показатели Лихай-Вэлли на два процента и отбирая от 29 до 39 процентов пациентов и их денег у более скромного Истона.

«Святой Лука» предложили Каллену полноценную позицию с работой в ночную смену за 21,45 доллара в час.

Девять палат составляли полукруг, в центре которого находился сестринский пост. В каждой палате обычно лежал один пациент.

Впечатления других медработников взяты из свидетельских показаний и отчетов полиции.

100

Из показаний свидетелей и документов, использованных при расследовании, включая запрошенные отчеты о жалобах и инцидентах из самой больницы.

101

Джули (ее фамилия не будет названа) была клерком в больнице св. Луки.

102

Из показаний медбрата Брэда Хана, которые он дал полиции штата.

103

Президент больницы имел докторскую степень по биостатистике. Больница св. Луки неоднократно оказывалась как в ежегодном списке лучших больниц Америки U. S. News & World Report, так и в рейтинге ста лучших больниц комании Truven Health Analytics.

Воспоминания Каллена взяты напрямую из его интервью и подтверждены полицейскими отчетами, свидетельскими показаниями и показаниями самого Каллена на допросах.

105

Отчеты полиции и судебные документы.

106

Этот комментарий принадлежит Тельме Мойер, судя по конфиденциальной переписке между адвокатом фирмы «Стивенс и Джонсон» Полом Лафлином и юристом «Святого Луки» Си Траубом.

107

Из личных интервью и допросов Чарльза Каллена. Так полагал, разумеется, только Чарли, точно так же, как только он считал, что больница св. Луки – католическое учреждение. Предположение Чарли основывалось на том, что медицинский центр был назван в честь святого, а также из-за апострофа, напоминающего вифлеемскую звезду. На самом дел у медцентра св. Луки не было никакой религиозной принадлежности.

108

Джо Чендлер был дневным медбратом, который заказывал препараты для пополнения запасов. Он заметил, что лекарства стали исчезать с декабря 2001 года.

109

Из полицейских документов, показаний свидетелей, личных интервью с Калленом, а также собственных устных и письменных воспоминаний Каллена, предоставленных полицией. В ту ночь остановилось сердце трех пациентов. Ответственность Чарльза Каллена за смерть всех троих – спорный момент. Каллену предъявили обвинение в убийстве лишь одного из них, семидесятишестилетнего Эдварда О'Тула.

Развернутые допросы, в которых речь идет об этих инцидентах, содержатся в полицейских документах, отчетах комиссии по делам медработников штата Пенсильвания и последующих судебных бумагах.

Заразные отходы, использованные перчатки, ампутированные конечности и вырезанные органы, отходы после абортов, опухоли, удаленный после липосакции жир и т. д. – больницы избавляются от огромного количества вещей.

Его используют для того, чтобы успокоить пациентов, у которых выпадал аппарат искусственной вентиляции легких, – тех, у кого мышцы грудной клетки защемились из-за побочного эффекта от каких-то других лекарств.

По этой причине «век» всегда назначают в минимальных дозах, необходимых для получения нужного эффекта, – достаточно, чтобы расслабить диафрагму и облегчить дыхание, но недостаточно, чтобы препятствовать поступлению кислорода в мозг и другие жизненно важные органы.

114

Каллен признал, что использовал «век» для убийства пациентов в больнице св. Луки.

115

Воспоминания о точном количестве варьируются в зависимости от источников, но большая часть находится где-то посередине промежутка, который вспоминает Кимбл: от шести до двенадцати пузырьков от «века».

116

Из-за того, что в отношении смерти О'Тула не проводилось никакого расследования на протяжении долгих лет, причину его смерти невозможно установить наверняка. Позже Чарльз Каллен скажет, что убил О'Тула с помощью «века», в своем чистосердечном признании детективам Сомерсета.

117

Эта конкретная формулировка взята из допроса Дженис Рэйдер полицией штата Пенсильвания, чтобы объяснить причины, по которым они обратились к третьей стороне. Си Трауб был упомянут в конфиденциальной памятке Пола Лафлина, посвященной этой проблеме.

118

Та же фирма, к которой обратилась больница Истона в связи со смертью Оттомара Шрамма. Некоторые партнеры, включая Лафлина, за это время уже забыли о том инциденте.

В своих показаниях перед гражданским процессом Лафлин пояснил, что его работа заключалась лишь в том, чтобы выяснить, кто положил препараты в контейнер для острых предметов, а не выяснять, что произошло с ними позже или как с этой информацией стоит поступать больнице.

120

Те же слова Чарльз Каллен повторил, когда охрана вывела его наружу.

121

Описание Лафлином консультации в больнице св. Луки включает описание его встречи с Калленом, а последующие интервью с Чарльзом подтвердили и дополнили это описание; этот абзац написан на основе и того и другого. Я позволил себе использовать кавычки для ясности.

Эти вопросы и формулировки взяты из отчета Лафлина; использование кавычек, возможно, не везде уместно.

123

Чарльз Каллен утверждал, что не надевал перчатки и на пузырьках были его отпечатки. Невозможно определить, насколько это соответствует действительности. Чарли вспоминает это так, но пузырьков уже не найти, а Лафлин не комментировал данный аспект.

124

Лафлин присутствовал на административном совещании, на котором было решено предоставить Чарльзу Каллену возможность уволиться; это решение он принял не сам.

Документация представлена в судебных и полицейских отчетах.

Его рекомендации включали в себя и отзывы медсестры «Святого Луки» Пэт Мэделлин. Позже она уведомит Лафлина о серии подозрительных смертей в отделении, которые она связывала с Калленом, и в конце концов обратится с этим в полицию.

127

Отдел кадров больницы св. Луки дал Чарли «нейтральную» характеристику, судя по документам, приложенным к полицейским отчетам. Однако им потребовалось три недели, чтобы ответить на запрос от отдела кадров «Сейкрид харт».

Взято из судебных документов. Судья верховного суда штата Нью-Джерси Брайан Д. Гарруто в своем меморандуме о решении по двум ходатайствам – (1) ходатайству больницы св. Луки отозвать жалобу Плайнтиффа, а также (2) ходатайству Медицинского центра Сомерсета изменить свою жалобу и добавить больницу св. Луки в качестве стороннего ответчика – опроверг заявление больницы св. Луки, что она не знала и не несет ответственности за информирование Медицинского центра Сомерсета об опасности, которую представлял Чарльз Каллен, а потому она может быть объектом иска со стороны семей жертв Каллена в Сомерсете. Гарруто не заседал на рассмотрении дел этих семей.

В заявлении, составленном 21 августа, Гарруто написал: «Записи показывают, что в больнице св. Луки не представляли мистера Каллена как “идеального сотрудника”. Тем не менее, так как они решили скрыть информацию о статусе мистера Каллена после запроса от Сомерсета, когда в то же время руководство “Святого Луки” обзванивало соседние больницы, чтобы предупредить, что Каллена не стоит нанимать, они не освобождаются от ответственности».

Если говорить точнее, Гарруто процитировал памятку от 21 марта 2005 года, которая циркулировала между доктором Сондерсом и исполнительным вице-президентом и исполнительным директором Медицинского центра св. Луки Элейн Томпсон. В ней Сондерс признает тайные звонки, сделанные, чтобы предупредить ближайшие больницы о Чарльзе Каллене; данная цитата – единственное подтверждение существования этого документа.

В решении судьи Гарруто сказано: «Если быть точным, доктор Сондерс написал, что примерно в августе 2002 года он звонил своему коллеге в больнице Лихай-Вэлли доктору Роберту Ласковски, чтобы “предупредить его о медицинской диверсии”, обнаруженной в “Святом Луке”, а также узнать, были ли похожие инциденты за время работы Каллена в Лихай-Вэлли и предупредить доктора Ласковски не нанимать этого медбрата из-за его странного поведения».

Сондерс также упоминает, что предупредил доктора Ласковски, что мистер Каллен был помечен как «не нанимать заново» в «Святого Луку». Памятка доктора Сондерса от 21 марта 2005 года также сообщает, что будущий главный операционный директор «Святого Луки» Винс Джозер делал «похожие звонки в

другие соседние больницы».

«Меморандум о решении по ходатайству в соответствии с R. 1:6–2 (f)» был составлен 21 августа 2007 года и включал «все дела, вытекающие из судебного дела Каллена 270-го типа».

129

23 декабря 2003 года полицейские штата Пенсильвания допрашивали помощника исполнительного директора Истона Дебору Борс и риск-менеджера Истона Джорджианн Герлах. Борс отметила, что в августе 2002 года с Герлах, которая тогда занималась поиском медработников в Истоне, связался Пол Лафлин: «Лафлин сказал, что не может объяснить причину, но не советует им нанимать Чарльза Каллена».

Никаких записей, связанных с этими звонками, впоследствии не будет найдено в личном деле Чарльза Каллена в Лихай-Вэлли, «Сейкрид харт», Истоне или «Святом Луке».

В том же меморандуме судья Гарруто окончательно отклонил ходатайство «Святого Луки» и удовлетворил ходатайство Медицинского центра Сомерсета. «Проблема заключается в том, что больница св. Луки взяла на себя ответственность за пациентов, которые могли бы попасть в руки мистера Каллена, – заключил судья Гарруто. – Однако затем принялись решать, кто из них будет жить, а кто умрет».

В отказе в требовании больницы св. Луки общего разбирательства по пяти гражданским искам, поданным семьями пациентов, суд первой инстанции штата Пенсильвания написал следующее:

«Страшно представить себе положение вещей, при котором общество равнодушно отнесется к тому, что больница промолчит, зная, что, скорее всего, ее сотрудник убил пациента. В связи с этим обязанность раскрыть подобную информацию не только должна сопутствовать всему остальному, но также на более глубоком уровне должна осознаваться как обязанность, исполнения которой цивилизованные люди ждут друг от друга и от своих институтов. Потому, хотя в этой ситуации может показаться, что суд “навязывает” обязанности, честным будет осознать обязательство, исполнения которого, говоря прямо, люди должны ожидать даже в отсутствие формального судебного решения. В конце концов, это точка, в которой принципы нашего права соотносятся с коллективными убеждениями и разделяемыми представлениями о хорошем и плохом, которые придают силу и внушают уважение к нашей системе правопорядка. Не исполнить такую обязанность со стороны больницы в подобных обстоятельствах представляет закон не только слабым, но даже смешным» (заявление суда первой инстанции Верховного суда Пенсильвании по делу «Крапф против больницы святого Луки», 9 июля 2009 года, 25–26, поддерживаемое Верховным судом 27 июля 2010 года http://caselaw.findlaw.com/pa-superior-court/1533011.html).

133

Четыре больницы и центр по уходу за пациентами и реабилитации «Либерти».

Кроме того, в октябре 2002 года должна была закончиться его лицензия медработника. Пытаться получить новую значило испытывать судьбу, особенно в свете его бесславного увольнения из «Святого Луки». Каллен, однако, был готов к такому развитию событий и подал заявление на продление своей лицензии в Нью-Джерси, когда еще являлся сотрудником больницы св. Луки.

135

Лицензия на работу в штате Нью-Джерси не должна была закончиться до марта 2003 года.

Назван в честь графства Сомерсет в Англии.

137

«Когда-то он служил загородной резиденцией для некоторых богатейших семей XIX века, а теперь его жители – фармацевтические и химикатные магнаты». Сара Клеменс, «Дом недели: дворец Пипэк». Форбс, 14 марта 2005 года, http://www.forbes.com/2005/03/14/cx_sc_0314how.html.

138

Детали взяты из личного дела, хранящегося в Сомерсете, и документов полицейского расследования.

139

В течение некоторого времени Чарли очень серьезно подходил к тому, чтобы составить план на выходные с детьми: организовывал поездки в музей, кино и даже на пляж. Однако с тех пор, как переехал к Кэти, он перестал это делать и часто находил причину, чтобы не видеться с детьми.

В больнице св. Луки Чарли имел статус сотрудника, которого ни в коем случае нельзя снова нанимать. 6 сентября 2002 года Конни Осински, рекрутер медработников из медицинского центра Сомерсет, позвонил в «Святого Луку», чтобы уточнить рекомендации. Отдел кадров «Святого Луки» подтвердил, что Чарли являлся сотрудником больницы, а также даты его трудоустройства и позицию, которую тот занимал, но не ответил, стали бы они нанимать его снова. Помощник вице-президента по кадровым вопросам, мистер Эндрю Сэйдел, позднее отметил в своих показаниях, что «нейтральные рекомендации», то есть подразумевающие отсутствие таковых, хороших или плохих, – стандартная неписаная политика в отношении всех бывших сотрудников.

После окончания внутреннего расследования в больнице св. Луки Сэйдел сказал, что присутствовал на августовской встрече вместе с другими представителями высшей администрации больницы и юристами, включая Амедео, Сондерса, Андерсона и Трауба, на которой было принято решение сделать официальным статус сотрудника, который не подлежит повторному найму, для Каллена. Позднее Сэйдел утверждал, что, хотя Чарли сам предложил уйти в ту ночь, когда его вывели из «Святого Луки», он затем говорил с Калленом по телефону и сказал ему, что «у него есть выбор» – уйти самому или быть уволенным. «Разница заключается в том, что при увольнении по собственному желанию он может сохранить лицо, уйти из организации и попробовать устроиться на другую работу, сказав, что решил уйти с прежней сам, – говорил Сэйдел, – тогда как в случае, если его увольняют, он обязан сообщать своим будущим работодателям (при условии, что он с ними честен), что его уволили». Сэйдел объяснил, что на тот момент все улики были косвенными, а Каллен не признал свою вину и не хотел, «судя по той информации, которой я располагал… лишиться шансов найти новую работу». Когда Сэйдела спросили, «предполагал ли он, что, разрешая мистеру Каллену уволиться по собственному желанию, он облегчил ему задачу по поиску новой работы в медицинской сфере», он ответил «да». На вопрос о заявлении Каллена о том, что он «обсуждал нейтральную рекомендацию» с кем-то из «Святого Луки» в период своего увольнения и не обсуждал ли Сэйдел с ним этот вопрос, он ответил: «Этого я не помню». Он стал объяснять, что на самом деле нейтральные рекомендации в то время давали «всем», независимо от того, уволили ли сотрудника и по какой причине.

«Так что уволился бы он сам или нет, – сказал Сэйдел, – он бы все равно получил нейтральную характеристику».

В гражданских исках, последовавших за арестом Каллена, адвокаты больницы св. Луки заняли следующую позицию: «Нет никаких доказательств того, что “Святой Лука” разрешил Каллену уволиться по собственному желанию в обмен на “нейтральные рекомендации”, которые помогли ему найти новое место работы», – утверждает Сомерсет. Напротив, доказательства говорят о том, что «Святой Лука» принял заявление об увольнении Каллена и, в соответствии с политикой больницы, не предоставил никаких рекомендаций – положительных, отрицательных или каких-то еще – для него.

141

В целях лучшего изложения истории другая подруга Чарли из того же отделения не упомянута. Ее звали Донна Хардгрив, теперь Донна Скотти. Донна тоже дружила с Эми; вместе их называли «тремя мушкетерами». Некоторые истории, которые Эми изначально слышала о Чарли, дошли до нее через третьи руки – руки Донны. Донна не принимала никакого участия в расследовании и не знала о том, что Эми с ним связана.

Эми на тот момент было тридцать восемь лет; свое медицинское образование она получила в колледже святой Елизаветы в 1988 году.

143

14 января.

Так ее описывал сам Чарли; даже если он когда-то знал имя миссис Хэн, в декабре, когда его об этом допрашивали, он его уже не помнил.

Каждый пузырек был объемом в 2 $см^3$, содержал 0,5 мг; по словам доктора Шалин, миссис Хэн давали лишь 0,125 мг 12 июня и 0,125 мг 13 июня.

146

Анализ крови Гэлла показал низкий уровень протеина, который указывал на то, что его иммунная система не способна бороться с инфекцией (гипогаммаглобулинемия).

147

Гэлл умер в субботу, 28 июня. В полицейских отчетах сказано, что медбрат Марти Келли попросил встретиться с риск-менеджером Мэри Ланд, чтобы обсудить эту ситуацию утром в понедельник. На следующий день Ланд созвала собрание. В нем участвовали доктор Уильям Корс, директор по медицинским делам; Шэрон Холсуэйд, главный операционный директор; доктор Энтони Д'Агилло, заведующий отделением патологии; Кэти Падер из лаборатории; Стюарт Вигдор, директор фармацевтического отдела; Нэнси Доэрти, работница этого отдела; Мэриджо Гудмэн, дипломированная медсестра и директор отделения интенсивной терапии/кардиологии; Вэлери Смит, дипломированная медсестра и менеджер отделения интенсивной терапии; Дэрилин Пол, дипломированная медсестра из отделения интенсивной терапии, а также Линда Весчиа, дипломированная и сертифицированная медсестра из отдела по контролю за качеством и риск-менеджмента. Одной из нескольких мер, принятых на этой встрече, было проверить, кто получал доступ к дигоксину на «Пайксисе» в отделении интенсивной терапии в эти периоды времени. Фармацевтическому отделу была также поставлена задача помимо всего прочего узнать, какая доза дигоксина может вызвать его уровень в крови, равный девяти, который показали анализы Гэлла. Особое внимание уделялось пациентам номер три и четыре: миссис Хэн и преподобному Гэллу. Отчеты о работе «Пайксиса» были внимательно изучены в связи с тем, что этим пациентам назначали, а затем отменяли дигоксин.

148

Из расшифровки записанного звонка. Разговор был сокращен для удобства и ясности. Все звонки Медицинского центра Сомерсета в Центр токсикологического контроля штата Нью-Джерси были записаны последним, хотя сотрудники Сомерсета узнали об этом намного позднее.

149

Рак был директором по информированию о лекарствах и профессиональному образованию, а также имеет докторскую степень по клинической фармацевтике.

Судя по той хронологии, которая была предоставлена департаменту здравоохранения доктором Уильямом Корсом, Келли и Доэрти связались с Мэри Ланд по поводу этих пациентов 19 июня.

151

Из полицейских отчетов.

152

Из полицейских отчетов и интервью автора с доктором Маркусом.

153

Так и вышло: фамилия Вигдора значилась во всех гражданских исках против Медицинского центра Сомерсета, вместе с исполнительным директором Деннисом Миллером, а также Уильямом Корсом и Мэри Ланд.

Полицейские отчеты. Для этой конференции Медицинский центр Сомерсета собрал риск-менеджера Мэри Ланд, старшего вице-президента по медицинским вопросам доктора Уильяма Корса, менеджера по контролю качества Линду Вэшед, директора фармацевтического отделения Стюарта Вигдора и фармацевта Нэнси Доэрти. Центр токсикологического контроля штата Нью-Джерси представляли фармацевт Брюс Рак и его босс, доктор Стивен Маркус, опоздавший к началу звонка.

Законы штата обязывали больницы сообщать в департамент здравоохранения о любых инцидентах, произошедших в их стенах и угрожающих жизни и здоровью пациентов. Сообщать нужно было сразу после происшествия; больница не обязана была знать причину, чтобы сообщить об инциденте.

156

Показания свидетелей из полицейских отчетов и документы департамента здравоохранения.

157

Полицейские отчеты и отчеты департамента здравоохранения.

158

Отчеты полиции и интервью с доктором Маркусом.

159

Электронное письмо, отправленное в четверг, 10 июня 2003 года, и сохранившееся в полицейских документах, в одной части гласит:

«Я разговаривал с риск-менеджером больницы, директором фармацевтического отдела, главным операционным директором и главным медицинским директором. Они сказали мне, что не собираются никому сообщать об этих инцидентах, даже департаменту здравоохранения или полиции, пока не проведут собственное подробное расследование».

Судя по записям департамента здравоохранения и судебным документам, Эми Торнтон написала доктору Маркусу в декабре 2003 года:

«Я собиралась с вами связаться, но у нас тут полный бардак (как вы можете себе представить). То, что вы сообщили об этом мне и Эдди в июне, вероятно, поспособствовало тому, что вся эта ситуация получила огласку. Ваше умение заметить тенденцию и заставить больницу сосредоточиться на этой проблеме оказалось очень ценным. Очевидно, ваши инстинкты вас не подвели! Спасибо».

Судя по записям штата и судебным документам, доктор Бресниц написал доктору Маркусу письмо спустя два года после звонка:

«Забавно, что Сомерсет считает, будто правильно поступил, когда уведомил нас, хотя, очевидно, это вы заставили их это сделать, сказав, что сами сообщите, если этого не сделают они. Кстати говоря, не записывали ли вы наш с вами разговор и ваш разговор с Эми Торнтон? На случай, если СМИ будут интересоваться. Предполагаю, они захотят узнать, что именно департамент сделал для расследования тех летних смертей».

161

В 16:23 10 июля 2003 года, спустя несколько часов после того, как доктор Маркус позвонил в департамент здравоохранения и отправил им электронное письмо.

Этими пациентами были Джозеф П. Леман, у которого случилась необъяснимая гипогликемия 28 мая 2003 года, и Фрэнсис Кейн, с которым то же самое произошло 4 июня 2003 года.

163

Они наняли зарегистрированного медработника, который два дня опрашивал старших сотрудников и проверял аппараты, прежде чем составить отчет.

Внутренняя памятка для интервью (написанная 25 июля 2003 года и включенная в полицейские отчеты), составленная Флемингом, гласит, что он не опрашивал никого, кроме Каллена, и подозревал, что инциденты с передозировками в Сомерсете были связаны между собой, а также что больнице стоило подготовиться к возможному повторению подобных происшествий. Записи Флеминга также содержат описание противоречивых действий и информации.

«Мы с мисс Ланд обсудили несколько проблем и составили план дальнейшего расследования, – написал Флеминг. – Анализы крови, взятые у некоторых пациентов в отделении интенсивной терапии/кардиологии в последние несколько дней, будут проверены, а кровь, взятая у пациентов сейчас и в ближайшем будущем, будет сохранена. Вдобавок мы поговорим с медработниками, осуществлявшими уход за преподобным Гэллом 27 и 28 июня. Записи о выдаче препаратов будут проверены, чтобы узнать, был ли кому-то из этих трех пациентов выписан дигоксин, хотя в картах этого не указано. И кроме того, мисс Ланд вышлет мне медицинские карты Хэн и Морера». (Морер был еще одним неизвестным пациентом, который тоже, видимо, был частью расследования Флеминга.)

В предпоследнем абзаце памятки Флеминг предлагает Каллена в качестве человека, за которым необходимо установить наблюдение: «Мы пришли к выводу, что на данный момент нет ничего чрезмерно подозрительного (кроме записей и поведения мистера Каллена), что могло бы потребовать обращения к правоохранительным органам. Тем не менее все пациенты в отделении интенсивной терапии/кардиологии находятся под бдительным присмотром, а любой заказ на выдачу дигоксина считается подозрительным… Помимо всего прочего, в записях есть сведения о том, что несколько пузырьков дигоксина в прошлом месяце пропали».

165

Паскале Наполитано, убит 13 июля.

166

Доктор Макс Финк, глава отделения инсулиновой комы в больнице Хиллсайд в Глен-Оукс, Квинс, штат Нью-Йорк, с 1952 по 1958 год, описал некоторые эффекты инсулина для передачи American Experience на канале PBS.

Стадии комы:

0630–0715: предкоматозное состояние

Пациент постепенно погружается сначала в сон, а затем в кому. Существуют две формы комы, «влажная» и «сухая». Во «влажной» форме наблюдается обильная потливость, которая сопровождается мурашками на коже. Увеличивается слюноотделение, сестрам приходится убирать слюну марлевыми губками. В «сухой» форме кожа становится сухой и горячей, наблюдаются мышечные судороги в следующем порядке: лицо, руки, а затем ноги. Судороги обычно небольшие, но время от времени пациенты двигаются и дергают рукой или ногой. Время от времени начинаются сильные судороги.

167

Али Гетц и другие, «Очищая Родину» (Балтимор: издательство университета Джонса Хопкинса, 1994 год). Станция Айхберг была разработана, чтобы проводить эксперименты с намеренными передозировками; см. Генри Фридланд, «Происхождение нацистсткого геноцида» (Чапел-Хилл: издательство университета Северной Каролины, 1995 год), с. 131.

Детали этого жуткого происшествия, а также всех смертей пациентов взяты из полицейских отчетов.

23 сентября 2003 года.

170

Тим получил повышение в Эссексе в тот же день, когда умер его отец. Он не был уверен, это ли сказалось на его отношении к работе, но что-то поменялось в его осознании собственной роли в жизни.

171

Спустя пятнадцать лет, в январе 2010 года, следователи округа Эссекс наконец обнародовали свое знание о том, из какого пистолета убили Дюрьеа. Ньюаркская газета Star-Ledger написала: «44-летний Роберт Ривз использовал тот же револьвер 32-го калибра, который был замешан в убийстве Дюрьеа, чтобы всадить пять пуль в священника из Ньюарка. После вопроса о Ривзе Энтони Амброуз, главный следователь окружного прокурора, [подтвердил] в интервью, что к Ривзу есть вопросы по делу Дюрьеа». Филип Рид, «Новые детали в деле об убийстве бабушки из Глен-Риджа», Star-Ledger, 10 января 2010 года, http://www.nj.com/news/index.ssf/2010/01/new_details_emerge_in_1995_kil.html.

Деннис Миллер из Медицинского центра Сомерсета в тот день связался с офисом прокурора Уэйна Форреста.

Детали того, что делали детективы и как взаимодействовали с людьми в больнице, взяты из полицейских отчетов и дополнены личными интервью.

На самом деле департамент здравоохранения связался с офисом главного прокурора Нью-Джерси до того, как руководство Сомерсета связалось с офисом окружного прокурора.

Полная история того, как именно было доложено об этих инцидентах, немного запутанная и гласит, что своевременный процесс уведомления, расследования и принятия мер по поводу этих происшествий в Медицинском центре Сомерсета был замедлен или осложнен в нескольких точках, как в самом медицинском центре, так и в департаменте здравоохранения.

Департамент отправил человека по имени Эдвард Харбет, зарегистрированного медбрата и специалиста по жалобам из отдела аналитики систем здравоохранения. Он побывал в Сомерсете 11 и 14 июля, просмотрел записи пациентов, о которых шла речь, и выводы внутреннего расследования Сомерсета, опросил нескольких членов администрации. Харбет не смог найти ничего, что объяснило бы лабораторные анализы этих пациентов. Он пообещал администрации Сомерсета, что карты просмотрят его коллеги из департамента.

Председателем комиссии по здоровью и проблемам пожилого населения был тогда Клифф Лэйси. Судя по электронным письмам от Мэрилин Дал, инциденты в Сомерсете обсуждались с Лэйси после докладов Стивена Маркуса и руководства Сомерсета. «Основываясь на своем опыте работы с данными препаратами и работы в качестве главного медицинского директора в большой больнице, *председатель посчитал, что начинать подозревать преступную деятельность слишком рано. Я поднимала вопрос о том, чтобы получить направление к генеральному прокурору, но председатель отказался от этой идеи, – писала Дал. – Он смог представить несколько вероятных сценариев, которые могли бы привести к подобным последствиям и не включать преступную деятельность».* (Курсив мой. – Чарльз Грабер.)

Затем, 26 сентября 2003 года, некоторые сотрудники департамента здравоохранения всерьез озаботились тем, что происходило в Сомерсете.

Старший сотрудник департамента по имени Морин Ф. Миллер отправила электронное письмо Мэрилин Дал. «В то время как департамент знал о том, что произошли три подозрительных инцидента, и работал с администрацией Сомерсета, которая их расследовала, – писал Миллер, – Сомерсет сообщил сегодня о том, что месяц назад произошел четвертый инцидент», несмотря на то что их предупреждали о необходимости сообщать о новых

пациентах.

Дал была серьезно обеспокоена. Она сообщила, что встречалась с Элисон Гибсон, директором по инспекциям, сотрудничеству и жалобам департамента, а также с Эми Торнтон, работником комиссии по контролю за качеством учреждений сферы здравоохранения:

«Мы все пришли к выводу, что есть серьезные причины подозревать преступную деятельность. *Во всей этой истории пугает то, что Сомерсет уведомил нас о трех произошедших случаях, но предпочел прождать месяц, чтобы сообщить о четвертом. Мы считаем, что это по меньшей мере безответственно,* и хотели бы получить разрешение обратиться за советом в отдел по юридическим и регулятивным делам, чтобы получить направление к генеральному прокурору. (Курсив мой. – Чарльз Грабер.)

В тот день департамент здравоохранения обратился к генеральному прокурору с проблемой Сомерсета. Позднее, 26 сентября, Эми Торнтон написала мисс Миллер и всем остальным в департаменте, чтобы сообщить, что, «как я полагаю, в данный момент больница подозревает наличие преступной деятельности, так как они наняли частных детективов/юристов, чтобы расследовать эти происшествия». Спустя семь дней Медицинский центр Сомерсета связался с офисом окружного прокурора.

Сакс, Мэйтлин, Флеминг, Грин, Маротт и Маллен.

Разговор восстановлен по материалам расследования офиса окружного прокурора Сомерсета, а подробности встречи и информация, которую дала Ланд, добавлена из долгих интервью с детективом Болдуином.

177

Сомерсет не вызывал полицию после отравления шести пациентов – и вызвал спустя месяц после смерти того, кто не был отравлен.

Этот звонок был частью расследования в Истоне, в то время еще проводимого, но уже притормаживающего.

179

Информация об этом дне (8 октября 2003 года) взята из разных баз данных и учреждений, включая полицию штата Южная Каролина, департамент полиции Сомервилля, полицейский департамент Палмер-Тауншип, полицейский департамент Филлипсберга (Нью-Джерси) и комиссию по делам медработников штата Нью-Джерси.

Эти расследования были закончены в конце декабря 1991 года и ни к чему не пришли. Чарльз Каллен был уволен в первую неделю января 1992 года, и после этого передозировки инсулином прекратились. Медицинский центр св. Варнавы с тех пор утверждал, что эти факты не связаны между собой и что у руководства не было в то время причин подозревать, что Чарльз Каллен представляет опасность для пациентов.

181

Фрагменты этого расследования будут восстановлены после ареста Каллена.

Некоторые отчеты об инцидентах очень точно описывали почерк преступлений. К примеру, на Чарли писали докладные в связи с тем, что он несколько раз проверял уровень инсулина у пациента через нелогичные и неуместные промежутки времени, а также в связи с тем, что он оставлял после своей смены пациента с капельницей без ярлыка, которую ему не выписывали, вместо назначенного ему раствора хлорида калия.

После этого, когда супервайзер позвонил ему домой, Каллен казался безразличным и заявил, что, раз она там висела, значит это, вероятно, и был назначенный хлорид калия. Но это был не он, а что именно было в пакете для внутривенного вливания и была ли это одна из тех капельниц, в которую Каллен, как он позднее признается, ввел инсулин, мы никогда не узнаем. Судя по дисциплинарному протоколу из судебных документов, это был не единичный случай; отчет супервайзера от 14 марта 1991 года сообщал, что «Чарльз известен тем, что никак не реагирует на собственные ошибки».

183

Каллен заключил договор с медицинским центром услуг в середине своего пребывания в «Святом Варнаве», чтобы иметь больше возможностей относительно количества смен и количества отделений, где он мог бы работать. По этой причине в личном деле Каллена была информация только про последние два года из пяти; технически, он стал сотрудником другой организации.

На самом деле под «двойной медицинской ошибкой» понималось нечто более серьезное. Речь шла о ситуации, в которой Каллен: (1) удерживал препараты, которые были назначены пациенту; (2) вместо них повесил пакет без ярлыка, который он почему-то (3) отсоединил, чтобы его поставил следующий медработник. Это на самом деле тройная ошибка, и она не может быть представлена как простая неаккуратность. Реакция супервайзера это отражает.

Предполагалось, что пакет для внутривенного вливания содержал соляной раствор, но точно это неизвестно, а метод Каллена в то время заключался в том, что он вводил в такие пакеты инсулин, чтобы ухудшить состояние пациентов; часто он заметал следы, удостоверившись, что другие медработники ставят капельницу, в которую он ввел инсулин, когда его не было на месте.

185

Судя по расследованию департамента здравоохранения и материалам полицейского расследования, юристы Сомерсета подготовили график для «потенциального судебного процесса», по которому «сотрудник “Дринкер, Биддл и Риз” Пол Ниттоли (ПДН) был нанят для участия в расследовании аномальных лабораторных анализов с помощью частного детектива Рокко Э. Фушетто (РЭФ)».

186

Этот разговор восстановлен из заметок и воспоминаний детективов Брона и Болдуина и дополнен из полицейских отчетов. Единственная вольность, которую я позволил себе с высказываниями, зафиксированными в материалах расследования, – это использовать кавычки, чтобы сделать эту сцену ярче.

187

Бручак, Иган и их командир, капрал Джеральд Уолш, участвовали в брифинге, но Иган стал для Болдуина главным контактом.

История этого дела могла бы претендовать на отдельную книгу. Несколько фактов оттуда уже были упомянуты; рискну повториться, чтобы обеспечить прозрачность расследования, и упомяну их еще раз, в более обширном контексте и с бóльшим количеством подробностей. Нижеследующая информация взята из гражданских процессов пяти семей бывших пациентов «Святого Луки» против больницы. Больница возразила, что эти дела должны быть закрыты, потому что они превысили двухлетний срок исковой давности; судья округа Лихай Эдвард Д. Рейбман постановил, что они все еще релевантны. В конце концов больница св. Луки договорилась с семьями за пределами зала суда. И хотя детали договоренностей держатся в тайне, некоторые подробности можно почерпнуть из судебных материалов. (Прецедент: Верховный суд Пенсильвании, Крапф против больницы святого Луки, судья округа Лихай Эдвард Д. Рейбман, номера 2958 EDA 2009, 2959 EDA 2009, 2960 EDA 2009, 2961 EDA 2009, 2962 EDA 2009. Перед: Гантман, Шоган, Манди, Дж. Дж.) Большей частью проблемы, стоящей перед судьей, было выяснить, есть ли у больницы св. Луки причины полагать, что Каллен был вовлечен в смерти пациентов.

Юрист Пол Лафлин вспоминал, что он предлагал просмотреть карты пациентов, чтобы убедиться, был ли бромид векурония дан пациентам неправильно, что привело к нанесению пациентам вреда (Pl. Ex. VVV 40–44); однако на вопрос о том, что именно Лафлин выяснил в ходе расследования и к каким выводам пришел, четкого ответа нет. В свете этого показания различных свидетелей всерьез разнятся. Лафлин указал, что подозрение о том, что Каллен наносил пациентам вред, так и не было ему высказано. (См. там же, с. 127–135). Однако заметки по итогам интервью вместе с показаниями сестры Патриши Меделлин позволяют прийти к другому выводу.

В частности, сестра Меделлин утверждала, что познакомилась с Лафлином в ту ночь, когда он предъявил Каллену обвинения, и он сказал ей позвонить, если «у нее появятся новые соображения» (Pl.Ex. III, с. 72). После того как она узнала, что открытые пузырьки бромида векурония были найдены в мусорке, а другие медработники стали думать, что пациентам мог быть нанесен вред, она позвонила Лафлину 7 июня 2002 года или около того (Pl.Ex., с. 76–78). Она сообщила Лафлину, что самовольная выдача бромида векурония была связана с необъяснимым замедлением в сердцебиении пациентов, которое

приводило к остановкам сердца. (Там же, с. 79.) Она также сообщила Лафлину, что никому в отделении интенсивной терапии на тот момент не выписывали векуроний. (Там же.)

В ответ Лафлин сказал Меделлин, что «расследование окончено» и он «убежден, что Каллен не наносил никакого вреда пациентам». (Там же, с. 80.) Меделлин спросила у Лафлина, как он может быть в этом уверен, учитывая его признание, что он не сравнивал препараты, высланные фармацевтическим отделом, с теми, которые использовали в отношении пациентов, а также не связывал число остановок сердца со сменами Каллена. (Там же, с. 81–82.) Лафлин – предположительно – ответил, что, основываясь на своем восьмилетнем опыте работы прокурором в Филадельфии, он был «уверен», что Каллен «никому не вредил». (Там же.) Затем он еще раз сообщил Меделлин, что расследование «окончено и не подлежит дальнейшему пересмотру». (Там же, с. 82.)

Сестра Меделлин также говорила в своих показаниях, что озвучивала свою обеспокоенность супервайзерам, но ее подозрения были встречены такой же неодобрительной реакцией. (Там же, с. 96.) В частности, она утверждала, что после того, как Лафлин отказался реагировать на ее обеспокоенность, она говорила с Тельмой Мойер, медицинским координатором в «Святом Луке», и Эллен Амедео, менеджером кардиологического отделения больницы. Обе отказались принять меры и уведомили ее, что расследование окончено. (Там же.) Меделлин также заявила, что после разговора с Лафлином она составила список пациентов, умерших в отделении кардиологии, сравнила его со сменами Каллена и выяснила, что абсолютное большинство смертей произошло в его смены. (Там же, с. 91–93.) Однако из-за недоверия и «почти злости», выраженных медицинским координатором Мойер и менеджером отделения Амедео в отношении ее предыдущих просьб, она побоялась предоставлять им этот список из страха перед последствиями. (Там же, с. 97.) После возвращения из отпуска в июле 2002 года главный юрист больницы, Сеймур Трауб, дал распоряжение Лафлину подготовить отчет и постановил сотрудникам «Святого Луки» провести повторный пересмотр карт пациентов. (См. Pl. Ex. BBBB, с. 30.) Риск-менеджеру Рэйдер и менеджеру-супервайзеру по делам медработников Коллер поставили задачу заново просмотреть карты всех пациентов, умерших за выходные, в крови которых были найдены неподходящие препараты. (См. Pl. Ex. UUU, с. 21.) Однако супервайзер Коллер заявила в своих показаниях, что никогда раньше не просматривала карты пациентов и на самом деле не знала, зачем риск-менеджер Рэйдер

попросила ее это сделать. (Pl. Ex. AAAA, с. 46–50.) Со своей стороны Рэйдер заявила, что Лафлин тогда уведомил ее, что не мог найти «ни крупицы доказательств, что здесь была замешана преступная деятельность». (Pl. Ex. UUU, с. 114.) Риск-менеджер Рэйдер и супервайзер Коллер также не обнаружили никакой подозрительной выдачи векурония или необъяснимых смертей. (Pl. Ex. UUU, с. 138.) Так же и дополнительные меры, принятые главным юристом Траубом, не смогли помочь обнаружить доказательства, что Каллен замешан в смертях пациентов; после этого главный исполнительный директор больницы подытожил расследование, направив Каллена в комиссиию штата по делам медработников, что казалось уместным. (Pl. Ex. III.)

После того как окружной прокурор уведомил их, что дело передали правоохранительным органам, больница предприняла дополнительное расследование, включая пересмотр карт пациентов сторонним экспертом; это, однако, тоже не помогло доказать, что Каллен наносил пациентам вред. (См. Pl. Ex. NNN, с. 51–55, 125–127). Каллен в конце концов признался в убийстве, среди прочего, пяти пациентов «Святого Луки», о которых идет речь в этом деле. (См. Pl. Ex. B; Ex. C.) В общем, было установлено, что Каллен убил семь пациентов в больнице святого Луки.

189

Из материалов полицейского расследования и памятки прокурора округа Лихай Джеймса Б. Мартина от 9 сентября 2002 года.

При этом также присутствовали коронеры Закари Лайсек и Скотт Грим, а также капитан полиции округа Истон Джон Маззео, знакомый Меделлин, которому она впервые рассказала о своих подозрениях в отношении Каллена.

Хотя администрация больницы св. Луки сначала утверждала, что Каллен не причинял пациентам вред, а расследование окончено, спустя несколько недель у них поубавилось уверенности. 6 сентября, через два месяца после увольнения Каллена из «Святого Луки», президент больницы и главный исполнительный директор Ричард А. Андерсон наконец написал комиссии штата по делам медработников и уведомил их об инциденте с контейнером для острых предметов и обнаружении нескольких пустых пузырьков опасного препарата, а также о неиспользованных препаратах и о том, что после этой находки Каллен был уволен. В письме от Андерсона говорится: «На основании внутреннего расследования, проведенного руководством “Святого Луки”, можно утверждать, что препараты были неправильно выданы Чарльзу Каллену. Больница не знает, использовал ли мистер Каллен эти препараты и как или почему выбросил неиспользованные пузырьки с лекарствами. “Святой Лука” пересмотрел медицинские записи людей, умерших в отделении кардиологии за те выходные, когда были найдены препараты. Из записей нельзя сделать вывод, что смерти были неестественными. Однако возможность неправильного использования лекарств, найденных в контейнере для острых предметов, не может быть окончательно отвергнута».

«Святой Лука» был единственной больницей, которая доложила о действиях Каллена в комиссию штата по делам медработников. С тех пор больница заявляла, что ее решение так поступить не было связано с тем, что сестра Меделлин уведомила офис окружного прокурора о том же за четыре дня до этого и что руководство «Святого Луки» об этом не знало.

Всего допросили восемнадцать сотрудников больницы св. Луки.

193

Судя по полицейским отчетам, Тестер рано заметила цепочку смертей и даже подсчитала статистический рост смертности в кардиологическом отделении.

Тестер сообщила полиции штата Пенсильвания, что уведомила о своих наблюдениях «людей в отделении кардиологии», а также своих супервайзеров, но никто не понимал, что происходит.

195

Из документов, предоставленных полиции «Святым Лукой». Больница сама провела большое расследование, чтобы удостовериться в том, что Каллен никому не причинял вреда в стационаре, а количество смертей не выходило за пределы статистической нормы.

Из свидетельских показаний, взятых из материалов расследования. Другие медработники, включая Джуди Глесснер и Дарлу Бирс, также заявили, что подозревали Каллена в причинении вреда пациентам. (См. Pl. Ex. RR, с. 72–77; Ex. PPP, с. 72–73; также см. Ex. U, с. 2 [полицейский отчет, описывающий показания, данные Джерри Кимблом о его подозрениях в том, что Каллен давал пациентам неназначенные препараты]). Директор фармацевтического отдела Сьюзан Рид заявила, что помнит, как сказала Лафлину, что обнаружение пустых пузырьков от препаратов вызвало обеспокоенность относительно потенциального причинения вреда пациентам. (См. Pl. Ex. VV, с. 128–130.) Записи, которые Лафлин делал во время своей беседы с сестрой Меделлин, содержат несколько зашифрованных описаний, которые можно понять как отсылки к тому, что Каллен причинял пациентам вред, например: «связь смертей с Чарли» и «ост. серд. быстр.». (См. Pl. Ex. CCCC.) Показания вице-президента больницы по риск-менеджменту Гэри Гвидетти гласят, что Лафлин не извещал его о причинении пациентам вреда и никак не выражал подобную обеспокоенность другим членам высшего руководства (см. Pl. Ex. FFFF, с. 36–39).

197

Цитата Сьюзан Бартос, медсестры из «Святого Луки», вышедшей на пенсию из газеты Morning Call, 15 февраля 2004 года. («Предупреждения медсестры не смогли остановить цепочку смертей». Энн Влазелек и Мэтт Эссад; http://www.mcall.com/news/all-5nursesfeb15,0,4417146.story)

18 мая 2003 года.

Работая с полицией штата Пенсильвания, окружной прокурор нанял судебного патолога, доктора Исидора Михалакиса, который просмотрел семнадцать карт пациентов, отобранных «Святым Лукой» (Pl. Ex. MMMM, с. 18–35). Однако доктору Михалакису не предоставили список препаратов и контактов медработников или их высказываний о подозрениях насчет Каллена. (Там же.) Доктор Михалакис не смог прийти к выводу, что Каллен причинил кому-либо вред. (Там же, с. 50–55.)

200

Каллен убил Паскале Наполитано 13 июля – хотя тогда он не знал имени пациента.

201

Судя по отчету, предоставленному исполнительными директорами Сомерсета совету директоров 17 июля 2003 года, проверки больницы департаментом здравоохранения прошли 11 и 14 июля. Эдвард Харбет, зарегистрированный медбрат, специалист по жалобам отдела аналитики в сфере здравоохранения, посетил Сомерсет и подробно изучил истории болезней всех четырех пациентов, о которых было доложено, а также итог внутреннего расследования Сомерсета на тот момент, действия центра и документы о приеме на работу его сотрудников. Кроме того, Харбет встретился с руководством. Он не смог найти ничего, что объясняло бы лабораторные анализы, но его устроил тот объем внимания, который уделялся этим инцидентам больницей, и он не рекомендовал составлять дополнительные отчеты для внешних структур. Он пообещал, что копии карт и его отчет буду изучены сотрудниками его департамента. 14 июля два лабораторных эксперта департамента проверили лаборатории Сомерсета, изучив процедуры и оснащение, использованные для получения аномальных результатов, о которых шла речь. Никаких недостатков выявлено не было. Отчет исполнительных директоров гласил, что специалисты были «удовлетворены необходимыми шагами, которые предпринимались для выявления причины необъяснимых происшествий».

Сотни страниц материалов департамента здравоохранения и внутренних документов, включая электронные письма, в конце концов были предоставлены по полицейской повестке, но пролили немного света на происшествия в Медицинском центре Сомерсета. Во время расследования они не принесли особой пользы офису прокурора округа Сомерсет.

Куски записи сокращены по сравнению с оригиналом, но контекст старательно сохранен.

204

Стандартный полицейский термин, отсылающий к недавно убитому человеку, чей труп потенциально содержит большее количество следов преступления и улик, чем тело, найденное позже и подвергнувшееся воздействию времени и окружающей среды.

Ему на тот момент было за тридцать.

206

Детали разговора детектива Болдуина с Люсилль Гэлл взяты из материалов полицейского расследования.

207

Доктор Смит посчитал, что два дела из шести могли быть объяснены чем-то кроме внешних факторов, а потому не были столь подозрительны, как остальные четыре.

Джозеф П. Леман и Маккинли Крюс были теми двумя пациентами, чья смерть не казалась такой подозрительной.

209

Обстоятельства и причину смерти установит позднее токсиколог – доктор Джордж Ф. Джексон.

Судя по судебным отчетам и материалам полицейского расследования, Лафлин не углублялся в детали, когда позвонил в Истон, а только сказал им, что если они думают о том, чтобы снова нанять Чарли, то «не надо». Это слово было написано в кавычках на обороте личного дела Чарли в Истоне, которое полиция получила во время расследования.

По совпадению, это была наилучшая ситуация для того, чтобы ограничить ответственность Сомерсета в этом деле.

Сомерсет не мог уволить Каллена просто так. Если бы причина заключалась в том, что он убил пациентов, то медицинский центр должен был бы понести ответственность за эти убийства. Однако директива от окружного прокурора не была подтверждением их подозрений. В таком случае они просто пошли на сотрудничество с властями, у которых были свои подозрения.

Вместо этого Каллена уволили: детективы провели расследование, обнаружили сомнительную профессиональную историю Чарльза и посоветовали Сомерсету его уволить. Если бы им не удалось доказать, что Каллен действительно убил тех пациентов, то Сомерсет не мог бы стать объектом гражданского иска.

212

Из интервью с детективом Болдуином и документов офиса прокурора округа Сомерсет.

213

Из записей Тима Брона.

Так происходило во многих больницах, с которыми они имели дело, и это ставило детективов в тупик. Во время разговора детектива Болдуина с Бетти Гиллиан, вице-президентом больницы св. Варнавы (и бывшим супервайзером Каллена – женщиной, которая уволила его за «медицинские ошибки» и помнила его как объект внутреннего расследования по делу о капельницах, в которые вводили инсулин), 14 ноября 2003 года она вспоминала, что сотрудники «Святого Варнавы» были расстроены тем, что Каллена обвинили в манипуляциях с капельницами, потому что «им нравилось, что он всегда был полезен».

215

Полицейские отчеты и интервью с детективами.

21 ноября 2003 года.

217

Материалы полицейского расследования и интервью с Эми Лофрен и детективом Болдуином.

218

Эта яркая деталь взята из рассказа Эми во время одного из интервью с автором.

219

Материалы полицейского расследования и интервью с Лофрен, Болдуином и Броном.

Эми подозревала, что что-то не так, еще раньше, когда ее попросили подписать протокол и взять ответственность за инсулин, который она физически не могла проверить.

221

Информация из этого абзаца взята из интервью с Эми и ее дневников.

222

После ареста Каллена компания «Пайксис» наладила безопасность своей системы выдачи.

223

После обнаружения того, что делал Чарльз Каллен, лазейка в системе «Пайксис» была закрыта производителем.

Статус кода указывает, нужно ли принимать какие-то меры для того, чтобы попытаться реанимировать пациента, если у него остановится сердце, и какие меры допускаются, а какие – нет. Это решение принимает либо сам пациент, либо его семья.

Каллен использовал заказы ацетаминофрена как средство получить доступ к препаратам, с помощью которых убивал пациентов. В то же время публичные записи отражали лишь легитмные заказы на ацетаминофрен. Судя по полицейским отчетам, Люсилль Гэлл, сестра преподобного Гэлла, вспомнила в беседе с детективами серьезный спор, который у нее произошел с медбратом; судя по всему, он любил этот препарат, хотя действие его было не таким сильным. Чарльз Каллен мог легко заявить, что остальные заказы на тайленол тоже были настоящими; ничто из того, что расследование окружного прокурора выявило, не могло доказать обратное.

Это был капитан из офиса окружного прокурора Энди Хиссим.

Бенадрил и ибупрофен. Хотя бенадрил – это препарат, в использовании которого на детях обвиняет Каллена его бывшая жена Эдриэнн, сам Чарли эти обвинения твердо отрицает.

Материалы и цитаты взяты из записей детектива Брона, которые он делал во время этих звонков.

229

Тим отправил им заполненный опросник, но получить консультацию до того, как они его похитили, он не успел.

После ареста Каллена детективам выпала честь поговорить со знаменитым судебным экспертом доктором Генри Ли о сложностях, возникавших в деле. Мнение доктора Ли о медицинских серийных убийцах содержится в статье Los Angeles Times от 29 апреля 2002 года:

«Вам необходимо найти жертв после того, как их похоронят, – сказал он, – вам нужно их откопать. Непросто будет и найти следы препарата в организме. Следующая проблема – связать это все с подозреваемым. Почему он. Где доказательства? Готовьтесь проигрывать».

Несмотря на то, что Чарли был объектом расследования подозрительных смертей во всех трех больницах. Неясно, звонили ли им из Монтгомери, чтобы проверить рекомендации.

232

Из полицейских отчетов.

233

Каллен не мог читать без очков. Тот факт, надевал ли он очки или нет в определенную ночь, мог определить, кому из пациентов достался смертельный коктейль.

Каллен перепутал название газеты; она называлась Newark Star-Ledger, репортера звали Рик Хепп.

235

Эми помнит, что Чарли Каллен сказал ей, что первой в медцентре св. Варнавы он убил молодую женщину.

Каллена так и не осудили за смерть этой пациентки.

Гораздо более вероятным кажется то, что у Каллена просто выкупили его контракт и заплатили за месяцы больничного, которые он провел в различных психиатрических учреждениях, пока числился в штате больницы, – набралось на сумму около 18 000 долларов. Чарльз Каллен на следующий год подал заявление о признании его банкротом, утверждая, что у него около 68 000 долларов долга; то, что выплата от Уоррена была дополнением к его основной зарплате, возможно, но не очень вероятно.

На самом деле после всех слухов и визита полиции Кэти поверила, что Чарли собирается сбежать с Эми в Мексику.

В отчете Болдуина указано, что это продолжалось шесть часов; Каллена оформили к 18:00, а допрос продолжался до 3 часов ночи.

240

Кабинет капитана Ника Магоса.

Иски самих больниц предполагали, что вина лежит на той больнице, которая ранее нанимала Чарльза Каллена и затем позволяла ему продолжать деятельность. Один из самых больших конфликтов разгорелся между больницей святого Луки и Медицинским центром Сомерсета. Адвокаты Сомерсета утверждали, что «Святой Лука» должен был понести ответственность за любые иски, предъявленные семьями Сомерсету. Как уже было отмечено ранее, судья Гарруто из Верховного суда Нью-Джерси принял сторону Сомерсета без того, чтобы взвесить тяжесть дел. Тот факт, что руководство «Святого Луки» позвонило в другие больницы, был определяющим в решении судьи возложить на них ответственность за эти иски. Сделав те звонки и предупредив некоторые больницы не нанимать Каллена, но не предупредив другие, они, по мнению судьи Гарруто, «решали, кто будет жить, а кто умрет».

242

Неблагоприятный инцидент – это тот, который заканчивается смертью, потерей части тела, инвалидностью или потерей функции тела, длящейся больше семи дней или все еще потерянной на момент уведомления, и который можно было предотвратить или не допустить, но который произошел из-за ошибки или другой системной проблемы [NJSA 26:2H-12.25 (a)].